

Иса КАПАЕВ

Опыт мифологического словаря

НОГАЙСКИЕ МИФЫ
легенды и поверья

Иса Канаев

НОГАЙСКИЕ МИФЫ, ЛЕГЕНДЫ И ПОВЕРЬЯ

Опыт мифологического словаря

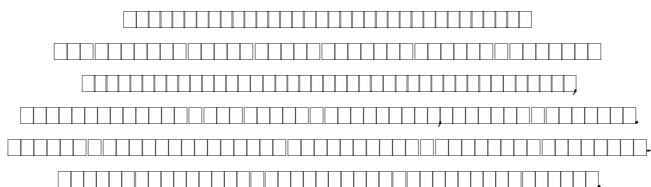
МОСКВА
«Голос-Пресс»

2012

84 (2Рос-Ног)6
К 298

Оформление и компьютерный дизайн
А. Я. Алимова

От автора

Данная книга, возможно, станет первой по изучению ногайской мифологии. До нее были отдельные статьи, посвященные некоторым мифологическим проблемам. Среди них можно выделить труды Ашима Сикалиева о ногайском песенном фольклоре, исследования по ногайской этнографии Рамазана Керейтова, работы Ахмеда Ярлыкапова по религиозным верованиям, а также фундаментальный труд исследовательницы Сакинат Гаджиевой о ногайской обрядности. В работах перечисленных авторов не ставилась задача систематизировать мифологический материал и не выявлялось научное основание для такой систематизации. В данной книге собрано около двухсот мифологических терминов, словарные статьи о них в большинстве случаев иллюстрируются фольклорным материалом: песенными текстами, легендами, преданиями, поверьями. Эта иллюстрация была необходима не только для показа мифологического мышления. Дело в том, что ногайский фольклор издан лишь частично, а человеку, читающему только на русском языке, он и вовсе неизвестен.

Для выявления истоков мифологии определяющую роль сыграли труды известных тюркологов. Особенно надо отметить исследования казахских ученых: Е. Турсынова, З. Наурызбаевой, С. Кондыбая. Большое внимание привлекает к себе работа Серикбола Кондыбая, которую отличает новое, современное отношение к тюркской мифологии. У ногайцев с казахами общие исторические и этнические корни, почти целиком совпадают древние эпические песни и сказочный фольклор. Около тридцати рассматриваемых Серикболом Кондыбаем терминов, основополагающих для общей мифологии, вошли и в данную книгу. Необходимо отметить, что использование этих терминов не было копированием или сплошным цитированием статей из книги С. Кондыбая «Казахская мифология. Краткий мифологический словарь»; в них были выявлены новые характеристики и внесены дополнения и корректировки в свете ногайских источников.

Из-за недостаточной изученности самой истории древних тюрков возникли определенные трудности при выявлении этапов развития мифотворчества. Поэтому за основу данного исследования взята концепция С. Кондыбая, в которой он предлагает такие этапы развития мифотворчества: «Первый – прототюркский. С конца неолита и энеолита до 1–3 веков н. э. Второй – собственно тюркский. С 1–3 веков н. э. до 14–15 веков н. э. Третий – собственно казахский. После 15 века по сей день». Для ногайской мифологии третий этап – это собственно ногайский, когда наши народы исторически разделились (середина 17 века) и каждый стал развиваться своим путем. Хотя надо сказать, что третий этап мифотворчества проходил весьма своеобразно. Сами казахские ученые про-

межуток с 15 по 17 век часто называют ногайлинским периодом своей истории. Это особенно заметно в эпическом творчестве казахов. В казахском песенном фольклоре отчетливо видно, что мифологизированы все выдающиеся представители ногайского народа, почитаемые самими ногайцами. Такие исторические личности, как Эдиге (14 в.), Нурадин (15 в.), Мусабий (16 в.), Сидак (16 в.), Орак (16 в.), Мамай (16 в.), Казый (16 в.) и Карасай (16 в.), Иштерек (17 в.), Орманбет (17 в.), Адиль-Солтан (17 в.) и другие, в эпических песнях казахов стали мифическими персонажами. Выдающийся тюрколог академик В. М. Жирмунский в книге «Тюркский героический эпос» так писал об этом периоде: «Век ногайцев это как бы героическая предыстория казахского народа, как век огузов, Салор-Казана и Коркута для туркмен и азербайджанцев; ногайские богатыри – это героические предки казахов, принадлежащие к роду «ногайлы» (28, 515). Эту очевидность невозможно не замечать. То же самое можно сказать о средневековом песенном фольклоре каракалпаков и крымских татар. Ногайские богатыри некогда исторически проживали в ареале обитания этих народов, и поэтому, после исчезновения из этого ареала и частичной ассимиляции оставшегося ногайского населения, в их эпических песнях они стали подобны нартам, представленным в кавказском песенном творчестве.

Предания, собранные в книге, продолжают традицию мифотворчества древних тюрков. На некоторых примерах это видно особенно наглядно. С общетюркскими мифами перекликаются предания и легенды о возникновении вселенной, земли, светил, звезд, календаря, об установлении определенных социальных институтов. Но у ногайцев сохранились и самобытные тотемистические предания, первозданные этиологические мифы, объясняющие происхождение различных природных и культурных объектов.

Нам хорошо известно, что в древности мифы являлись основным способом познания мира. Немецкий философ Ф. Ницше писал: «Без мифа всякая культура теряет свой здоровый творческий характер природной силы: лишь обособленный мифами горизонт замыкает целое культурное движение в некое законченное целое». Хотелось бы эту цитату использовать эпиграфом ко всей книге, но у нас всего лишь опыт написания ногайской мифологии. Искушенный русскоязычный читатель, несколько веков обогащавший свои знания египетскими, античными, скандинавскими, иранскими, индийскими мифами, найдет в этой книге божественных героев, родственных Осирису, Гераклу, Прометею, Одину, Яме, Сиявшу, Аруну, познакомится с оригинальными персонажами ногайского мифотворчества. До сих пор ногайские мифы и их герои не попали в фундаментальные издания всемирных антологий и мифологических словарей. Такой пробел порождает в душах моих соотечественников чувство возмущения. И мне хотелось заполнить этот пробел. В книге книг Библии сказано: «И последние станут первыми». Хочется думать, что в недалеком будущем ногайские предания и легенды станут доступны широкому кругу читателей.

АБА — ПРАРОДИТЕЛЬНИЦА

Словом *аба* ногайцы называют старшую в семье женщину, бабушку, прародительницу. Производные от этого слова — *абай, апай, ава, авай, ана, аби*. «Отец истории» Геродот упоминает, что у скифов одна из высших богинь, которая соответствовала греческой богине Земли Гее, носила имя Апи. У ногайцев бытует и мужское имя Апи. У родственных ногайцам казахов имя Абай носит выдающийся поэт 19-20 веков Кунанбаев. Абба, авве на еврейском языке означает отец. Тюрки христиане, в частности предки одного многочисленного ногайского рода керейтов, принявшие христианство в раннем средневековье, свои молитвы начинали со слов «Абай-Бабай». Так они обращались к Всевышнему.

Имя скифской богини Апи созвучно с ласкательным обращением ногайцев к бабушке — *аби*. В связи со скифской богиней у ногайцев есть еще одно схождение, ногайцы повитуху называют *эбия*. Саха-якуты (также тюркский народ) небесную повитуху именовали Айысыт, ногайское женское имя Айсе — сокращенное имя небесной повитухи. Но и название *эбия* у ногайцев закреплено за этой мифической фигурой.

Этимология слов *аба, абай* восходит к другому якутскому персонажу абасы, аббауы. Первоначально в древнетюркской мифологии аба, абасы были созидателями растений и животных, но с веками произошла трансформация и они сохранили только отрицательные качества, стали демонами. Якуты этим именем называют злых духов Верхнего, Среднего и Нижнего миров. Абасы, воевавшие с добрыми духами *айы*, имели облик людей-великанов, питались человечески душами и душами животных. Возможно, что якутские абасы имеют отношение к распростра-

ненным среди тюркских народов существам *албаслы*, представлявшимся в облике женщины-великанши.

В поисках сходства мифологических функций талантливый казахский исследователь Серикбол Кондыбай («Казахская мифология», Алматы, 2005 г.) выходит на мифический народ гиперборейцев, описанных Геродотом. Согласно древнегреческим представлениям, выходец из гипербореев Абарис, владея древними знаниями своего народа, передавал грекам некие эзотерические ценности. В этом же исследовании С. Кондыбай указывает на более древний аналог абасы в шумеро-аккадской мифологии. Эти существа назывались абгали или апкаллы, они обитали в водах мирового океана и многое привнесли в культуру и искусство древних шумеров. Апкаллы считались также первыми строителями городов Месопотамии. Исследования казахского ученого очень интересны, и он не единственный занят поисками в этом направлении. Прежде всего надо назвать работы по изучению прототюркского языка Олжаса Сулейменова. В фундаментальных трудах «Язык письма», «Тюрки в доистории» крупнейший ученый нашего времени находит общие праформы прототюркского языка в древнейших языках мира.

Бабушку, прародительницу ногайцы также называют словом *ае*. В главе «Ае» будут представлены версии мифологических представлений ногайцев о прародительнице первого поколения антропоморфных существ. В ногайских мифах часто упоминается небесная старуха: то ее лик в полнолуние высвечивается на диске луны, то она развешивает свой пояс в виде радуги, то создает гром, когда бьет наполненными бурдюками. В преданиях ее называют просто старуха — *куртка*. В ногайских сказках часто встречается старуха, летающая землю; в некоторых случаях она превращается в чудовище елмауыз. Возможно, что небесная и земная старухи — один и тот же мифологический персонаж, однако четких подтверждений тому в фольклоре нет.

АГАШ АНГАЛАК — ЛЕСНАЯ ОХОТНИЦА

Агаш ангалак (букв. перевод с ногайского лесная охотница) — демоническое существо, встречающееся путникам и охотникам в лесу. Встреча с агаш ангалак не су-

лит ничего хорошего, ее надо избегать, делать вид, что ее не видишь. Иначе она может заманить в глубину леса и погубить. Агаш ангалак одевается как женщина и почти ничем не отличается от нее. Может войти в любовную связь с человеком. Однако очень боится, что выдаст себя. Человек не должен заглянуть ей подмышки, через которые видны внутренности. В одном из вариантов ногайского героического эпоса легендарный основатель Ногайской Орды Эдиге рожден от агаш ангалак.

Рождение Эдиге

Отрывок из эпической песни

В стародавние времена земель ногайцев правил могущественный хан Токтамыс. Ханство его было огромное, войско сильное, в городах развивались ремесла, шла оживленная торговля, на бескрайних пастбищах ханства паслись тучные стада верблюдиц и несметные табуны породистых лошадей. Но не только богатством был славен Токтамыс-хан. Он часто устраивал соколиную охоту, на которую приглашал окрестных правителей. Не было равных его соколам, когда эти ловчие птицы охотились на дичь. Хромой Шах-Тимур давно мечтал завладеть потомством соколов Токтамыс-хана. Он послал своих людей к Кутлы-Кая, сокольничему хана. Кутлы-Кая исполнил просьбу Шах-Тимура и тайно передал ему соколиные яйца.

Вот вышли оба хана на охоту. Молодой сокол Шах-Тимура оказался более сноровистым, быстрее брал добычу, чем сокол Токтамыс-хана. После окончания охоты в сердце Токтамыс-хана закралось сомнение в честности сокольничего Кутлы-Кая. Возненавидел его хан и приказал прогнать из ханства.

Кутлы-Кая, опасаясь гнева правителя, ушел в глухие леса. Так он и жил один, пока не повстречался с агаш ангалак — лесной женщиной.

Кутлы-Кая решил жениться на ней. Агаш ангалак согласилась жить с ним, но предупредила: «Ты

никогда не должен смотреть на мои ребра». Кутлы-Кая поклялся ей в этом.

Однажды, когда женщина купалась, взгляд Кутлы-Кая нечаянно упал на ее ребра. И увидел он над ребрами прозрачное отверстие, сквозь которое были видны внутренности женщины. Агаш ангалак поймала его взгляд и вскричала: «Э-э, сын человеческий, не сумел ты сдержать данную клятву. Я не смогу теперь жить с тобой, а ты со мной. Оставайся с добром и спасибо тебе за все. Но скоро родится у меня твой сын, я принесу и положу его на твоём пути!» С этими словами она взвилась над землей и исчезла.

Много дней прошло с тех пор, как покинул Кутлы-Кая владения Токтамыс-хана. «Может, хан забыл обо мне...» — подумал как-то сокольник и решил вернуться к людям. Поселился он в одном из дальних аулов.

По весне жители аула вышли в поле на праздник первой борозды. Они пели и веселились, просили у Тангри щедрого урожая. В самый разгар веселья люди увидели что-то такое, от чего бросились бежать с криками ужаса. Кутлы-Кая узнал агаш ангалак и остался. Она подошла, положила перед ним на землю узелок и, промолвив слово «Эдиге», исчезла. Не удивился Кутлы-Кая, помня о ее словах, взял в руки узелок и увидел в нем новорожденного ребенка. Это был его сын. Обрадованный, вернулся Кутлы-Кая в аул. Но недолгой была его радость: кормить ребенка было некому. Маленький сын плакал, и Кутлы-Кая загоревал, не зная, как быть. Полагаясь на волю Всевышнего, он уже хотел оставить ребенка возле кургана, чтобы кто-нибудь его подобрал. Положив младенца на землю, он сел на вершину кургана, и, не торопясь уходить, окунулся в печальные размышления. Однако через некоторое время он пришел в себя от того, что ребенок перестал плакать. Оглянувшись в сторону, где лежал младенец, Кутлы-Кая был поражен увиденным. Оценившаяся недавно собака подставляла соски, и ребенок с упоением пил молоко. Собака и потом кормила ребенка, и он стал быстро расти и крепнуть...

АГАШ КИСИ — ЛЕСНОЙ ЧЕЛОВЕК

Агаш киси в переводе с ногайского буквально означает лесной человек. Это очень распространенное мифологическое существо, встречающееся в лесу. Агаш киси и в самом деле всем своим видом походит на человека, только в груди у него — вросший топор с наточенным лезвием. В ночное время он встречается в лесу одиноким путником и охотникам и считается владыкой леса. Аналогом агаш киси является *арнаут*, у которого острое лезвие топора — вместо носа. Упоминание об арнаути содержится в ногайской богатырской песне «Копланлы». Предание, публикуемое ниже, взято из архива ногайского писателя Суюна Капаева.

Встреча с агаш киси

Как-то вечером охотник, чтобы заночевать в лесу, развел огонь, пожарил дичь. Когда стал есть, к нему подошел мужчина и сел рядом. Охотник угостил его своей едой. Гость поел, ничего не говоря и молча глядя в глаза охотника. Охотник тоже молчал. Затем гость ушел. Однако охотник догадался, кто был у него в гостях, поэтому он придвинул к костру бревно и накрыл его буркой, а сам взобрался на дерево. Ночью, когда пламя костра погасло, агаш киси вернулся. Он подошел к бревну, укрытому буркой, и кинулся на него всем своим телом. Лезвие его топора вонзилось в бревно. Тогда охотник спрыгнул с дерева и, прицелившись, выстрелил в существо из ружья. Раненый агаш киси вместе с бревном убежал в лес.

АЖИ ЙОЛ — МЛЕЧНЫЙ ПУТЬ

Название *Аджи йол* состоит из слов *ажи* — человек, совершивший хадж, и *йол* — путь. Так ногайцы называют Млечный Путь, понимая под этим словосочетанием дорогу паломников, дорогу, ведущую в Мекку. Но у ногай-

цев есть и другие названия звездной дороги. В одних преданиях она называется *Ку-йолы* (Дорога Лебедя), в других — *Кус-йолы* (Дорога Птиц). Так Млечный Путь именуют некоторые тюркские народы, в том числе близкие ногайцам казахи и каракалпаки. У ногайцев есть предание о том, что этот путь получился из пуха и перьев космической лебеди. А Дорогой Птиц этот путь назван из-за того, что перелетные птицы в этом направлении летели с севера на юг.

Глядя на ночное небо, ногайцы видят полосу густого кремово-белого света, похожего на роящийся пух лебеди. Каждый народ имел свое представление об этой звездной дороге. Так, одни (индейцы племени юма) считали светящуюся звездную дорогу Следом Антилопы, другие (индейцы племени помо) — Лапой Медведя, голландцы называли ее Улицей мадам Хильды, венгры — Соломенной Дорогой, китайцы — Небесной Рекой. Греки и римляне в густой белой полосе видели разлитое молоко. Считалось, что это молоко богини Геры, жены верховного бога древних греков Зевса. У Зевса было много детей, груди Геры всегда были полны молока, и часть его проливалась по небу. От этого распространенное в Европе название Млечный Путь.

Иногда нам, землянам, кажется, будто Млечный Путь медленно течет и перекачивается единой лентой. Поэтому древним тюркам он представлялся и в виде исполинской движущейся небесной змеи. В связи с ногайским названием Ажи йол мы, как представляется, имеем случайное фонетическое совпадение двух слов: ажи (мусульманский паломник) и имя прародительницы тюрков *аже*, *ае*. По мнению некоторых тюркских ученых (С. Кондыбай), имя прародительницы тюрков было связано с названием драконообразной змеи. Поэтому первоначально Млечный Путь предки ногайцев называли Аже Йол — Дорогой Прародительницы (см. главу «Ае»).

АЗАЗИЛ

Азазил — так в некоторых сказках зовут демоническую старуху. Имя Азазил означает Демон. Наименование Азазель встречается в некоторых семитских легендах. Там Азазель — традиционное имя беса, демона. В ногайские мифы имя Азазил попало через мусульманскую религию.

АЗИ — ЗНАК НЕБА

Ази — божество природы, знак Неба. Оно сохранилось в ногайском языке в слове бердази, которое состоит из двух слов: *берди* и *аьзи* (дало ази). Слово бердази связано с ногайским календарем, так называют несколько предновогодних дней. Новый год Науруз по ногайскому календарю приходит с 21 на 22 марта, а за три дня до этого начинается бердази. Это дни непостоянства, сумятицы, неопределенности. Люди, оказавшиеся одни в степи, даже слышат гул с неба, который и называется *аьзи*. *Аьзи* — это умирающее и воскрешающееся божество природы. Когда начинается бердази, ногайцы говорят:

*Анда бол да, мунда бол,
Бердазиде уьйде бол.
(Ты можешь быть везде,
Но в бердази будь дома.)*

В связи с бердази у ногайцев сохранилась оригинальная легенда, которая приведена дальше, в главе «Бердази».

АЗДАГА — ДРАКОН

Аздага, айдаха, аждаха — это название крылатого змея, дракона. В бытность большого ногайского государства у ногайцев были разные говоры: и жокающие, и ёкающие, и зокающие. Поэтому в фольклоре сохранились образцы всех трех говоров: аздага, айдаха, аждага. Это довольно распространенное в ногайском фольклоре демоническое существо. В литературном языке общепринято название *аздага*. Ногайский крылатый змей имеет много общего с подобными существами в фольклоре других народов. Наиболее близким к ногайскому аздага является одноименный образ в казахском и каракалпакском фольклоре. Аздага обитает в пещерах, под землей, под водой и на небе, то есть, там, где не живут люди. Порой он имеет несколько голов и изрыгает огонь. Душа мифического дракона может находиться вне тела, в птице или в яйце птицы. В одних сказках аздага выступает в образе тучи, которая похищает лошадей, девушек; живя на небе, пытается проглотить луну и принести несчастье всему чело-

вечеству. По многим повадкам это хищный зверь, который может летать и может обитать в воде. Такая характеристика крылатого змея подчеркивает его принадлежность ко всем трем мирам: верхнему, земному и нижнему.

Вполне вероятно, что сказочный образ аздаги пришел вместе с иранской мифологией. Находясь в лоне мусульманства более тысячи лет, тюрки тесно общались с народами, принявшими ислам. Особенно с арабами и иранцами. Прежде всего, это видно на сказочном образе аздаги, в котором откровенно фигурируют отрицательные качества, характерные для иранской мифологии. Но в ногайском, как и в казахском фольклоре, сохранились более древние характеристики. В ногайских сказках очень часто образы аздаги и змея, имеющие одинаковую природную сущность, взаимозаменяемы. В ногайском эпосе у многих героев (в частности у Шора-Батыра) змея является перисте (хранителем богатырской силы). На гербе города Казани, с которым тесно связана ногайская история, красовалось изображение змеи. Довольно широко распространен сюжет с горящим в огне змеем, который просит пощады у человека, а затем, спасенный, превратившись в доброго молодца, приносит пользу людям. Талантливый казахский исследователь Серикбол Кондыбай по этому поводу пишет следующее: «Култ змеи или дракона-айдахара — один из фундаментальных показателей прототюркской мифологии. Прототюрки, как и эламиты и дравиды доарийских времен, почитали змея, считали его первопродком, богиней, матерью. Они называли его ажи (ахи, на казахском аже, ажа) — бабушка, праматерь. Облик праматери или бабушки был змееподобным.» Ученый реконструирует образ мифического аздаги, айдахара с помощью лингвистических данных. «Индоиранцы, — пишет Серикбол Кондыбай, — вообще индоевропейцы, в отличие от прототюрков, не почитали змея, поэтому, когда пришли в казахские степи (Великую степь — И. К.), они восприняли слова ажи, ахи не как «прабабушка», а просто по внешнему облику (ведь ажи была в облике дракона или змея) как змей. Это слово заимствовано индоиранцами из прототюркского языка как обозначение змея, а этимология слова дахака восходит к прототюркской праформе *Tī — (ta-) жизнь, жизнеутверждающий; дахака — дахак — даак — дах (тас, таз, тан, тай) — первосущество (ср. казахск. тайлак, тай, тайынша, тайман, где слово «тай» означает

молодое существо; см. статью Тазша). Поэтому без сомнения можно утверждать, что Ажи-Дахака в иранской, Ахи-Будхъя — в индийской, Эхидна — в греческой и даже Нидхегг — в германо-скандинавской мифологиях по языковому, по образному происхождению являются прототюркскими» (14, 45).

В этом случае можно поставить под сомнение доказательную базу этимологии слова *дахака*. Вызывает вопросы, почему казахский ученый не взял за основу тюркские слова: *так* (престол), *така* (череп, основа, сущее)?

АЕ — БАБУШКА

Слово *ае* означает бабушка. Так обращаются к старшей в роду женщине, иногда — к матери. Казахи и каракалпаки употребляют это слово в жокающем варианте — *аже*.

Однако первоначально, говоря *ае*, *аже*, подразумевали прародительницу всего живущего во вселенной. Иначе ее также называли *куртка*, *аби*, *абай*, *эбия*. Прародительница имела и такие иносказательные прозвища, как Орай, Оран-Телегей, Ормеган (см. главу «Йылан»). Имеющее змеиное обличие существо *топана* также причастно к имени прародительницы (смотрите главу «Топана»). Ногайцы называют радугу *курткашык* (старухи роса), в данном случае под старухой подразумевается прародительница. Сохранились некоторые сведения о старухе, живущей на небе: то она развешивает свой пояс (радугу), то ворочает наполненные кожаные мешки, создавая гром. В ногайском фольклоре встречается старуха, латающая трещины земли (*ерди ямап юрген куртка*), приближаясь к ней, она предстает в облике аздаги или елмауыза — это тоже отголоски образа прародительницы. Получается, что образ этот отнюдь не однозначный. В облике аздаги, елмауыза, змей он устрашающий, отрицательный. Но в качестве создательницы живого она была почитаема древними людьми. Четких представлений о прародительнице в ногайском фольклоре не сохранилось. Совсем не ясны ее функции, взаимоотношения с другими богами.

В главе «Ажи йол» говорилось о том, что первоначально предки ногайцев называли Млечный Путь Дорогой Прародительницы. Космическое *ази* тоже имеет отношение к *аже*, *ае* — прародительнице. Это она подает людям знак о наступлении весны.

Древние скифы богиню Земли называли Апи, что лингвистически очень близко к общетюркскому *аби* (бабушка) и ногайскому *эбия* (повитуха). Геродот в своем знаменитом сочинении «История» поведал два предания о происхождении скифов. Одно из них было записано со слов скифов, долгое время живших рядом с причерноморскими эллинами. В поисках коней Гериона в стране Гилея Геракл встретил в пещере змееподобное существо, имевшего до пояса женское, а ниже пояса змеиное обличье. Чтобы вернуть коней, Геракл вступил в любовную связь с этим существом, от чего у него родились трое сыновей: Агафирс, Гелон и Скиф (см. главу «Ногайский Геракл»). Это предание замечательно тем, что прародительница предстает в нем змееподобным существом.

В местах проживания половцев часто среди археологических находок попадаются медальоны с изображением женщины с ногами-змеями.

Во время тяжелых родов ногайские эбия клали на живот роженицы для облегчения мук отпавшую змеиную шкурку. Видимо, это делалось в память о прародительнице.

АЙ — ЛУНА

Словом *ай* все тюрки называют луну. В соответствии с тюркской мифологией светила и звезды созданы небесным богом Тангри (см. главу «Куьн»). Ногайцы луну почитали, это светило было для них божественным. Считалось, что у луны есть хозяин, повелитель *Ай-иеси*.

Любовь ногайцев к ночному светилу проявилась в антропонимике. В народе были очень любимы такие мужские имена, как Айбек (Князь луны), Айтек (Равный луне), Айсолтан (Султан луны), Айбар (Лунный) и т. д. Красоту девушек часто сравнивали с полной луной. Девушкам тоже часто давали имена, связанные с названием луны. Например, Айсылу (Лунная красавица), Айтолы (Луна полная), Толыай (Полная луна), Айнур (Сиянье луны), Алтынай (Золотая луна), Айбийке (Княжна луны). Уменьшительно-ласкательные имена часто заканчивались на *ай*: Турай, Курай, Асанай, Кокай, Касай. Ногайцы верили в магическую силу луны. Кубанские ногайцы клялись луной, одна из распространенных клятв так и звучала: «Айдынъ акына» («Клянусь луной»).

Люди издревле заметили связь женских циклов с месячными фазами луны, то, что беременность женщины проходит в течение девяти лунных месяцев. Об этом свидетельствуют данные ногайского языка. Например, про беременную женщину ногайцы говорят: «Айлы болды» («Луноподобной стала»).

Древние священнослужители — камы, бакши — свои самые значительные обряды проводили в новолуние. В честь новолуния ногайцы приносили жертвы, чаще всего резали барана. Ребенку, который первым видел новую луну, делали подарок. Считалось, что в новолуние торжествуют добрые духи.

А вот затмение луны считалось плохим предзнаменованием. По ногайскому поверью оно начиналось, когда ее собирался проглотить аздага или *елмауыз*. Ногайцы в это время поднимали шум, били в тазы, барабаны, чтобы разбудить пять охраняющих луну *самыров* (небесных собак). Первыми затмение чувствовали земные собаки: давая знак небесным самырам, они заранее начинали выть и скулить. В одной из сказок говорится о том, что это светило полое и в нем живет елмауыз, который в дни затмения выбирается из луны и пытается проглотить свое обиталище.

На луну, так же как на солнце и на звезды, нельзя показывать пальцем. Считалось, что это унижает небесные тела. Если кто-то из детей по незнанию позволял себе ткнуть пальцем в их сторону, взрослые заставляли ребенка покаяться, прикусить палец и трижды наступить на него ногой, а некоторые требовали, чтобы провинившийся трижды покружился на месте. На лунном диске ногайцы часто видели лик старухи, и если кто-то указывал на светило, то говорили, что она может опуститься на землю и наказать. Иногда на диске луны видели изображение пастуха, пасущего овец, — тогда пугали тем, что пастух может решить, будто над ним смеются, и тоже наказать.

И уж тем более и детям, и взрослым строго запрещалось мочиться в сторону луны и солнца; такое поведение считалось страшным кощунством.

В ногайских песнях, особенно в детских и колыбельных, фигурирует Ай-Бийке (Госпожа Луны), у нее просят благоволения, покровительства.

Когда дети играли в альчики, если бита-сака падала победоносной стороной, т. е. вогнутой стороной вниз, то говорили: «*Айдан туьсти*» («Лунной стороной упала»). Поэтому альчик часто употребляли для гадания, чем обернется то или иное предприятие. Если подброшенный альчик падал победоносной стороной, верили в успех начатого дела. Альчики, как и баранья лопатка, часто использовались ногайскими бакши и балшы, которые занимались гаданиями.

Кубанские ногайцы в полнолуние на диске луны видели и девочку с коромыслами, и при этом говорили: «*Зухра по воду пошла*». Легенда о звезде Зухры («Вега») бытовала и у татар, и у башкир (см. ниже главу «Зухра»).

АЙДАР

Слово *айдар* буквально означает хохолок, чуб, растущий на макушке. Айдар имел сакральные свойства. Корень этого слова происходит от *айы* — добрый дух. По народным верованиям, в волосах обитали добрые духи. Дух этот назывался *оьрей*. При сильном испуге ногайцы говорили: «*Оьрейим ушты*» («Дух *оьрей* улетел»). В быту *оьрей* — это завиток волос на макушке головы, основание айдара. Ханы и богатыри непосредственно через айдар, волосы получали небесную силу. В сказках говорится, что в айдаре богатыря находится его душа. В древности отличительной чертой ногайских воинов было ношение айдаров. Главного героя популярной ногайской песни «Карайдар и Кызыл-Гуль» зовут Карайдар (Черночубый). В эпической песне «Шора-батыр» есть примечательный эпизод:

*Казаннынъ саф орамын оьткенде,
Сарайдынъ карсы алдына келгенде,
Астындагы Карагери суьринди,
Басындагы сувсар боьркин туьсирди,
Каркырадай кара айдары коьринди,
Ай бетли ала коькке атылды.*

(Когда драгоценную улицу Казани переходил,
Когда перед дворцом проезжал,
Конь его Карагер споткнулся,
С головы шлем упал на землю,

На всю спину черный айдар распустился,
Луноподобное его (Шоры) лицо вверх взметнулось.)

Ногайцы, как и предки украинцев, в средние века на бритой голове оставляли айдары. Потому чужестранцы часто называли ногайцев хохлатоголовыми. Это был один самых древних обычаев тюркских народов. Ногайский фольклорист Тагир Акманбетов записал песню матери, обращенную к сыну.

*Алшы, балам, боьркинъди,
Айдарынъды коьрейим,
Акыр бала сен болсанъ,
Айдарынъды суйейим.
Акыр бала сен болмасанъ,
Айдарынъга куьлейим,
Алшы, балам, боьркинъди,
Айдарынъга карайым,
Айдаган малынъ аз болса,
Айдарынъды юлкайым.
Айдаган малынъ коьп болса,
Айдарынъды сыйпайым.
(Сними, сынок, шапку,
Погляжу на твой айдар,
Если ты будешь отважным –
Поцелую твой айдар.
Если ты не станешь отважным –
Посмеюсь над твоим айдаром.
Сними, сынок, шапку,
Погляжу на твой айдар,
Если у тебя угнанного скота не будет –
Вырву твой айдар.
Если у тебя угнанного скота будет вдоволь –
Буду гладить твой айдар.*

Подстрочный перевод И. К.)

О значении волос, причесок подробно см. в главе «Тук, кыл, шаш, юн».

АЙЫ – СВЯЩЕННЫЙ ДУХ

Айы — священный дух, приносящий радость. Ногайцы, поздравляя с прибытием долгожданного человека, возвращением сына из армии, близкого — с войны или из далекого путешествия, говорят: «*Ковз айынды!*» («Глаз

возрадовал айы»). Человек, к которому это обращено, выражает благодарность. Османские турки утром приветствуют друг друга словами: «Гюн айдын!» («Пусть день начнется с посещения айы — священного духа!») Ногайские женщины при виде ребенка выражают свой восторг словами: «*Айынанып кетейим!*» («Пусть я превращусь для тебя в айы, т. е. в священный дух!») Это выражение многими учеными и поэтами было неверно истолковано и искажено в «*айланып кетейим*» («Я покружусь»). От радости можно и покружиться, но это не выражает сути.

У якутов айы — общее название добрых духов, живущих на небе. У ногайцев название священного духа сохранилось и в слове *айындырык* (молния). Это слово состоит из двух частей: *айы* и *дырык* (дурык, дурре — плеть) и означает плеть священного духа. У ногайцев есть и другое название молнии — *ясынок* (см. ниже главу «Ясынок»).

АК

Слово *ак* означает белый цвет. Белый цвет считался священным и был в особом почете. Правое крыло войска, государства называлось *Ак-ордой*, оно считалось главной и почетной стороной. В войске Чингиз-хана было много боевых знамен, среди них *Ак-ту* — Белое Знамя, которое почиталось как главное и священное. Справедливость, правду, святость часто называли *ак зат* (белая суть). В народе молоко иносказательно называли *ак* — белое. Слово *ак* связывали с пригодной для еды пищей. Ногайцы любили говорить: «*Акты аяк астына тоьгип болмас!*» («Белое нельзя проливать под ноги!»). Существовало проклятье: «*Ак урсин!*» («Пусть накажет белое!»).

АК-ТОПЫРАК — ЗЕМЛЯ ОБЕТОВАННАЯ

Ак-топырак — букв. «белая пыль», т. е. белая, чистая земля, святая земля, земля обетованная. В 18-19 веках, когда большая часть ногайского народа переселялась в Турцию, религиозные служители в целях пропаганды так называли Анатолию — место переселения ногайцев. Видимо, это было не случайно. В некоторых научных ра-

ботах доказывается связь древних тюрков и шумер. Вот почему скифы, гунны, сельджуки, печенеги, кипчаки целеустремленно и вынуждено, как ногайцы, заканчивали свой транзит в Малой Азии — на родине далеких предков. У кавказских ногайцев земель обетованной называлась Великая степь, особенно междуречье Волги и Яика.

По ногайским преданиям мифологический Асан Кайгылы (это имя носил и великий ногайский поэт средневековья) искал ак-топырак. Объездив весь мир на Елмае, он нашел ак-топырак в том месте, где он был зачат. Примечательно, что название земли обетованной связано с местом, где было нечаянно пролито молоко. Легенда об ак-топырак, рассказанная Аланой Стамбуловой — жительницей аула Мангит-Артезиан Нефтекумского района Ставропольского края, была в 70-е годы записана и обработана автором.

Легенда об Ак-топырак

В древние времена жил некий Ак-бий, который очень любил охоту. У него был отличный конь, острая сабля, тугой лук и стрелы с острыми наконечниками. В степи он бил оленей и сайгаков, в озерах стрелял уток, ловил рыбу, аульчан своих угощал дичью и сам всегда был сыт.

Как-то Ак-бий закинул в озеро невод. Раз вытянул — пустой, второй раз — опять пустой. Закинул в третий раз, и наконец в невод что-то попало. Что-то тяжелое. Много сил приложил Ак-бий, чтобы вытянуть невод. Вытянул — и глазам своим не поверил: в неводе су-кызы (речная девушка) запуталась, вырваться старается. Волосы у речной девушки золотые, поэтому ее в народе еще Алтыншаш называют. «Отпусти меня в воду!» — стала умолять речная девушка. Ак-бий долго разглядывал ее, и она ему понравилась. «Нет! Не отпущу! Будь моей женой!» — сказал охотник. «Я могу стать твоей женой, — сказала Алтыншаш, — если ты примешь мои условия. Первое, ты не должен заглядывать мне подмышки. Второе, сделай так, чтобы я не говорила с людьми. Если этого не сделаешь, то тебя нет для меня, а меня — для

тебя!» «Я согласен! Принимаю твои условия», — сказал Ак-бий и привел речную деву домой.

Так они стали жить вместе. Ак-бий выполнял условия, поставленные женой. Если люди навещали их дом, Алтыншаш отворачивала голову и прятала лицо, ни с кем не разговаривала.

Как-то Алтыншаш, подоив корову, понесла полное ведро молока домой, а в это время к ним пришел один из аульчан. Женщина, увидев идущего мужчину, поставила ведро возле входа и быстро юркнула в дом. Пришедший мужчина нечаянно опрокинул стоящее у входа ведро, молоко разлилось по земле. Алтыншаш, увидев это, выскочила из дома и закричала:

— Не двигайся! Нельзя на молоко ногой ступать!

Она стала вытирать молоко тряпкой, а закончив работу, сказала:

— Мужа дома нет! — и быстро вошла в дом.

Мужчина ушел со двора. По дороге он встретил возвращающегося с охоты Ак-бия. Сначала расспросил о своем деле, а затем сказал: «Твоя ни с кем не говорящая жена со мной разговаривала». Услышав эти слова, Ак-бий погнал коня домой. Он быстро забежал в дом и застал жену купающейся в медном тазу. Алтыншаш как раз подняла руку, чтобы полить на голову из кумгана, и из подмышек были видны ее внутренности.

— Ты не выполнил мои условия. Теперь тебя нет для меня, а меня нет для тебя. Я ношу шестимесячного ребенка в утробе. Ты его не ищи. Придет время, и сын сам тебя найдет, — сказала она и исчезла.

Так Ак-бий стал жить один в доме. В это время его аул в поисках лучших пастбищ перекочевал со своего места. Но Ак-бий, боясь, что сын не найдет его, остался там, где и жил. Однако сын не приходил. Ак-бий состарился, волосы его поседел, а из-за того, что он долго всматривался в дорогу, откуда должен прийти сын, глаза его стали болеть, и вскоре он совсем ослеп. От того, что он все время горевал, люди прозвали его «Кайгылы» («Печальный»).

А Алтыншаш ушла далеко на запад, где на большой воде был мост Дауа. Там она родила сына, которого назвала Асан.

Когда сын вырос, он сказал матери: «Я должен найти отца!» Алтыншаш, заранее зная, что сын спросит о нем, дала ему не знающую устали верблюдицу Елмаю и сказала: «Твой отец очень далеко отсюда. Ты обойдешь все четыре стороны мира, и только там, где опустится на колени Елмая, найдешь отцовский юрт — землю обетованную. Иди, сынок, будь терпеливым и выносливым, будь честным и справедливым!»

Асан ушел, весь мир объехал, во всех четырех частях света побывал, но никак не мог найти отцовский юрт. Не теряя надежды, не слезая с верблюдицы, он продолжал скитаться по миру.

Однажды Елмая остановилась возле одинокого ветхого дома и стала на колени. Асан вошел в дом и увидел в постели умирающего отца. Отец узнал сына, сказал ему свое благословение и тут же скончался.

Из-за того, что люди называли его отца Кайгылы и сам он долго мыкался по миру в печали, Асана тоже стали называть Кайгылы. Он много видел и много знал, был мудрый и красноречивый человек. Народ еще его называл: «Асан Кайгылы, который ак-топырак — землю обетованную нашел». За это его сильно уважали, известные ханы советовались с ним, и был он у них визирем. Он и песни слагал, и старые люди знали его песни.

АЛБАСЛЫ

Албаслы — мифологическое существо в облике женщины крупного телосложения, с длинными распущенными волосами и вывернутыми назад ступнями. Ее груди свисают до колен, при ходьбе она закидывает их за спину. Это существо присутствует в фольклоре всех тюркских народов. Ногайским преданиям об албаслы особенно близки казахские и каракалпакские предания.

Этимология названия албаслы связана с двумя словами: *ала* (пестрая, пегая) и *бас* (голова), так что его можно перевести как «пестроголовая». Пегий, пестрый цвет в ногайском фольклоре обозначал, что это существа неопределенного, невыясненного, загадочного происхождения.

Албаслы обитает в пустынных местах возле реки или озера, если ее встречают, то чаще всего в сумерках или в ночное время. При встрече с ней люди пугаются, цепенеют от страха. Магическим атрибутом албаслы является гребень, которым она любит расчесывать свои волосы. Люди засматриваются на нее и после этого могут заболеть психическими расстройствами. Несмотря на то, что встреча с чудовищем может нанести вред, албаслы нельзя убивать: за это человек может понести суровое наказание. Чтобы ее отогнать, рекомендуется ударить веткой хлопка, или веткой степного растения йылгын (гребенчука), или шнурком от штанов. Укол иголкой или булавкой и молитвы тоже способны прогнать это мифическое существо. Нельзя произносить слово албаслы, вместо этого чаще говорили *терис аяк* (неправильные ноги).

У степных ногайцев есть предания о том, что усмиренная албаслы помогала людям, например, прибирала во дворе, она также могла лечить людей, заболевших по ее вине. Мужскую особь албаслы называли арнаут (см. главу «Арнаут»).

В данной главе приводятся три предания об албаслы. Одно записала поэтесса Кельдихан Кумратова со слов своего дяди, муллы из аула Икон-Халк Ахмеджана Кумукова. Второе предание записано автором из уст райкомовского работника, ездившего в военное время для описи имущества в выселенный карачаевский аул. Третье предание из книги «Тепло сынтаса» ногайского писателя, фольклориста Тагира Акманбетова. Все предания обработаны автором.

Встреча с албаслы

Случилось это в пятидесятые годы. Мой дядя Ахмеджан, после отсидки в тюрьме за свою малолетнюю дочь, которая была осуждена на десять лет в голодное время за сбор колосков на колхозном поле, возвращался в родной аул. К аулу Ахмеджан подо-

шел в ночное время, и ему надо было перейти через реку Малый Зеленчук.

Обычно ночью ногайцы в реку не заходят, но дядя не стал дожидаться рассвета. Разулся, взял обувь в руки и пошел, преодолевая быстрое течение. Посередине реки воды было чуть выше пояса, тогда на спину Ахмеджана и взобралась албаслы. От этой встречи дядя оцепенел, но самообладание не потерял и продолжал идти через бурный поток. Скинуть с себя ношу он не мог, т.к. чувствовал, как сильно албаслы вцепилась в его плечи, к тому же боялся упасть вместе с чудовищем в воду, тогда можно было сразу утонуть. Пересекая течение, Ахмеджан еле передвигал ноги. Чтобы перебороть оцепенение, он стал читать молитвы. Не раз помогавшие в заключении, они выручили и на сей раз: услышав молитвы, албаслы застонала и отпустила дядю.

Так Ахмеджан под утро попал в родной аул. Об этой встрече он часто рассказывал аульчанам.

Рассказ райкомовского работника

Во время войны, когда выселили карачаевцев, по заданию партии в горы для описи оставшегося имущества посылали группы советских работников. Одна из групп работала в верховьях Кубани. Как-то вечером она расположилась в верхних домах одного аула на ночлег. После полуночи вдруг разом завыли и залаяли брошенные в ауле собаки. Работники высыпали на заснеженную улицу. Все собаки сбежались в нижнюю часть аула, их было много, и вой стоял жуткий. На фоне обступивших со всех сторон гор это была фантастическая картина. Взяв оружие, работники спустились вниз, чтобы узнать причину беспокойства животных. В лунном свете они увидели целое стадо удаляющихся из аула албаслы. Это были крупные существа выше человека.

На следующий день во многих домах обнаружили беспорядок, побитую посуду, а на снегу — следы ног. Они были намного больше человеческих...

Батыр-қади с волхьей душой

Легенда

Ногайцы говорят, что если албаслы выкрадет ребенка и съест его сердце, то вскоре сама может родить детеныша.

Когда родился Батыр, в аул наведальась албаслы и выкрала его из люльки. Мать, которая отлучилась на минуту, вернувшись, увидела только спину убегающей албаслы. Она поняла, в чем дело, и сразу помчалась за ней. Однако догнать было не так-то просто: у албаслы ноги большие, шаги широкие. Когда мать совсем отчаялась и обессилела, откуда не возьмись, то ли с неба, то ли из-под земли появился волк. Поняв, в чем дело, он быстро нагнал албаслы, схватив за волосы, повалил на землю и отобрал ребенка.

— Золотой пояс, золотые украшения дам, только оставь мне сердце ребенка, — стала умолять албаслы.

В ответ волк злобно зарычал. Албаслы еле вырвалась из когтей волка и стала убегать. Она обычно боится, когда у нее вырывают клочок шерсти, бьют стеблем хлопка или веткой йылгына. Но больше всего албаслы боится рычання волка. Тогда, как говорят, албаслы произнесла следующие слова:

*Урлык урлыгына,
Тамыр тамырына,
Тамыр тайпасына,
Тамыр алыскан аркасына,
Янаспан деймен касына!
(Семя к семени,
Корень к корню,
К роду этому,
За свой корень дравшемуся,
Никогда больше не подойду!)*

После этих слов албаслы никогда не подходит к роду Батыра. А волк, вернувший матери маленького Батыра, стал перисте (духом-хранителем) этого рода.

АЛДАР-КОСЕ

Полное имя этого персонажа *Алдар-Косе*. Оно переводится как Безбородый Обманщик. Но в ногайском фольклоре его чаще зовут просто Косе — Безбородый. И хотя он восхищает своими остроумными проделками, находчивостью, все же предстает отрицательным персонажем. У ногайцев бытует устоявшееся выражение:

*Коседи уйге киргистпе,
Кьотин торге тийгистпе.
(Не пускай Косе домой,
Не допускай, чтобы он сел на торь —
почетное место.)*

Косе хитрый, лишенный чувства справедливости и чести плут. Он обманывает всех, когда ему надо достичь своей цели, бывает жестоким. Например, в сказке «Золотая птица» Косе является визирем хана, по его наущению хан дает герою сказки Яурынтаку трудноисполнимые поручения. Он предлагает хану, чтобы Яурынтак добыл оперение золотой птицы, кость небесного зайца, для подстилки крыло каракуса (мифической птицы), золотое ведро и золотой желоб, пегого коня, на котором скачет луна, голубого коня, на котором скачет солнце, красного скакуна пророка. Герой сказки все это находит, приносит, и в конце концов с помощью хана казнит коварного Косе.

В ногайском фольклоре существует целая серия сказок об Алдар-Косе, где тот отличается шутовскими проделками. Он обманывает даже шайтана. Поэтому исследователи характеризуют Алдара-Косе как «комическо-демоническую фигуру с чертами плута и озорника».

Предания об Алдар-Косе взяты из сборника «Алал косак», публикуются в обработке автора.

Его называли Алдар-Косе

Сказка

Когда это было, никто не помнит. Говорят, что тогда хороший говорил о том, что видел, а плохой — о том, что кому-то когда-то что-то отдал; говорят, что тогда лошадь лягалась, а собака кусалась... Тог-

да оставшийся сиротой безбородый Косе по степи бродил. В том месте, где до сих пор стоят три кургана, Косе нашел высохшую кость — лопатку собаки и, чтобы добру не пропадать, положил ее в свою дорожную сумку.

Под вечер он добрался до одного аула. Его там радушно встретили, пригласили домой. Во дворе на огне стоял котел с варевом. Косай, когда хозяева отвлеклись, незаметно достал из сумки собачью лопатку и кинул ее в котел. А хозяевам сказал, что бросил туда кусок мяса. Настала пора ужинать, и хозяева пригласили Косая к достархану. Косай сел к столу, и, когда ему подали его кость, он возмутился:

— Мясо сами съели, а мне кость подаете!

Хозяин дома от таких слов готов был сквозь землю провалиться. Чтобы как-то успокоить гостя, он отдал ему ягненка.

Косай ушел из этого дома с ягненком. В другом ауле его тоже радушно пригласили в гости. Он загнал ягненка в загон, а сам пошел спать, где ему постелили. Когда все в доме заснуло, Косе тихо вышел из дому и, войдя в загон, зарезал своего ягненка, мясо закопал в землю, а кровью обмазал семь овец, находящихся в загоне. Затем, почистившись от крови, пошел спать в дом. Утром он встал вместе со всеми, позавтракал с ними и направился в загон.

— Ой-бай! — запричитал он там громко. — Моим бедным ягненком овец своих накормили! Как вам не стыдно?!

Хозяин дома был благочестивым человеком, и он понимал, что овцы мясо не едят, но помнил ногойскую поговорку: «Сову увидишь, чтобы плохое не накликала, с оружием гони; негодяя встретишь, чтобы с ним не общаться — деньгами откупись!» Потому-то, чтобы о нем плохое не подумали, он отдал семь своих овец Косаю и выпроводил гостя из дому.

С овцами Косе попал в другой аул. У хозяина дома, принявшего его в гости, была больная при смерти дочка. Косай уговорил хозяина отдать ему за семь овец умирающую дочь. С умирающей девушкой Косе отправился в соседний аул, где проходила свадьба

хана. Он уложил девушку неподалеку от ханского дома на землю, а сам пошел пировать со всеми. Ночью девушка умерла. Утром Косай обвинил людей хана в том, что они задушили его девушку. Хан, чтобы не омрачать свой праздник, отдал Косе живую девушку из своего аула. Косе ушел с живой девушкой. В другом месте он поменял ее на белого вола с арбой.

Так он стал разъезжать на арбе по ногайским аулам. Ехал и пел такую песенку:

*Явырын калакка – токлы,
Токлыга – эти кой,
Эти койга – оьли кыз,
Оьли кызга – тири кыз,
Тири кызга – шал оьгиз.
(Собачью кость – на ягненка,
Ягненка – на семь овец,
Семь овец – на мертвую девушку,
Мертвую девушку – на живую,
Живую девушку – на белого вола.)*

С тех пор все стали звать наглеца Алдар-Косе – Обманщик Косе.

Алдар-Косе и шайтан

Сказка

Жил на свете человек по имени Алдар-Косе. Про него было известно, что он обманывает всех, кого ни встретит. Люди, вроде бы, и верили этому, но каждый был твердо убежден: уж его-то самого плуту не обмануть! Из-за этой самонадеянности люди и попадались на его уловки. Слухов было много, так что каждый хотел встретиться Алдар-Косе и испытать его. Слух дошел даже до шайтана, и тот тоже решил встретиться с плутом. Оделся подходящим образом, взял свою волшебную камчу, сел на коня и поехал искать Алдар-Косе. Сам шайтан никогда его не видел. Едет и думает, что если Алдар-Косе не обманет его, то он ударом своей камчи превратит неудачника в осла.

И надо же было такому случиться, что когда он подъезжал к одному аулу, оттуда, взяв в руки палку, вышел Алдар-Косе. Они встретились, поздоровались и стали расспрашивать друг друга, по какой нужде каждый оказался в пути.

Шайтан сказал:

Еду я в поисках человека, который всех обманывает. Хочу его встретить: сможет ли он меня обмануть. Ты случайно не знаешь его?

Тогда Алдар-Косе ответил:

— Я этого человека хорошо знаю. Тебе повезло — я тот самый человек. Обмануть тебя не трудно, но, вот беда, я забыл в ауле свой мешок, который помогает мне обманывать людей. А обратно возвращаться лень. Если бы мешок был со мной, то я бы тебя без труда обманул.

Он пренебрежительно махнул рукой и хотел продолжать свой путь.

Шайтан очень удивился:

— Я тебе не верю. Что за волшебный мешок?! В жизни не слышал, что есть такие мешки!

— Ну, если ты так хочешь стать обманутым — давай лошадь, я вмиг обернусь, тогда сам убедишься.

— Разве такие мешки бывают? — произнес всадник, но с коня слез и поводья передал.

Алдар-Косе сел на коня:

— Ногайцы палкой коней никогда не погоняли. Дай свою камчу! — он отдал свою палку и взял из рук шайтана волшебную камчу. — И камчу, и коня, и мешок я быстро верну. Ты стой здесь, жди меня. Пока я не вернусь — ты обо мне думай...

Алдар-Косе умчался, а шайтан до самого вечера прождал его. И только когда стемнело, понял, что потерял коня и волшебную камчу. Осознав, что его обманули, он пешком вернулся к себе домой.

АЛЕМ ДУНЫЯ — МИРОЗДАНИЕ

Алем дуныя по-ногайски значит мироздание. Так называют и все космическое пространство. Предки ногай-

цев, как и все древние тюрки, представляли мироздание состоящим из трех частей: Верхнего, Среднего и Нижнего миров (1). Верхний мир — небесный и Нижний — подземный состояли из семи слоев *ети кат*. Срединным миром являлась сама Вселенная, ее еще называли *Ер-Су* (Земля-Вода).

Хотя такое представление о мироздании не укладывается в сознании мусульманских народов, каковыми являются и ногайцы, фольклор многих тюркских народов донес это представление до нашего времени. Мусульманское вероучение особенно не воспринимает существование верхнего и нижнего миров. Ислам также не признает существования множества божеств на небе, демонических царств под землей и мифических существ. Ногайцы начиная с 13 века находятся в лоне мусульманской веры и даже являлись рьяными распространителями ислама среди народов Северного Кавказа, Крыма и Поволжья. Но несмотря на это, в своем фольклоре, обычаях и приметах они сохранили многие элементы доисламских представлений. Однако необходимо отметить, что из-за отсутствия научных исследований по этой теме полной и четкой картины, как они представляли себе мироздание, до сих пор не имеется (2, с. 37). Древний мифологический мир ногайцев приходится реконструировать по сохранившимся отголоскам и по научным материалам о мифологии родственных народов.

Об изначальном происхождении всей Вселенной у ногайцев сохранилась легенда о космической Лебеди Акку. Это космическое существо снесло яйцо, внутри которого находится Вселенная. Также сохранилась легенда о Кара-бапий (Черной утке), создавшей землю. Когда всюду была вода, по ней плавала Кара-бапий. Она три раза ныряла в воду и доставала ил, из ила соорудила гнездо, которое разрослось и стало землей, материком. Согласно легенде, именно от ныряния в воду нос у утки красный и длинный.

Название Вселенной Ер-Су имело сакральное значение, ученые многих тюркских народов склонны считать, что было такое божество (3, с. 28). У ногайцев же Земля и Вода имели своих мифологических владык: Ер-иеси (Земли владыка) и Су-иеси (Воды владыка).

У мифического мироздания был свой центр, который находился в месте соединения земли и неба. В этом месте располагалась мировая гора Аскар-тау. В некоторых реги-

онах проживания ногайцев мировую гору еще называли Сары-Арка (Желтый хребет), Сары-тобе (Желтый курган) или Кок-тобе (Небесный курган). На мировой горе росло мировое дерево Байтерек. В его образе абстрактно обозначалась вертикальная структура мироздания. Байтерек – это мировая ось жизни. На ней находились в колыбелях души нерожденных детей, а на листьях были написаны судьбы людей. Шаманы и камы забирались на дерево, чтобы узнать грядущие события, будущее того или иного человека. В фольклоре всех тюркских народов Байтерек являлся символом жизни и залогом благополучия человечества (З, с.83). В ногайских плачах смерть человека очень часто сравнивалась с поваленным деревом.

Ствол дерева находился в Среднем мире, его ветви уходили в небо, а корни — под землю. От ветвей отходили слои Небесного мира, а от корней — слои Нижнего мира. С ветвей падали роса и дожди. Эта влага несла жизнь на землю. Корни соединяли землю с водными источниками. Они наполняли целебной водой мифическое озеро Манас, или Тогас. Через корни вода соединялась с Нижним миром и царством мертвых. Вода приносила жизнь и одновременно уносила ее. В ногайском фольклоре упоминается название мировой реки Тоймадык (Ненасытная). Ногайцы считали, что жизнь и материальные блага уходили вместе с водой. *«Яшау, байлык сув ман кетти, сувга кетти»* («Жизнь, богатства водой унесло»), – часто говорили в народе. По мифологическим представлениям, исток воды находился в Верхнем мире, а устье в Нижнем. Поэтому вода, дарящая жизнь, одновременно символизировала смерть.

Верхний и средний уровни мироздания делились на видимое и невидимое. На самом высоком невидимом месте Верхнего мира находился дух неба Тангри, невидимыми были обиталища божеств и демонов. На видимом месте находились звезды и светила, облака, появлялась радуга, Сазаган пускал молнии, небесная старуха гремела бурдюками, Андир-Шопай проливал дождь. Как считают некоторые родственные ногайцам тюркские народы, есть небесные люди и небесные животные, которые обитают на небесной земле. Некоторые небесные духи ездят на небесных конях. У ногайцев в фольклоре тоже сохранились отголоски представлений о небесных конях (*коьк атлар*). Тот факт, что у ногайцев главным жертвенным животным была лошадь, также является тому подтверждением. Ло-

шадей резали и посвящали небесному богу Тангри, туши лошадей укладывали в подземные камеры вместе с покойником, посвящая божествам Нижнего мира.

Нижний мир весь был невидимым, а обиталища Эрлик-хана и Ольгена считались и вовсе недоступными. Многие демонические существа выходили из-под земли. В Нижнем мире находились обиталища ельмауызов, дауов и страна карликов. Владыка карликов эргежейли часто встречался мифическим персонажам, похищал их ценности, девушек, коней и уносил в свое царство.

В Среднем мире невидимой являлась страна призраков Сульдер. Невидимой была среда обитания духов и демонов. По легендам тюрков Сибири и Алтая, невидимый срединный мир заселен духами — хозяевами гор, лесов, вод, ущелий и всевозможными демоническими существами. В ногайском фольклоре сохранились имена таких духов, как Ер-иеси (Земли владыка), Су-иеси (Воды владыка), Кун-иеси (Солнца владыка), Ай-иеси (Луны владыка), От-иеси (Огня владыка), Ки-иеси (Владыка духа курганных погребений), Уй-иеси (Жилища владыка), Агашкиси (Лесной человек — Леса владыка), Агаш-ангалак (Лесная женщина — Леса владычица), Албаслы, Андир-Шопай, Арнаут, Сазаган, Сарыгыз, Су-кызы, Кир-койлек, Коль-Буга. А где обитали такие демонические существа, как Аздага, Дау, Топекоз, Топана, Аман-бийке, Елмауыз, Ез-тырнак, Эмеген, духи — хранители боевых знамен, оружия, аруаки, помощники шаманов и камов, — не выяснено, они появлялись в разных мирах.

Срединный мир имел четыре угла: восточный, западный, северный и южный. Все части света обозначались цветом: Восток — синим, Запад — белым, Север — черным, Юг — красным. С Востока из Верхнего мира восходило Солнце, эта сторона почиталась. Юг ногайцы называли Кубла (Кыбла в Мекке), а в просторечии *Алды бетти* — Передней стороной. Двери ногайских юрт открывались в южную сторону. Вход в Нижний мир находился на Западе, там, где заходило солнце. От Нижнего мира Землю отделяла вода — море, через которое перекинут *Дау-копир* (Дау-мост). В некоторых ногайских мифах упоминается *Тун-куйы* (Последний колодец), на дне которого находился вход в подземный мир. Северную часть земли ногайцы называли *Керу бетти* (Обратная сторона), *Сырт бетти* (Задняя сторона) или *Тун бетти* (Ночная сторона), считалось, что с этой стороны распространяется ночь. В

сказках и мифах северная сторона представлялась как опасная, туда запрещалось ходить. Но сказочные герои, шаманы и камы посещали его. Север считался стороной уходящих теней, там находилась страна теней и призраков Сульдер. Тень ногайцы называют словом *куьлотки*. Буквально оно переводится как «прошедший через пепел». Вероятно, слово осталось с того времени, когда среди древних тюрков бытовал обычай сожжения трупов. Затем стали считать, что после смерти тело человека *ден* уходит туда, откуда пришло, т. е. в землю. А от человека оставалась только его тень, призрак — *суьлдер*. Первоначально призраки уходили в свою обитель на север. Эта обитель называлась *Суьлдер*. В ней задерживались призраки тех, кого на земле не забыли. Это были призраки умерших ханов, батыров, известных полководцев, отважных воинов, честных и справедливых личностей, похороненных с соблюдением всех обычаев, которым для поддержания связи часто приносили жертвы, славил в песнях. Предки ногайцев верили в покровительство призраков и даже в буквальное оживление их в человеческом облике. Позор, поражения, слабость потомков могли обидеть призрак, тогда он мстил родственникам и добровольно уходил в страну мертвых. Забытые потомками призраки уходили в Нижний мир, где в одном из глубоких слоев находилась страна мертвых — *Оьлик ер*, ее еще называли *Барса-кельмес* (Пойдешь — не вернешься). В современном ногайском языке словом *суьлдер* называют силуэт человека. С принятием мусульманства, как и среди других тюркских народов, у ногайцев распространился термин *аруак*, означающий дух предка. Аруак вобрал в себя многие древние функции сульдера. А в связи с этим произошла некоторая путаница (см. ниже главы «Аруак» и «Сульдер»).

В Нижнем мире правило сильное божество Эрлик-хан (Воли хан). Этого божества люди боялись. Он был суров в своем мире, но иногда посылал подвластных ему демонов в Срединный мир, наказывал его обитателей землетрясениями, ураганами, потопами, следил за порядком в стране Сульдер. Страна мертвых находилась в мире Эрлик-хана, но там правило божество Ольген (у восточных тюркских народов Ульген). Это божество было равнодушно и к злу, и к добру. Управлял Ольген скучным царством, холодным и темным. У мертвецов не было ни радости, ни скорби, они были безразличны ко всему. В стране

Ольгена все делалось зеркально противоположно реальному миру. Это место не было интересно ни демонам, ни божествам. В богатырских сказках лишь единицы посещали страну мертвых.

Главным божеством мироздания являлся небесный бог Тангри. Он был владыкой Верхнего мира. В Верхнем мире также обитали божества Умай, Андир-Шопай, Кун-иеси и Ай-иеси, Сазаган, мифические существа Елмауыз, Каракус, крылатые птицы богини Умай: лебеди, ласточки, гуси, уйреки (утки), крылатые Самыры посещали небо. Тангри создал небесные светила. Считалось, что с рождением любого человека на небе загорается его звезда, которая потухает с его смертью. Когда ногаец видел падение звезды на небе, обязательно говорил: «*Меним юлдызым йогар*» («Моя звезда находится выше»). После смерти, особенно легендарных людей, Тангри мог забрать их к себе и превратить в звезды. Это были покровители богатырей, ремесел, невинные жертвы, люди, отличавшиеся красотой и выдающимися способностями. Девушка Шолпан (ногайская Венера) была такой неотразимой красоты, что Тангри забрал ее на небо и, чтобы люди могли вечно любоваться ею, превратил в звезду. Герои мифов могли целенаправленно оказаться в Нижнем мире, но попасть в Верхний мир, как бы они того ни хотели, им было не под силу. Только благодаря случаю, когда их, преследуемых аздагой или елмауызом, доставлял на некоторое время крылатый конь или мифическая птица Каракус, они могли оказаться там. Шаманы, камы, благодаря своим сакральным качествам и помощникам, могли посетить вершину мирового дерева Байтерек.

Главный бог Верхнего мира Тангри не имел облика, но был всевидящим и вездесущим. Он был тождественен всему небу. Во многих древних текстах имя Тангри чередуется с названием *Коек* — Небо. Корень этого имени собственного *танг* означает рассвет — одно из лучших состояний небосвода. У ногайцев предрассветный час считался благословенным временем, он назывался *танг манги* (рассвет вечности). Встававшие в это время ногайки зажигали огонь в очаге и произносили самые лучшие свои пожелания. Тангри сотворил светила и все живое, в том числе и человека. Сотворив светила, он совершил переход от безвременья ко времени и определил порядок течения времени: дни и ночи, месяцы и годы. Тангри создал людей. В

древнетюркских орхоно-енисейских надписях имеется фрагмент мифологии. В тексте, посвященном хану Кюльтегину, говорится так: «Когда было сотворено голубое небо, а внизу бурая земля, между ними (небом и землей) были сотворены сыны человеческие» (4).

Люди чтили Тангри и пытались жить по его предписаниям. Законы, порядок исходили от него. По подобию небесного купола они строили свои жилища — юрты. Посреди купола находилось дымовое отверстие, через которое кочевники держали связь с Небом. Всю свою жизненную энергию и помыслы они обращали к небесам. Тангри осуществлял свою власть через ханов. Люди считали своих ханов рожденными от Тангри. Бог наделял их небесным *кутом* (жизненной силой), благодаря которому степные государи успешно управляли народом и одерживали победы в войнах. Но если хан злоупотреблял властью или выбирал неподобающий образ жизни, Тангри мог лишить его власти и забрать данный кут. Когда небесный владыка прекращал поддерживать хана, то его убивали подвластные ему. Убивали по-царски, без пролития крови. Два человека, надев ему на голову мешок, поднимали за ноги и били об землю, тем самым ломали позвоночник. Были и иные способы. Сильных же правителей прославляли и при жизни, и после смерти. О них слагали песни, после смерти делали всенародные жертвоприношения, воздвигали курганы по подобию Неба. На курганах наши предки устанавливали статуи погребенного, чтобы его призрак *суьлдер* мог найти могилу. Отличившихся в войнах ханов, как и прославившихся батыров, Тангри забирал на небо и превращал в звезды. В ногайском предании «Бабай-юлдыз» говорится о том, что знаменитый покровитель богатырей Баба Туькли-Шашлы-ас был превращен в звезду.

Ногайцы почитали и небесные светила. Они имели своих божественных покровителей: Кун-иеси (Солнца владыка) и Ай-иеси (Луны владыка). Любимым временем суток у ногайцев считалось солнечное время, плохим временем — ночное. Ночью появлялись злые духи и демонические существа, многие из них выходили из воды, из ям и пещер, связанных с Нижним миром.

Мифологические представления о структуре мироздания древних ногайцев в чем-то совпадают с представлениями о нем древних иранцев, китайцев, древних греков других народов. Но надо еще раз отметить, что она плохо

изучена, многие параметры и представления четко не определены. В последнее время некоторые ученые тюркологи занимаются поиском этнического родства древних тюрков и этрусков (5, с.154). Поводом для этого послужили не совсем случайные языковые совпадения. Невозможно не обратить внимания и на модель мифологического мироздания этого исчезнувшего народа. Этрусски, как и древние тюрки, представляли мироздание в виде вертикальной структуры из трех уровней (6). Этрускам мир виделся трехступенчатым зданием, в котором, как и в мифологии тюрков, верхняя ступень соответствовала небу, средняя — земной поверхности, нижняя — подземному царству. Верхняя ступень была главная, там обитал бог грома и молнии Тин. Имя этрусского бога созвучно с именем главного тюркского бога Тангри (*Тин — Тэн — Тан* — корень слова, *ри* — тюркское окончание, характеризующее принадлежность).

Этрусский бог Тин по расположению божественных светил определял судьбу человеческого рода, предсказывал будущее. Нижняя ступень была невидимой, она считалась недоступной живому человеку и являлась обиталищем мертвых, демонических существ и злых богов. В представлениях этрусков, как и тюрков, Средний и Нижний миры соединялись ходами в виде разломов земной коры. Этрусски, выкапывая ямы, делали подобия этих разломов в каждом городе, в них приносили жертвы душам предков и богам подземного мира. Древние тюрки в глубокие подземные камеры курганных захоронений вместе с покойником укладывали его принадлежности, жертвенных животных и всевозможные дары божествам. Наряду с представлениями о вертикальной структуре мироздания у этрусков существовало представление и о горизонтальном делении на четыре стороны. При этом, как и у тюркских народов, в западной части (где у ногайцев находился вход в Нижний мир) помещали злых богов, а в восточной, отдаленной от Нижнего мира, — добрых. Как и в ногайской мифологии, у этрусков не было мифов о браках богов и родства между ними. Тин передавал свою волю посредством молнии, для этого у него имелся пучок из трех стрел-молний (превратившийся в божество Огуз-хан имел три стрелы, символизирующих его власть — 4, с. 26). Тин первой стрелой предупреждал, второй стрелой пользовался на совете с двенадцатью богами (в структуре власти

тюркских государственных образований имелось двенадцать сановников, в Золотой Орде — двенадцать главных биев, в Ногайской Орде — двенадцать карачеев-советников), третьей стрелой поражал виновных. Одну из этрусских богинь звали Туран. Это имя широко известно в тюркской антропонимике, так же как и производные от него: Турандохт, Туркан и др. Этрусская богиня Туран считалась владычицей всего живого и отождествлялась с греческой Афродитой. Коренные для тюркского имени Туран слова *тур* и *тир*, означающие жизнь, являлись основополагающими для изначального этнонима *тюрк* всего этноса.

Структуру мироздания тюркского мифологического мира можно узнать и в скифском фольклоре. Геродот рассказал историю «тысячелетней давности» (7, с. 237) о происхождении скифских царей. При выяснении смысловой нагрузки имен первых скифских царей мы легко узнаем структуру тюркского мифологического мироздания. Имя первого человека страны скифов Таргитая прямо указывает на главного небесного бога Тангри. Широко распространенные в тюркской антропонимике окончания *тай* и *сай* означают «как», «подобный». Например, Исатай — Иисусу подобный, Шоратай — Полководцу подобный, Карасай — Большому подобный. Имя первого человека скифов Таргитая читается как Тангриподобный, Как Тангри (т.е., Небоподобный) и указывает на небесное происхождение царской династии. По легенде Геродота, Таргитая родился от Зевса. Почему историк воспользовался именем верховного греческого бога? Видимо, греки за долгие годы проживания бок о бок с кочевниками отождествляли главного небесного бога скифов с грозным Зевсом и не считали нужным называть скифское имя. Например, мы, ногайцы, про народ другого вероисповедания часто говорим: «*Олардынъ Алласы баска*» («У них другой Аллах»). Конечно, это неправильно, но такая традиция в разных языках имеет место.

Матерью первоцаря Таргитая была дочь реки Борисфена, чему Геродот «не очень верит» (7, с. 236). Но этому можно поверить, зная происхождение легендарных личностей у тюрков. Дочерью реки могла быть русалка — Сукызы (Реки дочь), как в легенде о происхождении мифического персонажа Асана Кайгылы (см. главу «Ак-топы-

рак»). Или же, как в других ногайских мифах, — речная дева, превратившаяся в лебедь (в одном из вариантов эпической песни «Эдиге» отец Эдиге женится на деве, сбросившей лебединое оперение на берегу реки, от этого брака рождается герой эпоса) (8, с. 278).

У Таргитая было трое сыновей: Липоксай, Арпоксай и младший Колаксай. Опять все имена имеют окончание *сай*, которое, как уже говорилось, означает «как» или «подобный». Кому же уподоблялись скифские первоцари? В письменных памятниках многих народов тюркские имена и названия искажались до неузнаваемости. Об этом свидетельствуют и китайские, и византийские, и русские источники. Тюркским исследователям «Истории» Геродота явно повезло с прочтением имени первого человека скифов, повезло и с характерными окончаниями тюркских имен: *тай* и *сай*. Однако в именах трех царевичей просматривается незначительное искажение в греческом написании, которое породило множество разночтений. Итак, первый царевич был подобен Липоку. Думается, что у скифов это имя звучало как *Ильбак*. В основе имени слово *иль* (в других наречиях эль, которое означает страну, землю народа, а слово *бак* переводится как смотрящий /производные слова *бек*, *бей* — правитель/). Второй царевич был подобен Арпоку. У скифов оно звучало как *Арбак*. В основе имени слово *ар*, *ары*, *аргы*, означающее противоположный, потусторонний, а вторая часть имени *бак* — смотрящий. Младший царевич был подобен Колаку. Тюркские слова: *колек* (ног.: донголек — колесо, колик — транспорт), *ку依лик* (каз.: сайгулик — скакун) означают колесо, т. е. солярный знак, один из синонимов солнца. Первого сына Таргитая звали *Правителю земли подобным*, второго — *Правителю потустороннего* (мира, т. е. Нижнего мира) *подобным*, младшего сына — *Солнцу подобным*. Все три имени выражали структуру мифологического мироздания кочевников Евразии. Когда сыновья Таргитая выросли, на скифскую землю с неба упали золотые предметы: плуг (связанный с обработкой земли), ярмо (символизирующее скотоводство), секира (символизирующая войну) и чаша (символизирующая благодать). По Геродоту, старшие братья не могли притронуться к золоту, так как от него исходило пламя. Это пламя погасало, когда подходил Солнцу подобный Колаксай. Он и стал царем Скифии, а братья были его соправителями. Это соответствовало распределению верховной власти в тюркских го-

сударственных образованиях. Ханом обычно становился младший сын. Вторым лицом в государстве был глава исполнительной власти наказной хан, правитель правого крыла (Буйырык-хан, беклярбек), главнокомандующий войском ханства, третьим по значимости был правитель левого крыла, который исполнял обязанности смотрителя ханства в отсутствие двух первых правителей. В Ногайской Орде данной структуре власти соответствовали Уллы бий, нурадин, кейкуват.

АЛП

Алп — распространенный среди всех тюркских народов мифологический персонаж. Он имеет облик человека гиганта, великана. Когда-то на земле жили одни алпы. Они, как и нарты, были одними из первых обитателей земли. Имя *алп* встречается в сказках и эпических песнях. Героя известной ногайской песни зовут Алп-Манаш, но часто его называют сокращенно Алпамышем. В имени Алп-Манаш обращает на себя внимание то, что название *алп* в паре со словом *манаш*, которое по-ногайски означает людоед, одно из названий первочеловека.

В тюркской истории широко известен герой по имени Алп-Арслан.

В европейской мифологии хорошо известны люди первого поколения под названием альвы. Европейские альвы — карлики. Но сходство названий скандинавских альвов и тюркских алпов намекает на общий источник происхождения.

АЛТЫНШАШ — ЗОЛОВОЛОСАЯ

Алтыншаш — мифологический персонаж, представляющий собой красивую девушку с золотыми волосами. У ногайцев широко распространено имя Алтыншаш. Оно переводится как Золотоволосая. Мифологический образ *алтыншаш* бытует и в казахском фольклоре.

О функциях и похождениях *алтыншаш* рассказывается в богатырской сказке «Шестиногий аргамак и Кенжебай». В этой сказке она предстает разбойницей, кото-

рая убивает людей и похищает коней. Покоренная силой и храбростью парня Кенжебая, она выходит за него замуж. В легенде об Ак-топырак мать прославленного мифологического персонажа Асана Кайгылы была золотоволосой су-кызы (водной девой, русалкой). В казахской легенде об Ер-уйык женой Асана Кайгы стала су-кызы. По мнению казахского исследователя С. Кондыбая, *алтыншаш* представляет отдельный класс мифических существ. «Алтыншаш, — пишет ученый, — дочь владыки воды или водяного духа; такие персонажи встречаются в скифской, вероятно, и в сако-массагетской мифологии, в мифах тюркских и монгольских, а также северокавказских народов» (14, с.67). *Алтыншаш* в ногайской сказке живет во дворце на берегу реки. (См. в главе «Аргамак, ат» сказку «Шестиногий аргамак и Кенжебай».)

АМАН-БИЙКЕ — ЗЛАЯ ГОСПОЖА

Аман бийке означает Злая Княгиня, так нарицательно называют самку крота (крот — сокыр-юмран), так же называют и холодный восточный ветер. По легенде, за нечестное поведение Аман-бийке была заключена под землю. Когда на земле, среди людей и зверей, часто возникают ссоры и раздоры, нарушаются установленные порядки, тогда Аман-бийке выходит из-под земли и приносит людям неприятности в виде холодного и хлесткого ветра.

О периоде долгих холодных ветров ногайцы говорят так: «*Аман-бийке эседи*» («Дует Аман-бийке»). В Ногайской степи бытует предание об Аман-бийке, записанное писателем Тагиром Акманбетовым. Легенда дается в обработке автора книги.

Шерстяной младенец Легенда

Жил на свете один простак с женой. Тангри не давал им детей, и простак от этого очень горевал.

Чтобы как-то успокоить мужа, жена подложила под платье подушку и стала выдавать себя за беременную. Муж очень обрадовался тому, что у него ско-

ро появится ребенок. Однако прошли все сроки, а жена продолжала ходить беременной. Наконец муж понял, что жена его обманывает, и однажды стал избивать ее за это. Жена убежала из дому. Возле колодца она нашла мертвого крота, завернула его в наволочку от подушки и вернулась домой со свертком.

— Из-за твоих побоев у меня случился выкидыш, — сказала она мужу.

Муж заглянул под наволочку и спросил:

— Почему младенец зубатый, почему оброс шерстью?

Тогда женщина запела колыбельную песенку:

— *Каты-куты кайзарман деп,
Тисли тувган бебешим,
Ямгыр явса тонгарман деп,
Туькли тувган бебешим.
(Чтобы мог кусаться,
Зубатым родился мой младенец,
Чтобы от дождя не замерзнуть,
С шерстью родился мой младенец.)*

Она и сама стала верить своему обману. Распевая песенку, вышла из дому и вместе с кротом прыгнула в колодец. Говорят, что обманщица превратилась в самку крота и до сих пор живет под землей. Когда среди людей возникают ссоры, она выходит наружу, рассылает по степи холодный ветер и этим досаждают каждому дому. Поэтому ее и прозвали Аман-бийке — Злая Княгиня.

АНА — МАТЬ

Ана — так называют мать все тюркские народы. В ногайском фольклоре существуют устоявшиеся названия мифологических персонажей: *су-ана* — мать воды, *ер-ана* — мать земли, *от-ана* — мать огня. Воду, огонь, землю, как и небо, ногайцы считали священными. По лингвистическим данным прародительницу всего живого ногайцы

называли и именем Топана. Это название состоит из слов: тоьбе (верхушка, курган, макушка) и ана (мать) и означает Небесная мать, но в ногайском языке оно сохранилось за подземным змееобразным существом.

Образы легендарных матерей имеют широкое распространение в устно-поэтическом творчестве ногайского народа. Бозлау (причитания после смерти сына) эпических матерей стали хрестоматийными, в форме клише они кочевали из одной песни в другую. В эпическом фольклоре особо выделяется образ Менгли-ару, матери богатыря Шоры. Узнав о его гибели, она из крымских степей добирается до осажденной Казани. Менгли-ару обращается ко всем слоям казанского общества, чтобы найти тело утонувшего в Волге сына. Она возмущена тем, что никто не может дать ей вразумительный ответ. Знатные женщины принимают ее за нищенку и даже кладут ей в дорожную сумку чашку муки. В ее монологе есть такие слова:

*Ай, бийкелер, тотайлар,
Коркак баьтир анайлар,
Кайсынъыз ул тапкасыз
Казан сарда дувлаган
Хан ялалы Шорадай?!
(Ай, княгини и княжны,
Трусливых батыров матери,
Которая из вас сына родила,
За Казань так неистово воевавшего,
Как мой хану подобный Шора?!)*

Разоблачая знатных женщин, она осуждает амбиции аристократов, которые продолжают плести интриги и не дают должной оценки своим заступникам, настоящим защитникам Казани — ногайским богатырям. Главная направленность бозлау Менгли-ару — это оживление образа сына, напоминание о его поступках, его героизме. Материнские причитания оказывали огромное эмоциональное воздействие на народ. Мать, родившая богатыря, никак не могла смириться со смертью своего детища и призывала народ увековечить имя героя. Это выглядело естественным и вполне логичным призывом.

В эпических песнях ногайцев популярно имя матери Дана-бийке. В нескольких исторических песнях присутствуют героини с этим именем. Оно связано с супругой легендарного полководца, темника Ногая, в 13 веке зало-

жившего основу самостоятельного ногайского государства в Золотой Орде. Ногай был несколько раз женат. В 1240 году он женился на византийской принцессе Дафне из рода Комнинов, к этому времени отстраненных от власти. Позднее, в 1265 году, Ногай, нанеся поражение византийскому императору Михаилу Палеологу, взял в жены его дочь Ефросинью. Были у Ногая и другие жены. Но Дафна была наиболее известная. Кроме своей знатности, в Золотой Орде она славилась как искусная исцелительница. Дафна спасла от смерти самого Бату-хана и своего мужа Ногая. Имя Ногая широко известно в иранской, арабской, византийской исторической литературе. Хотя в литературных источниках этого не указано, весьма вероятно, что Дафна была матерью сыновей Ногая и играла активную роль во внутренней и международной политике того времени. Участие Ногая и его сыновей в войнах на Балканах и на окраинах Византии проходило не без ее влияния. Будучи женой Ногая, она носила официальное титульное имя Байлак-хатун (Связующая госпожа), но народная память сохранила имя, данное ей при рождении: Дафна, Дана.

В ногайских песнях это имя мифологизировано и олицетворяет образ идеальной матери. Интересно, что в ногайском и казахском фольклоре жену Асана Кайгылы тоже именовали Дана. В исторической песне «Адиль-Солтан» Дана-бийке — мать молодого хана Адиль-Солтана. В моей книге «Бессмертная смерть» (Ставрополь, 2004 г.) приводились художественные параллели этой песни и литературного памятника «Слово о полку Игореве» (Сон Дана-бийке и сон Ярославны, плач Дана-бийке и плач Ярославны). Плач Ярославны в «Слове о полку Игореве» стал ярчайшим образцом поэзии в русской литературе, плач Дана-бийке тоже заметно выделяется глубоким поэтическим искусством в ногайском эпическом творчестве.

Для наглядности приведем отрывок из песни «Адиль-Солтан»:

*Там уйлерге коьшув йок,
Йыламай эки коьзге тынув йок,
Туваяк йок, тувган йок,
Кулынымды йокларга,
Бавырына басарга,
Кулыншагым, меним Адилмнен*

шкурку и заставляли женщину причитать. К сожалению, мы не знаем слов причитаний, но сам этот прием говорит за себя. Ногайская мать часто говорила: «Если мой ребенок будет змеем, то все равно обовью им свой живот!» Все это характеризует образ матери, символизирующий вечную природу.

АНДИР-ШОПАЙ — БОЖЕСТВО ПЛОДОРОДИЯ

Андир-Шопай, Андыр-Шопан, Ындыр-Шопан — имя небесного божества плодородия.

Во время длительных засух ногайские дети делали большую куклу: на две сбитые крест-накрест палки надевали женскую одежду, которую обычно давала одна из уважаемых старух, затем брали с собой сумки для продуктов и, подняв куклу, с песнопениями обходили все дома аула. Остановившись возле ворот, они устраивали танцы и пели песни. Хозяева домов выходили с ведром воды и из кружки поливали куклу, в сумку детям клали конфеты, яйца, сыр, кыйма, фрукты, а потом тоже примыкали к их шествию. Народ собирался возле аульского кургана. Дети с куклой, поднявшись на курган, пели песню об Андир-Шопае, танцевали, хлопали в ладоши. Слова песни были такие:

*Ямгыр явсын, Андир-Шопай,
Арпадан, бидайдан
Бежен толсын, Андир-Шопай,
Тилеймиз Тангри-Кудайдан.
Оьп, оьп, Андир-Шопай,
Андир-Шопай, ямгыр явсын,
Бавда шарлак авсын,
Оьлген йьлан тирилсин,
Оьлен бийик оьсин.
Оьп, оьп, Андир-Шопай,
Яв, яв, ямгыр, яв, яв!
Берекет болсын ерден.
Куй, куй, ямгыр, куй, куй,
Бийдай болсын белден.
Оьп, оьп, Андир-Шопай!
Ямгыр явар, булыт кетер,
Язлык бийдай шашылар.
Халкка шатлык келер,*

*Наьсип йолы ашылар,
Оьп, оьп, Андир-Шопай!
(Пусть дождь польет,
Андир-Шопай,
Ячменем и пшеницей
Пусть сапетки наполнятся,
Андир-Шопай,
Просим у бога Тангри.
Целуй, целуй, Андир-Шопай,
Пусть дождь польется,
Пусть сады воспрянут,
Мертвые змеи оживут,
Травинки вверх взойдут,
Целуй, целуй, Андир-Шопай,
Лей, лей, дождик, лей, лей!
Пусть будет благодать на земле,
Проливайся, проливайся,
дождь, проливайся!
Пусть пшеница до пояса вырастет.
Целуй, целуй, Андир-Шопай,
Дождь прольется, тучи рассеются,
Если посеешь пшеницу,
Путь к счастью всем откроется.
Целуй, целуй, Андир-Шопай!*

Подстрочный перевод — И. К.)

Этот древний обряд проходил во всех местах, где жили ногайцы, независимо от того, кочевой или оседлый образ жизни они вели. Еще совсем недавно его можно было наблюдать у оседлых кубанских ногайцев. После шествия детей с куклой по аулу все его жители собирались возле кургана. Затем старейшины обмывали специальные камни крупных размеров. После этого дети вели аульчан к реке. На берегу устраивались моления, резали корову, заранее купленную в складчину. Варили мясо в казанах и угощали всех пришедших. Кости жертвенного животного собирали в одно место и закапывали в яму. Текст песен был примерно один. Имя божества у кубанских ногайцев отсутствовало.

По поводу этимологии названия божества существует несколько версий. Есть мнение, что правильно будет его называть *Эндир-Шопай*, *Эндир-Шопан* — Внедряющий Шопай. Но вполне вероятно, что первая часть имени означает *Индра* — это название арийского божества Громовика. Вторая часть имени *Шопай* происходит от слова *шоьп* — растение, прутник. В ногайском фольклоре Шопан-ата

считался покровителем овцеводства. Видимо, от этого названия произошло слово *чабан* (пастух). Божество Шопан, Шопан-ата известно и у других тюрков, например, у туркмен оно также покровительствовало овцеводству. Есть и другое объяснение этого имени. Детородный орган мальчиков ногайцы называют *шапай*, *шумей*, *шумекей*. Хлопанье в ладоши обозначают словами *шапай какты* (букв. перевод: шапай тыкается), и думается, что это выражение тоже связано с божеством плодородия. Дети, когда несли Андир-Шопай, постоянно делали вертикальные движения куклой и хлопали в ладоши. Обращают на себя внимание слова песни:

*Оьп, оьп, Андир-Шопай,
(Целуй, целуй, Андир-Шопай.)*

Этими словами Шопая призывают к любовному слиянию с землей. Андир-Шопай – божество мужского пола. Дети, наряжая куклу в женскую одежду, выставляли женский образ земли для невидимого небесного персонажа.

Любопытно, что кубанские ногайцы бросали чучело Андир-Шопая в реку, а караногайцы, на земле которых нет проточных рек, закапывали в землю.

В произведениях ногайского писателя Суюна Капаева приводится еще одно любопытное и труднообъяснимое наблюдение. Когда приходила засуха, ногайцы, чтобы вызвать дождь, выкрадывали обувь любвеобильной женщины и бросали в реку.

В честь божества Шопая, Шопана ногайцы проводили грандиозный праздник «Сабантой». Изначально название праздника звучало как «Шопантой». (См. ниже главу «Сабантой».)

АНТЛАС — ПОБРАТИМСТВО

Антлас — так назывался обряд побратимства, который имел широкое распространение среди народов Великой степи. Этимология этого названия происходит от корня *ант* — клятва. Часто обряд совершался в детском возрасте. Давали клятву верности и в юношеском, и в зрелом возрасте. Клятва закреплялась питьем напитка из одного тостакая (кубка). Клятвенные друзья — *ант дослар*, надрезав руки, напускали кровь в напиток и выпивали его из одной чаши. После этого деяния давшие клятву

анты считались людьми одной крови. Обряд этот существовал и в глубокой древности среди скифов. Широко известно золотое украшение, где изображены два сросшихся скифа, которые пьют напиток из одного сосуда.

По летописным источникам читателям хорошо знакома история клятвенных друзей Чингиз-хана и Джамухи. Будучи детьми, они на льду замерзшей реки Онон дали друг другу клятву верности. Покоритель Вселенной долго не мог нарушить данный обет. Неоднократные измены Джамухи не могли толкнуть его на убийство друга. Подвергаясь смертельной опасности от коварства Джамухи, грозный полководец сохранял жизнь анта и отпускал его на свободу. Велика была сила обычая побратимства, она была выше родственных уз. Клятвенная дружба Чингиз-хана и Джамухи мифологизирована в фольклоре тюркомонгольских народов и упоминается во многих эпических песнях. Так, в знаменитой ногайской песне «Эдиге» одно из центральных мест занимает клятвенная дружба ногайского полководца Эдиге и визиря хана Тохтамыша Джамбая (Кенг-Джанбая). Джамбай один из главных героев эпоса «Эдиге». Характерно, что Джамбай, как и Джамуха в отношении Чингиз-хана, ведет себя коварно по отношению к Эдиге. В конце концов Джамбай, как и в чингизхановской истории, подвергается казни. Имя Джамбая как нарушителя великого степного обычая широко используется в ногайском фольклоре. В этой роли он выступает и в другой ногайской древней песне «Амет, сын Айсыла». Человека, уличенного в неверности, ногайцы до последнего времени называли «джамбаем».

Обряд *антлас* часто упоминается в ногайских сказках. Легендарной была дружба сказочных героев Асы и Мусы. (В главе «Аса-Муса» см. сказку «Добром — на добро»).

АНГШЫБАЙ — ОХОТНИК

Аншыбай — имя легендарного охотника, образ первого охотника на земле. Слово *аншы* — означает охотник, *бай* — богач, имя переводится как «Богатый охотник».

той». В фольклорной родословной основателя ногайского государства Эдиге имя Ангышбая стоит выше даже легендарного Баба-Тукли-Шашлы-аса. Казахские ученые также придают большое значение этому персонажу и считают его основателем богатырской династии. В ногайской мифологии он часто фигурирует безымянным охотником, но иногда ему даются различные красочные имена. Например — Буланбай («Богатый лосьями», лось считался почитаемой добычей охотника). Легенду о Буланбае записал ногайский фольклорист Тахир Акманбетов. Она дается в обработке автора книги.

Легенда о Буланбае

Когда в песках жеребенок резвился, в барханах перекасти-поле каталось, плоды деревьев до земли свисали, птицы заливались пением, о зле никто не помышлял, охотник Буланбай встретил столикое существо с острым, как копье, носом, с ушами, как два щита, с зубами, как соколиные кости, с глазами, как две змеиные головы.

— Выбери, — сказала существо, — или я тебя съем и от тебя ничего не останется, или же я оставлю живой твою душу-муху, но только ты доберешься до Сары-тобе (Мировой горы) и там, сварив в котле собственное тело, должен сам его съесть.

Буланбай согласился на второе условие, не захотелось ему исчезать навсегда.

Душа Буланбая превратилась в черную муху, а существо потащило его тело до подошвы Сары-тобе. Сары-тобе — величавая высокая гора. Ее правая сторона светлая, солнечная, а левая — темная, как ночь; на вершине ее Байтерек (Мировое дерево) растет, ветви которого до самого неба уходят. С правой стороны Байтерека белые облака стелятся, а с левой — черные тучи.

Буланбай, ради того, чтобы спасти свою душу, сварил в казане собственное тело и съел. Как только он это совершил, раздался взрыв, обломки дерева упали на землю, и новая жизнь началась на земле. Появились люди с черными помыслами и черными

душами, только о себе думающие, честь и достоинство продающие, ни во что не верующие, ради своей жизни все живое пожирающие...

АРГАМАК, АТ

Ат — это название лошади. *Аргымак* (аргамак) — название мифологического коня, но так ногайцы называют еще и одну из лучших пород лошадей. В этимологии названия *аргымак* участвует два слова: *аргы* — потустороннее и *мак, бак* — ведать, так что слово *аргымак* переводится как «потустороннее создание». В тексте используется русское правописание: аргамак.

Ногайцы, будучи номадами, свою жизнь не представляли без коня. Ногайское войско состояло исключительно из конницы. И не случайно в ногайских мифах лошадям отводилось одно из главных мест. В устно-поэтическом творчестве ногайцев есть несколько десятков кличек легендарных коней. Коней эпических богатырей Эдиге и Шора-батыра звали Карагер, коня Эр-Таргыла — Тарлан (в другом варианте Карабоз), Мамаю — Кер-Шубар, Карт-Кожака — Каска-Азбан, Карайдара — Йийрен, Копланлы — Курен.

Интересные данные о значении коня в жизни ногайца приводит ногайский ученый Ашим Сикалиев в книге «Ногайский героический эпос». «У ногайцев есть много поговорок о лошади, — пишет он. — Так, ногайцы говорят «Ат — мырат» («Конь — мечта»), «Аьруьв деген атка мингендей» («Хорошее дело подобно оседланию коня»), «Ялгыздынъ куьни каранъа, яявдынъ куьнин сорама» («Дни одинокого человека темные, о дне пешего и не спрашивай»).

Скакуны эпических богатырей, быстрые, выносливые, чуткие, преданные, часто спасают батыров от смерти. Конь постоянный спутник многих мифических персонажей. Шестиногие или восьминогие аргамачи передвигаются по небу, сопровождают героев в подземном царстве, переносят всадников через водную стихию. Они дают советы, находят хозяина в опасную минуту, ради спасения человека приносят себя в жертву.

Как считают некоторые исследователи, главный герой эпической песни «Амет, сын Айсыла» Амет (Ахмет) является мифическим персонажем. Его конь Кара-ат тоже мифологизирован. Подтверждением сакральности коня служит само обращение Амета к мифической горе Аскар-тау:

*Аскар, Аскар, Аскар-тав,
Сенсинъ меним бийигим,
Атагымды сен шыгардынъ, юйригим,
Шагыл-Шугыл тавлардан,
Шакал оьтпес йоллардан,
Камалаган коьлем яелардан
Ян куткарган юйригим.
(Аскар, Аскар, Аскар-гора,
Ты моя высота,
Происхождение мое простое,
Но высокую славу ты сделал, мой скакун,
Среди гор Шагыл-Шугыл,
Где тропу шакал даже не находил,
От бесчисленных моих врагов
Душу мою спас ты, мой скакун.)*

В ногайских фольклорных произведениях конфликты часто разворачивались вокруг коня. Например, небесных коней (*коьк ат*) похищала аздага в облике тучи, а герой уходил на их поиски и, победив чудовище, возвращал похищенное. В мифах, сказках хороший конь вырастал из пегого жеребенка. Это глубоко символическое явление, так как пегая масть — неопределенная масть, она подчеркивала потустороннее сакральное происхождение.

Кроме аргмака, в ногайской мифологии есть конь, имеющий крылья. Его наши предки называли *тулнар*, речь о нем пойдет в отдельной главе.

Ногайцы глубоко верили, что лошадь неразлучна с человеком даже в ином мире. Главным жертвенным животным у кочевников была лошадь. На поминках резали лошадей для трапезы. Обычно в жертву приносились лошади рыжей и пегой масти. Нельзя было резать ушибленных, больных животных. Черепа и шкуры зарезанных лошадей вывешивали на оградах, чтобы духи знали о принесенной жертве и были благосклонны к хозяевам дома. Древние предки ногайцев при похоронах рядом с покойником помещали тушу коня. Это делалось для того, чтобы конь продолжал служить хозяину.

Ногайский писатель Суюн Капаев приводит интересное поверье в повести «Ногайский дом». Если не хотели принести в жертву скакуна, который был гордостью рода, то для этого у него брали слюну и мазали рот лошади, которую на самом деле приносили в жертву.

В богатырской сказке «Шестиногий аргамак и Кенжебай» живописно рассказывается о дружбе человека и коня. В ней ярко продемонстрированы такие известные мифологические персонажи, как елмауыз, каракус, Алтыншаш и другие. Сказка записана ногайским просветителем Абдулхамидом Джанибековым. Дается в обработке автора.

Шестиногий аргамак и Кенжебай

В давние времена жил один богатый бий. У него было трое сыновей. Перед смертью он собрал детей, раздал им свое богатство и сделал наставление:

— Когда будете охотиться, то не ходите на север.

После смерти отца первым на охоту выехал старший сын. Его сопровождали сорок дружинников, все были на добрых конях, на руках держали ловчих птиц, вперед пустили гончих собак. Шум подняли, всю округу на ноги поставили. Сначала на восточной стороне побывали, после повернули на западную сторону, затем — на южную, но всюду было мало дичи. Тогда сын бия решил нарушить завет отца и повернул свиту на север. Когда охотники бродили в поисках дичи, какой-то ошалевший заяц пересек им путь. Это было плохой приметой, поэтому сначала вдогонку ему пустили птиц и собак, а потом и сами погнались за зайцем. Заяц не дал себя догнать и исчез в каком-то незнакомом лесу. Охотники, снова взяв на руки ловчих птиц, поскакали за собаками. Собаки вывели их к озеру. А на озере было полным-полно гусей, уток. Настреляли много дичи, наполнили переметные сумки и, довольные охотой, отправились обратно. По пути домой в лесу встретили одинокий дом. Зайдя в него, охотники увидели накрытый всякими яствами и напитками стол. Они сытно поели, напились. Когда захотели уходить, кто-то сказал:

— Куда мы на ночь глядя пойдем? Еды вдоволь, питья много. Давайте еще посидим.

Так они остались, пировали до полуночи, а после, где кто место нашел, там и уснул.

Когда они уснули, кто-то пришел в дом, всех зарезал и увел лошадей.

Прошло время. Второй сын бия тоже решил поохотиться. Он тоже собрал свиту из сорока дружинников, взял ловчих птиц и собак и отправился в путь. Ни на востоке, ни на западе, ни на юге опять не было дичи. Тогда, нарушив завет отца, повернули на север. Опять дорогу перебежал заяц, охотники погнались за ним и вышли к озеру. У озера охотники настреляли дичи, на обратном пути наткнулись на дом, где были полные мясом казаны и столы с яствами. Охотники наелись и напились, затем уснули. Ночью пришел кто-то, зарезал всех и увел лошадей.

Прошло время. Младший сын по имени Кенжебай отправился на охоту. Он тоже собрал свиту из сорока дружинников, ловчих соколов и собак взял с собой. Ни в восточной, ни в западной, ни в южной части дичи не было. Кенжебай не хотел нарушать завета отца, но решив найти братьев, повернул свиту на север. Ему тоже встретился ошалевший заяц, охотники погнались за ним и вышли к озеру. У озера они настреляли уток и гусей, а на обратном пути набрали на одинокий дом. В доме было еды вдоволь, на столах стояли напитки. Все наелись и напились.

— Поздно, надо уходить, — сказал Кенжебай.

Только его свита отказалась возвращаться, всем хотелось задарма попить.

— Тогда, — сказал Кенжебай, — вы веселитесь, а я снаружи посторожу вас.

Выйдя из дому, он стал искать укромное место, но не найдя ничего, залез в пустую бочку, стоявшую во дворе. Ночью было тихо, ничего плохого не предвещало, и Кенжебай заснул. Когда он спал, приехал кто-то на шестиногом аргамеке. Этот кто-то перебил всех дружинников, затем пересчитал коней во дворе.

— Коней сорок один, а убито сорок человек, — сказав так, он стал искать сорок первого, но не найдя никого, угнал всех лошадей.

Проснувшись утром, Кенжебай увидел, что вся его свита перебита и лошади пропали. Стал разбираться в лошадиных следах и понял, что напавший был на шестиногом коне. Он пошел по следу. Долго шел. Следы вывели его к юрте.

— Салам алейкум, уважаемые! — закричал у входа Кенжебай.

— Входи с миром! Гостем будешь! — раздался голос из юрты.

Кенжебай вошел. В передней части жилища сидела старуха елмауыз, а нос ее до входа в юрту доставал.

— В этих местах нога человека не ступала, как ты здесь оказался? — спросила елмауыз.

— Я ищу джигита, который на шестиногом аргамаче ездит, он тут прогнал сорок одну лошадь. Вы не видели?

— Я не видела, но может, мой сын видел. Он в день весь мир облетает, вот-вот должен вернуться. Только он слишком сердитый: если увидит тебя, может убить, — сказав так, старуха-елмауыз превратила джигита в лопаточную кость и спрятала под таз.

Через короткое время сын старухи каракус прилетел, ветер поднял, на дерево сел, затем спрыгнул на землю и, превратившись в статного джигита, зашел домой.

— Человечий запах чую! — сказал он, оглядываясь вокруг себя.

— Откуда тут человеческому запаху взяться? Проходил один джигит мимо юрты, про всадника на шестиногом аргамаче расспрашивал. Этот всадник угнал у него сорок одну лошадь. Ты по миру кружишься, а о подобных вещах мне не рассказываешь? — сказала с обидой старуха-елмауыз.

— Я не видел такого всадника. Если кто и видел его, так это мог сын твоей старшей сестры видеть. Он в день два мира успеваешь облететь и много видит.

На следующее утро сын опять превратился в каракуса и полетел мир смотреть. Старуха вернула Кенжебаю настоящее обличье. Кенжебай слышал слова сына старухи-елмауыз и собрался уходить на поиски. Но елмауыз остановила его:

— Не знаю почему, но ты мне понравился своей храбростью и настырностью. Я таких люблю. Поэтому я бы хотела тебя усыновить. Если из нутра не выходят, то дитем не становятся. — Сказав так, старуха-елмауыз проглотила и выплюнула Кенжебая. — Теперь ты как мой родной сын. Никто тебя в этой стороне не тронет. У меня чудесное веретено есть: если из него будет капать мед, то я буду знать, что ты живой, если же из него кровь закапает — это знак о твоей смерти, тогда я на помощь к тебе приду, — сказала она.

Кенжебай ушел и долго бродил по лесу, пока не нашел юрту, в которой жила старшая сестра елмауыз. Кенжебай поведал ей о своих делах, передал привет от младшей сестры.

— Я тоже не видела этого всадника, но может быть мой сын что знает. Он в день два мира облетает и многое видит.

Когда должен был вернуться сын, она спрятала Кенжебая под тазом. Прилетел сын каракус, превратившись в джигита, вошел в дом. Старуха-елмауыз расспросила сына, но сын ответил, что не видел такого всадника.

— Наверное, сын твоей старшей сестры знает — он три мира облетает в день и многое видит.

Так Кенжебай попал к третьей сестре-елмауыз. Когда прилетел сын каракус, и, превратившись в джигита, вошел в дом, она у него спросила:

— Ты в день три мира облетаешь, не видел ты всадника на шестиногом аргамаке, сорок одну лошадь угнавшего?

— Видеть-то видел. Да зачем тебе этот всадник? — спросил он.

— Наша сестра человека прислала. Ему нужно.

— Только на шестиногом аргамаче не джигит ездит, это дерзкая девушка угоняет лошадей. Она вон на том хребте в двухэтажном доме живет, но к дому никто не может подойти, а кто посмеет — того она сразу пристрелит из лука. Проказница Алтыншаш никого не боится. Надо только под землей подкоп делать. Возле дверей дома собаки сторожат, а шестиногий аргамач любого человека чует и сразу ржет, а на ржанье девушка с медной камчой выходит. Пусть джигит подкоп сделает, а чтобы собаки не почуяли, медом обмажется. Когда к дому проберется, пусть к аргамачу подойдет, погладит его рукой и спрячется. Тогда аргамач заржет, а на ржанье девушка с камчой выйдет. Пусть так три раза сделает. Алтыншаш на третий раз скажет: «Сон из-за тебя потеряла!» — и огреет аргамача камчой. Аргамач обидится и больше не будет ржать. Тогда джигит пусть тихо войдет в дом, подкрадется к кровати, на которой она спит, тихо переплетет ее золотые волосы и привяжет к своему поясу, а затем возьмет медную камчу и конец ее на огне подпалит. Девушка от этого начнет извиваться, корчиться от боли, будет пощады просить. Он пусть не жалеет ее, пока она не согласится отдать ему шестиногую аргамачу и все свои богатства. Когда она согласится на его условия, тогда пусть и отпустит.

Как сказал каракус, так Кенжебай и поступил. Он сделал подкоп к дому, обмазался медом, пробрался в дом, связал волосы девушки и стал подпаливать конец волшебной камчи. Девушка отдала Кенжебаю шестиногую аргамачу, вернула всех угнанных коней. Когда он хотел покинуть дом, она стала умолять его:

— Я понимаю свою вину. Но я никогда не встречала такого джигита, как ты! Не бросай меня, оставайся, будем вместе жить...

Кенжебай согласился. Стали они жить вместе. Жили счастливо, в согласии.

Как-то Алтыншаш пошла к реке купаться, и в реку упал локон ее золотых волос. Этот локон тече-

ние унесло в другую страну. Рыбаки, ловившие там рыбу, очень сильно испугались золотых волос, подумав, что это аздага под водой плывет, и разбежались в разные стороны. Только один старый рыбак не испугался, он на лодке подплыл и вытащил из воды золотой локон. Рыбаки издалека увидели, что сделал старик, и доложили об этом хану. Хан велел своим нукерам, чтобы они привели к нему старика.

— Почему не явился ко мне и не доложил, что нашел в моих владениях сокровище?! — закричал в ярости хан.

— Хотел я принести и показать тебе золотые волосы, да вот заболел и не смог вовремя явиться, — сказал старый рыбак и отдал хану золотые волосы.

Тот очень удивился находке старика. Затем объявил своим подчиненным:

— Кто найдет, кому принадлежат эти волосы, я тому человеку половину ханства отдам!

Во всем ханстве не нашлось никого, кто бы мог исполнить волю хана. Только одна старуха Азазил (Демон) пришла к нему:

— Я найду то, что ты ищешь, — сказала она.

Старуха взяла лодку, положила в нее мешок с колдовскими напитками и яблоками и поплыла вверх по течению. Когда старуха добралась до места, где жили Кенжебай с Алтыншаш, она вытащила лодку на берег, спрятала свой мешок в кустах и села на тропинке.

Кенжебай, возвращаясь на шестиногом скакуне с охоты, увидел прикинувшуюся несчастной старуху.

— Ты кто такая? Почему здесь сидишь? — спросил он.

— Я бедная старуха, не знаю куда идти, никого у меня нет. Если бы ты, добрый молодец, меня пригласил в дом, то я бы помогала тебе по хозяйству, — стала умолять она.

Кенжебай пожалел старуху и привел ее домой.

— Я на берегу реки встретил старуху, ей некуда идти, пусть будет помощницей по дому, — сказал он жене.

Старуха не понравилась Алтыншаш:

— Откуда ты знаешь, кто она такая? Чтобы быть подальше от беды, уведи ее туда, откуда взял, — сказала она.

— Ничего не случится! Она бедная старушка! Тебе хоть поговорить с кем будет, — сказал Кенжебай и оставил Азазил в доме.

Старуха стала жить в их доме.

Как-то Кенжебай ушел на охоту, а Азазил обратилась к Алтыншаш с такими словами:

— Если тебя твой муж любит, то ты должна знать, где его душа находится.

— Кенжебай меня любит. Но зачем мне знать, где находится его душа? — удивилась Алтыншаш.

— Нет, ты расспроси его. Любящие люди должны знать друг о друге все. Секретов не должно быть. Ты тогда точно узнаешь, любит он тебя или нет.

— И как я у него об этом спрошу?

— Давай так сделаем. Когда он вернется с охоты, то я выйду ему навстречу. Он спросит: почему ты не вышла? А я скажу, что ты захворала. Тогда ты и спроси у него: где его душа находится?

Так они и договорились. Кенжебай вернулся с охоты. Азазил вышла навстречу и хотела взять за повод шестиногого аргамака, однако аргамак не подпустил старуху к себе и шарахнулся в сторону.

— Где жена? — спросил Кенжебай.

— Она захворала, в постели лежит, — ответила старуха.

Кенжебай сам отвел коня к стойлу и пошел в дом. Дома, поев, он спросил у жены, что с ней.

— Между нами секретов не должно быть. Скажи, где твоя душа находится? — спросила она, как ее научила Азазил.

— Зачем тебе это? — удивился Кенжебай, но подумав, ответил в шутку: — Если так хочешь знать — моя душа в моем луке.

Старуха подслушала ответ Кенжебая. Она рано утром встала и, найдя лук, подрезала тетиву, затем, увидев пробегающего мимо дома зайца, крикнула:

— Тут заяц бежит, пусть Кенжебай пристрелит его!

Кенжебай быстро выбежал с луком и стрелой, хотел натянуть лук, но тетива оборвалась. Тогда джигит взял с пояса другую тетиву, привязал к луку и, положив стрелу, успел застрелить зайца.

После этого происшествия Кенжебай опять пошел на охоту. Старуха, поняв, что Кенжебай не сказал правды, опять пристала к Алтыншаш:

— Твой муж неискренен с тобой. Если он скажет, где его душа находится, то тогда ему во всем можно доверять. Я жизнь прожила и знаю, что к чему.

Жена поверила Азазил и, когда муж вернулся с охоты, она высказала ему свою обиду.

Тогда Кенжебай ей сказал:

— Моя душа в золотой коробочке, которая заплетена в мой айдар (чуб на макушке головы).

Старуха подслушала этот разговор и, когда Кенжебай заснул, незаметно расплела айдар и вытащила золотую коробочку. Утром она пошла к реке и выкинула коробочку в воду. Вернувшись в дом, крикнула:

— Во дворе дичи много! Пусть Кенжебай выйдет и застрелит!

Алтыншаш стала будить мужа, а он умер. Тело стало холодом отдавать. Жена зарыдала, стала царапать ногтями лицо, причитать и исторгать вопли. Азазил пошла к реке, нашла свой мешок, вытащила из него колдовские напитки и яблоки и стала поить и кормить обезумевшую от горя женщину. Когда у той помутился разум, старуха повела ее к реке, усадила в лодку и отплыла домой. По пути, когда Алтыншаш приходила в себя, она давала ей свои напитки и угощала яблоками.

Так старуха Азазил привезла к хану женщину с золотыми волосами. Хан очень обрадовался Алтыншаш. Как и условились, половину своего ханства он отдал Азазил.

Алтыншаш понравилась хану, и он сказал, что хочет на ней жениться.

— По обычаю я должна блюсти траур. Поэтому ты ко мне не приближайся. Потерпи год, а после я буду твоей, — сказала женщина.

Хану понравились ее слова, и он велел построить дом недалеко от своего дворца. Алтыншаш стала жить в этом доме, возле родника.

А тем временем старуха-елмауыз, которая усыновила Кенжебая, взяла в руки веретено и увидела, что из него капает кровь. Она обратилась за помощью к сестрам, те сказали о несчастье своим сыновьям. Сын первой елмауыз ведал всеми зверями и животными на земле, сын второй елмауыз правил всеми птицами на небе, сын третьей елмауыз царствовал над теми, кто живет под землей и в воде. Три сестры и их сыновья каракусы собрали всех своих подвластных и стали расспрашивать, кто что знает о смерти Кенжебая. Оказалось, что собравшиеся звери, животные, птицы, рыбы и подземные обитатели ничего не знали об этом. Тогда каракусы спросили, все ли явились на это собрание. Одна рыба ответила, что среди них не видать старой и слепой щуки. Повелитель рыб каракус приказал своим подданным:

— Найдите и приведите сюда эту щуку!

Когда привели старую щуку, каракус спросил, почему она не явилась по первому приглашению.

— У меня очень сильно болит глаз, поэтому я не смогла прийти, — ответила щука.

— А что у тебя с глазом? — спросил каракус.

— Как-то я плавала под водой и что-то твердое ударило по нему. Когда глаз заболел, я догнала падающую блестящую вещь и проглотила, с тех пор у меня внутри тоже нестерпимая боль, я с трудом двигаюсь.

Каракус позвал врачей, которые разрезали брюхо щуки, достали оттуда золотую коробочку и зашили брюхо. Щуку отпустили в воду, а золотую коробочку положили на макушку Кенжебая и заплели в косу. Как только это сделали, Кенжебай вмиг ожил и встал на ноги.

— Что-то я долго спал, — произнес он и, увидев сестер елмауыз, спросил: — А вы что тут делаете?

Старухи рассказали ему все как было. Кенжебай, выслушав их, сказал:

— Вы будьте здесь, а мне надо идти.

Кенжебай оседлал своего шестиногого аргмака и отправился искать жену. Долго он ее искал и, наконец, попал в нужное ему ханство. На окраине города он увидел детей, которые пасли телят, подозвал их к себе и спросил:

— Какие новости в городе?

— Наш хан женится на молодой женщине с золотыми волосами, — ответили дети.

Кенжебай, расспросив, где проживает женщина, отправился пешком к ее дому. Остановился возле родника. В это время из дому вышла служанка с медным кувшином. Когда она подошла к роднику, Кенжебай дал ей золотую монету.

— Я хотел напиться воды, — сказал он.

Служанка протянула ему кувшин. Кенжебай, когда пил воду, незаметно кинул в кувшин кольцо, когда-то подаренное женой. Служанка пошла в дом, где ее поджидала хозяйка, чтобы умыться. Когда служанка стала поливать ей из кувшина, хозяйка сказала:

— Лей хорошенько!

Подняв кувшин, служанка сильно полила воду. Из кувшина в тазик со звоном упало кольцо. Хозяйка, подумав, что оно упало с ее пальца, подняла кольцо и положила в карман.

Служанка опять ушла принести воды. Алтыншаш посмотрела ей вслед и возле родника увидела мужчину, но издалека не узнала Кенжебая. Затем она стала прибирать свои вещи и заметила среди них свое кольцо. Вытащила из кармана другое точно такое же — и вспомнила, что дарила его своему мужу. Алтыншаш все поняла и побежала к роднику. Так они встретились. Стали думать, как поступить.

Алтыншаш сказала:

— Завтра будет свадьба. По обычаю я буду подавать джигитам мед в чаше. Ты тоже подъезжай на аргамаче. Нагнись, будто берешь чашу с медом, захвати меня и скачи прочь со свадьбы. Шестиногого аргамача никто не догонит.

На следующий день началась свадьба. По обряду невеста подавала джигитам чашу с медом. Джигиты пригубливали, благодарили невесту и готовились к состязаниям. Когда очередь дошла до Кенжебая, он схватил руками невесту и кинул перед собой. Хан и стража не успели опомниться, как шестиногий аргамач унес джигита и Алтыншаш.

Кенжебай с женой вернулись домой и стали жить счастливо.

АРНАУТ

Арнаут — мифологическое существо, его считают мужской особью албаслы. Внешним обликом оно более схоже с агаш-киси. Если у агаш-киси из груди торчит лезвие топора, то у арнаута вместо носа стальное лезвие, а подошвы каменные. Перед тем, как напасть на человека, *арнаут* точит лезвие о свои каменные подошвы. Этимология слова *арнаут* до конца не выяснена. Слово *арна* и производное от него *арнады* означает посвящать кого-то, превращать в кого-то. Возможно, первоначально словом арнаут называли оборотня. Персонаж арнаут встречается в эпической песне «Копланлы-батыр». Эпизод, связанный с ним, очень напоминает предание об агаш-киси, что не кажется случайным из-за сходства этих мифологических персонажей.

Предание «Встреча с арнаутом» из песни «Копланлы-батыр» обработано автором книги.

Встреча с арнаутом

Когда стемнело, Копланлы отпустил коня, а сам разжег костер и стал на огне жарить мясо. К нему подошло крупное существо и село рядом. Копланлы

хорошо не разглядел пришельца и по ногайскому обычаю подал ему мясо. Они поели.

— Ты кто? — спросил Копланлы.

— Я арнаут, самец албаслы, — ответило существо, не показывая своего лица.

Они разговорились.

— Как вы, люди, ночью спите? — спросил арнаут.

— Люди спят без звука, даже дыхания не слышно, — ответил Копланлы.

Так они посидели. Копланлы, подложив под голову седло, решил поспать. Однако уснуть никак не мог, из головы не выходили вопросы незнакомца. Он посмотрел на арнаута — тот спал в сторонке с открытыми глазами, а зрачки у него горели, как лампочки. Тогда батыр встал, принес бревно, укрыл его своей буркой, а сам спрятался на дереве. Глубокой ночью проснулся арнаут и стал точить нос о свои подошвы. Затем он встал и, разбежавшись, бросился на бревно, укрытое буркой, думая, что под нею спит Копланлы. Нос арнаута, как нож в масло, вонзился в дерево. Батыр, убедившись, что арнаут намеревался его убить, спрыгнул с дерева, выхватил из-за пояса саблю и отрезал чудовищу нос. Арнаут с воплем убежал в лес.

АРУАК — ДУХ ПРЕДКОВ

Аруак — дух предков. В некоторых местах проживания ногайцев его еще называют *аурак*. Это понятие пришло вместе с мусульманской религией. До принятия ислама ногайцы называли дух умершего человека *сульдер* (призрак, тень человека). Многие качества, свойственные *сульдеру*, перешли на *аруак*. Поэтому представители религии часто упрекают ногайцев за массовые и частые жертвоприношения в честь духа предков. По представлению ногайцев, аруак посещает могилы предков, дом, где он жил в человеческом обличье. Его нельзя забывать, в его честь надо приносить жертвы, делать *дуа* (творить молитвы), слагать *бозлау* (поминальную песню). Кубанские ногайцы до сорока дней ежедневно делают *кыркламу* (пекут

умершего посещает свою юрту и узнает о расположении детей; для того каждый день до зажигания свечи в сумерки отворяют дверь, наполняют одну чашку кумысом и в дверях постилают белую кошму, готовят прием для покойника. Все присутствующие в юрте, прочитав Коран, выставляют чашку аруаху и зажигают свечку» (Абрамзон, 1971 г. с. 320; Валиханов, 1961 г. с. 113). «По сообщению И. Ф. Дубровина, — пишет далее ногайский ученый, — ногайцы верят в «тактир» (предопределение), в существование духов добрых и злых и убеждены, что последние подстрекают человека к греху, веруют в воскресение из мертвых, страшный суд, в существование рая и ада» (Дубровин, 1871 г. с. 272). «По рассказам информаторов, — сообщает Рамазан Керейтов, — умерший ночью будто выходит из могилы в белом саване и бродит по аулу. Душу умершего, призрак называют в народе аруак. Если он встретит кого-то, может передать ему свое одеяние, и тот утром уходит в могилу, а «покойник со своей душой» остается жить на земле» (19, с.381).

Уважаемый ученый точно передал рассказ информаторов, однако суть изложенного осталась непонятной. По преданиям ногайцев, по аулу обычно бродит дух, призрак не находящего упокоения мертвеца. Чаще это дух, призрак самоубийцы или неотомщенного человека, но бывает и призрак мертвеца, по которому не сделаны поминки или который похоронен без соблюдения обычаев. Этот дух может вселиться в живого человека и творить всякое зло. Все эти метаморфозы относились к домусульманским представлениям и к сульдеру. (См. главу «Сульдер».)

АСА-МУСА

Аса-Муса, Асай-Мусай — название парного мифологического персонажа, запечатленного в фольклоре и обрядовой культуре ногайцев. Персонажи Аса и Муса отображены в детских играх, обрядовых песнях, сказках. В сказочном фольклоре это два друга, помогающие друг другу в достижении трудных целей. При этом Аса является главным помощником, обладающим большой мудростью и чудодейственной силой. Этимология слова *аса* может происходить от полисемичного (многозначного) слова *ас* — ос-

нова, пища, ритуальное блюдо. Не исключая данного предположения, этимологию слова *аса* можно вести и от глагола *асылады, асылды*, который переводится как «висеть», «висит» и означает опору, помощника. Мифологический посох называется *аса-таяк*. Один из древних музыкальных инструментов ногайцы также называли *аса-таяк* — это был посох из дерева, на котором вдоль палки висели семь колокольчиков. Инструмент обладал сакральными свойствами, бакши на нем отправлялись в иной мир.

О персонажах Аса-Муса довольно развернуто рассказывается в ногайской сказке «Добром — на добро». Это фольклорное произведение является отголоском мифоэпического сказания и несет много информации, полезной для понимания ногайской мифологии. Возвращаясь к этимологии имен, хочется отметить, что ногайское имя *Муса* не связано с мусульманским именем, звучащим точно так же: Муса (библейский Моисей). В основе ногайского находится имя доброго духа *Мыс*. Это слово в быту ногайцев означает и благовонный запах. Во многих названиях пахучих трав присутствует корень *мыс*. Например: *мысай* (брыца), *мысык-от* (валерьяна), *мыс-тырнак* (мимоза), *мыс-куйырык* (тимофеевка). В связи с этим можно предположить, что в имени Аса присутствует слово *ас* — пища, дух благодати. В ногайских сказках демонические существа — елмауыз, каракус — чувствуя присутствие человека, часто произносят: «*Ас-мыс ийис — аьдем ийис!*» («Ас-мыс /запах пищи и благовония/ дух — это человеческий запах!») Ногайские дети в своих считалках часто повторяют имена верных друзей. В одной из них они произносят: «*Аса-Муса — хайыр — шер — сен арадан шыга бер!*» («Аса-Муса — удача — болезнь — ты из строя выходи», точный смысловой перевод невозможен).

По данным путешественников 19 века, у ногайцев существовала коллективная песня «Асай-Мусай» (А. Архипов). Песня сопровождалась игрой на кылкобызе (ногайская скрипка) и аса-таяке. К сожалению, слова песни неизвестны. Исполнение ногайского национального танца «Узын» часто сопровождается словами: «*Аса-Муса! Ас-мыс!*». Этот возглас, которым вызывают добрых духов, переняли многие горские народы Северного Кавказа. Но они не понимают значения слов. Горцы во время танца кричат: «Асса!»

В сказке «Добром — на добро» запечатлена деталь интересного верования. Это гадание на пруте. «Отец истории» Геродот описал скифский обычай гадания на ивовых прутьях. Обычай сохранялся у ногайцев до наших дней и назывался «*Шовп таслау*» («Кидать прут» означало бросать жребий). Как это делалось, описано в сказке. Суть гадания такова. Если было много участников, то бросалось много прутьев. Участники разбирали прутья, делились на пары и попеременно охватывали их ладонями снизу доверху. Те, у кого рука оказывалась наверху, выходили победителями или же входили в число избранных. При этом, как и в детской считалке при игре в жмурки, охватывание прута ладонями сопровождали словами: «*Аса-Муса — хайыр — шер — кырга шыга бер!*» К гаданию на прутьях прибегали при решении многих спорных вопросов. Например, при дележке добычи, при поединке и перед началом кулачного боя, при назначении дозорных и т. д.

Ногайская сказка «Добром — на добро» опубликована в сборнике «Алал косак», обработана автором книги.

Добром — на добро

В давние времена, когда коза от жира не могла ступать, жил один ногайский хан. Однажды хан заболел какой-то странной болезнью и оказался прикован к постели. Был у него знахарь Атай, который, наконец, нашел средство, необходимое для излечения, и сказал хану:

— Необходим жир золотогривого сома с красным хвостом.

У хана был сын по имени Муса. Хан позвал сына и сказал:

— Обойди все моря, но найди для меня золотогривого сома с красным хвостом.

Слово отца — закон. Муса, оседлав коня Курена, натянул подпруги, взял свой меч Алмас и выехал из дому на поиски рыбы. Однако вскоре отец поправился и сам пожалел, что отправил сына в опасный путь.

Муса объездил много морей, но нигде не мог поймать рыбу. В пути ему встретилась старуха Обыр.

— О чем горюешь, джигит? — спросила она.

— Как мне не горевать? Чтобы вылечить больного отца, мне необходимо найти золотогривого сома с красным хвостом. А я где только ни был, но не смог найти эту чудесную рыбу.

— Эта рыба отцу твоему не понадобится. Если смерть захочет — и молодой умрет, если старость подойдет — и старик умрет.

— Нет, я должен найти эту рыбу. Я дал слово, — сказал Муса.

— Если так — ты достигнешь своей цели. А поэтому я тебе помогу и скажу, где находится чудесный сом. На краю света есть большая вода, а через нее перекинут мост Дауа, там под мостом и обитает эта рыба.

Так Муса отправился на край света и нашел мост Дауа. Под мостом он закинул невод. И в самом деле, вскоре он поймал золотогривого сома с красным хвостом. И, когда вытащил его на берег, то был изумлен красотой рыбы.

— Отпусти меня, добрый молодец, — взмолилась рыба.

Муса был так поражен красотой рыбы и ее просьбой, что сердце его дрогнуло от жалости, и он отпустил рыбу обратно в воду. Вернувшись домой, он узнал, что отец его поправился, и очень был этому рад. Но во дворе он встретил знахаря Атая и рассказал ему все, как было. Атай рассердился на Мусу, так как ему самому нужна была эта чудесная рыба, которая, оказывается, исполняла любые желания. Атай немедленно пошел к хану и наплел ему всякую всячину про сына, который жизнь рыбы поставил выше жизни отца. Хан очень доверял знахарю, поэтому он рассердился на сына и сказал, чтобы тот не попадался ему на глаза.

Муса с разбитым сердцем ушел из дому. Шел куда глаза глядят, и вскоре сам не понял, как оказался на краю света, возле моста Дауа. У моста Муса познакомился с молодым человеком по имени Аса. Муса рассказал ему о своем горе.

— Не печалься, Муса, — сказал Аса, — это тебя оговорили. Все будет хорошо. Я тоже из знатного рода. Меня тоже оклеветали перед отцом, поэтому я вынужден был покинуть родной дом.

Так подружились Аса и Муса. Они поклялись на хлебе о верности друг другу. А однажды по древнему обычаю из одной чаши, окропленной их кровью, выпили кумыс и стали вечными антами (клятвенными братьями). По этому обычаю они становились побратимами и должны были во всем помогать друг другу, защищать друг друга, делить между собой последнее.

Узкие тропинки вывели их на большую дорогу, а дорога привела в одно большое поселение. Как раз в то время хан этой местности выдавал свою дочь замуж, но так случилось, что в день свадьбы жених умер. Дочь вернули хану. Ясное дело, что хан теперь не найдет для дочери жениха, и останется дочка у него в доме. И хану — горе, и дочери — горе.

Аса и Муса пришли к хану, представились, кто они такие. Хан принял друзей, как подобает принимать знатных людей, а после угощения рассказал о своем горе. Аса и Муса были сердобольные люди. Поэтому Муса сказал:

— Я возьму вашу дочь в жены.

— И я женюсь на вашей дочери, — сказал и Аса.

Хан обрадовался сердечным джигитам, но воскликнул:

— Я же не могу отдать свою дочь за вас обоих!

Потом он достал свой красивый посох и бросил его посреди дома со словами:

— Я кинул жребий. Чья рука окажется на макушке палки — тому и отдам свою дочь.

Парни взяли посох и стали с самого низа до самого верха попеременно охватывать палку, говоря при этом свои имена. С тех пор ногайцы, когда бросают жребий, стали говорить: «Аса — Муса». Рука Мусы оказалась на верхушке посоха, и девушка досталась ему. Аса обрадовался за друга. И хан обрадо-

вался за свою дочь. Он на радостях большой той сделал: жеребят зарезал, кумыс и мед в кувшинах подал, лучших музыкантов созвал. Застучали барабаны, заиграли зурны и свирели. Все селение танцевало. И все кричали: «Аса-Муса!» Хана поздравляли, невестой любовались, о горе совсем забыли.

Когда свадьба закончилась, Муса в опочивальню невесты пошел. Аса остался на улице, возле окна, охранять покой молодых. Ночью он проснулся от какого-то шипенья. Заглянул в окно и увидел, что к спящим на тахтамате молодым змея подползает. Аса забежал в опочивальню и ударом сабли рассек змею пополам. Пока он разглядывал хвост змеи, та половина, что со змеиной головой, юркнула невесте в рот.

Ногайцы говорят: «Чем на чужбине — царем, лучше на родине пастухом быть», поэтому Муса сразу после свадьбы решил домой вернуться. О своем решении он сказал тестю. Хан согласился с решением зятя и одарил его богатством. На сорок возов погрузили сокровища, и все жители ханства вышли провожать ханского зятя. Пожелали ему доброго пути и счастливой жизни.

Когда караван с добром и невестой добрался до моста Дауа, Аса и Муса, как договаривались, давая клятву, стали делить поровну сокровища. Разделив их, друзья одновременно спросили:

— Что у нас осталось не поделенным из приобретенного совместно?

— Невеста осталась! — опять произнесли одновременно.

Муса взял девушку за правую руку, а Аса — за левую.

— Будем делить! — крикнул Муса и замахнулся саблей.

Девушка навзрыд заплакала, ее одолела рвота, и из ее нутра вышел проглоченный кусок змеи.

— Все, остановись, Муса! Я этого ожидал. Теперь она тебе настоящая жена! — произнес Аса и, показав на сокровища, добавил: — Ты, как настоящий друг, все хотел поделить поровну, но это все

твое. А меня послал тот самый сом, которого ты спас. Поэтому я добром отвечаю на добро! Я твой вечный друг Аса! — С этими словами он прыгнул под мост Дауа и исчез в воде.

Муса с караваном и невестой вернулся домой. Оказалось, что в отсутствие сына его отец очень горевал и от плача глаза у него перестали видеть. Узнав о возвращении Мусы, хан прозрел, и он устроил большой пир в честь своего вернувшегося сына.

АСАН-КАЙГЫЛЫ

Асан Кайгылы — имя известного персонажа в ногайской мифопоэтике. Иначе его еще называют *Асан-ата*, *Асан-абыз*, *Асан-батыр*. Прорицатель, советник ханов встречается почти во всех крупных эпических песнях ногайцев. Асан Кайгылы один из заметных героев древней ногайской песни «Амет, сын Айсыла». Предсказателем судеб главных героев он выступает в песнях «Копланлы», «Шора-батыр», «Орак и Мамай». Имя Асана-абыза нередко встречается в детских обрядовых песнях, ему даже посвящены обрядовые гимны. В приведенной ранее «Легенде об Ак-топырак» (гл. «Ак-топырак») Асан Кайгылы имеет сакральное происхождение, он рожден от су-кызы Алтыншаш, и он находит священную землю ногайцев. Очень часто имя мифологического Асана связывается с реальной исторической личностью, поэтом 15 века Асаном Кайгылы Сабит-улы, которого известный казахский просветитель 19 века Чокан Валиханов назвал «великим ногайским философом». Возможно, имя Асан Кайгылы у поэта на самом деле было псевдонимом, наверное, поэта так прозвали в народе за его гениальные прозорливые творения, а настоящее его имя было забыто. Творчество поэта относится ко времени правления в Золотой Орде хана Джанибека, в названиях стихотворений указывается имя хана, а в них самих отражены события, происходившие в 14–15 веках. Однако это имя было известно народам, проживавшим в Великой степи, гораздо раньше. Тому много подтверждений в фольклоре ногайцев, казахов и каракалпаков.

Образ персонажа Асана (с добавлением приставок: *абыз* — прорицатель, *кайгылы* — печальный, *ата* — отец, *батыр* — богатырь) восходит к древнейшим слоям мифологии тюркских народов. Первую часть имени связывают с мусульманским именем Хасан, Асан, но в тюркской истории задолго до принятия ислама фигурировали легендарные личности с именем Асан. Это царь туранцев Франграсйан в Авесте, древнетюркский правитель Асян-шад в китайских источниках, половецкий Асен-хан в русских и византийских документах, эпический Касан в огузской литературе. Известно, что тюркские герои никогда не носили одно имя. В особых случаях, например, при восхождении на престол или совершении героического поступка, им давались новые величальные имена. Поэтому не исключено, что это имя еще в древности было связано с мифологическим персонажем. И оно родственно ногайским именам *Аса*, *Асау*, *Асана*, в этимологии которых присутствует слово *ас*, *аса* (изначально — семя, основа, благодать, пища). Вторая часть имени Кайгылы претерпела морфологические изменения и обрела значение Печальный, но нам думается, что архетипом второй части имени она восходит к сакральному древнетюркскому названию *кай*, *кайчи* — прорицатель, посвященный. Такие характеристики образу Асана Кайгылы предлагаются и казахскими исследователями.

В книге «Казахская мифология» Серикбол Кондыбай пишет: «В образе *Асана Кайгы* угадывается такая функция, изначально он — первочеловек и первопредок, правитель страны предков, позднее, в более развитой мифопоэтике, он — первоцарь, жрец, мифическая история которого каким-то образом связывается с замкнутым пространством. Образ Асана Кайгы связан с Жер-уйык (земля обетованная, коктюркск. Йер-ыдук — букв. Земля священная). А Асянь-шад (князь Асан) имеет пещеру Отыюкен, авестийский Франграсйан — Афрасиаб — подземный дворец. Есть и другие персонажи, во многом аналогичные Асану Кайгы... Вторая часть имени, кайгы (кайгы — печаль) этимологически связана с водно-змеиной понятийной ячейкой кай (вода, змей), кайык (лодка), которая в свою очередь генетически связана со жреческой функцией тайного знания, музыки, поэзии, магии и др.» (14,85).

Я думаю, что можно согласиться и с двойственной характеристикой, данной замечательным казахским уче-

ным: «Асан Кайгы в легендах — поэт, советник, бий — судья, он — мифический Поэт-жрец, Поэт-певец — в мифопоэтической традиции персонифицированный образ сверхъестественного видения, обожествленной памяти коллектива. Поэт знает вселенную в пространстве и во времени, умеет все назвать своим словом, он установитель имен, он создает мир в его поэтическом, текстовом воплощении. Поэт, как и жрец, воспроизводит мир, борясь с хаосом и укрепляя космическую организацию, обеспечивая процветание, продолжение в потомстве. Тождество Поэта и жреца влечет представление о магической силе Поэта, он — создатель священных текстов, Поэт- пророк, он ведает все, что было, есть и будет, как указание на сверхозарение, а сверхвидение Поэта реализуется как Мудрость (например, скандинавский Один или огузо-тюркский Коркут-ата). Память о прошлом связывает поэта с нижним миром, смертью, иррациональным началом» (14, с. 86). Такая характеристика подтверждается и ногойским фольклором. В детских песнях Асан-абыз тоже демонстрирует жреческие функции. Его жреческая сила подчеркивается даже в колыбельных песнях.

*Бесик, бесик, бес юмак,
Бес атаман калган юмак,
Асан-абыз айткан юмак,
Косай-йырав тапкан юмак.
(Колыбель, колыбель — пять загадок,
От пяти предков доставшаяся загадка,
Асаном-абызом заданная загадка,
Косай-йыравом разгаданная загадка).*

Заключая имя Асана-абыза в колыбельную песню, народ показал свое особое почитание, трепетное отношение к этому древнему персонажу. В детской песне «Асан-батыр», которая исполняется детворой на весенних праздниках, представляется образ героя, обладающего прекрасными, гармоничными свойствами.

*Дуьбир-дуьбир, дуьбир бой,
Дуьбир бойдан терен бой,
Терен бойдан сагалап,
Теренге туьсип бараман.
Амалым меним кайда экен?
Ак шал аты бавдама экен?
Бавда болса кисинер,*

*Куйырыгы, ялы тисинер,
Ак шал аттынъ уьстине
Ап-ак терлик ярасыр,
Ап-ак терлик уьстине
Кызыл ширги ярасыр,
Кызыл ширги уьстине
Куьмисли иер ярасыр,
Куьмисли иердинъ уьстине
Айыл турман ярасыр,
Айыл турман уьстине
Асан-баьтир ярасыр,
Асан-баьтир колына
Эмен шокпар ярасыр,
Эмен шокпар касына
Эгиз коян ярасыр,
Эгиз коян бакпага
Эки койшы ярасыр,
Эки койшы каравга
Эки таз ийт ярасыр.
(Гул-гул, гулкая сторона,
Есть еще глубже у нас сторона,
По берегу глубокой стороны
Еще глубже я опускаюсь.
Где же наш желанный?
Белый конь на привязи ли?
Если на привязи, то заржет,
Хвост и грива разовьются,
На белого коня
Белый-белый потник будет кстати,
На белый-белый потник
Красное покрывало будет кстати,
На красное покрывало
Серебряное седло будет кстати,
На серебряное седло
Сам Асан-батыр будет кстати,
Руке Асана-батыра
Дубовая булава будет кстати,
К дубовой булаве
Два зайца будут кстати,
Двух зайцев отследить
Два пастуха будут кстати,
Двум пастухам для помощи
Два гончих пса будут кстати.*

Подстрочный перевод — И. К.)

Этот детский гимн, аналогично песенке «*Кокек-батыр*» («Кукушка-богатырь»), поется детьми в день при-

хода весны. Радуюсь теплomu дню, они собираются вместе. Один из них надевает белую шубу наизнанку и возглавляет шествие по аулу. Дети поют песню и обходят дома, перед домами устраивают танцы. Жители аула одаривают детей сладостями, жареными лепешками, яйцами. Начальный куплет песенки похож на закодированный текст, но намек на то, что Асан-батыр связан с нижним миром, довольно прозрачный. Концовка этого гимна указывает на какие-то астрономические события, знаниями о которых мы, к сожалению, не располагаем.

АСА-ТАЯК

Аса-таяк — мифический посох. Название состоит из слов *аса* (опора, основа) и *таяк* (палка). Интересно, что в арабском языке слово *аса* тоже означает посох. В мифопоэтике *аса-таяк* олицетворял Байтерек — мировое дерево и использовался святыми аулия, или божественными покровителями людей. Легендарный Огуз-хан во время споров бросал в круг беков свой посох, и от того, как он падал, зависело решение хана. Святые люди киданием посоха указывали место, где надо строить мечеть. Прославленный ногайский святой Сеит-баба не разлучался с аса-таяком, привезенным из Аравии. Он запомнился ногайцам сидящим на верблюде с аса-таяком в руке.

Ногайские бакши использовали аса-таяк во время камлания. У них он представлял собой музыкальный инструмент, вдоль палки висели колокольчики. Казахи сохранили музыкальный инструмент асатаяк.

АСКАР-ТАУ — МИРОВАЯ ГОРА

Аскар-тау — так называется мировая гора в ногайской мифологии, так ногайцы называют и величайшую гору Европы Эльбрус. Этимология названия *аскар* восходит к словам: *ас*, *аса* (основа, опора) и *кыр*, *кур* (возвышенность, насыпь), вместе это означает основополагающая возвышенность. *Тау* — это общетюркское слово гора. По преданиям, мировая гора — это основа Земли, она располагалась в центре Вселенной. Правая часть ее солнечная, светлая, левая — темная. На Аскар-тау росло мировое дерево

Байтерек. Аскар-тау, как и Байтерек, соединяла все три мира: Верхний, Средний и Нижний. Вершина Аскар-тау недосыгаемая, на нее могли взобраться только божественные существа и великие провидцы. Средневековые ногайские поэты воспели Аскар-тау как недосыгаемый пик. Считалось, что только поэты, достигшие совершенства, могли попасть на вершину мировой горы.

Образ Аскар-тау широко распространен в ногайском фольклоре. Как и образ Байтерек, он часто использовался в ногайских поминальных песнях бозлау, в эпических песнях, в прозаических преданиях. Образ горы был одним из любимых в творчестве средневековых ногайских поэтов. Благодаря распространению их творчества по всей Великой степи, в позднейшее время название Аскар-тау проникло в фольклор родственных народов: казахов, каракалпаков, татар, башкир.

Существует много доказательств того, что название Аскар-тау изначально появилось в западной части Великой степи. Оно сохранялось с древнейших времен среди западно-кыпчакских племен, участвовавших в этногенезе ногайцев. Ранее часть этих племен входила и в состав гуннских объединений. В связи с завоеваниями гуннами Западной Европы название мировой горы проникло и в фольклор европейских народов. Так, в скандинавском эпосе Аскард — это обиталище богов Асов. Аскард располагался в Скифии, вблизи Танаиса (ног.: Тен — Дон).

Великий ногайский поэт 15 века Шал-Кийиз Тиленши улы написал знаменитое стихотворение:

*Аскар, Аскар, Аскар-тау,
Аскардан бийик тау болмас,
Басына балапан шырлап ушып болмас,
Буьркиттен кыран кус болмас,
Баулуы етпей боьри алмас,
Бидайыктан алгыр кус болмас,
Буйырмаса, экеу тувыл бир де алмас,
Сункардан сулы кус болмас,
Кавырсыны катпай ушалмас,
Агайынгнынъ ишинде
Бир яхшысы бар болса,
Конъкалаган коьп яман
Сол яхшыды коьреалмас,
Сол яманнынъ басына
Кыйын кыстав ис келсе,
Баганасы яхшысын
Кос аргымагын колга алып,
Куьнинде излесе де табалмас.*

Есть интересная ногайская легенда о дау Топекозе, прикованном к вершине мировой горы. (См. главу «Топекоз».)

АСПАНБЕТ

Аспанбет — старец, который по мифологическим свойствам является аналогом Баба Тукли-Шашлы-аса, знаменитого персонажа ногайской мифологии. Информацию о нем приводит казахский исследователь Серикбол Кондыбай. Аспанбет в родственной казахской мифологии преподносится ногайским прорицателем. Ученый в книге «Казахская мифология» пишет: «Он (Аспанбет) во всех вариантах легенды выступает как человек, дающий новорожденному имя Адай. (Стихи цитируются в сокращении и ногайской транскрипции).

*Эртегиге туралы
Асылы ногай халкынынъ,
Шежиреси колында.
Аспанбет деген бир карттынъ
Кулагына салады.
Аспанбет тарыйх карады,
Шежиреге коьзин салады...
...аьшкере этип халкына,
Аспанбет азан шакырды,
Адай деп койды атымды.
(Сказаниями богато
Происхождение ногайского народа,
Их родословная в наших руках.
Старик по имени Аспанбет
Слух свой напрягает,
Аспанбет историю рассматривает,
Родословную внимательно рассматривает...
...призвав к себе народ,
Аспанбет на ухо азан шепчет
И нарекает меня Адаем.)*

Имя Аспанбет переводится как «последователь неба» (*аспан умбети — аспанбет — аьспембет*), это означает, что персонаж, действующий под этим именем, имел явную мифологическую нагрузку. Его родоплеменная принадлежность в разных легендах трактуется по-разному: в дастане Кашагана «Происхождение Адая» он родом из ногайцев, в другом варианте — из рода табын (также из-

вестного ногайского рода — И. К.), имеющего жреческую символику тостаган-чашу в качестве тамги, а в «Истории Адая» Тумена Балтабай улы — из рода аргын (этот род представлен и у ногайцев, и у казахов — И. К.).» (14, с. 87.)

Хотя имя Аспанбет встречается среди современных ногайцев, мы не располагаем соответствующими данными об этом персонаже.

АСЫК — АЛЬЧИК

Асык — название альчика, астрагала. В мифопоэтике ногайцев этот предмет имеет широкое распространение. Древние ногайцы считали, что альчики обладают сакрально-магическими свойствами. В сказках, преданиях, эпических песнях альчики, будучи любимой игрой ногайских детей, часто определяли будущее, служили напоминанием о тайнах рода. В главной эпической песне ногайцев «Эдиге» сын Эдиге Нурадин, обыграв в альчики детей, от них узнает о неотомщенной крови в его роду.

«— Тебе везет в игре, ты бы лучше отомстил за кровь деда! — говорит ему проигравший мальчик.

Нурадин идет к отцу и допытывается о судьбе деда, а затем берет войско и отправляется мстить Тохтамыс-хану.»

Аналогичные эпизоды имеются в эпических песнях «Амет, сын Айсыла» и «Копланлы», в них главные герои после игры в альчики от матерей узнают о гибели своих отцов.

Главным альчиком считалась бита под названием *сака*. Часто биту обрамляли металлом, но нередко ее полностью отливали из бронзы, серебра, золота. У ногайцев сохранились интересные предания и сказки о золотых сака. Альчики из золота и бронзы археологи обнаруживали в курганных захоронениях. Даже в шумерских царских могилах среди ценных находок были альчики из горного хрусталя.

Во время игры от падения биты зависел результат: если сака падала вверх вогнутой стороной, то говорили: «*Айдан тусту*» («Упала вверх лунной стороной») — это положение определяло удачный исход.

В тюркских и монгольских сказаниях говорится о том, что у Чингиз-хана при рождении в руке был сгусток

крови формой сака (в источниках: шака). Многие ученые писали, что эта примета подчеркивала кровожадность великого завоевателя. Однако это неверно: не кровь, а *сака* указывала на первенство и победоносное будущее грозного Чингиз-хана.

Этимология слова *асык* восходит к слову *ас* — косточка, изначальное семя; оно имеет общие корни со словами сакрального значения: *аса* (опора, основа), *асатаяк* (посох). Название биты *сака* означает главный, первенствующий. У ногайцев сохранилось слово *сакаман*, являющееся синонимом слова *тамада*, означающее «самый старший среди стариков».

АТА — ОТЕЦ

Ата на всех тюркских языках означает «отец». *Ата юрт* — отцовский юрт, отцовская земля, сакральное понятие. Отечество по-ногайски должно было называться *Атан*, но ногайцы его называют *Отан*. Наши предки отождествляли родину с огнем, родительским теплом. Ата — отец и От — огонь — взаимозаменяемые понятия. В Орхон-енисейских надписях древняя родина тюрков называется Отюкен (*от* — огонь, *кенз* — пространство). Культ почитания отца в мифопоэтике ногайцев всегда был на первом месте. Во многих эпических песнях («Эдиге», «Копланлы» и др.) главные герои мстят врагам за смерть отцов. Немало фольклорных произведений, в которых отец изгоняет оболганного сына, но сын, совершив ряд героических поступков, оправданный находит родителя. Есть немало произведений, в которых герои не знают своего отца, вступают с ним в борьбу; такие предания заканчиваются раскаянием родителя.

Ко многим именам известных мифологических персонажей прибавляется приставка *ата*. Этим самым подчеркивается их главенствующее, патронирующее положение в той или иной сфере деятельности. Фольклорист Т. Акманбетов записал любопытную песню-алгыс (здравицу, песню-поздравление), в которой упоминаются почти все покровители домашних животных. Алгыс цитируется в сокращенном виде:

Астраханской земле святого аулие звали Сеит-Ата или Сеит-Баба.

АТАЛЫҚ – ВОСПИТАТЕЛЬ

Аталык – воспитатель. Обряд аталычества (передачи ребенка на воспитание чужому человеку) был широко распространен среди ногайцев, как и у многих других тюркских народов. Из истории мы знаем, что Чингиз-хан являлся аталыком детей, захваченных во время войн. Дети золотоордынских ханов воспитывались в домах влиятельных мурз. Такой известный хан, как Узбек, рос и воспитывался в Черкесских горах. Его начали искать только тогда, когда не осталось представителей прямой линии Бату-хана, для наследования престола (17, с.176). Ему в этом время исполнилось 14 лет.

Обряд аталычества совершался по обоюдному согласию родителя и воспитателя. Не только знатные люди брали на воспитание детей из других семей. Даже дети ханов и мурз малолетними отдавались на воспитание в другие уважаемые семьи, порой их воспитателями были люди из простого сословия. Дети в этих семьях находились до совершеннолетия, они получали образование, обучались военному делу. Все содержание воспитанника брал на себя аталык.

Нередко детей отдавали на воспитание в отдаленные места, благодаря чему укреплялись отношения между разными народами. Например, дети кубанских мурз воспитывались среди черкесов, абазин, кумыков, осетин. Известен факт, когда сын больших ногайских князей Карамурзинных воспитывался по ту сторону Кавказских гор у абхазских князей Маршания (16), дети прославленного мангытского князя Измаила Алиева воспитывались у бесленейских черкесов.

Аталык заменял родного отца, поэтому воспитанник почитал его и всю родню аталыка. Неуважение, вражда с аталыком, а тем более убийство воспитателя считались одним из страшных грехов. В ногайской мифопоэтике идеальным аталыком считался Эсен-бий, сохранивший жизнь Эдиге ценою жизни собственного сына. Имя Эсен-бия увековечено не только в эпосе. Ногайцы племени *есе-ней* гордились знаменитым бием и считали его своим пред-

ком. Возможно, что Эсен-бий сам принадлежал к этому племени, название которого созвучно с его именем. На Северном Кавказе в низовьях Кубани течет река Есенеи. Происхождение этнонима *есеней* может восходить и к легендарному половецкому хану Асеню, жившему в 12 веке вблизи реки Есенеи. Вероятно, что известные в Мангышлакской области *есен-казахи* родственны ногайским есенеям.

Приводимый далее отрывок из эпической песни «Эдиге» дается в обработке автора книги.

Эсен-бий

Когда Тохтамыс-хан за подмену соколиных яиц казнил Кутлы-кая, он узнал от людей, что у казненного остался сын. Отпрыска врага нельзя было оставлять в живых, поэтому Тохтамыс отправил нукеров в те места, где жил Кутлы-кая. Нукеры обыскали все аулы, но ребенка не нашли. Оказывается, ребенок был «под самым носом хана», в его же ставке. Незадолго до казни Кутлы-кая, спрятав сына в сапог, пришел к Эсен-бию. У Эсен-бия было десять сыновей, младший из них был совсем малым, ровесником сына Кутлы-кая. Кутлы-Кая объяснил, что у его сына нет матери и что сам он не может обеспечить ему должный уход. И так как они были давние друзья (с тех самых пор, как Кутлы-кая работал сокольничим у хана), Эсен-бий решил выручить друга.

— Там, где есть десять сыновей, и одиннадцатому место найдется, — сказал Эсен-бий. Он поклялся стать аталыком мальчика и вырастить его целым и невредимым.

Кутлы-кая, не дожидаясь рассвета, оставил сына и покинул дом.

Нукеры хана, безрезультатно проездив, возвратились в Орду, но кто-то из придворных сказал им, что незадолго до смерти Кутлы-кая навещал Эсен-бия. Нукеры смекнули, что ребенок мог быть оставлен у него, и поторопились к Эсен-бию. Они обыскали весь дом, но Кубыгула (домашнее имя Эдиге) так и не нашли, а потому забрали одного из сыновей Эсен-бия.

— Ты приютил врага хана, а потому распрощайся с собственным сыном! — крикнул муртазак хана.

Но не Эсен-бий, ни его жена и словом не обмолвились о том, что Кубыгул находится в их доме.

Так Кубыгул вырос в доме аталыка. Девять сыновей Эсен-бия считали его родным братом, а когда Кубыгул стал во главе войска, братья стали его верными дружинниками.

АУА — ЕВА, ВОЗДУХ

Ауа (Хауа) — имя библейской Евы, оно имеет семитское происхождение. На ногайском языке это слово означает «воздух». Женщина, носящая это имя, почиталась в народе. Имя Ауа лингвистически схоже с именем греческой богини зари Эоас, Эоа. Греческая богиня на колеснице, запряженной лошадьми, подымалась на небо. Римляне эту богиню называли Авророй (Ауророй). Имена Ауа, Эоа, Аура, Аурора имеют и лингвистическое, и смысловое сходство.

Ауа, Хауа, (Хева, Ева) — имя одной из первых женщин человечества. Такое сходство имен позволяет допускать возможность взаимоотношений между предками тюрков и семитов в дохристианские времена.

АУЛИЕ — СВЯТОЙ

Аулие — «святой угодник», «покровитель». Это название известно во всех регионах проживания ногайцев. Оно происходит от арабского слова «вали» («святой»). Однако у ногайцев это слово обрело иной оттенок, они так называют простодушного и даже глуповатого человека. Только в Астраханской области оно сохраняется в прямом смысле, но произносится это слово как *аулья*. Такое название закреплено за могилами святых людей, и они являются объектами поклонения юртовских ногайцев, карагашей, татар, казахов и туркмен, проживающих в области.

Известный исследователь В. Викторин в статье «Аулья и мужавират» / Святые и хранители могил / (ж-л «Поло-

вещкая луна», №3, 1993 г.) дал описание некоторых свя-
тых мест и сам культ. Он пишет, что культ «святых мест»
— «ауля» являлся и частично остается, будучи магоме-
танским, параллельным и альтернативным основному, «ме-
четному» мусульманству — муллы не жаловали его, здесь
были иные служители и порядки при ритуалах». По дан-
ным В. Викторина, вокруг Астрахани насчитывалось 23
ауля, в том числе 19 в юртовских селениях. Если ауля
располагалась на кладбище, то все кладбище носило имя
святого. Но есть святые могилы, расположившиеся отдель-
но от кладбища. Обычно они находятся возле холма или
кургана. Наиболее известны ауля Абубекира Кара-Укара
Хызыр-ата возле села Яксатова, курган Нурмухаммеда
Ахун-хожа Уйрек-аже за селом Янго-Аскер, могила Джи-
гит-ажи в ауле Келинши и др. Есть целые ритуальные
комплексы, в которых похоронено несколько святых. Та-
ким является комплекс на кладбище Мошаика (одно из
ногайских названий — Казы-аул), расположенного в чер-
те города Астрахани. Кстати, по данным В. Викторина,
название поселка Мошаик представляет «множественного
числа существительное из арабского языка «Машайх» —
«старцы», «шейхи», «духовные наставники-проповедни-
ки». Ученый рассказывает интересную историю о перене-
сении сюда в 30-е годы могилы самого Баба Тукли-Шаш-
лы-аса. При строительстве судовой верфи один из стариков
Казы-аула увидел во сне старца, который просил перене-
сти могилу. Старик сказал о своем сне верующим, и они с
уничтоженного строителями кладбища тайно перенесли
останки Баба Тукли-Шашлы-аса на действующее кладби-
ще Мошаика. Далее мы расскажем об этом персонаже (см.
главу «Баба»). Кроме него, в этом комплексе похоронены
такие святые, как Шейх Маслетдин Узаман-ажи Бухар-
лы, Абдрахман Сайх-ажи, Ямгурши-ишан, Махмуд-ишан.
Не все святые — уроженцы астраханской земли. Судя по
приставке Бухарлы, Шейх Маслетдин Узаман-ажи родом
из Бухары, а Махмуд-ишан, согласно преданию, родился
в Азербайджане и был одним из сподвижников Шамиля в
Дагестане. Ритуальный комплекс на кладбище Мошаика
активно посещается паломниками. Не менее посещаемы
ауля Сеит-бабы и его дочери Нур-Джамал-ханым, распо-
ложенная возле кладбища аула Малый Арал. Рядом с ауля
Сеит-Бабы и его дочери находятся мавзолей султана Бу-
кей-хана и могилы его близких. Благодаря «Фонду Сеит-

бабы» и правительству Казахстана весь комплекс приведен в надлежащий вид, сюда не иссякает поток паломников, большая часть которых приходит для исцеления от тяжелых заболеваний. О карагашском ногайце Сеит-бабе издревле передаются легенды, рассказы о его чудодейственной силе появляются и сегодня (см. главу «Сеит-баба»).

Как уже говорилось, культ ауля не одобряется представителями официальной мусульманской религии. Некоторые ауля откровенно представляют домусульманские верования. Ауля Нурмухаммеда Ахун-хожи Уйрек-аже расположена за татарским селом Янго-Аскер рядом с озером, которое считается целебным. Возле села Янго-Аскер, основанного в 19 веке татарами-мишарями из-под Пензы, находился небольшой поселок ногайцев-утаров Уш-тобе. Представители ногайцев-утаров почти до самой революции являлись мужавиратами, ухаживающими за святылицем. Это говорит о родстве мужавиратов с захороненным святым. В тридцатые годы прошлого столетия началась усиленная татаризация (в школах обучали татарскому языку, пичкали людей литературой из Казани, власти запрещали называться ногайцами), и ногайцы-утары растворились среди большинства, каковыми являлись переселенцы. Сейчас за могилой святого «ухаживает пожелавшая этого семья здешних мишарей». Любопытно описание ауля Уйрек-аже, составленное по воспоминаниям очевидцев до Октябрьской революции. На небольшом бугре стоял небольшой сарай из самана. На крыше этого дома были «подняты на пяти трехметровых шестах флаги из белой материи». В доме был «небольшой земельный холмик — могила святого, у изголовья стоял деревянный столбик с изображением трех скрещенных стрел, при молении в домике «ауля» зажигали лампы с огнем.» Виктор Викторин приходит к такому выводу: «Собранный в последние годы материал, относящийся к «ауля» Урдык-аже, или Оряк-аже (Уйрек-аже — И. К.), обнаруживает явные следы древнего культа «огня и идолов» в кочевом шаманстве. Это и зажжение лампы с огнем при молении в домике «ауля», и деревянное изображение трех скрещенных стрел в изголовье могилы (вместо ожидаемого полумесяца). Слово «аже», которым обозначают похороненных в могилах-«ауля», является, скорее всего, контаминантом из арабского «хаджи» и древнетюркского «эйе, эзи»

— «дух-хозяин местности и стад животных». «Урдык» — в переводе «утка», и «Урдык-аже» означает нечто вроде «дед Утка». Духу земли и воды приносили жертвы самые древние тюрки 5–8 вв., а птица-утка, как считалось, несла их по столбикам-вехам с ленточками (флаги, в описании И. М. Махмудова) «богу вечно синего неба Тенгри, или Тянгри даже у ногайцев-мусульман 16 в.».

Хотя такой вывод вызывает вопросы, хотелось бы знать источники 5–8 веков, по которым делалось это заключение. В. Викторин сделал немало для развития ногайской науки, да и для написания данной статьи оказал существенную помощь. В дополнение материала об ауля Уйрек-аже приведем легенду, записанную в Астраханской области из уст Ривы Галиева, которая значительно меняет представление об этом интересном персонаже и объясняет появление приставки Уйрек-аже у святого Нурмухаммеда Ахун-хожи. Легенда приводится в обработке автора книги.

Легенда про Уйрек-аже

В стародавние времена жил один старик с дочерью. Дочь его с рождения была слепой. Старик очень переживал за дочь, но терпел и не отчаивался. Девушка же очень печалилась и каждый день молилась:

— Если бы я могла видеть, то сделала бы все, что пожелает Тангри. Буду его вечной рабыней!

Как-то в этих местах проезжал на коне пайхамбар, пророк. Он услышал мольбу девушки и остановил коня возле ее дома. Конь пророка стукнул копытом о землю и открыл источник воды. Тогда пророк сказал старику:

— Пусть твоя дочь помоеет глаза этой водой. Она станет видеть, но так уж суждено, что она не будет жить среди людей.

Старик обрадовался этим словам и повел дочь к источнику. Девушка помыла лицо и глаза водой — и чудо! — стала видеть.

— Какой прекрасный этот мир! Я хочу увидеть его весь! — воскликнула она.

Как только произнесла это, так сразу превратилась в степную утку уйрек. Только лицо осталось девичьим.

И полетела уйрек мир смотреть.

Старик опечалился. Ждал, но так и не дождался, когда дочь вернется обратно. Чтобы она узнала дом, говорят, он на дом флаги вывесил. Но только девушка больше не вернулась. А люди за то, что старик ждал утку, прозвали его Уйрек-аже. А озеро, которое возле могилы святого, до сих пор целебное, люди сюда приходят поправить здоровье, воду в бутылках уносят.

АХМЕТ-КАЯ

Ахмет-кая — скала Ахмета, мифологическая скала. В эпической песне «Амет, сын Айсыла» главный герой, похитив дочь Янибек-хана (Джанибек-хана), скрываясь от погони, взобрался на высочайшую скалу и, чтобы не попасть в руки преследователей вместе с конем и девушкой, сбросился со скалы. В местах проживания кубанских ногайцев есть реальная скала Ахмета. Она находится в Урупском районе Карачаево-Черкесской Республики. Живущие недалеко от горного массива зеленчукские казаки называют скалу Ахметкой. В другом варианте песни указывается местность Капшагай, находящаяся в горной Балкарии.

Эпическая песня «Амет, сын Айсыла» распространена во всех регионах расселения ногайцев и в тех местах, где некогда обитали их предки. Поэтому у всех родственных ногайцам народов: казахов, башкир, татар — от Кавказа до Крыма, от Волги до Ала-тау можно найти гору или скалу, носящую имя Ахмета.

В эпической песне джигит Ахмет — сын простолюдина богатыря Айсыла. Айсыл враждовал с Янибек-ханом и вынужден был скрываться. Ахмет, выросший без отца, отличался удалью и богатырской силой. Когда враг напал на страну, несмотря на вражду отца с ханом, он сражался в войске хана за родную землю. Янибек-хан со своим богатырем Темиром, сыном Бугалы, спасаются бегством, пока Ахмет один сражается с вражеским войском. Янибек-хан

за то, что Ахмет спас его, пообещал ему свою дочь Шаарбек (Шахар-бийке). Но когда Ахмет вернулся победителем и пригнал триста оседланных коней без всадников, Янибек-хан по совету визиря Кен-Джамбая отказался от своего слова и решил отдать дочь за богатыря Темира. Полюбившая Ахмета Шаарбек сообщила возлюбленному о коварстве отца. Во время пира, данного в честь победы, Ахмет с согласия девушки похищает ее. Но во время похищения Ахмет предупреждает о том, что их бегство чревато последствиями. Однако Шаарбек согласна бежать, если даже Ахмет во время бегства убьет ее отца и братьев. Любопытно, что Ахмету помогает ханский визирь Кен-Джамбай, подрезав подпруги седел на конях охраны хана. Кен-Джамбай, как и в эпической песне «Эдиге», ведет себя как интриган, становясь то на одну, то на другую сторону. Во время бегства Ахмет убивает Янибек-хана, а затем и двух его сыновей Омирбека и Бавлыбека. В погоне участвует и ант — друг Алау (в казахских версиях Алау — двоюродный брат Ахмета). Алау по силе мало уступает Ахмету. Он потенциально может убить Ахмета. Об этом сильно переживает Шаарбек. Но неожиданно Алау-батыр и Ахмет ищут встречи и договариваются о взаимовыручке. Алау говорит другу, что ночью во время погони он обмажет свой палец воском и, продев через него фитиль, зажжет как свечу, а Ахмет должен будет попасть по этой свече стрелой. Во время ночной погони Алау-батыр взбирается на курган и зажигает фитиль на пальце. Ахмет стреляет и ранит друга в руку. Таким образом Алау-батыр отстраняется от погони. Ахмет скрывается с Шаарбек в горах и живет с ней в шатре. Через некоторое время третий сын Янибека Бердибек собирает войско и пускается в погоню, чтобы убить кровника. Ахмет в битве убивает и Бердибека, но ханское войско во главе с Кен-Джамбаем продолжает его преследовать. Во время сражения Ахмет слышит голос Кен-Джамбая: «Сдавайся! Мы сохраним тебе жизнь!» Ахмет не верит интригану и, чтобы не стать добычей и не попасть в плен к родне кровников, вместе с укутанной в бурку Шаарбек и конем прыгает со скалы.

В одном из полных вариантов песни («Домбра», Черкесск, 1993 г.) Ахмет и Шаарбек остались живыми. Такой поворот финала, кажется, сделан певцами позднего поколения.

Существует еще один топоним, связанный непосредственно с этой песней. По информации ногайского писателя В. Казакова, возле его родного аула Адиль-халк есть курган с названием *Ок-тийген* (Стрела попала) – это место, где ночью на коне с вытянутой вверх рукой стоял Алаубатыр, здесь выпущенная Ахметом стрела попала по его пальцу.

Казахские варианты этой песни очень короткие и почти без событий. Но и в казахских, и в ногайских упоминается имя Асана Кайгы (в казахском произношении). В ногайских вариантах Асан Кайгылы является заступником Айсыла и его сына Ахмета. В упомянутом полном ногайском варианте процитированы даже стихи поэта.

Песня «Амет, сын Айсыла» одна из древнейших в ногайском фольклоре. В ней показан образ мифического героя, погибшего за свою свободу, за высокие идеалы любви. В ногайском обществе издревле культивировалась независимость и непокорность врагу. Ногайские воины редко сдавались в плен. Если одолевал враг, то старший в семье своими руками убивал даже детей и жен, а сам погибал в бою.

Ахмет-кая — мифическая вершина, символизирующая пик героизма, вершину духа свободы.

У ногайцев сохранилась и такая поговорка: *«Ахмет-кайда бал бар, барсанъ оны таппасынъ»* («На Ахмет-скале мед есть, а если пойдешь — ты его не найдешь»). Во-первых, хотя скала высотой 40–50 метров стоит на горном массиве и видна со всех сторон, без надлежащего снаряжения подняться на ее вершину невозможно. Во-вторых, здесь в отвесных скалах очень много норок диких пчел, но к этим норам опять-таки без альпинистского снаряжения никак не доберешься. Но все же думается, что поговорка символизировала третье — героизм кажется доступным каждому, однако не всякий на него способен. Мед в ногайской мифологии символизировал суть, мудрость. Возможно, поговорка подразумевает мудрость, которая представляется такой простой, однако не каждому дано быть мудрым.

БАБА – ПРЕДОК

Слово *баба* буквально означает предок, но так называют и старцев. Любопытно, что обряд обрезания у ногайцев называется: «*Бабага олтыру*» и означает «становление на путь предков». Одного из самых известных своих мифологических персонажей ногайцы именуют Баба-Тукли-Шашлы-ас. В ногайском песенном эпосе и легендах его имя фигурирует под такими именами: Баба, Бабай, Баба-Туклес, Карт, Кария. Курганные изваяния ногайцы также увязывают с этим персонажем и называют их Баба-тас (Предков камень), иногда — Ата-тас (Отца камень).

Ногайские предания называют Баба-Тукли-Шашлы-аса основателем мусульманской религии среди предков ногайцев. Главная же роль этого персонажа, как основателя правящего у ногайцев рода, отмечена во всех родословных Эдиге. Имя Баба-Туклеса также присутствует в родословных русских князей Юсуповых и Урусовых. Как на основателя рода Эдиге на него ссылаются и средневековые историки Кадыр-Али-бек Джалаир и Абул-Гази Бахадур.

В ногайском фольклоре есть несколько легенд о Баба-Тукли-Шашлы-асе, но во многих произведениях он упоминается как основоположник династии правителей Ногайской Орды.

Ногайский ученый Ашим Сикалиев пишет: «В некоторых случаях эпос стремится дать более полную родословную героя. Так, например, Эдиге возводит свой род то к мусульманскому святому, покровителю ногайских князей Баба-Тукли-Шашлы-азису и лебединой деве, то к охотнику Ангшибаю, то арабскому святому Халифу Абубекиру Саддыку. Эпос рассказывает: отца Эдиге звали Кутлык-ая, деда Бар-ая, прадеда Бирперие, прапрадеда Ангши-

бай, отца Ангишбая — Махмун Керемет...» (1). У другого ногайского ученого Ахмеда Ярлыкапова читаем: «Показательно, что и все народные предания ногайцев связывают принятие ислама с Золотой Ордой и «Султаном Бабаткулем». Султан Бабаткуль — это широко известный среди казахов, каракалпаков, узбеков и ногайцев святой, известный и как Баба Туклес. К этому святому, а через него и к одному из четырех праведных халифов, возводили правители Ногайской Орды, потомки золотоордынского беклербека Едигея.» (Беклербек, беклербей — второе лицо в государстве, главнокомандующий войск).

Из данных цитат напрашивается вывод, что конкретизация предка Эдиге связана с героизацией основателя Ногайского государства и придания сакральных свойств всему княжескому роду. Но мы видим, что имя Баба-Тукли-Шашлы-ас (Предок-Ворсистый-Волосяной-изначальная кость) уходит в глубокую древность тюркских кочевников. Оно означает имя божества — покровителя кочевых вождей и богатырей. Казахский исследователь Серибол Кондыбай считает: «Ворсистость и волосатость — характерная черта солнечного божества, а плешивость и лысость — лунного. Поэтому предполагается, что Баба-тукти-шашты-азиз — один из древних сохранившихся эпитетов солнечного и договорного божества — казахстанского варианта Митры» (14, с.91). К сказанному С. Кондыбаем хотелось бы добавить, что имя Баба, Бабай прямо связано со скифским божеством Папай. Это подтверждает не только фонетическое совпадение, но и мифологические функции бога войны скифов.

В ногайских преданиях Баба-Тукли-Шашлы-ас при рождении героя дает имя, определяет богатырские зачатки младенца, передает *шежире* (родословную), предсказывает героическое будущее и благословляет на ратные дела. В некоторых песнях («Копланлы») к нему обращаются родители с просьбой о наследнике.

В данной публикации мы приведем два предания. Одно из книги Утемиш-Хажи «Чингиз-наме» о принятии Узбек-ханом ислама и второе из повести ногайского писателя Валерия Казакова «Звезда Бабай». Первое предание, об участии Баба-Туклеса в принятии Узбеком ислама в начале 14 века, записано в 16 веке Утемиш-Хажи Мауланом Мухаммед Достом. В нем легко угадывается принадлежность к фольклору. Второе предание стилизовано со-

временным ногайским писателем, в связи с чем восстановить фольклорный оригинал нелегко. На наш взгляд, «Легенда о Бабае» из повести «Звезда Бабай» сложилась из двух частей. Первая — это женитьба Бабая на лесной женщине и рождение сына, вторая — смерть Бабая и превращение его в звезду. В легенде В. Казакова есть очень важные для ногайской мифологии моменты, имеющие параллели в других преданиях. Так, женитьба Бабая на лесной женщине перекликается с женитьбой отца Эдиге Кутлык-кая на Агаш-Ангалак, волшебная домбра — с кобызом Коркута, бессмертие Бабая — с бессмертием Коркута, магическое зеркало — с атрибутикой бакши в этнографических материалах и других преданиях, превращение героя в звезду — с общетюркской мифологемой. Предание «Как Озбек-хан принял ислам» дается в обработке автора книги.

Как Озбек-хан принял ислам

Отрывок из «Чингиз-наме»

Он так принял ислам...

Четверо аулие (святых) получили от Аллаха благословение. «Вы идите и приведите Озбек-хана в ислам!» — вот как было им велено.

По воле Всевышнего они пришли в страну Озбека и стали там молиться возле ворот дворца.

У хана Озбека в гостях часто бывали колдуны и язычники, которые развлекали его разными волшебными штучками. Они привезли ему сосуд, в который сверху из чаши наливался медовый напиток, жидкость проходила по трубкам и без чьей-либо помощи сама разливалась в тостаканы (кубки). Хану очень нравилось это приспособление, и потому он питал уважение к жрецам колдунов и язычников, сажал их рядом с собой и угощал со своего стола.

Когда мусульманские проповедники молились возле ворот дворца, жрецы колдунов и язычников были в гостях у хана. По обыкновению они налили в сосуд медовый напиток из чаши, но напиток не стал литься в расставленные перед пировавшими тоста-

каны. Тогда Озбек спросил у жрецов: «Почему медовый напиток не разливается?» Старший из них ответил: «В твою страну проникли мусульмане. Это их проделки!» Удивленный таким ответом, хан приказал своим подчиненным: «Разыщите мне этих людей и приведите сюда!» Охранники хана разъехались по всей округе в поиске мусульман. Когда они ни с чем возвращались обратно, то увидели возле ворот людей, одетых иначе, чем остальные. «Вы кто?» — спросили охранники. «Мы — мусульмане, ты сопроводи нас к хану», — ответили они. Так аулие попали к хану. Как только хан увидел их, так весь и просиял, по воле Аллаха его душа возрадовалась, и он мягко спросил: «Кто вы такие? Чем занимаетесь? Какие намерения привели вас в мою страну?» — «Мы — мусульмане, прибыли по благословию Всевышнего», — ответили гости. Жрецы, сидевшие с ханом за столом, недовольно загалдели: «Это плохие люди! Им нельзя разрешать и рот открывать! Их сразу надо убить!» Тогда Озбек-хан сказал: «Зачем я должен их убивать? Я — царь. И мне нет дела, в кого веруют мои подданные. В моем царстве всем есть место. У кого вера настоящая — я буду на их стороне. Если ваша вера лучше, то почему медовый напиток не льется из вашего сосуда?! Докажите мне, что ваша вера правильная, а их вера уступает вашей!»

Мусульмане стали спорить с колдунами и язычниками. Долго они спорили, но никто не мог доказать свою правоту. В конце концов решили вырыть в земле два тандыра (круглые печи), в каждом тандыре должны были разжечь по десять повозок саксаула, и договорились, что в один тандыр спустится человек от мусульман, а в другой — от колдунов и язычников. Кто из них из огня выйдет живым и невредимым — того вера, значит, и правильнее.

На следующий день так и сделали. Вырыли два тандыра, привезли и разожгли в них по десять повозок дров. «Кто из нас спустится в огонь?» — стали спрашивать друг у друга мусульмане. Был среди них святой Баба Тукли, прозванный так за то, что все его тело было покрыто волосами. Он сказал: «Дайте эту

возможность мне. Скажите мне напутствие!» Остальные аулие прочитали ему благословение. Тогда Баба Тукли сказал: «Принесите мои доспехи». Когда принесли железные доспехи, облегавшие его целиком, он надел их на голое тело. Так, что из щелей только волосы выглядывали. Баба Тукли помолился Всевышнему и полез в раскаленный тандыр. Когда он с головой опустился в печь, тушу барана тоже положили туда и закрыли сверху крышкой.

Из колдунов и язычников никто не осмеливался опуститься в тандыр. Тогда одного язычника схватили и силком бросили в яму. Он как попал в тандыр, так сразу и сгорел, только пепел наружу вылетел.

А из первого тандыра доносились молитвы Баба Тукли. Когда мясо барана зажарилось, наблюдавшие за этим люди открыли крышку тандыра.

— Зачем вы поторопились! Я еще хотел посидеть! — сказал Баба Тукли и вылез из печи. Его доспехи были добела раскалены, но ни один волосок на теле не сгорел. Это увидели все. Люди были поражены случившимся. Присутствовавший при этом хан Узбек стал мусульманином и весь свой народ привлек к настоящей вере. Да преумножатся дела нашей веры во веки веков!

Легенда о Бабае

Жил на свете молодой человек по имени Бабай. Говорят, что сначала у него умерла мать, а вечером того же дня скончался отец. Перед смертью отец сделал сыну наставление:

— Сынок, ты храбр, у тебя есть богатырская сила, когда ты будешь биться в бою, сам ангел смерти Азраил будет избегать тебя. Я горжусь тобой, но если у тебя не будет детей, я буду считать, что зря прожил жизнь. Дай мне слово, что ты оставишь после себя потомство и дашь начало роду, который придет на землю с доброй душой и будет покидать его с чистой совестью.

С этими словами отец дал сыну волшебную домбру и велел никогда с ней не расставаться.

После смерти отца Бабай взял домбру в руки и пошел искать себе невесту. Он побывал во многих ханствах, много увидел земель, пересек много рек и гор. Но нигде ему не встретилась та, которая тронула бы его сердце.

Однажды Баба возил дрова на трех арбах, запряженных быками. Когда он ехал по лесу, домбра его вдруг сказала человеческим голосом:

— Возьми меня в руки и сыграй...

Бабай взял домбру и запел.

Все лесные обитатели замерли и затаили дыхание, замороженные песней. Когда песня смолкла, все ожило, солнце пошло к закату и стали наступать сумерки. Бабай обернулся и увидел на задней арбе лесную женщину невиданной красоты.

Волшебная домбра сказала юноше:

— Гони ее! Это не та, которая тебе нужна!

Бабай послушался.

— Слезай с арбы! — крикнул он.

Девушка спрыгнула с задней арбы и перебралась на вторую.

Опять из домбры слышались слова:

— Гони ее, а то не будет тебе наследника!

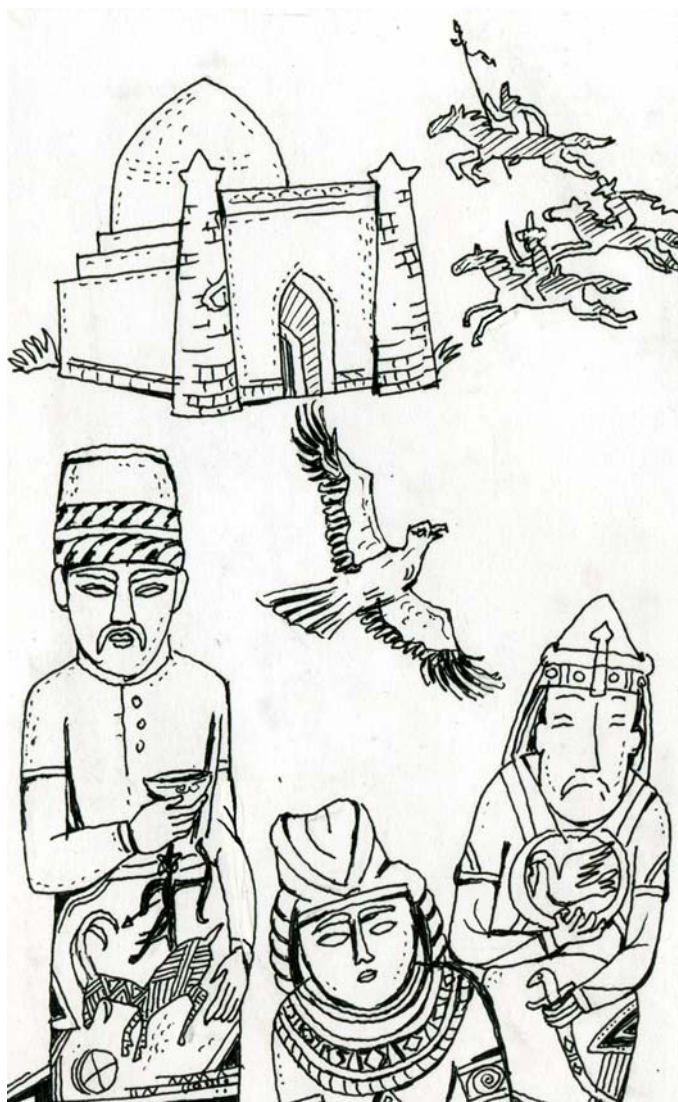
Бабай опять послушался домбру.

— Слезай! — крикнул он девушке.

Девушка спрыгнула со второй арбы и перебралась на первую, села позади него.

В это время лопнула струна домбры, и юноша ничего не мог разобрать в ее шепоте.

Девушка понравилась Бабаю, и он женился на ней. Юноша очень любил свою жену, не мог налюбоваться ее красотой и исполнял все ее капризы. Только сам он стал худеть, лицо пожелтело и стало покрываться морщинами. Как-то он вспомнил о поломанной домбре, починил ее и только хотел сыграть свою мелодию, как домбра заговорила человеческим голосом.

— Ты уже не выгонишь ее из дому, но ты должен вырвать с ее головы один волос и сжечь, иначе она высосет всю твою кровь.

Бабай так и сделал: вырвал волосок с головы жены и тайно сжег. Ему стало легче, к нему стали возвращаться прежние силы.

С женой вместе они прожили многие годы, но детей у них не было. Бабай горевал, что у него нет наследника, но ничего не мог поделать. Любил жену и ничего плохого о ней не думал, ничего странного за ней не замечал. Сам же стал стариться, поседел и осунулся. Однажды, когда он был на берегу реки, до него донесся голос, который выходил из домбры:

— Женщина, с которой ты живешь, Лесной Ангалак. Она тайно рождает детей и съедает их. Нельзя эту женщину любить так, как ты любишь. У тебя будет сын, если ты будешь решительным. Следи за ней.

Каждый год жена Бабая в конце лета начинала хворать, держалась подальше от людей. Под предлогом, что ей необходимо лечение, уходила в другой аул, а после возвращалась бодрой и крепкой. Когда жена снова захворала и собралась идти в другой аул, Бабай стал следить за ней. Та, как и прежде, отправилась якобы в соседний аул, чтобы лечиться у знахаря, а Бабай пошел следом. Жена его вместо аула свернула в лес. В глубине его был маленький домик, в котором и исчезла жена Бабая. Когда раздался душераздирающий крик младенца и страшный звериный рев, Бабай ворвался в домик и отобрал у окровавленной и мечущейся черной кошки крошечного младенца.

Черная кошка на глазах Бабая превратилась в его жену и стала умолять отдать ей ребенка.

— Это моя кровь и плоть! Это мой наследник! — твердо произнес Бабай.

Женщина от его слов превратилась в старуху.

— Хочешь остаться бессмертным, — сказала она. — Ладно! Я не дам жить вашему роду! — С этими словами старуха испустила дух.

Напуганный проклятием, Бабай вместе с сыном покинул места, где жил с женой. Поселился в далеком ауле и стал растить сына. Тот рос быстро и вскоре стал стройным красивым юношей. А отец его не старел, напротив, начал молодеть и вскоре стал совсем молодым, под стать своему сыну. Но сам Бабай этого не замечал, аульчане же видели, но ничего не говорили. В том ауле жил сыкырши (волшебник) по имени Бияла. Как-то он зашел в дом, где жил Бабай с сыном.

— Заходи, почтенный! Очень рад гостю! — такими словами встретил его Бабай.

— Мне нужен был отец... — сказал Бияла, глядя на двух молодых людей.

Бабай засмеялся:

— Где же я тебе его возьму?

Бияла обиделся и ушел, но на стуле забыл свое круглое зеркало.

А отец и сын стали смотреться в зеркало и были очень удивлены тем, что стали такими похожими.

Опечаленный Бабай сказал:

— Это проклятье ведьмы! Оно сбывается. Я должен умереть, чтобы было продолжение рода. Приготовь белый саван и похорони меня после захода солнца, чтобы легче было расставаться с жизнью.

Бабай лег и не вставал с постели. На глазах сына он превратился в дряхлого старика и умер. А ночью над аульским кладбищем вспыхнуло пламя и устремилось в небо, затем оно превратилось в звезду.

— Вот и душа моего отца нашла свое место на небесах, — произнес сын Бабая.

БАБА-ТАС — ПРЕДКОВ КАМЕНЬ

Баба-тас — это камень предков, ногайское название каменной бабы. Баба-тасы устанавливались на курганах, которые являлись захоронениями ханов, биев, полководцев, легендарных людей. Предки ногайцев вплоть до настоящего времени проводили на курганах важные собра-

Отца камень, отца камень,
Возле тебя села птица чибис,
Дам тебе сладостей,
Чибис, хлопай крыльями.
В воздухе раздается красивая мелодия,
Над тобой пролетел белый гусь,
На лице твоём сиянье,
Над тобой пролетел небесный волк.
Отца камень, отца камень!
Моим просьбам внимли ты.
К миру и дружбе путь ищи,
Не дай руке вынуть меч.
Могущество дай моей стране.
Согласие принеси жителям.
Тангри – рассвет моей радости,
Тангри – сиянье наших глаз,
Пусть просьбы дойдут до Тангри,
Пусть Тангри наши надежды и

Подстрочный перевод – И. К.)

БАЙТЕРЕК — МИРОВОЕ ДЕРЕВО

Байтерек — мировое дерево. Это название состоит из двух слов: *бай* — богатый и *терек* — дерево. Оно растет в центре земли на Аскар-тау (Сары-Арка, Сары-тобе, Кок-тобе). Образ Байтерек имеет широкое распространение в ногайском фольклоре. Оно упоминается почти во всех эпических песнях, бозлау, легендах, богатырских сказках. В тюркских мифах дерево символизирует генеалогическое древо человечества, на его ветвях живут души еще не родившихся детей, на листьях написаны судьбы людей. Обязательное обращение к Байтереку в поминальных песнях бозлау говорит о том, что мировое дерево было и погребавшим объектом. Так, в мифологии некоторых тюркских народов (напр., алтайцев) говорится о Сут-коль (Молочном озере), в котором очищаются души. В ногайских мифах упоминается Манас-коль, или Тогас-коль, находящееся у основания Байтерека, в котором вода белая, как кобылье молоко.

Корни Байтерека уходят в подземный мир, ствол расположен в Среднем мире, ветки уходят в Верхний мир. На вершине Байтерека расположено гнездо каракуса (у некоторых тюрков ворона), в корнях живет змея (или аз-

дага). Змея все время старается добраться до гнезда, чтобы съесть птенцов каракуса. Часто герои мифов вступают в борьбу со змеем (аздагой), чтобы сохранить птенцов. Поэтому в ногайских преданиях каракус помогает людям. Камы и бакши, превратившись в небесного волка, самыра (крылатую собаку), муху, небесного зайца, могут добраться до мирового дерева, чтобы узнать тайну рода, причину болезни и способ лечения, предсказать будущие события. Под Байтереком происходят сакральные действия, мистерии. Согласно ногайским преданиям, на ветвях дерева появляются птицы: ласточки, голуби, гуси, лебеди. Часто это люди, которых постигла большая несправедливость, ради спасения превращенные в птиц богиней Умай.

Байтерек в ногайских мифах прямо указывает и на более древнее дуалистическое мировоззрение. В предании о Буланбае, приведенном в главе «Ангшибай», правая сторона дерева светлая, солнечная, а левая – темная, как ночь. «С правой стороны Байтерека белые облака плывут, а с левой — черные тучи». Это описание полностью соответствует известной символике многих тюркских народов: правая сторона подразумевает небесный мир, а левая — подземный. Любопытные сведения приводит известный ученый В. Н. Басилов в книге «Шаманство у народов Средней Азии и Казахстана»: «В древней уйгурской легенде Огуз-хан водружает справа от себя дерево в сорок саженей, к нему привязывает белую овцу, а на вершину сажает золотую курицу, слева от себя легендарный хан водружает другое дерево в сорок саженей высотой, к нему привязывает черную овцу, а на вершину сажает серебряную курицу. Справа от Огуз-хана сидят Бузуки, старшие сыновья Огуза, рожденные от небесной девы, а слева — Учукки, младшие сыновья Огуза, рожденные от девы, явившейся Огузу среди озера. Бузуков отец «послал в сторону зари», и они нашли там золотой лук, а Учукков «послал в сторону мрака», «где заходит солнце», и они нашли три серебряных стрелы». На основании вышесказанного В. Н. Басилов делает такое заключение: «Правое — соотносится с небесным, верхним, белым, восточным, летним, мужским, главным, хорошим, а левое — с подземным, нижним, черным (темным), западным, зимним, женским, младшим, плохим» (указ. соч., стр.27). «Соотношение правого с мужским, а левого с женским сохранено у тюркоязычных народов в распределении пространства внутри юрты:

правая сторона юрты (традиция указывает стороны от почетного места) — мужская, левая — женская» (там же).

Надо сказать, что такое распределение сохранялось и в ногайской юрте. В ставках ханов, как и во времена Огузхана, справа сидели старшие бии и мурзы, а слева — младшие. Дуализм в мифологии тождественен дуалистической структуре племенной организации, имеется в виду разделение на «белую» и «черную» ветви. К этому необходимо добавить, что у ногайцев в поминальных плачах часто говорится о Байтереке, у которого верх золотой, а низ медный («басы алтын, туйби ез Байтерек бар эди»).

*Басы алтын, туйби ез
Байтерек бар эди.
Байлардынъ малы ише кутылмас
Манаш коьли бар эди.
Атланузга сен шыгып,
Ат белине сен минип,
Каядан арба шыгарып,
Кара кары йыгылды.
Шалшыктан арба шыгарып,
Шал тиреви уьзилди.
Басы алтын, туйби ез
Байтерек йыгылды.
Байлардынъ малы ише кутылмас
Манаш коьли курыды.
(Верхушка из золота, низ из меди
Был Байтерек.
Богачей стада поившее
Озеро Манас стояло.
Оседлав коня, ты вышел
В путь далекий.
На скалу арбу тянул —
Могучий старец свалился.
На скалу арбу поднял —
Но поводья оборвались.
Верхушка из золота, низ из меди,
Байтерек свалился.
Богачей стада поившее
Озеро Манас иссохло.*

Подстрочный перевод — И. К.)

В этом бозлау, кроме названных параметров, показывается и мифическое озеро Манас, располагающееся у подножия мирового дерева. Сам Байтерек и озеро Манас в

этой песне символизируют жизнь умершего, вообще жизнь. Байтерек — это опора жизни. Это наглядно видно и из другого бозлау:

*Ямышынгды ййган болсанг терекке,
Камышынгды илген болсанг бутакка,
Кылышын алып, ян алушвы келгенде,
Шыбын янынг ушыл кеткен ауракка.*
(На дереве расстелена твоя бурка,
На ветке повисла твоя камча,
Когда с мечом пришел отбирающий душу,
Твоя душа-муха отлетела в аурак.)

Подстрочный перевод – И. К.)

Из процитированных поминальных бозлау видно, что Байтерек «свалился», т. е. умирает. Это еще раз подтверждает, что дерево являлось абстрактным понятием возрождающегося и умирающего явления. Возможно, такое осмысление пришло позднее, когда ногайским народом были глубоко восприняты мусульманские представления. И Байтерек, как принято считать в науке, стал «мысленным деревом». Особенно это видно в эпической песне «Эдиге», в эпизоде, когда Тохтамыш-хан рассказывает о своем сне гадалщику. Вот концовка этого сна:

*Эсик алдым Байтерек,
Байтерегим йыгылды,
Токсан экен япырагы,
Токсаны да куйылды.
Баулы турган каракус
Уъркип ушты авага,
Далбай алып шакырдым,
Айланым кусым кайтпады,
Авалап кетип йок болды,
Ол не болар, йоравшы?
(Перед дверью Байтерек,
Байтерек мой повалился,
Девяносто было листьев,
Все девяносто осыпались.
Прирученный на дереве каракус,
Испугавшись, взлетел в воздух,
Свистом позвал его,
Только не вернулась птица,
Исчезла в воздухе она,
Что же это, предсказатель?)*

Гадальщик так объясняет хану окончание сна:

*Ол Байтерек – сен озинъ,
Токсан ялырак дегенинъ –
Токсан баслы орданынъ
Токсан тувы болмасын.
Уъркип ушкан каракус –
Бир шыбындай янынъыз,
Ол шыгарга болмасын!
(Этот Байтерек – ты сам,
Девяносто листьев, о которых говоришь, –
Девяностаголовой твоей орды
Девяносто знамен как бы ни оказались.
Испугавшийся улетевший каракус –
Как бы твоя душа-муха,
Вылетевшая, ни была!*

Подстрочный перевод – И. К.)

Из этих строк эпической песни видно, что Байтерек сравнивается с жизнью человека, с его миром.

В широком понимании Байтерек представляется в ногайских мифах мировой осью, осью Вселенной. В некоторых фольклорных произведениях рассказывается, что на вершине дерева сидит золотой каракус. Мы не располагаем данными, но возможно, это указание на астрономический объект (солнце). Иногда указывается, что на вершине мирового дерева находится и Темир-казык — Полярная звезда.

В ногайских мифах под Байтереком символически представлялись обыкновенные деревья или такие изделия из дерева, как столб, шест, аса-таяк. Кочевник полагал, что дерево заключает в себе магические свойства. Прежде всего, считалось, что в дереве сохраняется огонь — основа жизни. Когда в семье кочевника кто-либо умирал, через *шангырак* — верхнее отверстие юрты — выставляли копьё или *шест-курък* с желтым флагом. По ним узнавали, что в ауле есть покойник. Даже на современных кладбищах караногайцев на могиле умершего ставится шест с флагом. Кубанские ногайцы ломают пополам палку в рост покойника и кладут рядом с ним в могилу, а у изголовья устанавливают *басказык* — невысокий столбик.

У тюркских народов Байтерек символизировали различные деревья. Например, якуты называли Байтереком Пай-Кайын (Богатую Березу), казахи — тополь. У ногай-

цев почитались и дуб, и чинара, но Байтерек представлялся им огромной сосной. В эпических песнях герои сравнивались с деревом карагай (сосной). У средневекового ногайского поэта Казтугана постоянно присутствовал эпитет: *Карагай бойлы Казтуган* (Как сосна высокий Казтуган). У ногайцев есть устойчивое уважительное обращение: *Атанъ, ананъ — карагай* (Отец и мать твои — сосна).

В связи с почитанием Байтерека у ногайцев существовал культ дерева. Особенно свято ногайцы относились к одинокому дереву. Его не рубили, ему посвящали песни. В особых случаях возле него проводили обряды. В лесах, рощах, горах были так называемые *ырымлы-терек* — священные деревья. Крымские и астраханские ногайцы, загадав желание, на ветках таких деревьев оставляли завязанные лоскутки материи. Очень часто святость обретаю дерево, выросшее на могиле аулии.

Как уже говорилось, преданий и упоминаний о Байтереке много, но мы для иллюстрации приведем сказку «Жадная старуха», которая является одним из архетипов самых упрощенных шаманских легенд. Сказка записана Т. Акманбетовым и опубликована в сборнике ногайских сказок «Алал Косак», дается в переводе автора книги.

Жадная старуха

Давным давно, когда ханская дочка кадием была, а скворец колдуном, на льду пшеница росла, на камнях просо прорастало, мешки из войлока шили, клюв ворона больше рога быка был, жили-были Старик со Старухой. Жили бедно, постоянно в нужде. Старуха стирала богатым белье и одежду, молола им зерно ручной мельницей, прибирала в домах. Старик занимался охотой, но когда состарился, аульским детям из глины всякие безделушки делал и редко из дома выходил.

Как-то Старуха послала старика за дровами. Старик пошел в лесок и там, на вершине холма, увидел красивое дерево. Оно ему приглянулось, и он взобрался на холм, чтобы срубить дерево. Но вдруг услышал:

— Ты меня не руби! Все, что скажешь, сделаю!

Старик сильно поразился этому, но собравшись с мыслями, сказал:

— Дрова нужны, чтобы дома тепло было!

— Будут тебе дрова, возвращайся домой, — сказало Дерево.

Старик вернулся домой и был еще сильнее поражен, когда увидел двор, полный сложенных дров.

Однако Старуха выразила недовольство.

— Дрова сырые, ветви колючие! — возвела она напраслину.

— Что же я поделаю? Скажи спасибо Дереву! Оно сказало: все сделаю, что захочешь. Вот я и попросил дрова у него...

— Надо было муки попросить. Дома мука закончилась, — заворчала Старуха.

Старик отправился в лесок. Подошел к Дереву. А оно стоит поникшее: листья пожелтели, ветви оголились.

— Старуха просит муки. Дома мука закончилась, — сказал Старик.

— Хорошо, — ответило Дерево, — завтра будет у тебя мука.

Старик вернулся домой поздно и сразу лег спать. Утром Старуха проснулась рано:

— Кажется, снег выпал? — сказала она. Вышла во двор и ахнула — это была обещанная мука.

Старик со Старухой наполнили мешки мукой, а что осталось, людям продали.

Но прошло не так уж много времени, как Старуха заявила Старику:

— Надо было золото и серебро просить! — И потребовала: — Иди богатство проси!

Старик опять отправился в лесок. Когда подошел к холму, увидел, что у Дерева многие ветки засохли и листья попадали.

— Старуха моя золото и серебро требует! Житья не дает!

— Хорошо! Иди домой, ложись спокойно спать, завтра утром будет у тебя богатство.

Утром Старуха проснулась и глазам своим не верит: весь дом полон золота и серебра. Старик со старухой начали прятать его, но не могут скрыть от глаз человеческих. Старуха очень боится, что кто-нибудь зайдет в дом и увидит их богатство, даже сон потеряла. Утром набросилась на Старика:

— Иди к Дереву и проси, пусть сделает наш дом таким страшным, чтобы ни одна душа не входила!

Старик опять пошел в лесок. Пришел и видит: Дерево почти наполовину высохло. Понимает, что оно от исполнения его просьб сохнет. Жалко ему Дерево, но он Старухи боится и опять передает ее требование.

— Хорошо, — сказала Дерево потухшим голосом, — завтра будет то, что вы желаете.

Старик вернулся домой и лег спать. А утром Старуха в лисицу, а Старик в медведя превратились.

А Дерево приняло свой прежний облик и как раньше на холме растет.

БАКШИ

Бакшы, баксы — шаман, прорицатель, обладающий сакральными свойствами. Этимология названия восходит к слову *бак* — ведать, смотреть, но возможно, оно происходит и от слов *багыс, багыслау* — посвящение, посвященный. Сведений о бакши много в исторической литературе и фольклоре. Бакши были провидцами, обладали тайными знаниями. Лечили они сообразно своей многовековой традиции. При лечении использовали музыкальные инструменты: домбру, кылкобыз, аса-таяк, пели песни на непонятном языке или на понятном, но со странным текстом; использовали такие предметы, как зеркало, нож, кинжал, меч, гвозди, кости животных, камчу. В некоторых случаях в известные только им даты проводили по ночам коллективные сеансы, вводили в транс большое количество людей. По рассказам самих бакши, они могли превращаться в крылатого волка, самыра, какую-то птицу, муху, оленя или же превращали свой музыкальный инструмент в одно из этих существ и, оседлав их, отправ-

лялись в мир иной, где узнавали причину заболевания, способ лечения, тайну рода и будущие события. Бакши всю жизнь боролись со злыми духами, демонами, считалось, что злые силы их и убивали. Как отмечали исследователи, ногайские бакши мало чем отличались от казахских и каракалпакских *баксы*, усматривается их близость и с сибирскими шаманами.

У А. В. Сызранова есть статья «Ислам у астраханских ногайцев-карагашей» («Современное положение и перспективы развития ногайского народа в 21 веке», сборник статей, Санкт-Петербург, 2006 г.). В отрывке из этой статьи, публикуемом ниже, приводятся записи исследователей В. А. Мошкова и Вл. Пятницкого, сделанные ими в ногайских аулах.

Лечение бакши

В.А. Мошков приводит интересное описание сеанса шаманского лечения, и, хотя он рассказывает о казахском шамане (*бахсы*), лечившем ногайца, подразумевается, что так же лечили и ногайцы-*бахсы*. Вот что рассказал исследователю один красноярский ногаец-карагаш: «У нас в семействе был тяжкий больной, которого мы долго лечили разными домашними средствами, но совершенно безуспешно. Вдруг однажды, неизвестно откуда, к нам является совершенно незнакомый бахса-киргиз (т. е. казах. — А.С.) и прямо говорит: «У вас есть больной такой-то; я пришёл его излечить». Осмотрев больного, он велел отыскать в степи сухую лошадиную кость из лопатки. Когда кость была найдена и принесена, бахса развёл огонь, положил на него кость и кусок железа. Пока обжигалась кость и нагревалось железо, он, сидя на земле, качался всем корпусом и пел непонятные песни до тех пор, пока изо рта у него не пошла белая пена. Когда железо накалилось докрасна, бахса приложил его к своему языку, так что язык его даже зашипел. Потом он ножом разрезал себе кончик языка и кровью своей капнул на раскалённое железо. Затем взял обожжённую кость, долго глядел на неё,

истолок в порошок, насыпал в чашку с водой, прибавил туда соли и всё это размешал. Потом велел вывести больного на двор, сначала давал ему нюхать жжёную шерсть, а в заключении всего взял свою смесь из чашки в рот, и прыская этой жидкостью на раскалённое железо, дул паром на больного. В конце концов он бросил чашку с водой в одну сторону, а железо в другую и объявил, что лечение окончено, но, что, если оно не поможет, он придёт в другой раз. Мы наградили бахсу деньгами и одеждой, рассказывал ногаец, сколько могли, и через три дня наш больной действительно выздоровел, а бахсы мы с тех пор больше не видели».

О других способах лечения, практикуемых ногайскими шаманками-баксы в конце 1920-х гг., рассказывает Вл.Пятницкий: «...Есть и женщины-баксы — старуха в поселке Зайково... Применяемый ей способ лечения: *учуклук* — окуривание пациента, и *кагынды* — нахлестывание по больному месту соответствующей частью, взятой от животного. Выбор животного зависит от аппетита духа: чаще всего идет баран или бычок». Пятницкий также описывает обряд *кудай джол*, совершаемый «для отвращения всяких бедствий, как, например, прилет саранчи...», приводит сведения об анимистических персонажах: демонах *шайтанах* и *албасты*, домовом — *джурт иеси*, духе воды — *су анасы* и др.»

БАЛШИ

Балшы — так в ногайской мифологии называется гадальщик. Он часто встречается в ногайских песнях и прозаическом фольклоре. Надо сказать, что в ногайском языке словом *балшы* называют и пасечника, человека, разводящего пчел. Этимология слова *балшы* в значении «гадальщик» не случайно связана со словом *бал* (мед). Мед в мифологии ногайцев, как и у многих народов мира, символизировал мудрость. Совсем недавно ногайские пиршества, свадьбы, сходки старейшин начинались с того, что по кругу пускалась чаша, наполненная медовым напит-

ком сербет-су. Этот обычай обозначал призыв аксакалов к мудрости, мудрым решениям. Гаданье на ногайском языке называется *бал ашу*, дословный перевод этого выражения — мед найти, т. е. добраться до сути. Видимо, называя гадалщиков *балшы*, народ выражал свое к ним отношение, охарактеризовав и приукрасив профессию народных ясновидцев. Даже глагол *балайды*, *балады* (гадать, гадал) произошло от слова *балшы*, а не наоборот.

Ногайские балши гадали разными способами. В эпических песнях «Шора-батыр», «Адиль-Солтан», «Карайдар и Кызыл-Гуль» они разгадывали сны. Это было одним из основных занятий ногайских балши. Профессия гадалщика не была безопасной. Так, в эпосе «Эдиге» балши, разгадывая сон Тохтамыш-хана, предсказал его смерть. За это Тохтамыш-хан бросил гадалщика в глубокий зиндан. В лирической песне «Карайдар и Кызыл-Гуль» выведен образ плутоватого балши, который хочет воспользоваться отсутствием возлюбленного и предлагает девушке Кызыл-Гуль вступить в любовные отношения с ним.

Почти в каждом ногайском ауле были балши, использовавшие для гадания баранью лопатку (*яурын-калак*). Этот способ гаданья был широко распространен не только среди ногайцев, но и среди многих кочевых народов. На лопатке гадали сразу после того, как съедали мясо, и когда она уже была в сухом виде. После съедения мяса балши тщательно очищал кость, затем разглядывал ее и предсказывал некоторые события, погоду, урожай на полях. Ногайский этнограф Рамазан Керейтов подробно описал названия частей лопатки и привел один из способов гадания. «Сухую лопатку нагревали, — пишет он в книге «Ногайцы» (Черкесск, 2009 г.), — потом гадали по точкам, в конце гадалщик ломал ее, поворачивался спиной к двери и обломки лопатки бросал, не глядя, в сторону двери, старался попасть на косяк. Если попадал на верхний косяк — гадание считалось удачным и все должно сбыться, как он предсказал».

Ногайские балши гадали, бросая жребий, на ивовых прутьях. В каждом ауле были и женщины балши, которые для гадания использовали зерна кукурузы (сорок одно зерно, одно из которых, обгорелое, было главным и называлось *бий*), зерна фасоли, красивые камешки. Образ балши в ногайской мифологии неординарный. Без него не могло обойтись общество, так как он предсказывал важ-

ные события, раскрывал тайны людей, но одновременно эта профессия вызывала сомнения, часто гадалелями становились случайные люди. Об этом народная сказка «Гадальщик Шегертки», записанная ученым Джелалдином Шихмурзаевым (1). Она дается в обработке автора книги.

Гадальщик Кузнечик

Давным-давно, когда дочь хана кадием была, когда народ от несправедливости страдал, когда очень богатые и очень бедные были, жил один бедный, но прыткий парень по прозвищу Кузнечик (поногайски Шегертки). Как-то, разумеется, от бедности, украл он у Акмак-хана коня. А конь этот был любимым скакуном у правителя. Когда Акмак-хан узнал о пропаже, опечалился сильно и объявил народу: тому, кто найдет его скакуна, он даст десять коней в награду. Акмак-хан собрал известных балши, чтобы они узнали о его коне. Кузнечик был парень смысленый, он постарался попасть вместе с балшы к хану. Известные гадальщики гадали, гадали, но правду сказать не могли. Последнему говорить пришлось Кузнечику, и он сказал, где находится скакун хана. За это ему в награду дали десять коней и объявили лучшим балши в ханстве.

Кузнечик был очень доволен исходом дела, после этого он сильно возгордился, стал очень важным. Но как это нередко бывает, радость долго не может продолжаться, должны наступить и сумрачные дни. Такой день настал. У хана пропало дорогое золотое кольцо. И, конечно, хан сразу позвал своего славного гадальщика.

— Семь поколений моих предков передавали это кольцо своим детям. И надо же такому случиться — у меня оно пропало. Очень досадно! Кольцо — наша семейная гордость, поэтому найди его. Я в награду дам тебе куржин (сумку) золота.

Кузнечик очень опечалился, не знает, что предпринять. Однако с ответом торопиться он не стал.

— О, мой хозяин! Оставь меня одного на ночь в твоём доме, я подумаю, после все тебе расскажу, — сказал он. А сам решил дожидаться на рассвете крика третьих петухов и дать деру.

Хан ушел в свои покои, оставив Кузнечика одного. Весть о том, что хан позвал своего лучшего гадальщика, быстро распространилась по аулу. Узнали об этом и трое братьев, которые совершили кражу. Они забеспокоились, им очень хотелось узнать, что думает гадальщик. Всю ночь они смотрели на окно дома, в котором сидел гадальщик. Не смогли дожидаться рассвета. И, когда должен был закричать первый петух, к окну дома пришел младший брат и прильнул ухом к окну. В это время закричал первый петух.

Кузнечик вздохнул и громко произнес:

— Вот и первый дал о себе знать!

Младший брат испугался этих слов и поторопился домой.

— Братья мои, хотите верьте, хотите нет: когда я совсем неслышно подкрался к окну, гадальщик узнал, что я подошел к дому. Если мне не верите, то сами сходите.

Тогда отправился средний брат. Он тоже прислонился к окну, чтобы посмотреть на гадальщика. В это время раздался петушиный крик:

— Вот и второй подал о себе знак, — сказал Кузнечик.

Средний брат испугался и, прибежав домой, рассказал о том, что гадальщик узнал и про него. Тогда они все трое пошли к гадальщику. И, когда самый старший подобрался к окну, закричали третьи петухи.

— Вот, все дали о себе знать, — проговорил Кузнечик и, думая о побеге, вышел на улицу. Трое братьев обступили его и стали умолять:

— Теперь нам несдобровать, хан не даст нам житья. Не губи нас! Просим не говорить ему ничего, сознаемся — это мы украли перстень.

Кузнечик, услышав их признание и мольбы, очень обрадовался.

— Если перстень у вас, то мой вам совет: дайте проглотить его гусю с ханского двора, но только сломайте этой птице ногу.

— Спасибо, Кузнечик! Ты действительно знаменитый гадалщик! Мы сделаем все, как ты сказал, — обрадовались братья.

Братья сделали так, как им было велено. Поймали гуся с ханского двора, дали ему проглотить перстень, а затем сломали птице ногу.

Утром Кузнечик пошел к хану и объявил:

— Мой хан, твой перстень проглотил хромой гусь.

Радости Акмак-хана не было предела, когда обнаружился перстень. Он выполнил свое обещание: дал Кузнечнику целый куржин золота.

Как-то Акмак-хан поехал в гости к богачу Койбагару. Богач с почтением встретил хана, зарезал барана, стал угощать разными яствами. Они посидели, поели, затем стали рассказывать друг другу новости. Гость поведал хозяину об удивительных делах своего гадалщика. Только Койбагар не поверил хану и сказал, что если Кузнечик найдет спрятанное им, то он отдаст ему в награду половина своего богатства. Они поспорили. Хан уехал. Койбагар долго думал, что ему сделать. И, наконец, придумал. «Раз балши зовут Кузнечиком, то поймаю кузнечика и пойду к нему». Богач заехал на берег реки и стал ловить кузнечиков. Сделал одну попытку — ничего не получилось. Сделал вторую попытку — опять кузнечик не попался в руки. И только с третьей попытки он сумел поймать кузнечика. Тогда Койбагар, завернув добычу в платок, сел на своего коня и поехал в аул Акмак-хана. Когда в дом хана привели гадалщика, Койбагар сказал ему:

— Все говорят, что ты искусный балши! Если ты на самом деле такой, то скажи, что в этом платке?

Гадалщик очень расстроился и, раскаиваясь в содеянном, ответил:

— Первый раз ты, Кузнечик, не попался. Второй раз — тоже не попался. А вот на третий раз — попался!

Койбагар был поражен:

— Как же ты мог узнать, что кузнечик попался с третьего раза? Об этом только я знаю! Воистину, ты непревзойденный гадалщик!

Так Кузнечик получил богатства, и слава о его искусстве до сих пор живет в ногайском народе.

БАЛЫШ

Балыш — таким словом ногайцы называют легкий ветерок. Балыш — это имя девушки. С нею связана легенда, записанная в 19 в. А. Архиповым. Она приводится по книге «Уплывающие тени» И. Капаева (Ставрополь, 1999 г).

Легенда о Балыш

Случилась эта история в далекие времена. В одном из ногайских аулов жила девушка по имени Балыш. Отец ее был табунщиком. Мать смотрела за домом и растила одну-единственную дочь. Девушка была обыкновенной, работающей, ничем не выделялась среди других девушек аула и ожидала своего счастья. А счастье заключалось в том, чтобы встретить достойного джигита, выйти замуж, родить детей и жить их заботами. В народе говорят, что если у человека намерения и помыслы чистые, то и счастье обязательно посетит его дом. Так и Балыш жила в ожидании своего счастья. Однажды на ярмарке она увидела парня, который познакомился с ней и сказал, чтобы в их доме ожидали сватов. И правда, через некоторое время сваты пришли. Бармажи (медовый хмельной напиток), бузу (хмельной напиток из проса) попили, о калыме договорились и условились через месяц, через два неках (брачный договор) сделать и свадьбу сыграть. Но не прошло и месяца —

парень вместе с другими джигитами из аула ушел казаковать. Тогда наши джигиты часто устраивали набеги в горы или на Дон. Дело рисковое. Многие головы положили на чужбине, многих калеками на арбах привозили. Но часть возвращалась со скотом, скарбом, при новом оружии. Идти казаковать считалось почетным, истинно мужским делом. Многие в набеге показывали свою боевую удаль.

Однако, когда аульские джигиты вернулись, среди них не было джигита Балыш. Во время боя на чужбине он пропал. Не было его среди мертвых, не было и среди живых. Прошли все сроки, а жених не возвращался. Прошел год, а его все нет. Все согласились с мыслью, что он погиб. Только Балыш не могла с этим согласиться. Пропавший считался ее женихом, но не мужем. Она была просватана, но неках не был составлен. Она сама не понимала: кто она? Ее хотели просватать другие, но она отказывалась, надеясь, что ее жених все-таки объявится. Она всем сердцем хотела быть женой ему, но о нем не было никаких известий. Жив он или мертв — никто не знал. Когда прошел второй год, в одну из ночей Балыш ушла на поиски жениха и сама пропала.

Говорят, что люди иногда встречаются с одинокой девушкой. Она только покажется — и сразу исчезает. Лишь белый тастар (длинный платок) развеивается в степи, да слабый ветерок доносит тихую песню Балыш.

Плачет, плачет красавица белая,
Косы падают на подол.
Из волос она ложе сделает,
Только муж бы ее пришел.
Что бессильная, неумелая,
Станет делать она одна?
И опустятся руки белые,
И согнется ее спина.
Прошлым летом с женой
проставшийся
Не вернется домой джигит.

(Стихи перевел Н. Гребнев)

БАРКАЯ

Баркая — мифологический персонаж, один из предков Эдиге. Имя это двухсоставное: *бар* и *кая*. Первая часть имени от иранского слова *пари, пери*, означающего название духа в человеческом облике, вторая часть заключает в себе древнетюркское: *кая, кайши*, означающее название главного жреца.

БАС, КУБАС, ТАКА

Бас — голова. *Кубас* — высохшая голова, череп. *Така* — череп. Особое значение в мифопоэтике кочевников придавалось отрубленным головам знаменитых врагов. Из истории мы знаем немало случаев, когда из вражьих черепов делали чаши, украшения, их заливали золотом, оковывали серебром, инкрустировали драгоценными камнями. Этот обычай своими корнями уходит в глубокую древность. Отец истории Геродот писал: «Головы всех убитых им в бою скифский воин приносит царю. Ведь только принесший голову врага получает свою долю добычи, а иначе — нет. Кожу с головы сдирают следующим образом: на голове делают кругом надрез около ушей, затем хватают за волосы и вытряхивают голову из кожи. Потом кожу очищают от мяса бычьим ребром и мнут ее руками. Выделанной кожей скифский воин пользуется, как полотенцем для рук, привязывает к уздечке своего коня и гордо щеголяет ею. У кого больше всего таких кожаных полотенец, тот считается самым доблестным мужем...» (7, с.255). Такой обычай позднее бытовал и у тюрко-монгольских племен. Об этом свидетельствуют исторический материал и лингвистические данные ногайского языка. В нем имеется несколько обозначений слова «отомстить»: *кан алу* — взять кровь, *оьш алу* — удовлетворить ярость, *кек алу* — взять чуб на голове, *бас алу* — взять голову. *Кек алу* — означает взять скальп с чубом. *Кекель* — то же самое, что и *хохол, хохолок*. Черепа правителей и знаменитых врагов оковывали драгоценным металлом и инкрустировали камнями. Это в ногайском фольклоре называется «*айкель шалув басына*» (священное украшение головы). Известно, что скифы делали чаши из голов врагов-родственников. Возможно, что ук-

рашение черепа было каким-то ритуалом, устраивающимся в честь духа предков. Древние считали, что в голове вмещается не только разум, но и харизма.

Отрубание головы считалось одним из главных актов мщения. Мечь совершалась для удовлетворения духа предков. Если не осуществлена мечь, то считалось, что призрак, дух предка не находит себе покоя. Во многих ногайских преданиях встречаются отрубленные головы. Как уже говорилось, в ногайском языке несколько слов обозначают череп. *Кубас* — высохшая голова (*ку* — обсохший, *бас* — голова). Это слово глубоко проникло и в русский язык. Слова *кубок*, *кубышка* — производные от него. Можно предполагать, что и в ногайском языке под словом *кубас* подразумевался череп-украшение, использовавшийся предками ногайцев для ритуальных обрядов. На это есть прозрачный намек в сказке «Бозтоклы и Кызанбай».

В ней главный герой Бозтоклы, отправляясь на поиски невесты, велит матери приготовить в дорогу провизию и сшить семь бешметов. Бешметы ему нужны для преподнесения находящимся на дороге Кубасам. Затем Бозтоклы на пути поочередно встречает семь черепов.

«— Салам алейкум, Кубас! — говорит Бозтоклы.

— Алейкум салам, несмышленный! Пусть дорога тебе удачной будет! — отвечает Кубас.

Бозтоклы в благодарность накрывает череп бешметом и продолжает путь. Так он делает подарок всем семьям Кубасам.»

Необходимо отметить, что говорящая голова, говорящий череп — довольно распространенная в тюркском фольклоре мифологема, которая имеет очень древние традиции. В «Сокровенном сказании» есть эпизод с отрубленной головой легендарного хана керейтов Тогрула, известного и как Ван(Он)-хан. По обычаю древних тюрков и монголов, убившие Тогрула найманы оковали ее серебром и возили с собой. Но во время пира найманов череп Тогрул-хана стал насмеяться над их правителями, и они были вынуждены расколоть череп на куски.

В грандиозном ногайском эпосе «Эдиге» говорящей голове уделяется особое внимание. Убийство такого хана, как Тохтамыш, мурзой стало потрясающим событием средневековья, ключевым в распаде мощного чингизидского государства. Имя сына Эдиге Нурадина, решившегося на

этот поступок, стало нарицательным. После этого в Ногайской Орде и Крымском ханстве самых главных военачальников, командовавших правым крылом, стали называть *нурадинами*. Предания «Голова Тохтамыш-хана» и «Подвиг пастуха» обработал автор книги.

Голова Тохтамыш-хана

Отрывок из эпоса «Эдиге»

Сын Эдиге Нурадин долго преследовал Тохтамыш-хана и настиг его в пределах реки Иртыш. Тут-то и вышли два злейших врага на поединок. Право первого выстрела из лука Нурадин, соблюдая старшинство, предоставил хану. Выстрелил хан. Выстрелил Нурадин. Стрельба из лука не принесла успеха никому. И тогда они схватились врукопашную. Долго бились. И, наконец, Нурадин снес голову хана. Разъяренный, он вонзил в нее копьё, поднял над собой и хотел так вернуться в орду.

Тогда голова Тохтамыш-хана сказала:

— Эй, сынок, сынок!

Даже сейчас я выше тебя!

Рассердился Нурадин, бросил голову на землю и сказал:

Наколел бы на копьё
Голову Тохтамыш-хана –
Своей гордостью она
Даже мертвая позорит.
Положил бы в сумку я
Голову Тохтамыш-хана,
Опасаюсь потерять –
Не поверит мне отец мой.
Заверну ее в парчу,
Нежную, белее снега.
И повешу на шею –
С гордостью к отцу приеду!

Подвиг пастуха

Давным-давно один хан со свитой поехал на охоту. На своем пути они встретили лежащую на обочи-

не дороги голову человека. Очень удивились увиденному: голова без туловища, из глаз слезы текут и язык шевелится.

— Мое туловище и моя жена у аздаги, помогите мне, — сказала голова.

Хан и его свита побоялись подойти к голове, стали как вкопанные на одном месте. В это самое время к ханской свите подоспел плохо одетый пастух, который пас скот недалеко от дороги. Он услышал просьбу говорящей головы.

— Ладно, я помогу тебе, — сказал пастух и поднял ее с земли.

Он махнул рукой, и прискакал к нему его конь Ел-етпес (Тот, что быстрее ветра). Прыгнул парень на коня и помчался что есть силы. Семь дней и семь ночей был он в пути. И так добрался до края света, где находится Туп-куйы (Последний колодец). Пастух опустил в колодец, увидел там железную дверь, выдернул ее. Пробрался внутрь и увидел там женщину с глазами овечки и маленьких детей. Женщина обрадовалась его приходу. Дети вокруг нее плачут. В углу помещения аздага спит, изрыгая огонь из пасти, из ушей пар валит.

— Спящего убивать — это недостойно, — произнес парень.

Он взмахнул камчой и несколько раз огрел аздагу. Аздага подпрыгнула на месте, оглянулась по сторонам, заметив парня, кинулась на него, взяла лапами и, подняв, бросила на землю. Парень провалился по колено, но сразу взяв себя в руки, бросился на аздагу, поднял ее и бросил оземь. Аздага по пояс провалилась в землю, не может сдвинуться с места. Пастух вытащил кинжал и отрубил голову аздаге, а затем все ее тело порубил на мелкие кусочки.

Так пастух освободил светлолицую женщину и ее детей. Там же в колодце он нашел туловище ее мужа. Вместе с отрубленной головой он понес туловище к эмши-ата (знахарь-отец). Эмши-ата из жира паука сделал снадобье, прикрепил голову к туловищу и оживил человека. Муж и жена не могли нара-

доваться этому, так с тех пор и живут в мире и согласии.

БАС КЕТЕРУ ТОЙ – ПРАЗДНИК ПЕРВОЙ СТРИЖКИ

Бас кетеру той — праздник в честь первой стрижки волос на голове ребенка. Это один из знаменательных обрядов в жизни ногайца, он сохраняется и в наши дни. К этому событию готовятся тщательно, заранее извещают родственников, приносят в жертву лучшего барана, пекут лакомства, угощают родственников и соседей. Когда в годовщину со дня рождения ребенка собираются родственники, ребенка сажают посреди комнаты, стрижку проводит дядя по материнской линии — *нагашака*. Ребенка стригут наголо, оставляя чуб на макушке. Чуб называется *кекель* (то же, что у украинцев хохолок). Этимологию слова *кекель* трактуют по-разному. Наиболее предпочтительна версия, что архетип состоит из двух тюркских слов: *кок-ул* — неба сын. Украинское слово *хохол* ближе к этому исконному слову, чем даже произношение на любом из тюркских языков.

После бритья головы все садятся за стол. Тамада, мулла желают ребенку благополучия, счастья. Пьют, кушают, веселятся. Есть специальные песни, посвященные этому событию.

Волос человека имел сакральные свойства. Считалось, что в волосах собираются добрые духи. Потеря волос сулила несчастье. В мифопоэтике существуют устоявшиеся образы *Алтын-айдар* — Золотой чуб, *Алтын-кекель* — Золотой кекель, хранящий богатырскую силу мифологических персонажей.

БАСТЫРЫК

Бастырык — злой демон, приходящий к человеку во сне, чтобы задушить. Это существо облика не имело. Когда человек просыпается от удушья, то обязательно должен произнести: «*Бастырды!*» («Душил!») и прочесть *дува* (молитву).

БЕРДАЗИ

Бердази — время года, охватывающее несколько дней перед началом нового года. Слово двухсоставное: *берди-ази* (дало ази), ази (см. выше главу «Ази»), означает знак неба.

У иранских и тюркских народов по астрономическому солнечному календарю, которым пользовались в том числе и ногайцы, новый год начинался с наступлением месяца Науруз — с 21 на 22 марта. Дата наступления бердази точно не определена. Дни наступления бердази связывают с фактическим приходом весны. В эти дни старый год приветствует новый, новый — прощается со старым, и приходят несколько дней, когда старое уже осталось в прошлом, а новое еще только вызревает в будущем. Сама природа в эти дни изменчива.

В дни бердази природа постоянно меняется: может начаться ветер или выпасть снег, могут даже вернуться морозы. Поэтому ногайцы под бердази понимают сумятицу, непостоянство, ожидание ясности. Когда человек не знает, что делать, душой овладевают сомнения, тревога, то говорят, что «началось бердази души».

*Анда бол да, мунда бол,
Бердазиде уйде бол!*

(Можешь ты быть везде,
Но в бердази будь дома.)

Иногда бердази проходит без природных катаклизмов. Когда в апреле возникают дни, похожие на бердази, их ногайцы называют *алты арык* (шесть стогов). У ногайцев существует популярная легенда, связанная с этим временем. Далее приводится предание «Алты арык» в обработке автора книги.

Алты арык

Когда закончился старый год, вернулась стужа на ногайские земли, подули холодные восточные ветра, для скота началась бескормица, один богатый мурза стал метаться по своим кошам, и никак не мог

остановить начавшийся падеж животных. Мурза сгнал оставшуюся в живых скотину к аулу и стал думать, что предпринять, чтобы спасти свое богатство. Прослышал он, что у одного джигита в его ауле есть шесть стогов сена. Для скота нужен был корм, и мурза, хоть мог вызвать к себе простолюдина, чтобы рассказать о своем бедственном положении, сам отправился к нему на коне.

— Джигит, что хочешь проси, но дай мне свое сено! У меня скот на глазах пропадает!

— Что хочешь, говоришь? — улыбаясь, переспросил джигит.

— Да! — сказал мурза.

— Отдай мне свою дочь, и все шесть стогов сена твои.

У мурзы была красавица-дочь на выданье, к ней сватались многие знатные люди, но мурза отказывал всем, ожидая лучшей партии.

— Думай, прежде чем говорить! Ты что, мне ровня, что ли?! — вырвалось у мурзы, он даже камчой погрозил. И вернулся домой ни с чем.

Но на следующий день выпал снег, и скот мурзы оказался еще в худшем положении. Коровы мычали, овцы блеяли, животные валялись с ног и умирали. Мурза опять отправился к джигиту, стал умолять его дать взаймы или продать шесть стогов сена.

— Ничего мне не надо, кроме твоей дочери!

Опять мурза вернулся домой несолоно хлебавши. Ночью ударил мороз. Из-за сильного холода животные продолжали погибать.

— Какой я мурза без богатства?! — сказал мурза самому себе. Он вновь поскакал к джигиту и дал согласие отдать ему в жены свою дочь.

Скот мурзы был спасен, а через день наконец пригрело солнце, тотчас растаял снег и стала всходить зеленая трава. Дочь мурзы звали Абирли. И в народе стали говорить:

Абирли кетти абысып,
Тувар отка ябысып.

(Абирли ушла, споткнувшись,
За травку для скота вцепившись).

Ногайцы это время называют еще «Алты арык». А соседи ногайцев, горские народы, — «Время ногайского мурзы». Когда ненастные дни затягиваются, то говорят: «Когда же ногаец выдаст дочку замуж?», подразумевая, что после этого наступят солнечные дни.

БЕС КЫЗ — ПЯТЬ ДЕВУШЕК

Бес кыз — пять девушек. Образ пяти девушек в ногайском фольклоре и происхождение топонимических названий связаны между собой. На реке Лабе, где до конца 18 века проживали наурузовские ногайцы, существовало селение с названием *Бескыз*. Затем эти места заселили кубанские казаки, которые сохранили старые ногайские названия территорий. Сейчас здесь расположен поселок Бескес.

Об этом старом ногайском селении упоминает турецкий путешественник Эвлия Челеби (17, с. 68), в начале 17 века побывавший на Северном Кавказе. В своем сочинении «Книга путешествий» ученый рассказывает о самобытной жизни наурузовских ногайцев и приводит легенду о пяти утонувших девушках. Подобная легенда бытует и среди терских ногайцев, ее связывают с происхождением названия города Кизляр (Девушки). Возможно, обе легенды связаны с исчезнувшим народом *хаз*, т. е. хазарами. Город Кизляр сохранил память о древнем народе *хазлар*. Названием *Бес хаз*, видимо, называли объединение из пяти хазарских племен. В Нефтекумском районе Ставропольского края сохранился ногайский аул с названием Бесей. Позднее с этими топонимами из-за фонетического совпадения (*хазлар* — *кызлар*) стали связывать тюркские мифологические сказания о девушках, превращающихся в птиц, лебедей. Далее приводится ногайская легенда, записанная ногайским писателем Суюном Капаевым по устному рассказу Абдуллы Сатемирова из аула Икон-Халк (старое название Тохтамышевский). Предание обработал автор книги.

Бес кыз

Как-то пять девушек из аула Науруз поехали на арбе на ярмарку. Они хотели попасть туда раньше всех и поэтому выехали без обычного мужского сопровождения, хотя помощь мужчин была необходима, особенно при переправе через реку. Девушки, добравшись до брода, не стали их дожидаться и направили лошадей в реку. Однако в том году вода в ней поднялась выше обычного уровня, на середине реки арба затонула, а девушек быстрое течение подхватило и унесло вниз. Девушки кричали изо всех сил, просили о помощи, но поблизости никого не было. Тогда Умай — небесное женское божество — услышала мольбу девушек и превратила их в диких уток-уйрек. Эти птицы и в воде не тонули, и по небу летали.

Родители девушек прибыли к броду, чтобы найти своих дочерей. Но ни в воде, ни на берегу они не смогли найти тела девушек. Горю родителей не было предела. В надежде на то, что об их дочерях придет хоть какая-то весть, они поселились вблизи брода. Как-то родители, сидя на берегу, увидели пролетающих над их головами птиц. С виду это были утки, но лица у них были человеческие. Родители присмотрелись и, узнав своих дочерей, в один голос закричали:

*Сувда да сиз юзесиз,
Кокте де сиз ушасыз,
Сувда не зат излейсиз,
Ерден не зат козлейсиз?
Таныс сизинъ юзингиз,
Неге эркин юресиз?
Ерге туйсип конынгыз,
Уъйге келип етингиз.
(В воде вы плаваете,
В небе вы летаете,
В воде что вы ищете,
На земле что вы высматриваете?
Ваши лица нам знакомы,
Зачем вы в небе летаете?)*

На землю спускайтесь,
Дом свой обретите.)

В небе пролетающие птицы ответили им:

*Сувда да биз юземиз,
Ковкте де биз ушамыз,
Сувда йолды излеймиз,
Ерден уйди ковзлеймиз.
Сувдан йолды таппаймыз,
Ерде уйди коьрмеймиз,
Атай-анай сагынган
Умай кусы уйрекпиз.*

(В воде мы плаваем,
По небу мы летаем,
В воде дорогу ищем,
На земле свой дом высматриваем.
В воде мы путь не находим,
На земле свой дом не видим,
Отец и мать по нас скучают,
Мы птицы нашей Умай.

Подстрочный перевод *Исы Капаева.*)

Говорят, что девушки, превратившиеся в уток, часто появляются в том месте, поэтому аул назвали Бес кыз (русские произносят Бескес).

БЕТ АШАР, БЕТ ЙЫЛЫТУ

Бет ашар — обряд открывания лица. *Бет йылыту* — обряд согревания лица.

В древности ногайская свадьба проходила в несколько этапов и растягивалась на недели. В советское время люди должны были уложиться в выходные, поэтому в течение двух дней нужно было совершить несколько обрядов, на каждый из которых в древности отводился день, а то и более.

Интересен обычай *бет ашар* (открывания лица), который раньше проводили на следующий день после брачной ночи. В советское время его стали проводить в день, когда привозили невесту в дом жениха. Две *енге* (жены

братьев, принимающие активное участие во всем свадебном цикле) выводили из дому невесту с закрытым лицом, причем у главной енге с правой стороны в руках был флаг. Иногда лицо невесты открывал мальчик-телохранитель, который на протяжении всей свадьбы находился рядом, но чаще это делала старшая в роду жениха женщина. Она с помощью деревянной или серебряной ложки откидывала покрывало на лице невесты, затем ложкой давала невесте попробовать кусочек меда, после чего обнимала невесту и обязательно наступала правой ногой на правую ногу девушки. Невеста три раза обнимала старшую женщину и прикладывала ко лбу ее руку. За этим следовал игровой момент: *кайынану* (свекровь), всем своим видом показывавшую, что не хочет принимать участие в церемонии, женщины «ловили» и подводили к невесте. Она тоже наступала ей на ногу, и они обнимались. Затем это проделывали остальные родственницы. Исследовательница ногайской обрядности С. Гаджиева так объясняет обычай наступать на ногу: «Это символизировало пожелание родни новобрачного, чтобы молодая жена крепко обосновалась в семье, чтобы она была вынослива, терпелива, подчинялась порядкам семьи. Новобрачная обнимала каждую из женщин, прикладывая ко лбу ее руки (символ того, что невестка будет покорна, будет служить верой и правдой, уважать и угождать каждой.)» (20, с.100).

Эти же женщины и невеста были главными участниками не менее интересного обычая *бет йылыту*. В наше время его стали проводить на следующий день после свадьбы. Во дворе дома разводился небольшой костер. Опять собирались и старшие, и младшие женщины. Из дома выводили невесту. Теперь ее лицо не было закрыто. Звучала музыка. Женщины поочередно обнимали новобрачную. Невеста в конце объятий прикладывала руку родственницы ко лбу. Затем свекровь с другими женщинами водили невесту три раза вокруг костра и останавливались перед огнем. После свекровь и женщины грели ладони над пламенем и водили руками вокруг лица, тем самым передавая тепло очага невесте. Женщины преподносили невесте украшения, а потом все вместе угощались за празднично накрытым столом.

БИЙ

Бий — мифологическое существо в виде большого паука. Бий живет в заброшенных домах, пещерах, темных местах. Если его потревожить, то он может наброситься на человека, но на него нельзя нападать с целью убийства. Бий олицетворяет жизнь, считается, что он плетет жизненные нити. Бием называется и домашний паук, хотя он имеет еще название *ормекшин*. Домашнего бия тоже нельзя убивать.

В сказках из жира ормекшина делается снадобье, оживляющее мертвых. Слово бий имеет широкое употребление в жизни ногайца. Так называют, например пчелиную матку. В этом случае метафорическое название подчеркивает жизнеорганизующие качества главного членистого. Верховного князя Ногайского государства также называли *бием*.

Ногайцы и их предки — торки, печенег, половцы — принимали активное участие в этногенезе украинской национальности. Среди запорожских казаков было очень много выходцев из тюркских племен. Об этом свидетельствует их антропонимика, обрядность, этнографические материалы. В связи с этим многие степные предания и легенды вошли в украинский фольклор. Великий русский писатель Николай Васильевич Гоголь очень интересовался степными легендами. В своих произведениях он использовал многие тюркские сюжеты и мифологемы. В основу знаменитой повести «Тарас Бульба» легло историческое предание о ногайском йырау Досмамбете. Повесть Н. В. Гоголя «Вий» и его главный отрицательный персонаж получили название от ногайского мифологического существа *бий*.

БИЯЛА — ЗЕРКАЛО

Бияла — название зеркала. В ногайской мифологии зеркало считается магическим предметом. Например, в сказках герои, спасаясь бегством от преследования чудовищ, бросают зеркала, которые превращаются в озера. Зеркала рассказывают правду, выдают скрытые тайны. Зеркала часто использовали бакши при камлании. Кусочек зеркала вставлялся в музыкальный инструмент кобуз.

БОЗЛАУ — ПРИЧИТАНИЯ

Бозлав — поминальный плач, причитания. Исполнение их имело магическое предназначение. В ногайском обществе высоко ценили бозлауши — профессиональных плакальщиц, они имелись в каждом ауле. Исполнение бозлау было первым признаком того, что душа, призрак умершего не забыты оставшимися на земле родственниками. Очень часто бозлау перерастала в историческую песню. Некоторые бозлау благодаря талантливому исполнению и высокохудожественному песенному тексту передавались из поколения в поколение. Надо сказать, что бозлау, как и другие поэтические произведения, являются хранилищем исторических, обрядовых, культурных ценностей. Часто в них рассказывается о трагических событиях. Подчеркивая невосполнимую утрату, жизнь умершего нередко сравнивают с потерянной столицей Ногайского государства Сарайчиком (смотрите главу «Сарайчик»).

*Ногай баьтирлер оьткен дуньядан
 Ногайга болган уьйкен атак.
 Сыбыра ман Парыздак,
 Найманлы Кет-Буга да,
 Олар да оьткен дуньядан.
 Ногай Ордага данъ болган,
 Акыр Эдиге оьткен дуньядан.
 Айдай-куьндей сылув ян,
 Суйимбийке де оьткен дуньядан.
 Ийдершик теректен эткен элек
 Тукли-бабай да кеткен эрек.
 Сарайшык алды йылгашык,
 Сарайшык арты сазбалшык,
 Сарайшыктан кеттинъ кайтпаска.
 (Прошедшие этот мир ногайские богатыри
 Ногайцев гордость на века.
 Сыбыра и Парыздак,
 Сам Кет-Буга Найманский
 Прошли этот мир.
 Гордость Ногайской Орды
 Бесстрашный Эдиге прошел сей мир.
 Как солнце и как луна прекрасная
 Суйимбийке тоже его прошла.
 Из святого дерева сито сделавший
 Тукли-бабай тоже отошел в сторону.*

У Сарайчика впереди русло,
У Сарайчика позади болото,
Сарайчик покинут навсегда.)

Наряду с главными божествами, такими, как Аллах, Тангри, Кудай, в бозлау часто перечисляются имена легендарных личностей: Эдиге, ханши Суйимбийке, полководца и певца Кет-буга, йырау Шал-Кийиз, Сыбра, Парыздака, батыров Карасая, Эр-Таргына, Копланлы. Хотя возникновение бозлау уходит корнями в глубокую древность, плакальщицы связывают их с пророком Мухаммедом, как бы находя для своих сочинений религиозную поддержку:

*Пайхамбардын улы болыпты,
Болыпты да оьлипты,
Бозлау соннан калганды.
(У пророка сын был,
Был да умер,
Бозлав от него и остался.)*

О сакральном предназначении бозлау открыто говорится в текстах. Поминальный плач сопровождал душу, призрак в святуго обитель аурак:

*Ай сарсылды, куьн сынды,
Айылык эки ерден боьлинди.
Атадынъ ялгыз увылы атланды,
Аурак алдына йолланды.
(Луна пропала, солнце разбилось,
Стремя пополам разломалось.
Отца одинокий сын, коня оседлав,
К Аураку путь взял.)*

О том, что бозлау имел магическую силу, свидетельствуют и такие слова:

*Тоббе баста ата тас
Эгитилгишей бозлайым.
Явьрым яккан кара шаш
Агаргышай бозлайым.
(На вершине кургана отцовский камень
Пока не осыпется, буду поминать.
Плечи мои покрыты черными волосами,
Пока не побелеют, буду поминать.)*

Подстрочные переводы – И.К.)

Процитированные тексты взяты из сборника бозлау, которые подготовил ногайский писатель, фольклорист Тахир Акманбетов. Его книга названа метафоричной строкой из ногайского бозлау: «Пусть слезы мои в сиянье превратятся» (Махачкала, 2009 г.)

БОРИ — ВОЛК

Бьори — это не единственное название волка. Чтобы не говорить настоящее имя, его еще называют *карыскырт*, *бут*, *бозкырт*. Есть еще и такие метафорические синонимы: Ашау (Аша, Аши), Капай, Капу, Маму, Мамай, Иткус. В ногайском фольклоре широко распространен мифологизированный образ *коькбоьри* (небесный волк). Слово *коьк* в переводе означает не только небо, так называют и синий цвет. В сознании ногайца образ *коькбоьри* не потерял свою сакральную суть вплоть до последнего времени. Обыкновенного земного волка ногайцы тоже чтили, хотя при необходимости его убивали. Ногайские знахари, бакши и кагымши использовали шкуру, кости волка для оберега и при разных лечебных процедурах. Особенно часто использовалась для лечения тяжелобольных детей свежесодранная волчья шкура. Для этого специально искали волка, убивали и сдирали шкуру. Обряд назывался *бослама*. Клочок волчьей шкуры был практически в каждом ногайском доме, он играл роль оберега для детей. Его призывали к головной части колыбели. Также клочок волчьей шкуры использовали кагымши для исцеления взрослых больных. Во время сеанса шкуру сжигали, кололи иглой, тем самым изгоняя злого духа, вызвавшего заболевание. Кагымши и другие ворожеи использовали и нить из сухожилия волка *тарамыс*. В народе было широко распространено мнение, что волчий дух изгоняет шайтанов и *ишнов* (джиннов).

В древности одежда из волчьих шкур использовалась как надежная защита от несчастий. Ногайская знать носила волчьи шубы. А шапки из шкуры волка старались носить все. Ногайское название шапки — *боьрк*, *боьрик* (волчий) говорит о первоначальной принадлежности исходного материала для головного убора этому зверю. Степняки Караногая для тех, кто боится собак, делали пояса из волчьей шкуры, перевязывая их семицветными нитя-

ми. Зуб волка у ногайцев использовался как амулет. Тахир Акманбетов приводит интересные фольклорные данные об отношении наших предков к волку. Один из информаторов рассказал ему такое поверье. Человеку, уставшему душой и страдающему депрессиями, рекомендовалась убить волка. Особенно это касалось людей пожилого возраста.

«В шестьдесят лет ты должен убить волка, — говорили наши деды. — Убив его, принести на курган и принародно содрать с него шкуру.

Шкура волка разрезалась на кусочки и раздавалась аульчанам. Аульчане, взяв кусочек шкуры, целовали и прикладывали ко лбу, затем носили с собой или прятали в надежном месте дома. Аульчане вместе с убившим волка человеком совершали ритуал с головой волка. Один из уважаемых стариков прикреплял на палку голову зверя и стоял на вершине кургана, остальные аульчане окружали его. Женщины пели песню:

Бьори бас, бьори бас,
Болма бизге кас.
Яным ян болсын,
Басым дан болсын.
Бьори бас, бьори бас,
Тилегимизге кулак ас.
Кылыш тот болмасын,
Кардашым ят болмасын.
Билбил кустай сарнайык,
Эдиге хандай тойлайык,
Душпаным туз есин,
Сув ишпей, ув ишсин!
(Волчья голова, волчья голова,
Не будь нам вражеской,
Пусть душа станет спокойной,
Пусть голова в почете останется.
Волчья голова, волчья голова,
Внемли нашим просьбам,
Пусть наши сабли не затупятся,
Пусть братья врагами не будут.
Тогда как соловей мы запоем,
Как Эдиге пир сделаем,
Пусть наши недруги соль поедят,
Воды не найдя, пусть яд выпьют.)

Другой информатор рассказал Т. Акманбетову такое поверье:

«Если волк попадал в капкан или его брали живым, то тогда полагалось волка резать, когда на небо всходила радуга. Или резали возле копыя, вонзенного в землю. Когда не стало копий, то стали вонзать в землю шест курык, предназначенный для ловли лошадей».

В исторических песнях, поминальных плачах ногайцев часто присутствует обращение к небесному волку. Обращались к нему за помощью. Кокбори является тотемным животным всех древних тюрков. Некоторые ногайские племена увязывали свое происхождение с этим тотемом. От кокбори возникли царские династии тюрков. Ниже будет приведена тюркская легенда о происхождении царской династии Ашина. В исторической литературе распространена легенда о происхождении кагана от небесного волка, который, превращаясь в солнечный луч, спускался через дымовое отверстие юрты к женщине и оплодотворял ее.

В знак своего происхождения тюрки на знаменах синего цвета изображали золотую пасть волка. Такие знамена приносили победу. В русских летописях отмечаются подобные знамена и у предков ногайцев половцев.

В мифах и легендах тюркских народов волк и собака заменяют друг друга в родословных царских династий. Например, Атилла был рожден заключенной в крепость царевной, которую навещала собака. Предок Чингиз-хана Бортечино был рожден знаменитой Алан-гуа, к которой в полночь спускался небесный луч, а на рассвете уходил через дымовое отверстие, превратившись в желтую собаку. Эдиге, брошенный лесной женщиной, был вскормлен молоком собаки.

Эти легенды связаны с астрономическими событиями. Небесный волк и собака символизировали космический объект, определявший главенствующее положение царских династий. В данном случае — созвездие Большого Пса со звездой Сириус. На земном шаре было много народов, которые связывали происхождение людей с этой звездой. Ногайцы, как и их древние предки, почитали звезду Сириус. Ее называли Сумбле, Ак-айгыр. Созвездие Большого Пса, в которое входит Сириус, у ногайцев называлось Самыр-юлдыз. Возможно, что и Кокбори тоже одно из метафорических названий этого созвездия.

Хотя много фольклорных данных наталкивает на это, полностью реконструировать астрологический миф о звездном происхождении царских династий мы не можем из-

за недостатка информации. Тому, что тюрки происхождения каганов придавали небесное значение, факт неоспоримый, данных об этом предостаточно. (См. главы: «Ит», «Сака», «Самыр».) «*Кокьбобрйдей янлы эди*» («С душой небесного волка»), «*Кокьбобрйдей тири эди*» («Как небесный волк подвижный») — это были самые лучшие эпитеты для степных батыров.

В некоторых преданиях ногайцев упоминается некий легендарный человек по имени Тотыр. Это чабан, охотник, понимавший язык волков. Он помогал волчице спасти детенышей. Имя Тотыр было широко распространено среди ногайцев. (См. главу «Тотыр».)

Тюркская легенда «Происхождение Ашины» реконструирована автором. О существовании у ногайцев культа волка свидетельствует и походная песня ногайских воинов, записанная Т. Акманбетовым.

Происхождение Ашины

Когда враги уничтожили одно племя, в живых чудом остался десятилетний мальчик с отрубленными ногами и руками. Этого мальчика на берегу озера нашла волчица. Она зализала его раны, вскормила и стала с ним жить. Но враги вернулись и, найдя мальчика, убили. Волчица, которая успела забеременеть от мальчика, убежала в горы Алтая. Там она остановилась в долине Отюкен и родила десятерых сыновей. От этих сыновей пошло племя Он-ок (десять стрел). Среди этих сыновей главным стал Ашина — неукротимый и неумный воин. Вскоре он подчинил всех, кто жил в долине. Народ стал увеличиваться, и вскоре ему стало тесно в горах.

Волчица говорила о врагах, живущих за пределами долины Отюкен, и требовала, чтобы Ашина отомстил за отца. Тогда Ашина собрал своих людей и предложил им выбраться из окружения гор. Для этого он велел свалить сотни деревьев и стал поджигать гору. Огонь расплавил руду в горе, образовался проход. Так тюркское племя Он-ок вырвалось из долины Отюкен. Сивая волчица показывала Ашине дорогу. И вскоре тюрки отомстили врагам и создали огромное ханство.

Бьори йыр

Мен явга карсы бараман, бараман,
Ажжалга кирпич какпайман, какпайман.
Кокьбьори янлы ногайман, ногайман.
Явдан кажымай улыйман, улыйман.
У - л - у, у - л - у, у - л - у, у - л - у.
Елпилдейди тув, Ногай тув, Ногай тув.
Артка бурьлып караман, караман.
Аруак алдына бараман, бараман,
Кокьбьори янлы ногайман, ногайман.
У - л - у, у - л - у, у - л - у, у - л - у.
Елпилдейди тув, Ногай тув, Ногай тув,
Явдан кажымай улыйман, улыйман.
У - л - у, у - л - у, у - л - у, у - л - у.

Песня волка

Навстречу врагу иду, иду,
Я перед смертью глаз не смыкаю, не смыкаю.
Я с душой небесного волка ногай, ногай,
Я врага не боюсь и вою, вою.
У - л - у, у - л - у, у - л - у, у - л - у.
Развеается знамя, знамя Ногая, знамя Ногая.
Назад я не обернусь, не обернусь, не обернусь,
Я навстречу аруаку иду, иду, иду.
Я с душой небесного волка ногай, ногай.
У - л - у, у - л - у, у - л - у, у - л - у.
Развеается знамя, знамя Ногая, знамя Ногая,
Я врага не боюсь и вою, вою.
-У - л - у, у - л - у, у - л - у, у - л - у.

Подстрочный перевод - И.К.)

БОСАГА — ПОРОГ

Босага — порог. В жизни ногайца он имел сакральное значение. На пороге запрещалось сидеть, стоять, облокотившись о проем. Возле порога и сам порог не пачкали. Запрещалось через порог выметать мусор. Существуют очень значимые для ногайца поверья, связанные с порогом. Когда ногайцы въезжали в новый дом, они брызгали молоком на порог; переступив его, целовали Коран, в доме рассыпали пшеницу, пол поливали водой. Чтобы убедить беременную женщину от злых духов, на порог клали меч, кинжал.

ГЕРАКЛ

Геракл — величайший герой древней Греции. У римлян его зовут Геркулесом. Это имя носит одно из созвездий. Рядом с созвездием Геркулеса расположена звезда Гидры. Как известно, в одном из преданий герой убивает многоголовую гидру. Такое расположение звезд наталкивает на мысль, что в основе греческих преданий лежали астрономические мифы. Исследователи считают, что первоначально Геракл являлся солнечным богом, который своими стрелами поражал все темное и злое, он был богом, исцеляющим и посылающим болезни.

Предки ногайцев — скифы, гунны, болгары, гузы, печенег, половцы — издревле имели взаимоотношения с греческой цивилизацией, поэтому неудивительно, что в ногайской мифологии сохранились отголоски преданий о Геракле. Прежде всего, надо отметить фонетическое сходство имени греческого героя Геракла с общетюркским эпическим героем: *Кёр-огул*, *Кёр-оглы*, *Кор-огул*. Любопытна этимология тюркского имени. *Кор* — означает могила, *огул* — сын. В одних случаях эпический герой рожден в могиле, в других — рожден от ослепленного отца. Возможно, так объясняли возникновение героя сказители позднейшего времени. Архетип же имени *Кор-огул*, может быть, происходит от слова *кор* в значении победа или производных от него — *корлав* — унижение, *корлады* — победил. В связи с этим тюркское имя Кор-огул и греческое Геракл восходят к древнеегипетскому имени Гор, солнечному имени фараона.

Греческие мифы о Геракле имеют аналогии с шумеро-вавилонскими мифами о Гильгамеше и финикийскими — о Мелькарте. Последнее время известные тюркологи приводят все больше лингвистических данных о сходстве языков древних тюрков и канувших в Лету шумеров.

Поэтому мы можем выдвинуть предположение о проникновении преданий о Геракле в тюркскую мифологию в очень давние времена.

Ногайская эпическая песня «Кор-увыл» имеет общие корни с эпическими песнями казахов, узбеков, туркменов о Кор-огуле. Но дело в том, что и у ногайцев, и у других народов эти песни сохранились фрагментарно, после их чтения не возникает целостного впечатления о герое. Особый интерес вызывает прозаический фольклор, где есть прямые мифо-функциональные соответствия преданиям эллинов. В ногайском сказочном фольклоре немало произведений, где рассказывается о подвигах, подобных подвигам греческого героя. Но в данной статье мы обратим внимание на предание, которое приводит Геродот, о пребывании Геракла в Скифии. Начнем с момента, когда Геракл прибыл в Скифию.

«Там его застигли непогода и холод. Закутавшись в свиные кожи, он заснул, а в это время его отпущенные пастись упряжные кони чудесным образом исчезли. Пробудившись, Геракл исходил всю страну в поисках коней и наконец прибыл в землю по имени Гилея. Там в пещере он нашел некое существо смешанной природы — полудеву, полузмею. Верхняя часть у нее была женской, а нижняя — змеиной. Увидев ее, Геракл с удивлением спросил, не видала ли она где-нибудь его заблудившихся коней. В ответ женщина-змея сказала, что кони у нее, но она не отдаст их, пока Геракл не вступит с ней в любовную связь. Геракл ради такой награды соединился с этой женщиной. Однако она медлила отдавать коней, желая как можно дольше удержать у себя Геракла, хотя он с удовольствием бы удалился, получив коней. Наконец женщина отдала обещанное со словами: «Коней этих, пришедших ко мне, я сохранила для тебя; ты отдал теперь за них выкуп. Ведь у меня трое сыновей от тебя. Скажи, что мне с ними делать, когда они подрастут? Оставить здесь (ведь я одна владею этой страной) или же отослать к тебе?» Так она спрашивала. Геракл же ответил на это: «Когда увидишь, что сыновья возмужали, то лучше всего тебе поступить так: посмотри, кто из них сможет вот так натянуть мой лук и опоясаться этим поясом, как я тебе указываю, того оставь жить здесь. Того же, кто не выполнит моих указаний, отошли на чужбину. Если ты так поступишь, то и сама останешься довольна и исполнишь мое желание».

Сыновей Геракла мать назвала одного Агафирсом, другого Гелоном, а младшего Скифом. Двое сыновей — Агафирс и Гелон — не могли справиться с задачей, поставленной отцом, и мать изгнала их из своей страны. Младший сын Скиф смог натянуть лук Геракла и опоясаться поясом с золотой чашей. От него пошли все скифские цари. А в память о золотой чаше скифы стали носить чаши на поясе».

Натягивание лука отца довольно распространенный эпизод в тюркском фольклоре, подобный эпизод встречается в ногайской эпической песне «Алпамыш». Кража коней, встреча с демонической женщиной, рождение детей от подобной связи, возвращение потери — все эти мифологемы тоже часто встречаются в ногайских преданиях. Но в связи с цитированием предания, записанного Геродотом, мы хотим обратить внимание исследователей на ногайские сказки о Карабатыре и об Атамане Карагуле, особенно на сказку «Атаман Карагул». Во-первых, потому, что в имени Карагул мы наблюдаем фонетическое сходство с именами Кор-огул и Геракл. Во-вторых, есть сходство в развитии сюжетной коллизии. Надо подчеркнуть и то, что прибавление к имени Карагул звания Атаман говорит о том, что предание возникло в среде ногайских казаков, которые издревле участвовали в этногенезе донских казаков (первый донской атаман Сары-Азбан был из ногайцев). Отсюда видно, что данное предание ведет свои корни с территории, на которую указывал Геродот.

Атаман Карагул

Давным-давно жил один богатый хан. Главным богатством у хана были кони. Скакуны были быстрыми, выносливыми, и слава о них распространялась по всей ногайской степи. Жил в этих краях Атаман Карагул — никто не знал, откуда он родом, был он беспечным, домом ему служила бурка, пропитание себе он добывал луком и стрелами, от зверей защищался кинжалом. Как-то Атаман Карагул проезжал мимо табуна хана и увидел жеребую кобылу. Как раз к ней подъехал на вороном жеребце и сам хан.

— Каждый год жеребится, но так и не удается увидеть ее жеребенка, — пожаловался он. — Приплод куда-то исчезает. Вот и сейчас она готова ожеребиться, но боюсь, опять не увижу жеребенка.

— Эта кобылица приносит небесных жеребят. Если бы ты отдал мне одного жеребенка этой кобылицы! А я у тебя три года отработаю и остальной приплод верну тебе, — сказал Атаман Карагул.

— Хорошо! — согласился хан. — Только смотри, отвечай за свои слова!

Так Атаман Карагул стал табунщиком хана. Днями и ночами он обходил табун, особенно следил за синей кобылой. Однажды, когда обозначился рассвет, табунщик увидел, что кобылица в стороне от табуна начала жеребиться. В это самое время на небе появилась большая черная туча и стала двигаться к кобылице. Атаман Карагул, поняв, что здесь что-то не так, быстро подбежал к кобылице. Он успел завернуть жеребенка в бурку и отнести подальше. Туча опустилась на землю, но ничего не обнаружив, рассеялась. Наступило утро. Тогда Атаман Карагул принес жеребенка к кобыле, дал ей облизать детеныша. Жеребенок пососал материнского молока и сразу оправился, на ноги встал. Атаман Карагул отогнал кобылицу в табун, вернувшись, накинул уздечку на жеребенка. Жеребенок вмиг как годовалый стал. Когда табунщик поводья привязал, он как двухгодовалый стал. Когда тот его оседлал — жеребенок как трехгодовалый сделался. Когда подпруги и подхвостник затянул — стал как пятигодовалый. Когда Атаман Карагул на него взобрался — шестигодовалым скакуном сделался. Так как конь был синего небесного цвета, он назвал его Кок-ат (Небесный конь). Карагул поехал к хану, показал ему коня. Хан своим глазам не поверил: такого прекрасного скакуна он в жизни не видел.

— Поеду искать остальной приплод, — сказав Атаман Карагул и поскакал в степь.

Быстрее ветра мчался Кок-ат. Ноги коня земли не касались. Атаман Карагул останавливался возле

табунов, показывая своего скакуна, расспрашивал: «Не видели ли коней такого цвета, как этот скакун?» Но никто не видел таких коней.

Так он добрался до одинокого дома на краю света. Остановился возле двери, спросил:

— Есть ли тут живая душа?

Ему никто не ответил. Он сказал:

— Мир дому вашему!

— На добро — добром! — ответил ему женский голос.

Атаман Карагул отворил дверь и вошел в дом. Видит: в углу связанная старая обыр (ведьма) лежит.

— Джигит, освободи меня, все сделаю, что пожелаешь! — с мольбой произнесла старуха.

— Абай (бабушка), кто тебя связал? — спросил Карагул.

— Меня аздага связал. Я не старуха, я молодая женщина. Если развяжешь, — узнаешь, — ответила обыр.

Атаман Карагул развязал веревку. Старуха встала, достав с полки синюю пиалу, побрызгала на себя жидкостью и тотчас обернулась красивой молодой девушкой.

Атаман Карагул рассказал о себе и о том, что ему нужно найти коней небесного цвета.

— Раз ты мне сделал добро, то и я помогу тебе. Этих коней крадет аздага. Я знаю, где они. Возьми в руки железную колотушку, а коня своего оберни семью буйволиными шкурами. Поезжай к большому морю, отпусти коня на берегу, а сам спрячься в укромном месте. К твоему Кок-ат выйдет жеребец, он станет биться с твоим конем, но ты не показывайся, пока жеребец не обессилит. Когда он из сил выбьется, ты запрыгни на него. Он будет стараться скинуть тебя на землю, ты же держись и не жалея бей его колотушкой между ушей. Когда жеребец станет послушным, он тебя через море на остров переправит, там есть одинокое дерево, на верхушке дерева клетка, а в клетке — воробей. Этого воробья поймай, тог-

да аздага в твоих руках, так как в птичке его душа. Вынешь душу — все кони небесного цвета к тебе выйдут.

Атаман Карагул поскакал к большому морю. И сделал все, как сказала девушка. Поймал воробья и вошел в жилище аздаги. Аздага хворает, от боли корчится, места себе не находит.

— Я сейчас тебя вылечу! — сказал Атаман Карагул и, сжав в кулаке воробья, удушил.

Аздага тотчас дух испустил. Карагул вышел на берег и увидел, как из воды по одному стали небесные кони выходить. Он погнал коней домой. По пути девушку захватил и к хану прибыл. Хан обрадовался коням, Атамана Карагула другом сделал, свадьбу сыграл. Быков, овец зарезали, бочками кумыс пили, на свадьбе весь народ веселился, зурна и барабан месяц не умолкали.

ДАУ

Дав, дау — это мифологический персонаж в облике великана. По многим признакам похож на мусульманского дэва. Очень часто дау, как аздага, елмауыз и другие отрицательные персонажи, устраивает героям мифов суровые испытания.

В ногайском фольклоре нередко упоминается *Дау-коьпир* (мост дэва). Это мифический мост толщиной с конский волос, соединяющий землю с потусторонним миром.

Название дау (дэв) заимствовано из иранской мифологии. Сам образ дау имеет некоторые соответствия с иранским мифологическим персонажем. Дау, как и в иранской мифологии, злое существо ужасного облика, живущее в горах или труднодоступных местах. Он похищает девушек, коней, богатства, владеет несметными сокровищами. Но ногайский дау отличается от иранского в лучшую сторону. Это человекоподобный гигант. Человека крупных размеров ногайцы могут сравнить с ним. «*Дау-дай уьйкен*» (большой как дау) — очень распространенное сравнение. В прошлом у ногайцев широко использовалось имя Карадау (Черный дау, Могучий дау). Одного из пророков ногайцы часто называют Али-дау, имея в виду силу и мощь этого святого. Мы видим в слове дау положительную оценку. Да и в фольклоре дау иногда помогает людям и даже становится другом героя.

Характеристику ногайскому персонажу, наиболее близкую к истине, дает казахский исследователь Серикбол Кондыбай, говоря, что «*дау* — это собственно тюркско-протоказахский (протоногайский — И. К.) мифологический образ неизвестного, несохранившегося названия...» Ученый предполагает, что первичным названием тюркских дэвов служило слово *алып* (алп, гигант, великан).

«Дау-алыпы — представители раннего времени, они первые обитатели земли до появления людей. Люди постепенно вытеснили их, и они стали проживать на окраинах земли, под землей и под водой» (14, 103), — такой вывод С. Кондыбая совпадает с характеристикой ногайского мифологического персонажа.

В ногайской мифопоэтике особое внимание обращает на себя дау по имени Тепекоз. По облику и функциональным свойствам Тепекоз похож на древнегреческого титана-циклопа (см. главу «Прометей ногайских степей»).

Мифологическое сказание опубликовано в сборнике «Ногайские народные сказки», приводится в обработке автора.

Завещание отца

Жил один старик, у него было три сына и три дочери. Перед смертью он собрал детей и сказал завещание:

— Старшую дочь отдайте за Каракуса (Черная птица, Гигантский орел), среднюю — за Волка, а младшую выдайте за ханского сына.

После этого старик умер. Его похоронили с почестями. Через некоторое время Каракус забрал старшую дочь, а вскоре Волк забрал среднюю дочь. Еще через некоторое время братья посадили младшую сестру в арбу и сами повезли в ханский дворец. В пути поднялся сильный ветер, пошел холодный дождь. Старшие братья стали искать укромное место, чтобы переждать непогоду. Младший же уговаривал братьев продолжить путь. Но те не поддались его уговорам. Только арба свернула с дороги, как небо заволокла черная туча, смерч подхватил сестру и унес с собой. Старшие братья растерялись, не знали, что делать. Младший же брат кинулся искать сестру. Шел он в том направлении, куда ее унес смерч. Сначала он пришел к сестре, которая вышла замуж за Каракуса. Сестра обрадовалась брату, накормила, напоила, от мужа спрятала. Каракус прилетел, нагнав ветер. Вошел в дом — и что-то ему не нравится, глазами кого-то ищет.

— Человеческий запах чую! — говорит он.

— Ты с неба все видишь. Откуда тут человеку быть? — отвечает жена.

Она подала мужу еду, а когда Каракус насытился, спросила:

— Что бы ты сделал, если бы к нам в гости мой старший брат пришел?

— Живым проглотил бы! — ответил Каракус.

— А если б средний брат навестил?

— На виселице повесил бы!

— А если бы младший брат пришел?

— Медом напоил бы, пир устроил, — говорит Каракус.

Тогда женщина пошла и вывела из укрытия брата. Каракус велел стол накрыть и стал угощать гостя. После угощения Каракус стал спрашивать, что привело шурина в далекие края. Выслушав его рассказ, Каракус сказал:

— Это Карадау (Черный дау) похитил твою сестру. Он живет за моими пределами.

После этого Каракус доставил шурина к своему свояку. Оставив его там, он улетел обратно. Средняя сестра очень обрадовалась брату. Накормила, напоила, а когда подошло время возвращаться мужу, спрятала его. Волк пришел домой, и что-то ему не нравится, озирается кругом. Говорит:

— Человечий запах чую!

— Это ты рыщешь вокруг, ты и видишь посторонних, — с этими словами жена подала на стол еду.

Волк поел и сразу заснул. Когда проснулся, жена спросила:

— Что бы ты сделал, если бы к нам в гости мой старший брат пришел?

— Живым проглотил бы! — ответил Волк.

— А если средний брат навестил бы?

— На костре бы сжег!

— А если бы младший брат пришел?

— Уважение оказал бы! — сказал Волк.

Тогда жена пошла и привела младшего брата. Волк как сказал, так и сделал: велел стол накрыть,

угощение поставить. После того, как шурина угостили, Волк расспросил его. Шурина рассказал о том, что приключилось с их младшей сестрой.

— Я отведу к тому месту, где Кара-дау живет, — сказал Волк. — Но тебе туго придется. Для того, чтобы одолеть его, тебе надо у него забрать шило в шесть обхватов, плетень, сплетенную из шкур девяти волов, да еще украсть трехногого скакуна. Без этого тебе несдобровать.

Волк отвел шурина в лес, где жил Кара-дау, и вернулся к себе. Джигит пошел по лесу и вышел на поляну, где стояла белая юрта. Возле юрты огромный елмауыз сидел, он вход в юрту охранял, а чтобы скучно не было, целый пуд смолы жевал. Парень отрезал хвост своего коня и, незаметно подобрившись к елмауызу, сунул ему в рот конский хвост. Конский волос перемешался со смолой и залепил чудовищу рот. Елмауыз скривился и заснул. В юрте возле спящего Кара-дау младший брат нашел свою сестру. Вид у дау был такой страшный, что джигит забыл о наставлениях Волка, поспешил вывести сестру. Сев вдвоем на коня, они поскакали прочь из леса.

Кара-дау проснулся, не торопясь съел мясо девяти быков, запил шурпой из девяти казанов. Только после этого он огляделся и заметил, что девушки в юрте нет. Он вышел из юрты и, ткнув шилом, разбудил елмауыза, расспросил его и узнал, в чем дело. Кара-дау взял свою плетень, оседлал трехногого скакуна и вмиг догнал беглецов. Одним ударом плети Кара-дау разрубил парня пополам. Сестра разрыдалась, попросила Кара-дау собрать тело брата, положила его в дорожную суму, взвалила на коня и отправилась домой. Кара-дау забрал девушку и вернулся в свою юрту.

Сорока-вестница донесла о случившемся Каракусу, и тот сразу прибыл в дом свояка. Они нашли коня с телом шурина и привели домой. Сестры плачут, готовятся к похоронам. Каракус откуда-то принес яйцо неизвестной птицы, Волк через своих подручных принес лечебный лист. А Сова — ночная

сменщица Каракуса — из яйца и лечебного листа сделала снадобье. Сестры обмазали этим снадобьем разрубленное тело брата, соединили — и оживили его. Затем Волк и Каракус рассказали шурина, что без коня, подобного коню Кара-дау, невозможно уйти из его логова. По их рассказу, табун лошадей Кара-дау в озере живет. Раз в несколько лет кобылица выходит из воды и жеребится на берегу. А из жеребенка вырастает настоящий аргамак. Несколько лет назад Волк со своими родичами хотели похитить такого жеребенка, да не смогли, только одну ногу оторвали. Но жеребенок вырос в коня и даже с тремя ногами в один миг может оказаться на краю света.

Как раз подходило время жеребиться кобыле, и свояки решили помочь шурина выкрасть жеребенка. Вместе они добрались к озеру, где паслась кобылица. На рассвете, когда кобыла начала жеребиться, парень сунул родившегося жеребенка в мешок и передал его Каракусу. Каракус полетел по небу с мешком. Парень же сел на спину Волка, и они помчались прочь с озера.

Парень стал выхаживать жеребенка, вместо воды молоко давал, вместо сена отборной пшеницей кормил. И всего за неделю жеребенок в коня превратился. Брат оседлал коня и отправился за сестрой.

Опять возле юрты елмауыз сидел, вход юрты охранял, а чтобы скучно не было, пуд смолы жевал. Парень сунул хвост коня в пасть елмауызу, смолой обмазал, чтобы не открывалась. Елмауыз тотчас уснул. Брат зашел в юрту, где возле спящего Кара-дау сестра сидела, вывел ее из юрты, посадил на коня и помчался из леса. Кара-дау проснулся и увидел, что девушка исчезла. Выйдя из юрты, ткнул шилом елмауыза. Елмауыз проснулся и рассказал о случившемся. Кара-дау оседлал трехногого скакуна и помчался за беглецами. Но тут дау понял, что не угнаться ему за аргамаком, слишком поздно было, и от ярости, обуявшей его, дау лопнул.

Брат с сестрой добрались до владений хана, по дороге встретили идущих братьев. Расспросили друг друга о происшедшем, рассказали все, как было. Братья от рас-

сказа младшего брата черной завистью наполнились. Они решили убить его, чтобы отобрать аргاماка и самим разбогатеть, выдав сестру за хана. Аргамак понял намерения братьев и рассказал хозяину об их решении.

Младший брат подозвал братьев и сказал:

— Я обо всем знаю. Поэтому уходите. Если хотите такого аргاماка, как у меня, то идите к озеру. Там в воде их целый табун.

Братьям делать нечего. Они отправились за аргамачами, но там и пропали, утонув в озере.

А парень выдал сестру за хана и от того, что исполнил завещание отца, счастливо зажил.

ДИЮ

Дию — мифологическое существо, враждебно настроенное к людям. В ногайских мифах герои борются и с диями, и с дауами (дэвами). Персонаж *дий* встречается в скандинавской мифологии.

ДИВАНА

Дивана буквально означает околдованный, одержимый. Обычно этим словом характеризовались юродивые. Они часто встречаются в ногайских исторических песнях и выступают в роли прорицателей. Доктор исторических наук, этнограф Рамазан Керейтов в книге «Ногайцы» высказывает предположение, что дивана могли быть «одержимые, связанные с суфизмом, мистико-аскетическим направлением в исламе».

ДОМБРА

Домбыра — двухструнный музыкальный инструмент, известный у многих народов Великой степи. Он похож на русскую балалайку, но только с узким корпусом. Струны для нее изготавливались из витых козлиных кишок.

В древности такие музыкальные инструменты, как

домбра, кыл-кобыз, аса-таяк, бубен являлись обязательной атрибутикой ногайских бакши и *йыравов* — певцов-импровизаторов. Музыка и искусное пение чарующе воздействовала на людей, потому считалось, что она связывает людей с потусторонними силами. Музыка воспринималась как проявление вселенского порядка, выражающего высокий импульс жизни. Ногайские бакши были талантливыми музыкантами и певцами. Благодаря музыке они вводили в транс большое количество людей. В фольклоре много говорится о том, что домбра наделена сакральными свойствами. В мифах очень часто домбра разговаривала с хозяином человеческим голосом (см. главу «Баба»). Бакши игрой на домбре излечивали больных, приручали животных, созывали духов-помощников, изгоняли злых духов. Бакши еще называли домбру *агаш-ат* (деревянный конь), под этим подразумевалось, что инструмент у них был ездовым животным, с помощью которого они посещали иные миры.

У ногайцев существовали знаменитые *кюи* (мелодии) исполняемые на домбре. До сих пор сохранились такие кюи, как «*Йылкы саз*» («Мелодия табунщика»), «*Бота саз*» («Мелодия, приручающая верблюжонка»). Сохранились и легендарные исторические кюи. Очень популярны в народе «*Камшы саз*», исполнявшийся воином певцом Доспамбетом перед смертью, и «*Мунглы кюй*» — мелодия прославленного полководца Кет-Буги Найманлы. Последняя мелодия без слов объяснила грозному Чингиз-хану о смерти его сына Джучи. «Легенда о домбре» обработана и опубликована автором в историческом эссе «Бессмертная смерть».

Легенда о домбре

Давным-давно Юши, сын Шынгыз-хан, выехал со свитой на охоту. Обычно царские охоты ногайцев были грандиозными, в них принимало участие более тысячи охотников. Всадники, пустив вперед гончих собак, создавая шум трещотками, зурнами, рожками, карнаями, устраивали облаву и загоняли дичь в укромное место, а там, окружив, забивали. Сначала охота Юши была удачная. Его помощники рано

утром обнаружили стадо диких лошадей куланов, окружили табун и загнали к реке. Во время облавы царевич подстрелил жожака диких лошадей в ногу, но тот все равно вырвался из окружения. Юши, велев приближенным не беспокоиться, сам погнался за куланом, надеясь, что быстро нагонит раненое животное. Однако кулан оказался выносливым и сильным. Юши гнался за ним целый день. Конь царевича был измотан, да и сам он еле держался в седле. Когда стало темнеть, жожек неожиданно развернулся и помчался на преследующего его всадника; он прыгнул на коня и сбил вместе с седоком. А после этого ушел в степь. Юши рухнул на землю и остался умирать под стремящимся встать конем.

Только на следующий день приближенные обнаружили вдалеке умершего царевича. Никто не хотел сообщать печальную весть грозному Шынгыз-хану, так как в степи ханы наказывали за известие, приносящее горе. Обычно его сообщали старейшины рода. Но в войске Юши не было старших чингизидов. Только Кет-Буга Найманлы, прославленный полководец, решил исполнить эту страшную миссию. Он взял с собой домбру, с которой был неразлучен, и вместе с нукерами приехал в ставку Шынгыз-хана. Владыка степей очень любил своего старшего сына и всегда ожидал от него вестей. Когда ему сообщили, что к нему прибыли люди из войска Юши, он повелел, чтобы их немедленно доставили к нему.

— Говори! — приказал Шынгыз-хан прибывшему воину.

— О, Великий хан, язык мой не поворачивается произнести эту весть. Можно, об этом сообщит эта домбра? — и он протянул вперед свой инструмент.

— Ну, давай, не тяни! — произнес удивленный дерзостью прибывшего грозный Шынгыз-хан.

Кет-Буга Найманлы исполнил на домбре «Мунглы кюй». Шынгыз-хан, слушая игру на домбре, прослезился. Затем взял себя в руки, побагровел от возмущения:

— Казнить этого нахала! Он сказал, что мой любимый сын Юши умер! Залейте ему рот расплавленным свинцом!

— О, Великий хан, я сказал тебе, что мой язык не поворачивается сообщить эту весть. Тебе о смерти Юши сказала вот эта домбра!

— Она заслуживает наказания! Залейте рот домбры свинцом! — приказал Шынгыз-хан и отпустил храброго Кет-Бугу Найманлы.

С тех пор отверстие тыквообразного корпуса домбры стали заливать кусочком расплавленного свинца. Говорят, что от этого звук инструмента становится еще лучше. Но ногайцы при этом вспоминают полководца Кет-Бугу Найманлы.

ЗАЯЦ

Ногайцы называют зайца *коян*. Однако в русском названии прозрачно видна принадлежность тюркскому мифологическому термину. *Зая* — в ногайском языке означает пагубность, напрасная потеря, *заяшы* — существо, приносящее утрату. В ногайской мифологии заяц — существо, приносящее неприятность.

Отрицательное отношение к нему выработалось у ногайцев в процессе жизни. В эпической песне «Эдиге» есть рассказ о сне Тохтамыс-хана, который видит перебежавшего ему дорогу зайца. Прорицатель объясняет, что это может обернуться потерей могущества, доставшегося от великого предка Чингиз-хана. Год Зайца ногайцы считали плохим годом. Народная поговорка гласит:

*Барс йылы – байлык,
Йылкы йылы – тойлык,
Сыйыр йылы – токлык,
Кой йылы – кытлык,
Коян йылы – йотлык.
(Год барса – богатство,
Год лошади – пиршество,
Год коровы – сытость,
Год овцы – недостаток,
Год зайца – бедствия).*

Мальчигов старались не кормить зайчатинной, считалось, что ребенок может вырасти трусливым. А трусость считалась величайшим пороком. Как в приведенной выше сказке «Шестиногий аргамак и Кенжебай» встреча с зайцем принесла беду братьям, так и в жизни встреча с зайцем ничего хорошего не сулила. Этнограф Рамазан Керейтов в книге «Ногайцы» приводит любопытный архивный

документ: «Если ногаец едет и встретит перебежавшего дорогу зайца, то это означает неуспех в предприятии. Если же, напротив, заяц побежит от него в сторону, то этим выражается исполнение пожеланий в будущем» (ГАСК, ф. 249.о.2. Ед. хр.42. Л.148).

Приведенный ученым документ подчеркивает древнюю тюркскую традицию, которую заметил еще древнегреческий историк Геродот. Рассказывая о скифах, подготовившихся к решающему сражению с персами, он приводит такой факт: «Когда скифы уже стояли в боевом строю, то сквозь их ряды проскочил заяц. Заметив зайца, скифы тотчас же бросились за ним. Когда ряды скифов пришли в беспорядок и в их стане поднялся крик, Дарий спросил, что значит этот шум у неприятеля. Узнав, что скифы гонятся за зайцем, Дарий сказал своим приближенным, с которыми обычно беседовал: «Эти люди глубоко презирают нас, и мне теперь ясно, что Гобрий правильно рассудил о скифских дарах...» Но ни Геродот, ни другие историки не объяснили суть происшедшего. Конечно, в данном случае дело было не в презрении к врагу. Встреча с зайцем скифам ничего хорошего не сулила, его перебежки между рядами воинов могли нагнать на них страх, и чтобы сохранить боевой дух, его надо было изгнать.

ЗУХРА

Зухра — название звезды Вега, которая очень ярко горит возле луны. Когда луна становится тонкая, как серп, эта звезда оказывает очень большое впечатление на людей. Новолуние ногойцы боготворят и в честь этого события даже режут барана. Обычно голова жертвенного барана достается тому, кто первым увидел новую луну. Звезда Зухра постоянно сопровождает месяц, но при полнолунии ее не видно. На полном же диске луны очень часто видят девушку с коромыслом, тогда говорят, что девушка Зухра по воду пошла.

«Легенда о Зухре» записана из уст жительницы аула Эркин-Юрт Ажи-Тотай Абишевой автором и приводится в его обработке.

Легенда о Зухре

Девочка Зухра рано осталась без матери. Отец ее женился и привел в дом злую мачеху. Мачеха очень плохо относилась к маленькой девочке: часто ее ругала, избивала и заставляла работать с утра до самой темноты.

Как-то, когда наступили сумерки, мачеха послала девочку на Кубань принести воды. По обычаю ногайцы после захода солнца не ходят к реке, считается, что у воды собираются злые духи. Поэтому девочке с коромыслами и ведрами страшно было идти. Она шла через рощу и придерживала ручонками ведра, чтобы те не скрипели и не привлекали к себе злых джиннов. Совсем страшно ей стало, когда она вышла на берег бурной Кубани. Не оглядываясь по сторонам, девочка набрала воды в ведра, но как только подумала о том, что ей опять идти через темную рощу, обессилела, села на берегу и уснула.

Проснувшись Зухра от яркого света луны и загляделась на ее красоту.

— Хоть бы ты меня взяла к себе! — прошептали губы девочки.

Луна ей сказала:

— Иди ко мне! Не бойся!

Девочка подняла коромысло с ведрами и пошла по лунной дорожке.

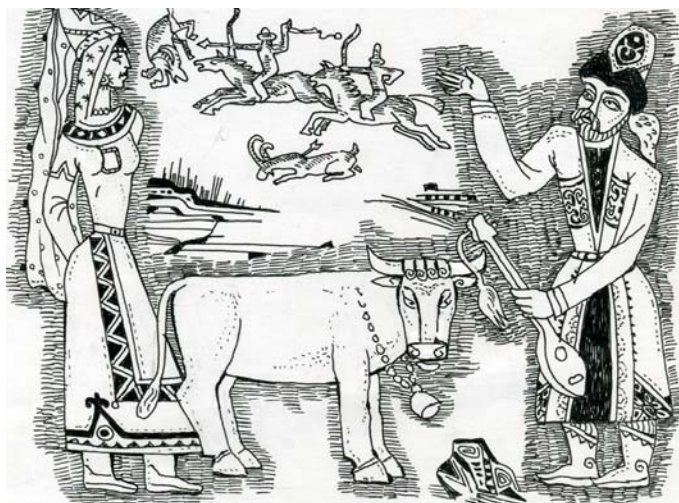
Теперь люди видят Зухру с коромыслом и ведрами на луне. Когда луна убывает, то люди рядом с ней видят звезду Зухры.

Девочкам, родившимся в новолуние, дают имя Зухра.

ЗЕНГИР-АТА

Зенгир-ата — покровитель крупного рогатого скота. Имя его сохранилось в некоторых поверьях и в песне, посвященной покровителям животноводства (см. главу «Ата»).

Сыйыр атасы – Зенгир-ата,

Сыйыр берсенъ суйтлусин бер.
 (Коров отец – Зенгир-ата,
 Если даешь корову –
 дай молоком обильную.)

Зенгир-ата следит за разведением крупного рогатого скота, покровительствует пастухам и домашним хозяевам. Последние к нему обращаются, когда коровы телятся, просят сохранить приплод. Зенгир-ата требует, чтобы коровы содержались в чистоте, были всегда сыты и напоены. Женщины должны идти на дойку с вымытыми руками и чистыми сосудами для молока. Зенгир-ата строго запрещает проливать молоко (см. главы «Ак», «Ак-топырак»).

ЕЗТЫРНАК

Езтырнак — мифологическое существо в облике молодой красивой девушки, у которой вместо пальца — медный коготь. По-ногайский *ез* означает медь, слово *езтырнак* в переводе на русский означает «медный коготь». Казахи произносят это слово *жезтырнак* и переводят его как «латунный коготь».

В некоторых ногайских преданиях этот образ преподносится и как *алтын тырнак*, т. е., золотой коготь. В одном из вариантов известной ногайской сказки «Три девушки и елмауызы» дочь елмауызов зовут *Езтырнак*, в другом — *Алтынтырнак* («Золотой коготь»).

Езтырнак — отрицательный демонический персонаж. Встреча с езтырнаком приносит неприятности. При встрече с охотником или путником это существо обычно прячет руки, чтобы его коготь не увидели.

Для иллюстрации смотрите ниже главу «Елмауыз».

ЕК

Ек — опасное мифологическое существо, пожирающее все живое. Ек появляется внезапно, он может, не выдавая себя, подслушивать людей, выведывать тайны, а затем коварно напасть. Серикбол Кондыбай предполагает, что «жек — это мифическое существо, известное под условным названием *каракулак* (черное ухо)». В ногайском языке словом *каракулак* иносказательно называли шпиона, человека, узнающего тайну и доносящего на друзей властям. Казахский *жек* и *каракулак* также представляется в облике маленького существа с торчащими ушами, что подчеркивает его чуткий слух. Ногайцы, называя

шпиона словом каракулак, вероятно, имеют в виду какие-то функции мифического существа ек. В древнетюркском языке *йек* означает демон.

ЕЛ — ВЕТЕР

Ел в переводе с ногайского значит ветер. Часто это природное явление подразделяется по качеству и персонафицируется в разных мифологических персонажах. Так, холодный ветер называется Аман-бийке (Злая госпожа), ласковый ветер Балыш (имя девушки, которую постигла несправедливость). Но часто ветер сравнивают с шайтаном. Когда на улице кружится смерч, ногайцы до сих пор говорят: «*Шайтан кыз акашады*» («Шайтан похищает девушку») или просто называют: «*Шайтан той*» («Свадьба шайтана»). По данным М. Кашгари, *йел* на древнетюркском языке означало «шайтан». В ногайском языке сохранилось слово *елигу*; так говорят, когда человек беспричинно сердится, имея в виду, что его к этому побуждает шайтан. Ногайцы запрещали свистеть в доме, объясняя этот запрет тем, что могут вызвать шайтана в виде ветра.

Сохранились предания об *ала-топана* — чудовище, насылающем ураганный ветер и другие бедствия (см. ниже главу «Топана»).

ЕЛЛИ-КАЯ

Елли-кая — скала ветров. Об этой скале сохранились предание и известная народная песня. Елли-кая у кубанских ногайцев являлась символом непокоренной родины, символом неприступности. «*Елли-кая — элли кала*» («Елли-кая — пятьдесят крепостей») — говорили предки ногайцев, характеризуя ее.

Точное местонахождение скалы неизвестно. Предположительно она находилась в районе станицы Красногорской на Кубани. Долгое время с западной стороны станицы в горном массиве имелся выступ со сквозным отверстием. В этой своеобразной пещере чабаны могли укрыться от дождя и загнать в нее отару до ста овец. Предание об «Елли-кая» опубликовано в сборнике «Ногайские народные песни» (изд-во «Наука», Москва, 1969 г.). В данной главе предание дается в обработке автора.

Легенда о Елли-кая

Давным-давно, когда ногайские войска участвовали в походе крымского хана на Польшу, многочисленные вражеские полчища внезапно нагрянули на ногайскую землю. Оставшиеся без защитников-воинов ногайские племена были повержены. Все селения захватили враги, они жгли дома, а девушек, детей и скот угоняли. Равнины Кубани были усеяны трупами ногайцев. Даже стариков и старух не пожалел враг.

После одного неравного сражения вражеское войско хотело уйти с добычей, но неожиданно со Скалы ветров послышалась мелодия кобыза. Всадники устремились в сторону Елли-кая, сойдя с лошадей, полезли вверх на скалу. Но никто не добрался до вершины, ни один из врагов не вернулся вниз к берегу Кубани. Тогда вражеский военачальник сам повел войско по крутому склону. На его вершине была лишь одна тропа, ведущая к скале, и этот проход защищали семь братьев из рода Конгратов. Младшие братья подавали заранее собранные камни старшим, а те бросали их во врагов, которые шли поодиночке. Камни, как во время селя, с грохотом неслись вниз, убивая на своем пути все живое, и падали в бурную Кубань. Одним броском братья из рода Конгратов убивали сотни вражеских воинов. Когда заканчивались камни, младшие братья собирали вражеские стрелы, застрявшие на подступах к скале, и подавали их старшим братьям, а те из луков разили наповал поднимающихся врагов. И так продолжалось до темноты.

Вражеские воины отступили, а на рассвете решили покинуть это злосчастное место, но как только они сели на коней, со скалы опять донеслась мелодия кобыза. Вражеский военачальник рассвирепел и снова погнал своих воинов на скалу. Опять сотни воинов потерял враг, но не смог подняться на скалу,

а все семеро братьев из рода Конгратов оставались живыми.

Вновь наступила темнота. Враги спустились на берег Кубани, собираясь на рассвете покинуть проклятое место. Они торопились, так как опасались возвращения ушедших в поход ногайских воинов. Но снова послышалась мелодия кобыза. И снова враги пошли на приступ. В конце концов глашатаи разъяренного военачальника выдвинули условие: если больше не будет звучать кобыз – они оставят часть добычи на берегу, а сами уберутся восвояси. В ответ глашатаям, как насмешка, зазвучал кобыз, и битва возобновилась.

На следующий день сломленное духом вражеское войско покинуло то место. Однако по пути врага нагнали вернувшиеся из похода ногайцы и наголову разбили. С тех пор говорят: «Скала ветров, как пятьдесят крепостей!» А братьев из рода Конгратов прозвали Яугайтарами (Врагов возвращающими). У Конгратов сохранилась родовая песня «Елли-кая», которую пел весь ногайский народ.

Елли-кая йыр

*Елли кая шалпуе саз,
Елде шувак оьтерме?
Ер силкитип яв келсе,
Ерге шешек битерме?*

*Ерди явын шылатар,
Явды баьтир токтатар,
Йигитлер явга сайланар,
Коркаклар уьйде айланар.*

(Биринши шувмак эжуьв болып йырланады)

*Лашын каты каарланса,
Авадан казлар ушаалмас,
Баьтирлер явга сайланса,
Сыйлы янын аямас.*

Песня о Елли-кая

На Елли-кая тревожная мелодия,
Разве сквозь ветер солнечное тепло пройдет,
Если враг, согрясая землю, придет,
То разве на этой земле цветы взойдут?

Землю дождь намочит,
Врага герой остановит,
Джигиты на сражение кинутся,
Труссы дома отсилятся.

(Первый куплет поется вместо припева)

Если сокол сильно разгневается,
То по небу гуси не пролетят,
Если в битву герои ринутся,
То гордую свою душу они не пожалеют.

Подстрочный перевод – И.К.

ЕЛМАУЫЗ

Елмауыз — демоническое существо крупных размеров. Часто оно предстает в облике старухи с уродливой головой, большим носом и большой пастью. Елмауыз живет в пещерах, ямах, под водой, в заброшенных домах. В некоторых сказках герой видит в воде плавающее легкое какого-то животного, он трогает его шестом, а из-под воды выскакивает огромных размеров елмауыз, хватая человека и требует от него сына. Елмауыз — отрицательное существо, похищающее людей, коней. Но встречаются елмауызы, роднящиеся с людьми, помогающие главным героям мифов. Эти существа встречаются в Нижнем, Среднем и Верхнем мире. Есть поверье о том, что елмауызы живут в полых небесных светилах: в солнце старый елмауыз, а в луне — молодой. Когда случается затмение, елмауыз выходит наружу и пытается проглотить свое обиталище. Поэтому во время затмения светил ногайцы бьют в барабаны, тазы, создают большой шум, чтобы разбудить пять самыров, охраняющих солнце и луну. Самыры прогоняют елмауыза.

Название елмауыз двухсоставное, оно состоит из слов *йылым* и *ауыз* (невод и рот), что вместе означает «пожирающая пасть». Этот мифологический персонаж известен у многих тюркских народов. «Такая распространенность, — пишет известный казахский ученый Серикбол Кондыбай, — предполагает древность образа, поэтому мнение мифолингвиста Б. С. Кошим-Ногай о том, что слово «жалмауыз» происходит от сочетания двух самостоятельных и древних мифических образов — «йел» и «могус», представляется достаточно веским» (14, с.115).

Любопытно и то, что другой мифологический персонаж, *езтырнак* или *алтынтырнак*, в *ногайских* мифах предстает дочерью или племянницей елмауыза. Вниманию читателей предлагается одна из самых популярных сказок *ногайцев* «Три девушки и елмауызы».

Три девушки и елмауызы

Давным-давно жил один старик. У него было три дочери. Старик пас скот, а дочери со старухой занимались домашним хозяйством. Как-то старик, сорвав с дерева пять яблок и положив их за пазуху, вернулся домой. У него болела поясница, и он обратился к старшей дочери:

— Полечи мне поясницу.

— Некогда мне, отец. Работы много, — отказалась старшая дочь.

Старик обратился и к другим дочерям с просьбой облегчить боль, но и те ответили так же. После он обратился к старухе. Старуха согласилась помочь старику. Когда он раздевался, из-за пазухи выпали яблоки. Девушки, увидев их, побросали работу и подбежали к отцу. Старик дал дочерям по яблоку и сказал:

— Завтра на рассвете пойдем яблоки собирать.

Когда старуха стала ему растирать руками поясницу, он, чтобы не слышали дочери, тихо сказал старухе:

— Ты приготовь четыре сумки, но три пусть будут дырявыми. Утром дырявые сумки отдай дочкам. Посмотрим, как они справятся.

На рассвете старик с дочерьми вышли из дому. Старшая дочь с собой взяла гребень, средняя — зеркало, а младшая — фитиль, пропитанный овечьим жиром, и спички. Они дошли до яблоневых деревьев и стали собирать яблоки. Старик быстро наполнил свою сумку.

— Пойду еще дров порублю, — сказав он и пошел в лес, что рядом был. Там он нашел две сухих ветки, привязал к дереву так, чтобы они от ветра издавали стук, и ушел.

От ветра ветки друг о друга бьются, стук доносится до девушек и они думают, что отец дрова рубит. Они собирают яблоки и никак не могут наполнить свои сумки, потому что яблоки выкатываются на землю. Увлеченные сбором фруктов, девушки не заметили, как стало темнеть. Тогда они пошли к лесу отца искать, а к тому времени ветер стих, палки перестали стучать друг о друга. Отца девушки не нашли, стали дорогу искать, да и заблудились в лесу. Долго они шли по лесу и увидели вдали крышу дома. Подошли близко. Это оказался огромный дом. Девушки вошли — и сразу пожалели, что забрели туда. В четырех углах дома четыре елмауыза сидели. Лица у них большие, безобразные, нос одного елмауыза до противоположного угла достает. Елмауызы очень обрадовались гостям. Чтобы им тесно не показалось, сразу вышли из дому и во дворе начали ножи точить:

— Ой, повеселимся, ох, наедемся! — так они стали приговаривать и на лезвия ножей поглядывать.

Затем один из елмауызов, чтобы понравиться девушкам, в дом зашел и перед каждой по чашке, полной вшей, поставил. Сказал:

— Лакомьтесь! — и довольный вышел во двор.

Самая младшая девушка собрала и выкинула чашки из дому. Она стала осматривать дом и увидела, что на верхней полке, прислонившись к стене, красивая девушка сидит и с любопытством гостей разглядывает. На руках у красавицы вместо пальцев золотые когти, она их старается не показывать, но

спрятать не может. Девушки очень утомились и решили поспать. Старшая и средняя сестры в доме на тахтамет легли, а младшая, более смышленная, на чердак полезла, дверцу открытой оставила, зажгла фитиль, чтобы свет в дом падал. Оказывается, елмауызы огня боялись, и до самого рассвета никто из них не мог в дом попасть. И езтырнак света боялась, она на месте сидела, не шелохнувшись. Под утро фитиль весь сгорел. Рассвело. В дом вошел один из елмауызов, кинул ножи на стол, сказал:

— Мы на свадьбу пойдем, а вы не вздумайте убежать, все равно никуда не денетесь. Пока мы вернемся, вы одну из сестер на выбор сами зарежьте, в казане сварите. Смотрите нашу дочку езтырнак наколите и нам кушать оставьте.

Елмауызы ушли на свадьбу. Девушки не знают, что делать, плачут без конца. Наплакавшись, стали думать, как быть. Они стащили дочку елмауызов с полки, раздели догола и зарезали, мясо в казан бросили, золотые когти на дно казана положили. Одежду езтырнак соломой набили, голову приделали, платок накинули и куклу на полку установили. После этого бросились бежать из этого дома.

Елмауызы вернулись домой. Видят — казан полон вареного мяса, дочка довольная на полке сидит. Обрадовались, что девушки исполнили их приказание, и стали есть. Когда мясо закончилось, они обнаружили на дне золотые когти и очень удивились. Глянули на полку, а их дочка езтырнак сидит на одном месте и не шелохнется. Подошли поближе и поняли, что это соломенная кукла. Разозлились елмауызы и погнались за девушками. Хотя те давно ушли из дому, елмауызы быстро на их след напали и вскоре стали догонять. Девушки, увидев елмауызов, побежали из последних сил. Но как убежишь от чудовища, которое за один прыжок двадцать человеческих шагов делает. Вот-вот елмауызы нагонят беглянок. Тогда старшая сестра бросила гребень назад и сказала:

— Пусть впереди ровная дорога будет, а сзади колючий кустарник вырастет.

Так оно и вышло. Перед девушками ровная дорога открылась, а елмауызам путь колючий кустарник преградил. Елмауызы остановились перед кустарником и крикнули убегающим девушкам вслед:

— Как вы туда перебрались?

— Разделись догола и перебрались! — крикнули беглянки.

Елмауызы разделись догола и стали пробираться через колючий кустарник. В кровь тела изодрали, еле-еле перешли на другую сторону. Опять стали девушек догонять. Опять быстро нагнали, вот-вот схватят беглянок. Тогда средняя девушка бросила назад зеркало и сказала:

— Пусть сзади нас большое озеро образуется, а впереди нас гладкая дорога будет!

Так оно и вышло. Позади девушек озеро образовалось, а впереди гладкая дорога открылась. Елмауызы остановились перед озером и крикнули беглянкам:

— Как вы через озеро перебрались?

— Мы к своим волосам большие камни привязали, они нам помогли! — крикнули сестры.

Елмауызы нашли большие валуны и, привязав их к волосам, в озеро бросились. Добрались до середины озера, там и утонули. А девушки домой вернулись. Отца и мать начали слушать и в согласии стали жить.

ЕЛМАЯ

Елмая — так ногойцы называли легендарную крылатую верблюдицу. Этот образ широко известен среди тюркских народов. Такие мифологические персонажи тюркской мифологии, как Асан Кайгылы, Коркыт-Ата ездили на Елмае. Асан Кайгылы на Елмае искал землю обетованную, Коркыт-Ата — скрывался от смерти. Казахский исследователь Серикбол Кондыбай называет Елмаю «основным ездовым животным жреца, пророка».

ЕР-ИЕСИ — ВЛАДЫКА ЗЕМЛИ

Ер-иеси — владыка земли. Облика этого мифологического персонажа ногайский фольклор не сохранил. Известно, что у земли есть хозяин, главная его функция — беречь землю. О создании земли Черной уткой *Кара-бапий* есть легенда, см. главу «Кара-бапий, уйрек».

Предание «О сотворении человека» записано фольклористом Тахиром Акманбетовым, представлено в обработке автора данной книги. (1). В «Предании о Мо-Туне», записанном в глубокой древности китайцами, говорится о представлениях древних тюрков, согласно которым земля создается Небом и является основой государства.

О сотворении человека

Сначала Тангри создал из огня душу человека. Душа была в обличье мухи и летала по земле, не находя себе места. *Ер-иеси* (Владыка земли) очень берег землю и долгое время не соглашался отдать свою часть для сотворения человека. Когда его убедили, что эта часть земли будет ему возвращена, он отдал ее для такой цели. Но когда *Су-иеси* (Владыка воды) посмотрел на землю, то сказал, что создать человека из нее невозможно. Тогда Сазаган (хозяин молнии) ударил по земле молнией, отчего земля превратилась в *саз-балшык* (поющую глину). Су-иеси окропил ее водой, а Сазаган, играя своей огненной камчой, стал месить поющую глину и сотворил фигуру человека.

Сначала человек был неразумный, пел песни, кричал без удержу, но он очень понравился *Умай* (Небесному женскому божеству). Она поведала Тангри о своей любви к созданному бездушному человеку. Тогда владыка мира Тангри вдохнул душу-муху в человеческое тело. Душа-муха вошла в него через нос. Поэтому считается, что когда человек умирает, душа-муха покидает тело тоже через нос, а тело обязательно

но должно быть предано земле. Ер-иеси остается очень доволен тем, что отданная им для сотворения человека часть земли возвращается ему.

После того, как был создан человек, по совету Умай были сотворены женщина и собака, охраняющая людей.

Предание о Мо-Туне

«Когда Мо-Тун (китайское имя легендарного Огуз-хана, часто употребляется в транскрипции Моде) взошел на престол гуннов Азии (209 г. до н. э.), их южные соседи, Тун-Ху, считались самым сильным государством. При вести о новом правителе Тун-Ху, отправив к гуннам посла, потребовали знаменитую лошадь отца Мо-Туна, которая без остановки могла пробежать тысячу миль. Мо-Тун собрал курултай. На курултае все высказались против требования Тун-Ху, мотивируя это тем, что такая лошадь очень важна для самих гуннов. Но Мо-Тун возразил:

— Разве лошадь стоит дороже, чем соседи?! — и отдал лошадь Тун-Ху.

Тун-Ху, получив лошадь и расценив действия нового правителя как слабость, послали гуннам посла с требованием молодой жены Мо-Туна. Мо-Тун снова собрал курултай. Все возмутились наглостью Тун-Ху, даже предлагали организовать поход на их землю. Но Мо-Тун сказал:

— Разве одна женщина стоит дороже, чем соседи?! — и отдал жену.

Совсем обнаглевшие Тун-Ху потребовали пустынную землю, где никто не жил. Мо-Тун снова собрал курултай. Некоторые, подумав над прежними решениями своего правителя, согласились отдать пустынный клочок земли. В ответ на это Мо-Тун закричал страшным голосом:

— Земля — основа ханства, она нам дана Небом! Как вы можете отдать ее другим!

Он велел казнить сторонников отдачи земли Тун-Ху и готовиться к походу».

ЕР-СУ

Ер-Су означает Земля-Вода, в мифологии древних тюрков выступает как одно из главных божеств. В древнетюркских надписях часто встречается это название. «*Тенгри, Умай, ыдук Йер-Суб баса берти еринч*» («Тенгри, Умай, священная Земля-Вода дали победу»). Словосочетание ер-су сохранилось в фольклоре алтайцев, хакасов и других народов.

Но есть ученые, которые считают, что Ер-Су — это не божество, а почитаемое святое пространство, синоним такого мифологического пространства, как Отюкен, Актопырак (в ногайском фольклоре), Ер-уйык (у казахов).

ЕТЕГЕН — БОЛЬШАЯ МЕДВЕДИЦА

Етеген юлдыз — Семь звезд — это название созвездия Большая Медведица. Ногайцы, как и все тюрки, обожествляли небесные светила и звезды. Древние предки ногайцев рождение человека увязывали с появлением новой звезды. Если с неба падала звезда, то говорили «*Меним юлдызым йогар*» («Моя звезда выше»), т. к. падение звезды означало смерть человека на земле. Про человека, одаренного талантом, обладающего харизматическими качествами, ногайцы говорили: «*Онынъ тоьбесине юлдыз тийген*» («Его макушки звезда коснулась»). В данной работе, в главах «Баба», «Зухра» приводились предания, в которых люди с харизмой или люди, которые подверглись большой несправедливости, превращаются в звезды (см. ниже главы «Ушаркар», «Шолпан»). Небо забирало ханов и героев. Поэтому на светила и звезды запрещалось указывать пальцем.

Етеген был одним из любимых созвездий ногайских табунщиков и пастухов. «*Етеген ерге тиймей, танъ атпас*» («Если Большая Медведица не коснется земли, то рассвет не наступит») любили говорить в народе и с благоговением находили на ночном небе это созвездие. У древних тюрков издревле существовало немало преданий, где в аллегорической форме описывались астрономические события. К сожалению, тюрки в связи с изменениями рели-

гиозных представлений не сохранили суть этих преданий, тюркские названия созвездий, замененные арабскими и персидскими, были забыты. По содержанию некоторых преданий можно только догадываться, что речь идет об астрономическом событии; из-за незнания символики и древних названий одни можно объяснить с трудом, другие и вовсе не поддаются расшифровке.

В казахском фольклоре сохранилось несколько вариантов преданий о *Жетегене*. По казахской версии, как и в приводимой ниже ногайской легенде, Большую Медведицу называли *Жети каракшы* (Семь разбойников). Эти каракши украли из созвездия Уркер (ногайское название Улькер) красавицу девушку по имени Ульпилдек (ногайское — Ульпилдек-Кульпилдек). Уркер, состоящий из шести братьев-звезд, до утра гонится за Жети каракши, чтобы отобрать сестру.

У ногайцев и казахов сохранилась одна общая легенда об Етегене. Ее записал известный ногайский писатель Суюн Капаев у чабанов в Караногае. Легенду обработал автор книги.

Легенда об Етегене

На ночном небе очень хорошо виден Етеген. Находящиеся в ночном любят следить за его поведением. Как рассказывали наши аксакалы, их еще называли *ат урлакай эти ага-унили* (семь братьев конокрадов). Иногда их называют *эти карак* (семь разбойников). Эти конокрады всю ночь гонятся за двумя скакунами. Два скакуна: Ак-ат (Белый конь) и Кок-ат (Синий конь) — представляют две яркие звезды на дне ковша Малой Медведицы. Ак-ат и Кок-ат привязаны к звезде Темирказык (Железный кол) — Полярной звезде. Семь конокрадов до самого рассвета стараются украсть скакунов. Когда становится светло, чабаны говорят:

*Эти карак кувыл арды,
Куьзетшиге танъ атты.
(Семь разбойников устали —
Находящемуся в ночном рассвет пришел.)*

ЕТИ — СЕМЬ

Слово *ети* обозначает число семь. Это сакральное число в тюркской мифологии. В мироздании Верхний и Нижний мир имели по семь слоев (*ети кат*). Ногайцы считают, что через семь дней душа умершего покидает пределы родного дома. На седьмой день устраивают поминки, совершают жертвоприношения, раздают милостыню.

В мифопоэтике счастливым часто называли человека, имеющего семерых сыновей и семерых дочерей. Семь братьев из рода Конграт героически защищали Елли-кая (см. главу «Елли-кая»). Известные ногайские объединения племен определялись этим числом. Половецкое племенное образование Ети имело продолжение в таких крупных ногайских союзах племен, как Етисан (семь по десять тысяч) и Етишкуль (Семиозерные). У казахов довольно известно племя Ети ру (Семь племен). Каждый ногаец обязан был знать имена семи колен предков. После смены семи поколений родство обрывалось, и дети этого рода могли жениться друг на друге, а до этого брак внутри рода считался кровосмесительным.

ИЕ — ВЛАДЫКА

Ие — хозяин, владыка. Часто это слово произносится, как *иеси*; окончания *си*, *ши* характеризуют принадлежность.

По ногайским верованиям у солнца, луны, неба, земли, воды, дома, огня имелись свои *ие* (владыки), которых соответственно называли Кун-иеси, Ай-иеси, Кок-иеси, Ер-иеси, Су-иеси, Уй-иеси, От-иеси. Есть сведения о том, что ногайцы, жившие возле Татартупа, поклонялись духу горы Тау-ие (Р. Керейтов, «Ногайцы»).

Казахский ученый Серикбол Кондыбай так объясняет этимологию данного слова: «Термин «*йе*» (эе, ээ, ия, ийе, эя, еге) восходит к мифическому образу прототюркского времени. Праформа *Ie* — (*ye* — *ie*) стала основой названия таких мифических персонажей ближневосточного мира, как иудейско-христианское Иисус (*ие* — *зус*), древнесемитское Яхве (*йы* — *хве*) — Иегово, аккадско-шумерское Эа. Эта словообразующая модель была заимствована семитами и шумерами еще в шумеро-аккадское время, о чем убедительно писал казахский исследователь мифологии Байбота Кошим-Ногай» (14, с.130).

ИЕСИМИ — ИМЯ

Иесими — имя (человека). Этимология слова состоит от *ие* — хозяин, владыка и сдвоенного окончания *си*, *ми*, характеризующего принадлежность.

Имя человека имело сакральное значение. В имени заключалась жизненная сила, им определялось будущее. Предки ногайцев старались дать новорожденному хорошее благозвучное имя. Поэтому у ногайцев много само-

бытных красивых имен: Айсолтан (Луны султан), Айгуль (Лунный цветок), Бага (Дорогая), Кунбийке (Солнечная госпожа), Алтын (Золото), Маржан (Коралл), Гульбийке (Розы госпожа), Суюн (Радость), Огырлы (Благородный), Ямгырши (Приносящий дождь) и т. д.

Настоящее имя человека часто скрывалось. Скрывалось от злых духов, от шайтана. Когда новорожденному давали имя, устраивали праздник. Созывали родственников, резали барана, угощали напитками. Священнослужитель (раньше бакши, в последнее время мулла) давал имя. Если требовали родители, он не объявлял настоящего имени и, чтобы никто не слышал, на ухо новорожденному шепотом делал наречение. Обычно ребенок рос с домашним именем *уй аты* — домашним названием или же, как говорили в простонародье, с *оьтирик аты* — обманым именем. Слово *аталган* означает назван, от этого слово *ат*, *аты* — название, это слово у ногайцев употребляется тоже как имя. Фонетическое сходство слова *ат* (название, имя) со словом *ат* (конь, лошадь), вероятно, не случайно. Имя человека неразлучно с его обладателем, как конь неразлучен с ногайцем. Если в семье часто умирали новорожденные дети, то тогда давали домашнее имя с отрицательной семантикой. Такие, как *Кабан* (Кабан), *Калмык* (Калмык), *Кушик* (Щенок), *Канжык*, варианты *Каншоьк*, *Канчок*, *Кончак* (Сука) и т. д.

Любопытные сведения сообщает исследовательница ногайской обрядности Сакинат Гаджиева. «Если дети часто умирали, то, полагая, что семью преследует дух смерти, через пять-шесть дней, а иногда через год после рождения ребенка инсценировался обряд его похищения («кашырув») или усыновления («аталай», «аталык»). В таких случаях кто-нибудь из соседок или родственниц уносил ребенка к себе. В новой семье ему меняли имя, надевали на левое ушко кольцо. Родители инсценировали поиски «пропавшего» ребенка и через некоторое время его «находили» и «покупали» за деньги. Таким образом ребенок возвращался к родителям. Считалось, что семья, отдав на время ребенка в другой дом, могла запутать дорогу «нечистым силам», обмануть дух смерти, который охотился за их детьми» (20, с.113).

В совершеннолетие человек мог пользоваться настоящим именем, но часто домашнее имя закреплялось до самой смерти, и только на похоронах священнослужитель объявлял настоящее имя.

Имя человека имело оболочку, к которой могли стекаться и добрые, и злые духи. С другой стороны, само имя имело традиционные качества, которые передавались обладателю. Например, давая ребенку имя Шора, говорили: «Будь мужественным как Шора-батыр!» Поэтому имя надо было беречь, относиться к нему с уважением.

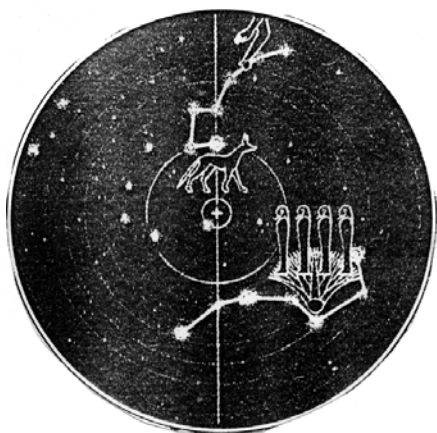
Известно, что невеста, попав в дом жениха, долгое время избегала свекра и свекрови, начинала говорить только с разрешения родителей мужа и имени старших родственников мужа не называла до конца жизни. Ногайский ученый Рамазан Керейтов, подробно описавший эти обычаи, пишет: «Молодая женщина не имела права называть по имени младших родственников мужа. Вместо их имен она давала прозвища. Ребят называла шейкадык (милый), мырзам (мой мурза), саввле (луч), кенжеул, кишкей яс (маленький мальчик). Девочек обычно называла общепринятыми для всех невесток прозвищами: арувкыз (хорошенькая), эркем, кишкей кыз (маленькая девочка), шикаьрим (любимая) и т. д.» (19, с. 327).

Батыры, полководцы могли заслужить новое имя после совершения героического поступка. Покорителя вселенной в юности называли Темучжин, но после объединения кочевников на Востоке он обрел имя Чингиз-хан. Основателя Ногайской Орды в юности называли Кубыгул (*Куба-увыл* — Богатырь-сын), а став правителем государства, он стал именоваться Эдиге (*Аты-ийги, Атиге* — Имя Лучшего). Нередко эпос «Эдиге» называется «Кубыгул».

ИЙТ — СОБАКА

Ийт — собака. Она являлась тотемным животным многих ногайских племен. Такие породы собак, как *барак, кобек*, были тотемом одноименных ногайских племен. Хотя существует еще несколько версий по поводу происхождения этнонима ногай, многие исследователи возводят его к тотему собаки. На монгольском языке слово *нохай* означает пёс.

Как рассказывают древние тюркские (и алтайские) мифы, созданный Тангри человек понравился и владыке Нижнего мира Эрлику, который для того, чтобы сделать его послушным, успел облизать создание Всевышнего. Тангри это не понравилось, и он вместе с человеком со-

**В древнем Египте большое значение уделяли
Собачьей звезде**

здал собаку. Собака должна была охранять любимое создание Всевышнего. Собака чувствовала приближение злых духов и отгоняла их лаем.

В главе «Бори» приводились легенды о возникновении царских династий древних тюрков. В них присутствовали астральные взаимозаменяемые символы: небесный волк и небесная собака. Легендарный каган гуннов был рожден царевной, заключенной в крепость, которую навещала собака. Основатель династии тюркских каганов Ашина рожден волчицей. Предок Чингиз-хана Бортечино (*Бори-ачино* — Волк яростный) происходил от легендарной Алан-гуа, к которой в полночь спускался небесный луч, а на рассвете уходил через дымовое отверстие, превратившись в желтую собаку. Герой ногайского эпоса, основатель государства Ногайская Орда, родившись от лесной женщины Ангалак, был вскормлен собачьим молоком. Отца главного героя ногайского эпоса «Шора-батыр» Нарика в младенческом возрасте находит один ногаец во время охоты и отбирает у борзой собаки. Эти предания связаны с астральными мифами, в которых подразумеваются созвездия Большого и Малого Пса. В этих созвездиях находятся мифологизированные многими народами яркие звезды Сириус и Прочион. Созвездие Большого Пса, где расположена звезда Сириус, на ногайском языке называется Самыр-юлдыз (Созвездие самыра). Самыр — это

название гончей породы собак, но в мифологических преданиях так (иногда — самырык) называли и мифических летающих небесных существ.

В связи с принятием мусульманства у ногайцев выработалось отрицательное отношение к собаке. Плохого человека стали называть *ийт аьдем*, *ийттен тувган* (собака человек, рожденный собакой); говоря *ийт яшав* (собачья жизнь), подразумевали плохую жизнь. Но вместе с этим отголоски древнего верования не терялись. Если человек собирался в дорогу, чтобы ему сопутствовало благополучие, обязательно хорошо кормили собаку, и называлось это *ийт садака* (жертва собаке). Сохранилось устойчивое выражение: *кызганганым кызыл ийтке болсын* (Если жалею пищу /материальные блага, деньги/, то пусть они достанутся красной собаке).

Известный ногайский ученый Рамазан Керейтов в книге «Ногайцы» приводит интересные данные. Ногайцы, по его мнению, считали, что ребенок до сорока дней носил *ийт коьйлек* (собачью рубашку), после сорока дней она с него снималась и надевалась на собаку. А на ребенка в сорок дней надевалась рубашка, сшитая из сорока лоскутков, преподнесенных родственниками, соседями в подарок. Такую рубашку называли *кырк коьйлек* (сорок рубашек).

В ногайском фольклоре сохранилось немало преданий о необычайной преданности собаки. Особенно почитались у ногайцев *койшы ийт* (пастушьи овчарки), для того чтобы они были злыми, им отрезали хвосты и уши.

Ногайские бакши использовали кости и череп собаки для того, чтобы в них уходил недуг, извлеченный из больного пациента.

Вплоть до недавнего времени ногайцы часто давали детям «собачьи» имена: Кобек (Пес), Кушик (Щенок), Барак (Ворсистая собака), Кончак (Сука), Буралки (Дикая собака) и т. д.

Известно, что в курганных захоронениях крупных ногайских феодалов у входа в *корхана* (могилу) хоронили собаку. Археологи определяют ногайские курганы по этому признаку. Вероятно, от этого пошло русское выражение: «Вот где собака зарыта!», поскольку где-то рядом с собакой находились сокровища похороненного феодала.

ЙИЙРЕНШИ-ШЕШЕН

Йийренши-шешен — известный персонаж в ногайской мифологии, представляющий собой народного мудреца. В преданиях, сказках Йийренши-шешен является визирем, йыравом ханов, умело разрешающим споры. В эпической песне «Амет, сын Айсыла» он предстает советником всемогущего золотоордынского хана Джанибека.

Образ Жиренши-шешена широко бытует в фольклоре казахов, каракалпаков, туркмен, киргизов. Такая распространенность персонажа предполагает бытование этого образа в огузский период развития тюркских народов Великой степи (9–12 в.в.), когда предки этих народов жили рядом и тесно сотрудничали. Этимология имени указывает и на более древнее происхождение. Слово *йийрен* (жийрен) означает игреневую, рыжую масть скакуна. В связи с этим есть два предположения: либо мудрец обладал таким конем, либо это был образ скакуна игреневой масти. В древних тюркских мифах кони, тулпары часто выступают как говорящие помощники, советчики героев. Приставка к имени *шешен* означает красноречивый мудрец.

Казахский исследователь Серикбол Кондыбай делает такое предположение: «Вполне вероятно, что образ Жиренше в генезисе — доисламское божество. Предполагаемая «лошадиная природа» Жиренше-оратора позволяет идентифицировать его с Богом судеб на пегом скакуне, зафиксированном в историческом письменном памятнике «Бүрк-битиг» (11 в.). Он — бог путей, а также олицетворение бесконечного времени» (14, с.112).

В ногайском фольклоре образ Йийренши подобен образу Алдар-Косе, но в отличие от него у Йийренши отсутствуют отрицательные качества. Предания об Йийренши-шешене опубликованы в книге «Ногайские народные сказ-

ки» (Махачкала, 1993 г.), составленной Джалалдином Шихмурзаевым. В данной статье предлагается предание, записанное Тагиром Акманбетовым, в обработке автора книги.

Об Йийренши-шешене

В стародавние времена жил один Великий ногайский хан. Как-то его визири привели к хану трех странных людей. У одного из них волосы на голове были белые, борода — черная, у другого борода белая, волосы на голове — черные, а третий был безбородый. Безбородым оказался известный в народе Йийренши-шешен. Он сразу догадался, почему визири их выбрали, поэтому, когда их вели к ханскому шатру, он предупредил своих попутчиков. Человеку, у которого волосы на голове черные, а борода белая, сказал:

— Если тебя спросят, почему ты такой? — тогда скажешь, что отец у тебя был бедный, а мать злая, из-за этого в жизни много несправедливостей перевидал, лицо людям показывать было стыдно, потому борода и побелела.

А чернобородому попутчику с седыми волосами на голове сказал:

— Волосы на голове с детства растут, а на лице — с восемнадцати лет. Волосам на голове подошло время побелеть, а бороде еще не подошло.

— А ты, интересно, что скажешь? — спросили его попутчики.

— По ходу разговора найду, что сказать, — ответил Йийрен-шешен.

Когда из ханского шатра выгнали седобородого и седоглавого, позвали к хану Йийренши-шешена. Хан был человек словоохотливый, поэтому привели к нему этих людей. Хан, увидев Йийренши-шешена, засмеялся:

— Ты ни на женщину, ни на мужчину не похож!

— Почему? — удивился Йийренши. — Выше пояса я на мать похож, а ниже пояса — на отца.

Хан призадумался над этим ответом. Посмотрев на Йийренши, хан погладил свою шею. Йийренши в ответ прикусил свой язык. Хан погладил себе живот. Йийренши стал рукой землю царапать.

Хан был в восторге от поведения Йийренши-шешена и велел дать ему тулук (кожаную сумку) с золотом и подобающе проводить находчивого путника. Когда хан погладил свою шею — это означало: могу голову отрезать. Когда Йийренши прикусил язык — это означало: если бы ты не спросил, я бы не ответил. Когда хан погладил себе живот — это означало, что он проголодался. Когда мудрец поцарапал землю — это означало, что надо землю пахать, тогда голодным не останешься.

Когда Йийренши-шешен удалился, хан опомнился и сказал своему визирю:

— Иди и спроси у Йийренши: чья голова первой *ахырзаман* (конец света) почувствует?

Визирь, сев на коня, быстро догнал пешего Йийренши и задал ему вопрос хана. Йийренши задумался:

— Дай мне свою лошадь, бурку и камчу, тогда я скажу, чья голова первой ощутит приближение ахырзамана.

Визирь отдал, что попросил мудрец. Йийренши сел на коня, повесил бурку на плечи, тулук с золотом перед собой положил:

— Когда я на вопросы хана отвечал, то я думал, что моя голова первой почувствует приближение конца света, а теперь я думаю, что это твоя голова ощутит приближение ахырзамана! — он взмахнул камчой и помчался от визиря.

Прошло некоторое время. Хан не мог забыть про сообразительного Йийренши-шешена, поэтому послал к нему вестника. Вестник передал послание хана:

— Пусть пешком и на арбе не приезжает, пусть по проторенной дороге не едет и без дороги не едет, а когда прибудет — пусть в юрту не входит, но и на улице не остается.

Йийренши сел на козла и поехал между двумя колеями, оставленными от колес арбы, а когда при-

был, он одной ногой порог юрты переступил, а другую ногу на улице оставил.

Хан очень удивился сообразительности Йийренши-шешена, еще больше оказал ему почестей, а после стал приглашать мудреца на все важные мероприятия.

ЙИН

Йин, джин — джинн. Название духа пришло к ногайцам из мусульманской религии. Однако представление об йине имеет свою национальную окраску. Согласно исламу, джинны живут в том же мире, что и люди. У йинов имеется повелительница Йин-анасы, ее зовут Сарыгыз. В ногайском фольклоре распространение обитания йинов шире, а функции частично соответствуют функциям албаслы и аздаги. Порою йин повторяет действия этих персонажей. Как и в мифологии восточных народов, йин принимает облик прекрасной девушки, старика, старухи, змеи, зверей. Часто йины появляются в образе собаки, курицы или петуха. Как аздага и елмауыз, йин живет в заброшенных домах, пустынном месте, на краю земли, под землей, в воде. Йин имеет свойство вселяться в людей и животных. Злые йины приносят людям страдания и болезни, но бывают незлобные, миролюбивые, встречаются помощники людей и даже йины, вступающие в половую связь с женщиной. О людях, имеющих психическое расстройство, говорят: «*Йин соккан*» («Йин ударил»), означающее, что в них вселился йин.

По сведениям этнографов, людей, в которых вселился йин, лечили бакши и кагымши. Лечение бакши было более сложным, с применением шаманских инструментов и трюков. Обычно к помощи бакши приходили, когда человек был тяжело болен. Бакши пользовался кобызом, домброй, бубном, лизал раскаленное железо, мастерил идолов в виде куклы, раскрашивал черепа животных. Легкие заболевания лечил кагымши. В 20 столетии в связи с борьбой с суеверными пережитками среди ногайцев оставались только кагымши. Ими были в основном женщины, своей деятельностью они занимались скрытно от властных структур. Совершали жертвоприношения своим духам покровителям и изгоняли злого йина при помощи

волчьей шерсти, тарамыса (сухожилия), черепов умерших животных, плети камчи, железной иголки, снадобий из трав, изготовления амулетов и талисманов.

Ногайские кагымши имели помощников. Чаще это были белый и черный йины. Одна из кагымши рассказывала, что белый йин приходит к ней каждую ночь и спит с ней в одной постели. По сведению другого информатора, кагымши брала в руки змею и, обвинив на некоторое время вокруг пояса, отпускала со словами: «Пусть змея болезнь с собой в нору заберет». Затем кагымши заставляла близких больного зарезать черную овцу для черного йина. Кровь жертвы отдавали собакам, мясом угощали детей, а кости собирали и зарывали в яму. Часто магической силой обладали железные предметы, они служили оберегом от злых йинов. Нож, ножницы клали под подушку детям. Дети считались наиболее уязвимыми, поэтому к колыбели ребенка привязывали камчу, железный талисман, кусочек волчьей шерсти. Во время трудных родов эбия на живот роженицы для изгнания йина клала кусок отпавшей от змеи шкурки. Но больше всего от йина помогала молитва. Аульский мулла читал молитвы и писал дува для больных, в которых сидит йин. Перед сном, перед едой, проснувшись утром, необходимо было сказать: «Алла бисмилла» — считалось, что это отгоняет йина.

У йинов бывает свадьба и своя особенная музыка под названием *сандрак тарту* (бредовая мелодия). Описание свадьбы йинов запечатлено в повести автора данной книги «Гармонистка». Существует любопытное предание о Булкае, попавшем на свадьбу йинов (см. ниже главу «Сандрак тарту»).

Известный ногайский писатель Суюн Капаев записал два популярных в Караногае предания.

Рассказ Юмау-агая из Кумлы-аула

Произошло это в тридцатые годы, когда наш Кумлы-аул только переселился на нынешнее место. Взяв топор, я пошел в заросли набрать хвороста. Время было, когда трава пожухла. В зарослях я увидел стог сена, чему очень удивился: его там никогда не было, и кому это понадобилось в таком месте сено косить?.. Когда я приблизился, откуда-то появились

семь красных коров. Такой скотины у наших аульчан никогда не было. Пока я приближался, эти семь коров весь стог вокруг раскидали. Такому поведению домашних животных я тоже поразился. Посмотрел в сторону, а там откуда-то колодец появился, а возле колодца трое усатых огромных парней — они мне тоже не были знакомы — черную овцу режут. Сoudрав с овцы шкуру, парни стали мясо руками разрывать. Затем появились три молодухи, звеня украшениями на груди, начали в корыте желудок овцы промывать. Я еще раз огляделся. Смотрю, неподалеку огонь горит, возле очага старуха в казане баурсаки печет. Я подался на запах баурсаков. Мое приближение заметила старуха, она оказалась безноса. При виде меня она испугалась и, потеряв сознание, упала на землю.

Вдруг с криком: «Пожар! Вся земля горит!» — рядом пронесся всадник на белом коне.

Я испугался. Сам не знаю, как мои губы прошептали:

— Бисмилла!

Как только я обратился к Всевышнему, все, что видел, исчезло куда-то. В глазах моих потемнело, я оглох, сам среди зарослей гребенчука сижу, а вокруг меня много кизяка лежит. Прочитал еще молитву... еле пришел в себя. Вот так я йинов повстречал.

Рассказ Эдиль-бая

Как-то я пас табун лошадей, со мной еще и собака была. Когда стал подступать рассвет, у меня глаза сомкнулись и я уснул. Проснулся от лая собаки. Открыл глаза и стал по сторонам смотреть. Вижу, в зарослях гребенчука албаслы сидит. Ноги раскорячены, груди за плечи закинута, волосы до самого пояса висят, и она их расчесывает гребнем. Она меня не видит, а я ее вижу.

Тогда мне на ум слова отца пришли. Он часто мне говорил: «Если не будешь вникать в слова стар-

ших, то в большую беду попадешь». Он рассказывал, что если человек встретится с албаслы, то надо ее ватным поясом, или шнурком от шаровар, или веткой гребенчука ударить и при этом сказать:

— Семя к семени, корень к корню, а там, где эти корни, ноги моей не будет...

Но я не придавал значения словам отца, забыл, что он говорил.

Подошел я к албаслы, схватил ее за волосы и плетью изо всей силы огрел. Только это албаслы ни-почем, она и звука не произнесла. Тогда я разозлился, приставил ружье и прямо в ухо ей выстрелил. Албаслы взревела и исчезла...

После этого я вернулся на место и опять заснул. Но через некоторое время я открыл глаза от прикосновения чьих-то рук. Смотрю, а это красивая девушка мои ноги гладит. Я понял — что-то не так. Ударил девушку ногой. Она отлетела в сторону, но снова поднялась, мягко улыбнулась, опять стала ко мне приближаться. Тогда мои губы сами по себе прошептали: «Алла бисмилла». Девушка тотчас исчезла. Однако ее видение меня целый день преследовало. Вернувшись в аул, я зашел к нашему мулле и рассказал о происшедшем.

— Тебя йин преследует. Я напишу тебе дуа (молитву), сделаем талисман, ты носи его на груди, — сказал мулла. В тот же день он мне дал талисман.

ЙЫЛАН, ОРМЕГАН, ОРАН-ТЕЛЕГЕЙ

Йылан — змей, змея. Это один из известных в ногайской мифологии персонажей. В фольклорных произведениях очень часто встречаются говорящие, оборачивающиеся юношами или девушками змеи. Они спасают людей, подают им знаки и помогают героям в достижении цели.

Образ змея подвергся изменениям в связи с принятием ислама. Мусульманские представления отвергают образы мифологических демонических сил, в мусульманской религии не культивируются образы змей и других животных. Люди стали бояться змей, ассоциировать их со злом и коварством.

Несмотря на это, до последнего времени у ногайцев существовало поверье о домашней змее *уьй йылан*, охраняющей благополучие семьи. Для нее даже наливали молоко в посуду и оставляли во дворе. Если случайно в жилище, в поле обнаруживали змею, ее не убивали. Если находили в доме, шалаше, то поливали ее голову молоком и осторожно выпроваживали из помещения.

Сохранилось поверье и о мстительности этого существа. Если человек случайно убивал змею, то ему надо было остерегаться ее родственников, которые, как правило, после таких случаев прибегали к мести. В ногайской степи бытовал популярный рассказ о том, как один человек встретил двух змей. Они его не трогали, но он ударил одну из них плетью по голове и убил. Другая успела скрыться с его глаз. Человек, не думая о последствиях, отправился домой. Однако оставшаяся в живых змея выследила его, ночью заползла к нему в постель и задушила.

Ногайцы говорили: «*Йылан, йылан десень, йылан келер касынға*» («Если часто будешь упоминать змею, то змея к тебе придет»). Поэтому змее давали различные синонимичные названия. Это подтверждается разными поверьями.

По мнению ученых, изучавших мифы других народов, почитание змеи было древнейшим культом на земле. Предки тюркских народов также обожествляли этот персонаж. В ногайской эпической песне «Шора-батыр» змея является для богатыря Шоры духом-хранителем — *перисте (перисте)*. В эпосе «Эдиге» одноголовая девятихвостая змея представляла символом единоначалия. На древнем гербе города Казани было изображение змеи. У ногайцев сохранилось немало преданий о курганных змеях. У каждого курганного захоронения было свое *кие (святыня, охраняющая захоронение)*, которое выступало в облике змеи и сурово наказывало грабителей. Ногайцы, боясь *кие*, не раскапывали курганов. У ногайцев женщина-мать говорила: «Если мой ребенок будет змеей, то все равно им обовью свой живот». Это высказывание также указывает на то, что змее в представлениях предков отводилась основополагающая роль в происхождении рода человеческого.

Ранее в главах «Аздага», «Ае», «Ази» мы говорили о прародительнице, имеющей змеиный облик. Немало исторических данных свидетельствует о том, что у предков

тюрков тотемом являлась змея или змееподобный персонаж. У ногайцев змеиный облик имеет и мифологическое существо *топана* (см. главу «Топана»). Оно приносит смерч и наводнения. То есть, это в основном отрицательный персонаж. И тем не менее в данном названии сохраняется заложенное в нем с самого начала значение «прародительница». Первоначально это имя звучало как *тобе ана* и означало «небесная мать». Родственные ногайцам балкарцы в своих обрядовых песнях сохранили гимн с обращением к Тепана.

У ногайцев сохранилась удивительная детская песенка, которую приводит ногайский фольклорист Тахир Акманбетов (1):

*Ел етпеске айлан, йылан,
Ер юзин ети айлан, йылан.
Йылы инде йылын, йылан,
Йылгын юрта сыйлан йылан.*
(В скакуна обернувшись, змея,
Землю семь раз обойди, змея.
В теплой норе согревайся, змея,
В доме покрытом гребенчуком
почитайся, змея.)

Подстрочный перевод – И.К.)

Исследователь говорит, что это обращение делается для того, чтобы змея не нападала на детей. Но нам думается, что эти слова из какого-то существовавшего в древности гимна в честь прародительницы всего живого.

Говоря о змеином тотемизме, мы часто обращаемся и к преданию, которое приводит Геродот, о происхождении скифов от полуженщины-полузмеи (легенда цитировалась в главе «Геракл»). Скифский мифический образ можно соотнести и с общетюркским мифологическим персонажем *албаслы*. Обращают на себя внимание длинные груди албаслы, закинутае за плечи, которые трактуются как две змеи, выросшие из грудной клетки. Ношение кос — это очень древний обычай тюрков. Вполне вероятно, что косы символизировали змею и выражали почтение тюрков к этому образу. В древности некоторые народы, впервые столкнувшись с тюркскими воинами, носившими косы, дали им прозвище змееголовых. (12). Образ змеи имел широкий философский смысл. У тюрков он выражал образ пра-

родительницы и символизировал вечную жизнь. В главе «Ажи йол — Млечный путь» говорилось о том, что этот образ связан с космогоническим персонажем.

Есть интересные параллели с мифами других народов. Например, у скандинавов мировой змей обвил Вселенную (13). Кстати, в скандинавских мифах он назывался *ормегандом*. *Орме* по-ногайски означает коса, а *ормеган* — сплетенный, опоясанный. Такое фонетическое и смысловое совпадение лишний раз подчеркивает некую древнюю связь мифологии разных народов.

В ногайских эпических песнях часто приводилось мифопредание о легендарной матери, оплакивающей смерть сына-героя в тех местах, где он родился и рос. Эти предания идентичны скифским представлениям о змее, олицетворявшей бессмертие и вечность. Скифские золотые браслеты с изображением змеи, проглатывающей свой хвост, — самое яркое художественное выражение образа вечной жизни. Соединение хвоста и головы на скифских браслетах символизировало соединение смерти и жизни, конца и начала.

На острове Бахрейн, который шумеры называли Дильмуном (райским местом), имеется около восьмидесяти тысяч курганов. При раскопках археологи обнаруживали в каждом кургане горшки с мумифицированной змеей. Древние шумеры также видели в змее символ вечности. Распространенное по всему миру геометрическое изображение круга, больше известное как солярный знак, связано с образом бессмертной змеи. Фольклор многих народов мира изобилует многоголовыми, огнедышащими и летающими змеями. Такое широкое распространение говорит об очень древней мифологической традиции.

В родственной ногайцам казахской мифологии мирового змея называют *Оран-Телегеем* (14). В первой части этого названия легко просматривается название мирового змея Ормеганда. *Оран* по-ногайски, как и по-казахски, означает свернутое, сплетенное пространство. Вторая часть имени Телегей, по мнению казахского исследователя Серикбола Кондыбая, происходит от слова *теле* (тала, дала) — «степь», «море», «безмерное пространство» и слова *гей* (кай), означающее «змей» (14, с.188).

Можно согласиться с подобной этимологией. Однако происхождение слова Телегей можно рассматривать и от слова *телину* (сроднившееся). После рождения детеныша самка животного облизывает его — это действие называ-

ется *телину*, от чего и происходит русское слово *теле-нок*. Благодаря такому объяснению становится понятна и смысловая нагрузка названия Оран-Телегей — змей, сроднившийся со Вселенной.

Любопытен и следующий вывод Серикбола Кондыбая: «Из тюркских мифотрадиций образ Орана-Телегея сохранился в мифах саха-якутов. Юрюнг ай тойон — творец вселенной, верховное божество, глава обитающих в верхнем мире *айы*. Он создал коня одновременно с человеком, в другом — творец сначала сделал коня, от него произошел полуконь-получеловек, от последнего человек (Оран — Урунг — Юрюнг)» (14, с.189).

У ногайцев подобного мифа не сохранилось, но зато известно слово *юрун*. «*Юрундай кийинген*» («одет, как юрун»), — так говорят о необычно и плохо одетом человеке. Еще совсем недавно на больших традиционных праздниках (особенно среди добруджских ногайцев в Румынии) некоторые участники представлений были одеты в платья из соломы и с венками из трав на голове. Соломенная одежда и венок из трав символизировали соитие с природой. На ногайских праздниках, проходивших на Кубани, появлялись персонажи, наряженные в одежду из лоскутков. Их называли юрунами. Вероятно, они были одеты так в честь божества Юрун (Оран) и представляли иной мир.

Образ Ормегана, Орана-Телегея использовался и на традиционном ногайском празднике Сабантой. Во время праздника проводилось немало состязаний: национальная борьба, кидание камня, лазание по гладко отесанному столбу, на вершине которого было прибито колесо, обод с крестовиной. На обод вешали разные призы, которые должен был достать кто-то из участников. В древности на обод вешали призы, которые сбивали стрелой лучники. Колесо, обод не только изображали солярный знак, но и символизировали божество Ормегана, Орана-Телегея, приносящего благодать на землю. Возможно, благодаря наличию нескольких колес ногайцы называли четырехколесную арбу *телеген* (ср. русское слово телега).

У кубанских ногайцев на свадьбах и праздниках устраивались коз-борики (ореховые шапки). На полутораметровый шест насаживалась «шапка», у которой внизу был ободок, а сверху натягивались два изогнутых крест-накрест прута. В вершину «шапки» втыкалось яблоко, на ободок

и прутья на нитках вешались орехи, конфеты, разные сладости. Эти коз-борики вместе с разноцветными флагами устанавливались на крышах домов, где проходило торжество. Сноровистые дети старались украсть коз-борик. Этот обычай тоже соблюдался в честь небесного божества Оран-Телегея.

У ногайцев, как и у родственных им карачаево-балкарцев и у некоторых кавказских народов, широко распространён припев к песням: «Орайда». На массовых торжественных мероприятиях ногайцы, взявшись за руки, создавали *куьн-тоьгерек* (солнечный круг, хоровод), ходили по часовой стрелке по кругу и исполняли *орайду*. Некоторые ученые полагают, что припев *орайда* возник от тюркского слова: *оьр* (высота) и *айда* (гони) и означает: «гони выше, бери выше». Но согласно выводам данного исследования этот припев служил гимном в честь Ормегана, Орана-Телегея, Юруна, божества вечной жизни.

Ногайцы, как и казахи, боевой клич называют *уран*. Клич бросало войско. В русском войске кричали: «Ура!» В эпических песнях ногайцев часто встречается выражение: «*Акырып уран шакырды*» («Закричал, призывая уран»). Это означало, что ногайское войско призывало на помощь какого-то *Урана*.

Серикбол Кондыбай в этом призыве совершенно справедливо видит призыв Оран-Телегея, мирового змея, когда-то считавшегося одним из главных культовых персонажей древних тюрков. Казахский ученый также находит сходство слова *оран* с монгольским словом *оронхо* (знамя, знак), калмыцким *урах*, *уракх* и саха-якутским *урай*.

«Позднее, — пишет Серикбол Кондыбай, — с исчезновением мифического ореола змея-прародителя, это слово (оран — И. К.) превратилось в простое воззвание, имя нарицательное. У каждого рода и племени, народа появились собственные ураны, берущие начало от мифического образа и имени предка конкретного родоплеменного общества» (указ. соч., с.232).

У ногайцев существуют разные мифы и предания о змеях. Нам кажется, будет интересно привести предание, записанное Тахиром Акманбетовым. Его корни восходят к библейскому потоцу, в котором змее отводится роль спасительницы земной жизни.

Коту — мышь, змее — нора

Давным-давно, когда коза разбухала от сытости, скворец кадием был, воробей большим мудрецом слыл, в бесконечной барханной степи жил один Хан. Этот Хан пригласил мастеров и построил большой деревянный корабль.

— Что за причуда? В безводной пустыне нужен ли корабль? — удивлялись люди.

Но откуда-то нахлынули воды, и начался мировой потоп. Хан взял на корабль всех своих людей и по паре каждого живых существ. Таким образом, сам спасся, людей спас, земных тварей спас. Корабль поплыл по воде, но только мышь не поняла, в чем дело, и стала грызть дерево. Прогрызла она дырку, а из дыры стала вода течь. Вода разбудила спящую кошку, кошка рассерчала и проглотила мечущуюся по кораблю мышь. И только змея догадалась, что корабль может затонуть — она заползла в дырку и остановила течь.

С тех пор кошка сердита на мышь, при случае ее загрызает, а змея себе нору ищет, в норе живет.

ЙЫЛГЫН

Йылгын — так по-ногайски называется растение гребенчук, гребенщик, или тамариск. Он представляет собой небольшие деревья, кустарник с гладкими бурыми или красноватыми ветвями, покрытыми мелкими зелеными листьями. Растет по всей Евразии вдоль рек, в песчаных местах. В Ногайской степи, где не так густо растут деревья, йылгын можно встретить даже на солончаках. Издалека при ярком солнце ветки кустарника кажутся покрытыми мелкими кусочками льда. Это навевает разные мысли и образы.

Ногайцы считают, что йылгын имеет сакральные качества. В зарослях этих деревцев встречается албаслы, здесь устраивают сборища йины (джинны), жилища змей тоже располагаются среди них. По ногайским поверьям,

веткой йылгына надо отгонять албаслы, йина. Кагымши, бакши используют ветви этого растения для снятия порчи.

ЙЫРАУ

Йырав — певец-импровизатор, исполнитель эпических песен. Ногайцы почитали йырау и считали, что они обладают сакральными качествами. Издревле их искусство высоко ценилось. В каждом ауле, в каждом племени ногайцев были свои знаменитые певцы-импровизаторы. Йырау существовал за счет средств, поступающих от слушателей. Жизнь их была нелегкой. Очень известные исполнители жили при дворах ханов и богатых мурз. Высокоодаренные йырау за исполнение героической песни получали очень дорогие подарки. Известны случаи, когда им дарили коня со сбруей, дорогое оружие. Особо одаренные йырау выступали на больших народных курултаях. Бедные, неизвестные йырау кочевали по разным населенным пунктам и существовали за счет случайных заработков. Жизнь их была нелегка. Они пели на свадьбах, традиционных семейных праздниках. Одни были природными йырау, талантливыми певцами и музыкантами, обладавшими феноменальной памятью. Такие без всякого обучения становились профессиональными йырау. Другие нуждались в обучении; такие брали уроки у опытных певцов-импровизаторов. За обучение платили скотом, продуктами питания, деньгами. По данным ногайского фольклориста Ашима Сикалиева, у ногайцев существовали разные школы певцов-импровизаторов, такие как Астраханская, Караногайская, Кубанская, Ачикулакская (территория нынешнего восточного Ставрополя), Центрально-Предкавказская (Калаусо-Саблинская, Бештавская), Крымская и Аккерманская (территория Добруджанских ногайцев). Эти школы отличался своим репертуаром, манерой исполнения. В связи с войнами и переселением ногайцев в Турцию земля ногайцев обезлюдела. Во второй половине 19 века искусство йырау продолжало развиваться в Караногое, на Кубани и среди ачикулакских ногайцев.

Йырау исполнял канонические героические песни, но часто тот или иной из них включал в исполнение свою

импровизацию — текстовую или музыкальную. Но несомненно то, что именно искусство йырау лежит в истоках возникновения эпических героических песен. Ашим Сикалиев приводит интересные данные. «С древнейших времен до начала 20 в., у ногайцев существовал обычай, называемый «тонау». Он способствовал росту мастерства певцов, высокому художественному и идейному уровню песни. По обычаю «тонау», в день смерти человека его близкие приглашали известных певцов-импровизаторов. Каждый из певцов тут же слагал о покойнике свою песню и исполнял ее. Автор и исполнитель песни, признанной лучшей и правдивой, получал все личные вещи покойного, включая его оружие и коня. Этот обычай заставлял певца быть внимательным к каждому члену общества, к его деятельности, знать достоинства и недостатки, какую пользу он принес аулу, народу. Все эти знания могли пригодиться в любое время и по любому случаю» (1). Как мы знаем, помимо «тонау» у ногайцев до последнего времени были профессиональные бозлауши, сочинявшие на похоронах поминальные песни. Песни, сочиненные в такие моменты в честь знаменитых людей, служили исходным материалом. Затем на протяжении веков они обрастали мифопреданиями, высокохудожественными клише, пока не обретали каноническую форму героической песни. Конечно, и во время сочинения песни на обряде «тонау», и во время сочинения бозлау авторы могли использовать уже бытовавшие старинные сюжеты. Ашим Сикалиев приводит и такой факт: «Особое место в духовной жизни ногайских аулов до Октября и в довоенные годы занимала традиция устраивать состязание певцов под названием «Кезбе» («идти по кругу»). В этом обряде царил культ песни. Поскольку побежденный обязан был собирать у себя дома всех присутствующих и угощать, что было далеко не всем под силу, к каждой встрече долго готовились. Поэтому репертуар каждого участника и исполнительское мастерство оставалось на высоком уровне. Отказ от участия принимался за поражение». Все эти данные говорят о том, что йырау в ногайском обществе занимал особое положение и высоко ценился.

Поэтому надо коснуться значения песенного творчества в жизни наших предков. Издревле считалось, что песня служила магическим средством защиты от злых духов, средством достижения победы в войне. Главным

Выдающийся йырау Шал-Кийиз

назначением героической песни был призыв и поддержка духов-хранителей (сульдер в древности, аруака позднее) знаменитых батыров. Считалось, что сульдер ушедших предков в благодарность за почитание их славной деятельности помогает сородичам в войне.

Жизнь и творчество таких певцов, как Сыбра Шопбаслы, Шал-Кийиз Тиленши улы, Асан Кайгылы, Парыздак-йырау, Доспамбет Азаулы, Карагайбойлы Казтувган Суйиниш улы, обросли легендами. Они исполняли эпические героические песни и сами являлись авторами прекрасных стихов. Такие йырау, как Доспамбет Азаулы, Карагайбойлы Казтувган Суйиниш улы, прославились как воины, возглавлявшие войско. В главе «Домбра» была приведена легенда о знаменитом полководце хана Хулагу, командире передового корпуса Кет-Буга Найманлы. По легенде, он решил сообщить Чингиз-хану о смерти его сына Джучи. Йырау Кет-Буга как эталон, достойный восхищения, часто упоминается в песенном фольклоре ногайцев. У ногайцев племя найманов самое многочисленное. Фольклорист Ашим Сикалиев привел поразительный факт о том, что у найманов Тохтамышевского аула (ныне аул Икон-Халк) ураном было имя легендарного йырау: «Кет-Буга». Таким образом найманы перед битвой призывали сульдер знаменитого йырау для поддержки в бою. Ниже смотрите главу о патроне всех ногайских певцов-импровизаторов «Сыбра Шопбаслы йырау».

КАЗАН — КОТЕЛ

Казан — котел. Этот предмет в ногайской мифологии символизирует центр жизни, спаянность рода и всего народа в целом. «*Отынъ соьнмесин, казанынъ бос болма-сын*» («Пусть огонь не потухнет, пусть казан пустым не будет») — такое пожелание приводилось каждый день. Царская администрация, делая сообщение о численности населения в ногайских аулах, называла количество казанов. Сто казанов означало сто семей. Так считали подданных сами ногайские правители. Традиция такого подсчета населения уходит в глубь веков.

«Отец истории» Геродот рассказывает такую легенду:

«В этой местности (Эксампее — И. К.) стоит медный сосуд величиной, пожалуй, в шесть раз больше сосуда для смешения вина, который Павсаний, сын Клеомбрата, велел посвятить богам и поставить у входа в Понт. Кто не видел этого сосуда, тому я его опишу: он свободно вмещает 600 амфор, а толщина этого скифского сосуда шесть пальцев. По словам местных жителей, сделан он из наконечников стрел. Один скифский царь, по имени Ариант, пожелал узнать численность скифов. Он приказал для этого всем скифам принести по одному наконечнику стрелы, а каждому, кто не послушается, грозил смертью. Тогда скифы принесли такое множество наконечников, что царь решил воздвигнуть из них себе памятник: он повелел изготовить из наконечников медный сосуд и выставить в Эксампее» (с. 263).

В кочевом обществе, среди ногаев и казахов, всегда существовали казаны, в которых можно было сварить целую лошадь. Такие котлы находят и в курганных захоронениях. В настоящее время они хранятся в музеях евразийских городов.

Слово *казан* сохранилось в эпических песнях в качестве имени героя. Например, в «Книге моего деда Коркуда» одного из эпических героев зовут Казан. Но более это слово распространено в топонимике, оно указывает места расселения тюркских народов. Одним из ярких примеров является название столицы республики Татарстан Казань. Крупные населенные пункты в Дагестане, где проживают кумыки, называются Верхнее и Нижнее Казанище. Есть и в Казахстане населенный пункт под названием Кызан.

Казахский исследователь Серикбол Кондыбай, ссылаясь на скифскую легенду и ряд антропонимических и топонимических названий, связанных со словом *казан*, делает интересное заключение: «Ассоциация «казан» — «мифический сакральный центр» перешла к реальному предмету — бытовому котлу (*казан*). Если в мифологической космографии кочевников юрта являлась моделью мироздания, то *казан-котел*, расположенный в центре этой юрты-Мира, являлся центром мира. Главная символика котла-казана состоит именно в этом. Такая символика характерна не только для казахского (и ногайского — И. К.) общества; но и для древних скифов. У них сакральной космограммой являлся котел Арианта. Такую же символику представляет собой большой *казан* в ханаке Ходжи Ахмета Йассауи (Ясави — И. К.) в г. Туркестан. По легенде, десять копий, поставленных вокруг этого казана, означают десять племен (**аргын, уйсун, дулат, найман, конгырат, керей, алим, байулы, жетиру, кипчак**), участвовавших в создании казахской государственности и казахской нации (семь выделенных жирным шрифтом племен в этом списке — ногайские — И.К.) и смысл легенды вполне идентичен со скифским примером (по другому варианту толкования десять копий символизировали десять спутников Ахмета Йассауи). Так как Ахмет Йассауи — самый главный субъект почитания мусульман Казахстана и Средней Азии, да и всех тюркоязычных мусульман, его могила, его ханака и тот город, где расположены эти объекты, в целом стали своеобразным сакральным центром всего тюркоязычного мира»(14, с.164).

С заключением Серикбола Кондыбая не согласиться невозможно, но вполне вероятно, что котел и десять копий символизировали более древнее время, времена создания Первого и Второго тюркского каганата, в центре ко-

торых стояло племя Он-ок (Десять стрел). К заключению С. Кондыбая хотелось добавить, что ногайцы, живя в отдалении от Туркестана, сквозь толщу веков донесли до сегодняшнего времени поговорку: «*Меккада — Мухамед, Туркестанда — Хожа Ахмет*» («В Мекке почитается Мухамед, в Туркестане — Хожа-Ахмет»). Еще совсем недавно имя Хожа-Ахмет было одним из распространенных среди ногайцев, деда известного ногайского писателя Суюна Капаева звали Хожа-Ахмет.

КАМ, КАМЛАУШИ, КАГЫМШИ

Кам — древнее название жреца (шамана), тенгрианского священнослужителя. В ногайском языке слово *кам* означает суть, истина, провидение. Сохранилось выражение *камы бар* — есть суть, истина. Ногайцы шамана называли *камлаушы* (букв.: занимающийся сутью, истиной), как видно, слово происходило от слова *кам*, но есть и другие версии происхождения этого слова.

Название кам было известно еще древним гуннам, предводителя жрецов у этого известного Европе народа называли *ата-кам* (отец-шаман). Сведения о тюркских камах встречаются в китайских хрониках «Тан шу», тюркоязычных источниках 11 века «Диван лугат ат-тюрк» Махмуда Кашгари, чаще — в золотоордынских материалах 13 века (Карпини, Рубрук), Египетских хрониках, в ватиканском сборнике «Кодекс куманикус». Составлению «Кодекс куманикус» способствовал соправитель Золотой Орды Ногай, по его велению были приведены тексты христианских молитв на кипчакском языке. В этом сборнике слово *камлык-эт* переводится как «пророчить, предсказывать».

Древние камы предсказывали, изготавливая изображения идолов, кидая прутья (*шоьп таслау*), играя на музыкальных инструментах, гадая на бараньей лопатке. Обряд гаданья на бараньей лопатке у ногайцев сохранялся до последнего времени, но гадалщиков называли *балшы* или *сынышы*. По некоторым данным, камы занимались лечением людей, изгнанием злых духов с помощью огня. По другим данным, камы могли навести порчу, призвать высшие силы и вызвать бурю, дождь.

Ватиканские посланники ПIANO Карпини и Вильом Рубрук, побывавшие в Золотой Орде, ставят шаманство на уровень государственного культа. Посетив ставку Менгу-хана в 1250 году, Рубрук написал: «Прорицатели, как признал сам хан, являются их жрецами, и все, что предписывают делать, совершается без замедления». Он говорит, что без указаний камов, без их «решительного слова» не начинаются войны; провинившихся или же подозреваемых в неверности, воровстве камы пропускали меж огнями. Камов призывали и тогда, когда рождался мальчик, чтобы узнать его будущее.

По более поздним данным современных ученых (В. Н. Басилов) шаманы обращались не только к духам, но и к высшим божествам. В пример ставятся алтайские шаманы, «путешествовавшие к Ульгеню и Эрлику». По скудным данным ногайского фольклора об этом явлении, камлауши с помощью ритуальных действий, с помощью асатаяка и других музыкальных инструментов превращались в коня, оленя, зайца, самыра или в птиц и возносились к мировому дереву Байтерек, на котором прочитывали будущее, людские судьбы. Данных об изготовлении идолов ногайский фольклор почти не сохранил, но зато сохранились произведения, основой которых являются шаманские легенды. Ранее приводилось предание «Шестиногий аргамак и Кенжебай», которое является ярким примером шаманской легенды. В сказке «Камыр-батыр» прямо указывается на то, что главный герой изготовлен из теста – продукта шаманской деятельности (Камыр), а также подробно описывается путешествие в иной мир.

У ногайцев вплоть до последнего времени сохранялись *кагымшы* — знахари. Люди этой профессии также вызывали потусторонние силы для изгнания злых духов. Чтобы их задобрить, они приносили в жертву черного барашка или черную курицу. Хотя в ногайском народе одновременно существовали две профессии с разграниченными функциями, но их названия — *камлаушы* и *кагымшы* — имеют общие корни. И по функциональным характеристикам, и по лингвистическому значению название *кагымшы* является более архаичным. Оно происходит от слова *каг* (бей, хлещи, изгоняй). Этот архетип лежит в основе слов *кам*, *камлаушы*. Корень *каг* сохраняется и в ритуальном инструменте древних целителей *камышы* (камча). Камча, плетка с древних времен обладала сакральны-

ми свойствами и всегда служила инструментом шаманов (см. главу «Камыши»).

В ногайских эпических песнях чаще, чем камлауши, встречается название *бакшы* (ведающий, прорицающий). Бакши были прорицателями, обязательно использовавшими пение и игру на музыкальных инструментах. Камлауши тоже использовали пение и игру на инструментах, но могли обойтись без музыки, а использовать лишь камчу, кости животных, железные и другие предметы.

По данным ногайского исследователя А.Сикалиева, у ногайцев существовали разные люди, обладавшие сакральными качествами. Он приводит такой список: «колдуны (по-ногайски — *яды*), чародеи (*саарши*), волшебники (*сыхыршы*), прорицатели (*сыншы*), знахари (*кагымшы*), шаманы (*камлаушы*), ритуальные музыканты (*бакшы*), разновидность гипнотезеров (*козбайлаушы*), благопожелатели (*тилекши, алгышы*), проклинатели (*каргаушы*), ворожеи (*балшы*)» (Ног. гер. эпос. С.181). Однако и в быту, и в фольклорных произведениях грани между этими «профессиями» стерты. Например, неизвестно, чтобы первая группа: *яды, саарши, сыхыршы* — бытовала в одном регионе под тремя названиями. Только для *яды* известно, что при колдовстве они использовали камни, но функции у всех трех были идентичными. Трудно было разграничить и представителей второй группы, в которую входили *сыншы, камлаушы, бакшы*. Они занимались прорицаниями, защитой и исправлением жизни человека от вмешательства демонов. Фактически и *кагымшы* решали те же задачи, но только более упрощенными методами. Возможно, персонификация в этих группах производится по степени владения своим искусством. Камлауши и бакши были мастерами высшей пробы, обслуживающими весь народ, особенно бакши — они главные действующие лица в эпосе, за ними шли сынши и кагымши, которые функционировали в одном ауле, племени, при удачном стечении обстоятельств попадали в придворные служители. Эта категория прорицателей в эпосе практически отсутствует, фигурирует в прозаическом фольклоре.

У ногайского фольклориста Тагира Акманбетова в повести «*Сынтастынъ йылувы*» есть описание облика кагымши. Хотя оно дается в художественном произведении, думается, на него следует обратить внимание. «Кагымши-атай, прежде чем прийти к Коккоз-ажи в юрту,

взобрался и опустился с сорока курганов. Пройдя по курганам, он сказал: «Мощь сорока курганов вселилась в меня». На нем была рубаха, сшитая из сорока кусков ткани разных цветов. Он был опоясан ремнем с заклепками из свинца. На спине у него висел мойынтумар (талисман) с вплетенным кусочком зеркала. Всю грудь закрывал круглый щит с натянутой жеребьячьей шкуры. На голове у него вместо шапки был прикреплен тесемками волчий череп. На ногах у него были деревянные башмаки с колокольчиками, которые при ходьбе позванивали.» (25, с. 187).

Тахир Акманбетов предоставил нам оригинальную запись песни о кагымши. Указанные в песне функциональные параметры кагымши вполне подходят и для камлауши. В тексте песни кагымши обращается к таким популярным в ногайской мифологии святыням, как аруак, кокбори, перисте, кырк кыз (сорок девушек), Ак Умай (Белая Умай), Ак-Солтан, Тукли-Азиз, Кет-Буга.

Песня кагымши

Если кого-то ударит ветер черного йина, то кагымши находит в степи растение йылгын (гребенчук), привязывает к верхушке куста лоскуток синей ткани, поджигает ее и произносит такие слова:

*Аруак карасын онъ коъзи мен,
Совйлермен эти йин совзи мен.
Кес деймен, тес деймен,
Бур деймен, ур деймен.
Коък боъридей суслы ман,
Кырк кыздай назлы ман.
Кайтар йин тиревим бол,
Кара йин кери ал йол.
Перисте исси этсин канымды,
Тукли-Азиз нурлы этсин янымды.
Ак Умай ашык этсин аспанды,
Коъмекке йиберсин Ак-Солтанды.
Сув Буга болып оккирермен,
Шоъл торгай болып шырылдарман.
Шышкан болып ерге кирермен,
Мышык болып мырылдарман.
Эти шырак ярыгы ман,
Кет-Бугадынъ аса-таягы ман,*

*Адыраспаннынъ туьси мен,
Алдаспаннынъ юзи мен,
Шуьбиректинъ туьтини мен,
Йылгыннынъ ийиси мен,
Ушыкты ушыртып шыгарарман,
Каьрипти аяк уьстине саларман!
(Пусть аруак посмотрит благим взглядом,
Буду говорить словами семи йинов,
Режь, говорю, продырявь, говорю,
Поверни, говорю, бей, говорю.
Как небесный волк грозный я,
Как сорок девушек нежный я.
Обратимый йин, стань опорой,
Черный йин, найди обратный путь.
Пусть перисте согреет мою кровь,
Пусть Тукли-Азиз душу озарит мою.
Пусть Ак-Умай осветит небосвод,
Пусть на помощь пошлет Ак-Солтана.
Как Су-Буга (Водный Бык), взреву я,
Как степной жаворонок, запою я,
Как мышь, убегу в нору я,
Как кот, замурлыкаю я.
Светом семи светильников,
Кет-Буги аса-таяком (посохом),
Сверканьем богатырского меча,
Дымом синей ткани,
Запахом гребенчука
Пораженное место разнесу я,
Больного на ноги поставлю я!*

Подстрочный перевод – И.К.)

КАМБАК — ПЕРЕКАТИ-ПОЛЕ

Камбак — название растения перекаати-поле, оно в ногайской мифологии символизирует образ вездесущности. Не имея корней, это растение несет информацию в дальние края. Камбак знает греховные тайны людей. Слово двухсоставное: *кам* (суть) и *бак* (ведай, смотри), дословно оно означает: найди суть, поведай тайну.

*Оьлен айтар, шоьп айтар,
Тыгырып келген камбак айтар.
(Травинка скажет, соломинка скажет,
Прикатившись, перекаати-поле скажет.) –*

Это поговорка о том, что в человеческом мире все тайное обязательно станет явным. У ногайцев есть легенда о девушке Арукыз, в которой перекаати-поле через несколько лет раскрывает убийство побратима. На основе этой легенды ногайский писатель Суюн Капаев написал замечательную поэму «Арукыз». В данной главе легенда приводится в прозаическом пересказе автора данной книги.

Легенда об Арукыз

В одном из предгорных ногайских аулов на Кубани жили два соседа. Жили в согласии и дружбе, помогали друг другу, все делали сообща. У них одновременно родились сыновья, они вместе сделали большой той, баранов зарезали, муллу позвали, одного новорожденного назвали Нурай, другого — Ибрай, и объявили сыновей ант-дослар — побратимами. Мальчики росли вместе, были неразлучны, одевались одинаково, друг за друга заступались. Нурай и Ибрай выросли статными и красивыми джигитами. Тогда родители решили женить сыновей и сказали им об этом.

Джигиты стали искать невесту. И вот на одной свадьбе они увидели красавицу Арукыз, и оба одновременно влюбились в нее. Юноши не хотели уступить друг другу девушку, поэтому право выбора предоставили ей. Арукыз, дав руку, выбрала в женихи Нурая.

Отец Нурая послал сватов в дом Арукыз. Сваты договорились об умеренном калыме и о дне свадьбы. На свадьбу зарезали упитанную кобылицу, десять баранов, изготовили десять бочек бузы, кумыс приготовили в бурдюках, пригласили самых лучших музыкантов и певцов. Даже канатоходцы прибыли на пир. Устроили скачки на лошадях. Целый месяц гулял весь аул в честь молодых. Все радовались красивой молодой паре. Лишь один Ибрай скрывал внутри себя горе, но виду не подавал, и даже после свадьбы смотрел на Арукыз в надежде, что она будет его женой. Думая о девушке, он потерял покой и сон.

Как-то побратимы поехали на охоту. В поисках дичи они оказались в далекой степи. Нурай ехал на коне впереди, а Ибрай позади. Вдруг Ибрай скинул с плеча ружье, прицелился и выстрелил в спину друга. Нурай упал с коня и, посмотрев на стрелявшего, спросил:

— За что, Ибрай?!

— За Арукыз! Она не по праву тебе досталась, теперь она моя! — процедил сквозь зубы Ибрай.

— Люди узнают! Как ты с этим будешь жить?!

— Никто ничего не узнает!

— Узнают! Травинка скажет, соломинка скажет, вот это перекасти-поле скажет! — промолвил Нурай, показывая рукой на подкатившееся перекасти-поле. С тем он и сомкнул очи.

Ибрай закопал в степи тело друга, отогнал коня без всадника подальше от того места. Затем, порвав свою одежду, вернулся домой. Возле дома соседей он поднял крик, давая знать о гибели друга. К дому сразу стали стекаться мужчины аула. Ибрай рассказал им, как в степи нагнали их волки, как они отстреливались, как бежали от стаи и как потеряли друг друга, и только через день, когда вернулся на прежнее место, он увидел клочья от одежды, и что даже останков Нурая не смог собрать.

Всем аулом устроили поминки по Нураю. Прошел год траура. Ибрай объявил, что в память о побратиме он женится на Арукыз и станет ей в жизни надежной опорой. Люди одобрили поступок Ибрая. И он стал жить с Арукыз.

Прошло некоторое время. Наступила пора сенокоса. Ибрай с Арукыз поехали на свою делянку. На делянке соорудили шалаш. Ибрай спозаранку косил, а Арукыз вилами подбирала за ним траву и складывала в копны. Во время косьбы поднялся ветер. Откуда-то ветром занесло перекасти-поле. Оно падало и падало перед косой Ибрая, он отмахивался и никак не мог отбиться от назойливого куста. Когда сквозь ветер до его слуха донесся голос Нурая — «Травинка

скажет, соломинка скажет, вот это перекасти-поле скажет!» , он побелел от злости.

— Не скажет, Нурай! — заорал Ибрай.

— Что не скажет? Почему ты вспомнил имя Нурая?! — крикнула Арукыз и подошла к Ибраю.

— Как может рассказать куст перекасти-поля? — опять разгоряченно проговорил Ибрай.

— О чем рассказать?! — недоумевала Арукыз.

— Когда мы были на охоте, перед нами бежал сайгак. Я выстрелил и попал в Нурая. Он тотчас умер!

— Нет! Он перед смертью сказал тебе, что об убийстве расскажет перекасти-поле! Ты поэтому вспомнил его слова. Убийца! Я давно подозревала тебя в убийстве мужа!

— Я сильно любил тебя. Почему он, а не я должен был стать твоим мужем?! Разве это справедливо?! — Ибрай опустил на колени и стал мять руками куст перекасти-поля. — Ну, что может рассказать эта трава?!

— Убийца! — закричала Арукыз. Нагнувшись, она достала из висящих на его поясе ножен кинжал и со всей силы ударила мужа.

Ибрай бездыханный упал на землю.

В тот же день Арукыз дошла до Кубани и бросилась в бурную реку.

Аул, стоявший у слияния рек Большой Зеленчук и Кубань, ногайцы долгое время называли Арукыз. Позднее пришедшие сюда казаки назвали станицу Невинномысской.

КАМБАР, КАМБАР-АТА, ЙЫЛКЫШИ-АТА

Камбар, Камбар-Ата, Йылкышы-Ата — известный в ногайской мифологии персонаж, покровитель коневодства, легендарный табунщик, первым среди предков ногайцев поставивший тавро на лошадях. Его имя часто упоминается в ногайском фольклоре; выбирая коней, эпические герои обращаются к нему за помощью. Его дух покровительствует табунам лошадей. Имя Камбар-Ата бытует в

фольклоре казахов, узбеков, туркмен и других народов. В фольклорных произведениях он существует как эпический герой и как музыкант.

Есть подобное имя и среди персонажей мусульманской религии. Легендарного конюха там зовут Али Ганбаром. Имя Камбар по своей основе тюркское. Слово *кам* в тюркских языках означает суть, истина, провидение. Вероятно, у тюркских народов покровитель коневодства существовал и под другим именем. Например, в ногайской и казахской мифологии существует еще одно наименование покровителя коневодов *Йылкышы-Ата* (Отец табунщиков). В характеристиках покровителя коневодства Камбара у казахов и у ногайцев очень много общего. Особенно обращает на себя внимание характеристика Серикбола Кандыбая:

«Кроме того, — рассказав о многофункциональности фольклорного героя, пишет исследователь, — в казахской астрономии есть звезда по имени Камбар, которую можно увидеть в ночном небе, начиная с осенних месяцев, кончая началом весны. Она использовалась в качестве календарно-хронологического ориентира. Ее «встреча» в ночном небе с другим созвездием — Уркерами (Плеяды) — считалось началом каждого месяца. Легенда гласит, когда ежемесячно звезда Камбар «сталкивается» с Уркер, они начинают выбрасывать гигантские искры, если одна искорка попадет на голову человека, то он умрет. У сахакутов Дьесегей-Айы и Киели-Баалы тойон — покровители коневодства, живущие на небесах, и последний из них иногда выступал в облике жеребца светлой масти. Не исключено, что архаические образы казахских Камбар-баба связаны с аналогичными доисламскими представлениями.

Еще одну мифическую ипостась Камбара можно узнать из таких строк-обращений (заклинаний):

Коль иеси Камбар-ау,
Шоьл иеси Камбар-ау,
Карагыма коьз сал-ау,

Буквально переводимых так: «О, хозяин озера — Камбар, хозяин пустыни (или жажды) — Камбар, присматривай за моим сыном (в степи, в пути)». Здесь Камбар выступает как хозяин воды» (14, с. 136).

Такое развернутое цитирование Серикбола Кондыбая понадобилось, чтобы привести ногайское предание, в котором рассказывается о превращении легендарного табунщика Камбара в звезду. Это предание в 70-е годы прошлого столетия было записано из уст старожилла аула Эркин-Юрт (старое название Орак-эли) Азамата Курманакаева (табунщика по профессии) и обработано автором.

Легенда о Камбаре

Наша Кубань ниже по течению сильно разлива­ется. Там есть острова, которые то уходят под воду, то опять поднимаются. Когда-то давно в этих плав­нях жил табунщик Камбар из рода Есеней. Там даже речка носит имя этого рода. У Камбара были су-ат (водные кони) белой масти. Их у него было так мно­го, что невозможно было пересчитать. Камбар оде­вался в белый шепкен (черкеску), в руках держал длинный курык (шест) и ездил на белом жеребце Акжал (Белая грива). Только он один мог догнать и собрать в одно место свой табун. Эти лошади не под­пускали к себе других людей.

К Камбару приходили родственники и просили у него жеребят. Камбар был человек добрый и нико­му в просьбе не отказывал. Но только так уж случалось, что когда жеребята вырастали, они при удоб­ном случае уходили к диким лошадям на плавни и больше не возвращались. А среди диких лошадей пойди различи, кто чей. Да и поймать их невозмож­но. Как только человек приближался к ним, они — в воду и уходили по реке к другому острову. Даже сам Камбар не мог найти пропавших коней. Это на­доело табунщику, и он созвал к себе родственников.

— Я вам даю жеребят, а вы смотреть за ними не можете. Они у вас пропадают и теряются среди моих лошадей. Пусть мое остается моим, а ваше — вашим. Чтобы без обид было, я на ваших жеребьях стану тавро ставить! — Он обмакнул палку в грязь и оста­вил отпечаток палки на правом боку жеребенка.

Тогда и появилась поговорка: «Есене́й тамга таяк, кимге салсанъ да болмаяк!» («Есене́йская тамга — палка, но не всем ее ставить надо!») Есене́йское тавро было первой ногайской тамгой. Поэтому их еще караяками (черными палками) называли. Вслед за есене́ями кипчаки стали в виде двух палок тавро прижигать. Так и пошло. Очень сложные рисунки на тамгах есть: и гребень, и столб, и ушки казана, и меч.

Только кони самого Камбара остались без тавра. Их никто не мог поймать даже тогда, когда Камбара на земле не стало. Белые лошади внезапно появлялись на островах. Если к ним приближались люди, то Акжал, конь Камбара, их под воду уводил. Говорят, кто поймает и оседлает Акжала, тот поймает и всех остальных лошадей. Но поймать Акжала невозможно.

Все табунчики любят смотреть на звезды. У каждого есть любимое созвездие. И Камбар очень любил глядеть в ночное небо. Больше всего он рассматривал созвездие Улькер (Плеяды), среди которого была своеобразная звезда Ульпилдек-Кульпилдек (Мерцающая-Порхающая). Эта звезда то бывала среди своих сестер Улькер, то вдруг надолго исчезала. Камбару очень хотелось знать, почему она так делала и куда исчезала.

— Все равно я узнаю, куда ты исчезаешь, Ульпилдек-Кульпилдек, — произносил он по ночам, сидя возле своего шалаша.

Однажды на рассвете, когда Улькер садился на землю, Камбар побежал к звездам. Затем он поднялся на небо и сам стал звездой. Говорят, что и на небе он до сих пор не может понять, куда убегает Ульпилдек-Кульпилдек.

КАМЫР-БАТЫР

Камыр-батыр — имя мифологического героя. Герой создан из теста руками кама, шамана. В ногайском быту тесто называется *камыр*. Видимо, древние предки ногай-

цев называли его продуктом кама. Камыр-батыр — герой, обладающий огромной силой и большими возможностями. Он посещает все три мира: небесный, средний и подземный. Человека с большими способностями, находчивого и изворотливого, ногайцы называют словом *кымыр*.

Но этимология слова *камыр* неоднозначна. Ногайцы на могилу тоже говорят *камыр*, *кабыр*. Возможно, что это имя означает «Могильный герой», «Подземный герой».

О Камыр-батыре сохранилась песня. Упоминание о ее бытовании есть в сборнике «Ногайские народные песни» («Ногай халк йырлары», Москва, 1969 г.), но, к сожалению, как и многие другие фольклорные произведения, она до сих пор не издана. На сегодня мы располагаем некоторыми устными преданиями и великолепной сказкой «Камыр-батыр». Сказка записана просветителем ногайского народа Абдул-Хамидом Джанибековым.

В сказке о Камыр-батыре весьма прозрачно просматривается мифопоэтическое сказание о путешествии шаманского создания в иной мир. Здесь также прямо указывается на искусственное происхождение Камыр-батыра. Когда герой подрастает, он заявляет, что ему необходимо объездить мир. Это заявление тоже говорит о шаманском призвании. Затем Камыр-батыр встречает великанов дау, которые сразу признают его превосходство. Он враждует с карликом-эргежейли — владыкой одного из частей подземного мира. В поисках карлика он посещает Нижний мир, побеждает карлика-старца, который сам ростом в пядь, а борода у него длиною в сорок пядей. В поисках выхода из подземелья батыр попадает и в другие слои Нижнего мира. Обитатели подземного мира удивляются его появлению, так как в этом мире не должно быть людей. Камыр-батыр уничтожает аздагу, посещает Байтерек, убийством аздаги вызывает расположение Каракуса. Медиатор трех миров, мифическая птица Каракус помогает Камыр-батыру вернуться в Средний мир. В сказке широко представлены такие мифологические образы, как дау, Каракус, Байтерек, аздага, владыка одного из подземных царств карлик-эргежейли.

Камыр-батыр

Давным-давно жил один богатый человек. Все у него было, только наследника не было.

Однажды его жена, чтобы испечь хлеб, раската-ла тесто и накрыла его скатертью. Когда тесто рас-стоялось, она пришла его посмотреть. Глядь, — а под скатертью красивый мальчик лежит. Обрадова-лась старуха и побежала к старику:

— Старик, иди посмотри, я вместо своего теста ребенка обнаружила!

Старик пошел посмотреть — и вправду, прекрас-ный ребенок лежит.

— Будь нашим сыном! Назовем тебя Камыр-ба-тыр! — от радости старик руками всплеснул. Сказал старухе:

— Вот у нас и сын появился! — и на радостях пир закатил, народ собрал, скачки устроил.

Мальчик стал быстро расти, сверстников во всем опережал. В мгновение он стал статным джигитом, необыкновенно сильным, и не было ему равных во всей округе.

Однажды Камыр обратился к отцу с такими сло-вами:

— Дай мне хорошее снаряжение, тулпара-коня, я хочу мир объехать и посмотреть.

Отец согласился и дал Камыру все, что он поже-лал. Сын надел на себя все необходимое, оружие взял, оседлал тулпара-коня и поехал, глядя на север.

Месяц прошел, год прошел... Однажды дорога его к лесу привела. Сел батыр в лесу отдыхать. Вдруг услышал невообразимый шум. Вгляделся в чащу и увидел, как кто-то по лесу идет и с двух сторон дере-вья с корнями вырывает. Когда незнакомец подошел, ошарашенный Камыр-батыр спросил:

— Кто ты? Такого удивительного человека я еще не встречал!

— Если хочешь удивительного человека повстре-чать, то тебе надо Камыр-батыра увидеть, — сказал ему дау-силач.

— Я сам Камыр-батыр, — сказал ему джигит.

— Тогда возьми меня к себе в друзья, — попро-сил его дау.

Отправились вместе в путь. По дороге им встретился дау, державший в руках два камня величиной со скалу и обращавшийся с ними, как с игрушками. Бьет друг о друга камни так, что искры в разные стороны летят. Камыр-батыр сильно поразился этому:

— Какой ты удивительный человек! Никогда такого не видел!

— Если хочешь удивительного человека увидеть, то тебе надо Камыр-батыра повстречать, — ответил ему дау.

— Я сам Камыр-батыр, — сказал ему джигит.

— Тогда возьми меня к себе в друзья, — попросил его дау.

Камыр-батыр взял и этого дау в друзья, и они втроем отправились в путь. Шли-шли и подошли к морю. Увидели на берегу худого, как скелет, дау. Тот при них стал пить воду из моря и, пока не иссушил его до дна, не остановился. Поразился Камыр-батыр:

— Никогда не видел такого! Удивительное ты существо!

— Я что?! Вот Камыр-батыр удивительное существо! — ответил дау.

— Я сам Камыр-батыр, — сказал ему юноша.

— Тогда возьми меня к себе в друзья, — попросил дау.

Отправились они вчетвером в путь. Нашли пригодное для жилья место, поставили там шалаш и стали жить. Лошадей поймали, стали жеребят выращивать, на охоту ходить, дичь стрелять, зверей ловить.

Как-то Камыр-батыр, отправляясь на охоту, велел первому дау:

— Пока мы будем охотиться, ты зарежь нам десять кобылиц и приготовь сытную еду.

Как велел Камыр-батыр, первый дау зарезал десять кобылиц, разделал мясо и, положив в казан, поставил на огонь. Когда мясо уже должно было свариться, подъехал всадник. Сам ростом в один карыс (пядь, расстояние между расставленным большим пальцем и мизинцем), а борода длиной в сорок карысов.

Старик-карлик сказал:

— Эй, сынок, я не могу с лошади слезть, подойди ссади меня с седла.

Дау, подняв, ссадил с седла старика.

— Я что-то проголодался! Если ты меня накормишь, то большую радость доставишь, — сказал старец.

Дау поставил перед ним мясо одной кобылицы и подал ведро шурпы. Карлик съел все мясо, выпил всю шурпу, а после проговорил:

— Я не насытился. Поддай мне еще мяса!

Дау рассердился, хотел выгнать гостя, и стали они бороться. Карлик поднял дауа и об землю ударил, а затем вырвал волосок из своей бороды и связал дауа руки и ноги, после чего съел все мясо в казане и уехал.

Дау, когда пришел в себя, подполз к костру и, подпалив волосок бороды, еле освободился от пут. Он зарезал еще десять кобылиц. Как только кинул мясо в казан, Камыр-батыр с друзьями вернулся. Увидев, что еда не готова, он сильно рассердился.

— Ты мне в друзья не годишься! — сказал он.

Дау было стыдно рассказывать о карлике, он промолчал о случившемся.

На следующий день Камыр-батыр оставил в шалаше второго дауа и велел, чтобы он пищу приготовил. Ко второму дауа тоже явился карлик, который съел все мясо, а самого дауа побил и связал, как и первого. Второй дауа тоже еле освободился от пут и, когда вторично зарезал кобылиц и положил мясо в казан, вернулись друзья с охоты. Камыр-батыр опять рассердился.

На третий день все то же самое приключилось с третьим дауа.

На четвертый день Камыр-батыр сам остался поваром в шалаше. Он зарезал двадцать кобылиц и поставил мясо в казан варить. Когда мясо было готово, карлик подъехал.

— Эй, сынок, я не могу с лошади слезть, ты мне помоги, ссади с седла.

Камыр-батыр схватил карлика за бороду и, прокрутив несколько раз в воздухе, стукнул о землю, а затем привязал между двумя деревьями, растущими рядом. Друзья вернулись с охоты и сели за стол есть.

— Никто не приходил? — спросил один из них.

— Идите к рядом растущим двум деревьям и увидите удивительное, — спокойно сказал Камыр-батыр.

Однако голодные друзья не стали отрываться от еды, а насытившись, сказали, что посмотрят утром, и легли спать. Утром пошли посмотреть, а там только ямы от деревьев остались. Карлик вырвал деревья с корнями и вместе с ними сбежал.

Камыр-батыр расстроился:

— Надо его по свежим следам догнать! — проговорил он.

Друзья стали преследовать карлика. Следы привели к одинокому колодцу. Камыр-батыр из своего снаряжения достал длинный шелковый аркан, велел друзьям держать один конец, а сам спустился в колодец. На дне колодца было большое озеро, но на другом берегу озера виднелась долина. Батыр переплыл озеро и пошел по долине. Пройдя долгий путь, он увидел дом. Вошел в дом, а там на кровати девушка спит. У ее ног и изголовья лампы горят. Камыр-батыр поменял местами лампы, чтобы от движения света девушка проснулась, но она, как и прежде, лежала не шелохнувшись. Тогда он вошел в другую комнату, и там тоже девушка на кровати лежала, а у ног и изголовья тоже лампы горели. Он опять поменял местами лампы, но и эта девушка глаз не открыла. Тогда он вошел в третью комнату, там тоже девушка спала на кровати. Камыр-батыр поменял лампы местами. Почувствовав изменение света, девушка проснулась. Она увидела Камыр-батыра, и он ей сразу понравился.

— Здравствуй, джигит! Что ты тут делаешь? Это место не для таких, как ты! — сказала она.

— Следы врага сюда привели, мне надо его найти, — сказал он.

— Оставь его, ты меня забери и покидай это место, — сказала девушка.

— Нет, ты мне покажи моего врага! — рассердился Камыр-батыр.

— Забудь про него! В тех двух комнатах мои старшие сестры, забирай всех нас троих и уходи, — сказала девушка.

— Если не покажешь моего врага, всех вас убью! — пригрозил батыр.

Девушка, поняв, что переубедить джигита трудно, сказала:

— Твой враг — это наш отец. Вместо коня он седлает зайца и с утра до вечера объезжает свои владения. И за день проезжает столько, сколько конь за семь месяцев. Когда скучает, он и на землю выбирается. Там лакомится, девушек похищает, сокровища отбирает. Наша мать тоже оттуда, поэтому мы бы хотели на землю попасть. Он обладает необыкновенной силой, тебе его не одолеть...

— Ты мне покажи место, где он находится! — оборвал девушку Камыр-батыр.

Девушка согласилась показать место и, когда шли, она остановилась возле родника:

— Если отец тебя сразу не победит, то попросит воды. Я с собой воду понесу. И тебе надо этой воды попить, она силу удваивает, — с этими словами она набрала в кувшин воды.

Карлик как увидел идущих к нему, от радости заржал, словно жеребец, и кинулся на Камыр-батыра. Они стали драться. Долго бились, и никто не мог одолеть другого. Тогда карлик остановился.

— Давай воды поьем! — сказал он.

Девушка наполнила две чаши и преподнесла одну чашу отцу, а другую — Камыр-батыру. Попив воды, опять стали драться. Наконец Камыр-батыр изловчился, схватил карлика за бороду и, покрутив его над собой, ударил о землю. Карлик распластался на земле и больше не встал. Джигит отрезал голову врага и бросил в озеро, а затем, взяв всех троих девушек, поспешил к колодцу. Возле колодца Камыр-ба-

тыр решил сперва отправить девушек наверх, но младшая сестра предупредила:

— Сначала ты сам вылезай, а затем нас вытащишь, а то твои друзья оставят тебя здесь.

— Мои друзья не такие, — сказал джигит и стал дергать аркан.

Друзья вытащили девушек, но когда Камыр-батыр остался один, они не опустили аркана. Тогда он понял, что младшая сестра была права и что друзья его предали. Опечаленный, он опять пошел к долине. Шел-шел и увидел одинокую кибитку.

— Мир этому дому! — сказал он у входа.

— Будь гостем! — ответил ему голос.

Внутри кибитки седой старец сидел.

— Что-то ты на обитателей этого мира не похож! Чем промышляешь? — спросил он.

— Уважаемый, помоги мне выбраться на землю.

— Отсюда выбраться невозможно. Но гостю надо помогать. Я тебе покажу одно место, — старец вывел джигита из кибитки и указал рукой в сторону. — Там есть еще проход в низину, ты спустишься туда, увидишь сено за оградой, спрячься возле него. К кормушке приходят белый и черный баран. Если ты сможешь оседлать белого барана, то выберешься на белый свет. Только, смотри, на черного барана не взбирайся, он тебя еще ниже этого места опустит.

Камыр-батыр пошел к указанному месту. Там нашел проход и спустился в другую долину. Возле ограды спрятался и дождался, когда пришли бараны и стали поедать сено. В темноте он не разобрал цвета и сел на черного барана. Тот его понес, затащил в другое глубокое ущелье и сбросил в пропасть. Камыр-батыр, придя в себя, совсем опечалился и побрел куда глаза глядят. Вскоре он увидел одинокую кибитку и подошел к ней. Там тоже сидел старец.

— Мир этому дому! — сказал Камыр-батыр.

— С миром входи! Что-то ты не похож на обитателей этих мест! Какие у тебя дела, молодой человек? — спросил хозяин.

— Уважаемый, помоги мне выбраться на белый свет! — попросил джигит.

— Очень трудная задача. Но раз ты мой гость, конечно, надо помочь, — он вывел Камыр-батыра из кибитки и показал рукою вдаль. — Там есть дерево, на нем гнездо птицы каракус, а в гнезде ее птенцы. К этому дереву регулярно навевывается аздага и съедает птенцов. Если ты убьешь дракона, то единственный, кто сможет вынести тебя на белый свет, это птица каракус.

Камыр-батыр по совету старца отправился к дереву. Найдя его, он стал ожидать прихода аздаги. Дракон долго не появлялся, так что джигит устал и уснул. Через некоторое время он проснулся от крика птенцов каракуса. Посмотрел по сторонам и увидел, как аздага к дереву подползает. Джигит бросился с мечом на чудовище и порубил его на куски. Птенцы, видевшие все это, обрадовались. И один из них сказал:

— Эй, джигит, ты нашу жизнь спас. Вот-вот вернется наша мать, она любую твою просьбу исполнит. Только ты не показывайся. Она не станет разбираться при виде чужака, сразу разорвет на куски. Поэтому давай мы тебя спрячем под нашими крыльями, а потом, когда расскажем, как все было, покажем тебя.

Камыр-батыр спрятался под одним из птенцов. Через некоторое время поднялся сильный ветер, а потом с неба посыпались ледяные крошки.

— Что это? — спросил джигит.

— Это ветер от взмаха крыльев, а лед от слез нашей матери. Она думает, что аздага нас съела, — ответил птенец.

Каракус прилетела и села на дерево. Увидев разрубленное тело дракона, она очень обрадовалась.

— Кто это аздагу убил? — спросила птица.

— Один джигит убил дракона, — ответил птенец.

— Если бы я встретила этого джигита, то любую его просьбу исполнила бы, — сказала каракус.

— Ты бы его не разорвала в клочья?

— Нет, как я могу отплатить такой неблагодарностью? За добро платят добром, — сказала каракус.

— Этот джигит под моим крылом, — сказал птенец и показал Камыр-батыра.

Каракус поблагодарила джигита.

— Скажи, какая у тебя просьба? Все исполню! Я тебе всем обязана! — сказала она.

— У меня только одна просьба. Мне надо выбраться на белый свет.

— Хорошо, — сказала каракус, — только путь этот далекий, на преодоление его девять месяцев уйдет. В дорогу надо девять кобылиц зарезать, девять бурдюков воды взять. Когда буду лететь, если я поверну голову в правую сторону, ты будешь мясо подавать, если буду поворачивать в левую — станешь водой поливать. Тогда я тебя вынесу на белый свет.

Каракус пригнала девять кобылиц. Камыр-батыр заготовил мясо, девять бурдюков воды набрал. И отправились они в далекий путь.

В полете джигит птицу мясом кормит, водой поит, но расстояние очень далекое, стали припасы заканчиваться. Каракус головой по сторонам водит, а еды не осталось. Стали слабей взмахи крыльев, не может лететь гигантская птица. Если остановится — оба умрут. Тогда Камыр-батыр отрезал кусок мяса со своего бедра и подал его птице, а когда она воды попросила — слюнями стал брызгать. Под конец, совсем обессиленные, они выбрались на белый свет. Сев на землю, каракус спросила у джигита:

— В самом конце ты мне очень сладкое мясо подал, что это за мясо было?

Камыр-батыр промолчал, не сказал о том, что мясо от своего бедра отрезал.

— Ну и ладно, — сказала каракус, — главное, что долетели. Спасибо тебе, джигит, за то, что моим птенцам жизнь спас, а теперь иди этой тропинкой, скоро дома будешь, — сказав так, каракус показала дорогу.

Однако Камыр-батыр идти не смог, рана на ноге была большая. Тогда каракус поняла, что он ее своим мясом кормил. Она проглотила его целиком и выплюнула совершенно здорового, как будто заново рожденного.

Каракус улетела к своим птенцам, а Камыр-батыр нашел своих вероломных друзей, расправился с ними, забрал девушек и вернулся домой. Говорят, что он до сих пор живет припеваючи.

КАМЫШИ — ПЛЕТЬ

Камышы — камча, плетка. Само название говорит за себя, этот предмет с древних времен являлся принадлежностью кама, шамана и имел сакральные качества. Не исключается вероятность того, что камы получили свое название из-за постоянного ношения плети, предмета, изгоняющего злых духов.

Камча в ногайском быту также была постоянной спутницей жизни мужского населения. Ногайскому мальчику в малолетнем возрасте специально делали и дарили плетку. Камча считалась военным снаряжением и орудием труда. В каждом ауле были и есть до сих пор мастера, делающие плети. Камчу старались заказать мастеру с благородными качествами. Мастер начинал свою работу с омовения и пожелания добра будущему хозяину. В доме ногайца камча висела внутри справа от входа и подчеркивала присутствие в доме мужчины. В народе считалось, что искусно изготовленная плеть приносит благодать хозяину, плодовитость скоту, порядок в семье. Специальную детскую камчу делали для новорожденных младенцев, ее вешали у изголовья колыбели, чтобы не подпустить злых духов. У ногайцев существовали такие разновидности плетей: *ялау* — длинное кожаное плетение, иногда со свинцом на конце, *сыбырткы* — кнут для пастбы скота, они обладали теми же свойствами, что и камча.

Камча также была и парадным атрибутом ногайца, украшением его национального костюма. Богатые люди делали рукоять камчи из золота, серебра, меди, часто инкрустировали ее драгоценными камнями. Большинство ногайского населения предпочитало делать рукоять из

тобылгы (таволги). Но основное значение придавалось самой плети. Для плетения брались ремни из лучшей кожи, а самое главное, что внутри плетения обязательно должен был быть стержень из жилы полового органа самца оленя, лося, буйвола, быка или барана.

Возвращаясь к этимологии слова *камышы*, следует отметить, что в нем просматривается и название буйвола *камыш*. У ногайцев существует два названия этого животного: *су-сыйыр* (водяная корова) и *камыш*. В главе «Кам, камлауши, кагымши» мы говорили о том, что архетипом корня *кам* мог послужить глагол *каг* (хлецы, бей, изгоняй). Этот архетип корня более всего подходит к слову *камышы*.

Камча издревле была одним из этнических признаков нашего народа, неотъемлемой частью внешнего облика ногайца. Под названием нагайка она прижилась в русском и чувашском языках. Казаки — оплот русского самодержавия — вошли в историю и как «нагаечники». Этот этнический признак в глубокой древности был отмечен у скифов. Геродот приводит любопытные сведения:

«Когда затем после 28-летнего отсутствия... скифы возвратились в свою страну, их ждало бедствие, не меньшее, чем война с мидянами: они встретили там сильное вражеское войско. Ведь жены скифов вследствие долгого отсутствия мужей вступили в связь с рабами...

От этих-то рабов и жен скифов выросло молодое поколение. Узнав свое происхождение, юноши стали противиться скифам, когда те возвратились из Мидии. Прежде всего, они оградили свою землю, выкопав широкий ров от Таврийских гор до самой широкой части Меотийского озера. Когда затем скифы пытались переправиться через озеро, молодые рабы, выступив им навстречу, начали с ними борьбу. Произошло много сражений, но скифы никак не могли одолеть противников; тогда один из них сказал так: «Что это мы делаем, скифские воины? Мы боремся с нашими собственными рабами! Ведь когда они убивают нас, мы слабеем; если же мы перебьем их, то впредь у нас будет меньше рабов. Поэтому, как мне думается, нужно оставить копья и луки, пусть каждый со своим кнутом пойдет на них. Ведь пока они видели нас вооруженными, они считали себя равными нам, т.е. свободнорожденными. Если же они увидят нас с кнутом вместо оружия, то поймут, что они наши рабы, и, признав это, уже не дерзнут противиться».

Услышав эти слова, скифы тотчас последовали его совету. Рабы же, уstraшенные этим, забыли о битвах и бежали» (7, с. 236).

Камча у ногайцев также олицетворяла символ власти. В древности, когда предки ногайцев возносили на белом войлоке хана, то в качестве царских атрибутов вручали новому правителю золотую стрелу и камчу с золотой рукояткой.

Писатель и собиратель фольклора Тахир Акманбетов записал замечательную легенду о происхождении мифической камчи. Известный русский исследователь тюркского фольклора В. В. Радлов в многотомном издании «Образцы народной литературы северных тюркских племен» издал немало ногайских эпических песен, а также предания о таких легендарных йырау, как Шал-Кийиз Тиленши улы и Доспамбет Азаулы. Доспамбет-ага жил в конце 16 века. Предание о нем повествует и о камче, утеря которой привела к смерти легендарного поэта. В предании, которое приводится в данной публикации, использованы и другие фольклорные материалы из личного архива автора. «Легенда о происхождении ногайской камчи» и «Предание о Доспамбете Азаулы» даются в его обработке.

Легенда о ногайской камче

На середине зеленой долины находилось озеро Тогаc. Вода этого озера была холодной, как лед, густой и вкусной, как кобылье молоко. У этой озерной воды было чудесное свойство. Если к ней прикасался губами старик, то молодец; если ее выпивал молодой человек, то обретал богатырскую силу; если хворый человек умывал лицо, он тотчас выздоравливал.

Только существовало одно препятствие: живущая в озере аздага никому не давала подойти к озеру. Дни это чудовище проводило лежа на берегу озера. Дракон от воды сам молодец, хранил богатырскую силу, ничем не хворал. Жил он вечной жизнью. Да и к тому же душа аздаги находилась в левом глазу белого ворона. Поэтому аздагу ни меч не брал, ни копьём нельзя было проколоть, ни арканом задушить. Если человек случайно оказывался возле озера, то дракон сбивал его с ног и одним ударом убивал.

Один джигит по имени Кубалан давно охотился за белым вороном, но никак не мог его найти. В один из дней ему повезло: он услышал, что карканье раздастся с вершины высокой сосны. Посмотрел наверх и глазам своим не поверил: белая ворона сидела на макушке дерева и махала крыльями. Кубалан снял с плеча лук, поставил стрелу, прицелился и выстрелил. Ворон кувыркком упал с дерева. Джигит подбежал к птице и стал душить. Однако ворон трепыхался в руках. Тогда Кубалан достал из колчана другую стрелу и вонзил ее в левый глаз птицы. Из глаза ворона вылез черный жучок. Тогда джигит вынул меч и острием его проткнул голову жука. Из рта жука высунулся язык, и точно конский волос стал виться вокруг острия меча. Затем язык жука обвил лезвие меча до самой середины, затем — до самой рукояти, а затем — опять до острия. Так он обвил лезвие меча семь раз, а конец стал по земле виться, и меч джигита в бич превратился. А жук, лишившись языка, на глазах Кубалана стал надуваться и превратился в большого желтого змея. Кубалан достал свою булаву и ударил со всей силы по голове змея. Змей с разможенной головой под землю провалился.

Тогда Кубалан с обвившейся вокруг лезвия меча душой аздаги направился к озеру Тогас. На берегу джигит нашел обессиленную аздагу. Горящие глаза дракона помутнели, пеленой покрылись, кровь и пот с него ручьем текут, тело дрожит, кости трещат. И стал Кубалан бить мечом-бичом аздагу, на семь кусков рассек его тело, а после все кости на мелкие кусочки раздробил и не остановился, пока дракон по всему свету не разлетелся.

Вот по подобию этого меча-бича ногоайцы и стали делать камчу. Она стала верной спутницей каждого ногоайского джигита. Главное — это основу подобрать сильную и искусно сделать плетение.

Предание о Досмамбете Азаулы

Йырау Досмамбет Азаулы сочинил много песен, эти песни до сих пор поются ногайцами. Сам он был храбрым воином и возглавлял войско азовских ногаев. Поэтому его величали ага, т. е. старший. Воины Досмамбета вместе с ним участвовали во многих походах и всегда возвращались домой с богатой добычей. В бою ага первым устремлялся на врага и бился, как лев. Его сыновья Исакай и Косай тоже были отважными воинами. Они тоже возглавляли ногайское войско.

Когда Досмамбет-ага в составе войска крымского хана отправился в поход на Польшу, дома, в пригороде Азова Каратаяке, присматривать за владениями остался младший сын Косай. Такой присмотр всегда необходим. Азовский край кишел разбойниками, но в улус Досмамбета редко кто рисковал наведываться. В округе все знали, что причиненный ему вред не останется безнаказанным. Зная об этом, Косай все же пренебрег наказом отца — охранять родной юрт от злоумышленников. Он отлучился на несколько дней в крепость Азова. В крепости жила его девушка Мариям, дочь купца-гяура. Купец дружил с Досмамбетом-агой, а поэтому пускал в дом и его сына. Тем более Косай, как и отец, сбывал купцу добычу, которая состояла в основном из полонян. Для купца и для предводителя ногайцев эта дружба была взаимовыгодной. Косай был влюблен в девушку. Об этом многие знали, но родной отец юноши, кажется, узнал об этом только по возвращении из похода на Польшу.

Когда Косай гостил в городе, случилось непоправимое. Новый сборщик податей, брат азовского паши, прибывший недавно из Стамбула, плохо знавший людей и местные обычаи, возвращался с многочисленным табуном лошадей, собранным от ногайских мурз. В то время ногайские кони были в большой цене. Даже кареты турецкого султана запряга-

ли ногайскими скакунами. Кони, выращиваемые в Каратаяке, считались одними из лучших. И надо было случиться такому: на пути табуна сборщика податей пасся косяк коней самого Досмамбета. Табунщик пытался увести в отдаление своих коней, но сборщик податей велел связать табунщика и, когда это было сделано, смешал косяк со своим табуном, а затем смешанный табун погнался в Азов. В городе лошадей сортировали: большая часть коней передавалась для турецких всадников, служивших в Азове и других черноморских крепостях, а самых лучших коней вместе с караванами отправляли в Турцию. Конечно же, кони за один день были отправлены в разные стороны.

В эти же дни, во время отсутствия Косая, вернулся из похода Досмамбет-ага с воинами и с большой добычей. Обычно ногайцы после возвращения отмечали удачные походы многодневными праздниками. Но радость вернувшегося предводителя быстро сменилась гневом. Узнав об угоне лошадей, Досмамбет-ага не распустил воинов по домам, а сразу вместе с ними, сметая с пути всех, убивая находящихся перед стенами турецких аскеров (солдат), ринулся к большим воротам крепости. Стражники, стоявшие у рва, заполненного водой, едва успели поднять ворота перед разъяренными ногайцами. Для находившихся в крепости такой набег был полной неожиданностью. И только под вечер осажденные сделали вылазку. Завязалась битва, которая продолжалась и ночью. В турецком отряде, кроме солдат, были разные люди — это и жившие в крепости ногайцы, татары, греки, готы, и приехавшие сюда по делам казаки, татары, черкесы. Среди них оказался и Косай, сын Досмамбета-аги. В ночном бою, когда никто не мог различить, кто свой, а кто чужой, Косай пробился к неистово рубящемуся воину и стал с ним биться. И Досмамбет-ага не узнал родного сына. Тем более Косай, приехавший в Азов по любовным делам, был без кольчуги. Сабля Досмамбета разрубила грудь сына. Желая узнать, кто с ним так храбро сра-

жался, он поднял упавшую на гриву коня голову воина и увидел, что это был Косай. Участвовавшие в вылазке воины, почувствовав, что им не победить воинов Досмамбета-аги, отступили в крепость. Но предводителю ногайцев не пришлось праздновать победу. Самая страшная война для него только началась. Он на своих руках увез сына в Каратаяк. Даже три века спустя ногайцы будут петь слова, сочиненные им:

Ты не видал тех битв, Косай, а мне в ночном бою,
Увы, увидеть довелось и смерть, и кровь твою...
Победа славная была, бесценным был трофей, –
То слезы поздние отца, боль матери твоей.
От горя разум потеряв, запричитала мать.
Отец уж сына не найдет, хоть будет век искать...
Страданье душу укрепит, осилю я беду,
И утешение себе в боях с врагом найду.
Пускай земля родных степей твою не давит грудь,
Ты смерти заглянул в глаза, избрав отважных путь.
Ты так мечтал, чтобы враг не смел родной земли
топтать.

Не думал в лагере врагов я сына повстречать!
Узнай, Косай, что кровь твоя к отмщению зовет,
Не забывает о своих сынах степной народ.
Святая кровь твоя отцу и брату дорога:
Мы будем, не жалея сил, в боях рубить врага!

Паша вернул коней и собирался выплатить ногайцам большие деньги за нанесенный ущерб. Но Досмамбет-ага объявил, что вражда не прекратится, если перед ним не будет головы брата паша. На такое паша не мог пойти. Предводитель ногайцев сначала увел свою семью и сородичей на Кубань. А затем вернулся для мести. Он и его воины не давали покоя турецким аскерам. Проходили сражения за сражениями. Досмамбет не слезал с коня, сабля его постоянно была вынута из ножен. Ночью он спал, подложив под голову седло, домом ему стала войлочная бурка.

Как-то Досмамбет с несколькими воинами набрел на войско турок. Началась битва. Досмамбет и товарищи поняли, что силы неравны, и стали проби-

ваться сквозь ряды обступивших их солдат. Вот и вырвались из окружения. Можно было добраться до своего лагеря и вернуться с подмогой.

— Вы идите и приведите наших! — крикнул предводитель своим воинам. — А я сейчас вернусь! Я обронил камчу.

Товарищи попытались уговорить его не делать этого.

— Идите! Я так велю!

И Досмамбет-ага вернулся к тому месту, где проходила битва. Вражеские всадники были удивлены возвращением старого воина. И, когда он глазами искал камчу в траве, они набросились на него и нанесли множество ран. Затем, увидев возвращающихся с подмогой воинов Досмамбета-аги, бросились бежать. Когда тело Досмамбета привезли в лагерь, он еще был жив. На рассвете раненый открыл глаза и попросил домбру. Он пел песни, а слушавшие его воины запоминали слова. После они будут петь их до конца жизни. Потом передадут своим детям, а те — своим. И так будет продолжаться до наших дней. Самая главная предсмертная песня Досмамбета Азаулы была про камчу.

За озером, где лес стоит сосновый,
Случайно мной камча обронена.
Оленья шкура служит ей основой,
Ремни — из кожи юного слона.
Обернутая нитью золотой!
Вдруг крот ее изложет иль лисица...
Что скажет мне Азов престольный мой?
Когда про мой позор узнают деды,
Что станут говорить в сердцах они?
Что Досмамбет вернулся без победы
И омрачил последние их дни?
Коль матери услышат о потере,
Их груди вмиг лишатся молока.
И дочки могут пошатнуться в вере:
«Пропал отец», — решат наверняка.
Когда друзьям проведать доведется,
Иль сыновья о том узнают вдруг, —
Им всем и день и ночь искать придется:
От чьих отец погиб коварных рук?

Красавицы в моем доме просторном
Решат, что вдруг погасли все огни.
Враги же возликуют непритворно:
«Как славно!» – позлорадствуют они...

(Стихи перевел А. Ануфриев)

КАНТУЛЫК

Кантулык (букв.: кожаный мешок с кровью) — свирепое, мстительное мифологическое существо в виде кожаного мешка. Оно не имеет ни рук, ни ног. Ясных данных о нем и его функциях не сохранилось. Злого и мстительного человека ногойцы называют «кантулык».

КАРА-БАПИЙ

Кара-бапий — черная утка, мифологический персонаж из самого архаического мифологического комплекса ногойцев. В нем, как у некоторых других тюркских народов, сохранилось предание о возникновении Земли. В ее создании и проявила себя Кара-бапий. Предание записано фольклористом Тахиром Акманбетовым. Представляемый текст обработан и реконструирован автором книги.

Предание о Кара-бапий

В начале было Вечное Небо — Тангри. У него была спутница Умай. У Умай были две птицы: Ак-ку (Белая Лебедь) и Кара-Бапий (Черная Утка). Сначала Ак-ку снесла яйцо. Яйцо состояло из воды. Кара-бапий плавала в ней, но ее все время тянуло вниз, и она то ныряла вглубь, то плавала по поверхности. Как-то в глубине воды Кара-бапий ощутила ил и песок. Она стала вытаскивать их на поверхность и вскоре соорудила себе гнездо. На этом Кара-бапий не остановилась, но теперь складывала ил и песок вокруг гнезда. От этого нос у нее стал красным.

Кара-Бапий знала, что ей ничего нельзя творить. Когда сотворила землю, боясь наказания, нырнула в Нижний мир. Она была беспокойной и настойчивой, из-за чего получила имя Эрке-хан (Воли хан).

Тангри, увидев, что в мире царит хаос, создал порядок и закон. Он закрепил землю небесной осью Темир казык (Железная ось), конец которой виден в небе — это Полярная звезда, — создал Солнце и Луну, которые вращались вокруг земли. Вокруг оси выросла мировая гора Аскар-тау. Солнце сменяло Луну — так стало возможно считать дни, недели, месяцы и годы; так начался отсчет времени.

КАРАКУС

Словом *каракус* ногайцы называют орла, в мифологии это гигантская птица. Название состоит из двух слов: *кара* (черная, громадная) и *кус* (птица). Каракус такое мощное существо, что может летать во всех трех мирах. Каракуса боятся, т. к. он может в клочья разорвать человека. Но в то же время каракус часто выручает героев из беды, помогает выбраться из подземного мира или перенестись из одной части земли в другую.

В мифоэпических сказаниях часто говорится о том, что гнездо птицы каракус находится на вершине Байтерека. Во время ее полетов птенцы остаются в гнезде одни. Аздага, узнав про отсутствие птицы, подкрадывается к гнезду и поедает птенцов. Герои ногайских сказаний убивают аздагу и спасают птенцов. Каракус, в благодарность за спасение детенышей, помогает герою выбраться из подземного мира (см. главу «Камыр-батыр»).

Аналогичный вариант о спасителе птенцов бытует и в родственной казахской мифологии. Известный исследователь казахской мифологии Серикбол Кондыбай, рассматривая этот вариант, приводит любопытные изыскания о мифах народов мира. «К. Леви-Стросс в исследованиях по мифологии индейцев Северной Америки, — пишет казахский ученый, — называет основным миф о разорителе гнезда орла. Герой хочет разорить гнездо, но потом помогает птенцам, убивая водных духов (водное существо, змей, дракон). Этот миф встречается и у ацтеков. Аналогичные мифы известны у народов Западной и Южной Сибири — кетов (енисейских остяков), васюганских хантов, тофов (тофаларов). Важнейшее совпадение между кетскими и американскими индейскими мифами о разорителе гнезда орла состоит в том, что они оба являются мифами о происхожде-

нии огня, о получении огня героем от орла, обитающего со своими детьми на вершине мирового дерева. Миф имеет далеко идущие аналогии в мифологии Древней Месопотамии, в частности в комплексе мифов, реконструированных по ряду позднейших изображений и практически совпадающих с американско-сибирским вариантом» (14, с.142).

Передача огня орлом в ногайских мифах забыта, опущена. Но то, что каракус помогает людям, ярко продемонстрировано во многих мифопреданиях. Птица не только спасает от гибели героев, в детской ногайской сказке «О лгунье» каракус выступает блюстителем порядка и защитником нравственных начал в земной жизни. Сказка эта записана автором. На ее основе он создал пьесу «Мархаба».

Сказка о лгунье

В одной стране... А может, и не в стране. Потому что никаких стран тогда еще не существовало. Значит, жил-был... Нет, не так. Был, но не жил. Вы спросите, как такое возможно? А очень просто. Быть-то он был, но жизнью его жизнь назвать никак нельзя. Почему? Сейчас узнаете.

В общем, был один человек, и был у него большой-пребольшой нос. А под носом была подпорка, чтобы нос рта не прикрывал. Хотя подпорка была хорошей и крепкой и человек этот спокойно мог бы говорить, он все равно молчал. Молчал он потому, что ему было стыдно. А стыдно ему было из-за дочери. Вот дочка-то его как раз не молчала, а постоянно говорила. И не то чтобы просто говорила, а обманывала. Что ни слово — то обман. И папе, и маме, и соседям, и друзьям, и всем-всем-всем лгала. И никто ее от этой лжи отучить не мог. Вот почему жизнь ее отца никак жизнью назвать нельзя.

Стояла как-то маленькая лгунья у ворот своего дома. А мимо шел слепой.

— Есть тут кто? — спросил слепой.

— Нет, — как всегда соврала девочка.

— Ты девочка? — снова спросил слепой.

— Нет, мальчик, — никак не хотела сказать правду девочка.

— Я хочу есть, принеси мне, пожалуйста, кусочек хлеба, — попросил слепой.

Девочка, конечно, поняла, что путник ничего не видит. А если не видит, то значит, и обмануть его можно запросто. Пошла она и принесла ему вместо хлеба камень.

Взял слепой в руки камень и сразу все понял.

И тут такое началось... Ни я такого не видел, ни дедушка мой, а уж он всякое повидал. На том месте, где стоял человек, поднялся черный смерч и обернулся слепой огромным каракусом. Не успела девочка опомниться, как схватила ее птица своими страшными когтями и унесла высоко в поднебесье. Долго они летели и опустились возле одинокого дома у подножья крутой горы. Тут орел снова превратился в человека, но уже в зрячего. И сказал:

— Ты, девочка, слишком много обманываешь. И за это я хочу тебя наказать. Меня зовут Яшар — это значит жизнь. А жизнь нельзя обмануть. Семь месяцев ты будешь таскать на макушку вот этой самой горы вот по этой крутой тропинке ведра с водой. И должна будешь каждый день наполнять по двадцать бочек. Если исполнишь все прилежно и разучишься врать, тогда я отпущу тебя домой, даже раньше срока.

Сказал это Яшар и исчез.

На следующий день проснулась девочка, когда солнце уже выше горы поднялось. Потянулась и принялась воду таскать. Но была она не только лживой, но и ленивой. Да и где вы видели лживого, да трудолюбивого. За целый день она еле-еле наполнила одну бочку. Устала и отдыхать улеглась. А вечером появился Яшар и спросил:

— Ну, сколько ты бочек сегодня наполнила?

— Двадцать, — не моргнув глазом, соврала девочка.

— Ах, ты опять за свое, — сокрушенно покачал головой человек и снова исчез.

...Три месяца таскала девочка воду на гору. И никак не могла больше дной бочки натаскать. Но когда приходил Яшар, она по-прежнему обманывала. А он только головой качал и исчезал.

А однажды вечером хотела она на его вопрос по привычке соврать, да не может. Но и честно сказать, что она только одну бочку наполнила, тоже боится. Поэтому просто промолчала.

— Тогда еще таскай, — молвил Яшар. И так стало девочке обидно, что села она прямо на обочину дороги и горько заплакала.

— Девочка, а девочка, — вдруг услышала она чей-то ласковый голос. — Ты чего плачешь? Может, тебя обидел кто?

Оглянулась девочка по сторонам, но никого округ не увидела.

— Это я, дорога, прямо под тобой лежу и с тобой разговариваю. Расскажи мне о своей горе.

— Домой я хочу! Устала я очень. И не хочу я больше эту воду таскать.

— А ты убеги домой, — советует девочке дорога. — Вставай и беги за мной. Я как раз к твоему дому веду.

Обрадовалась девочка такому совету, встала и побежала. А дорога впереди нее бежит, путь указывает и напевает тихонько:

Я обманщица такая,
Я дорога кольцевая.
Незаметно заверну —
Кого хочешь обману...

Не слышит девочка этой песни, бежит, еле ноги уже передвигает. Мимо речки быстрой бежит, мимо леса, мимо ущелья глубокого... Есть хочется, пить хочется, на землю вечер опускается, а родного дома все не видно. А когда совсем темно стало, вывела ее дорога-обманщица к тому самому дому, из которого она утром убежала.

— Ха-ха-ха! — залилась смехом дорога. — Как здорово я тебя обманула!

— Зачем же ты обманула? — заплакала девочка. — Я же ничего плохого тебе не сделала.

— Да ты что — глупая? — удивилась дорога. — Ведь обманывать — это так интересно. Я всех-всех обманываю... И раньше, когда я девочкой была, я тоже всех-всех обманывала. Меня за это в дорогу и превратили. Но я все равно обманывать не перестаю. Мне без обмана жить скучно...

— Да это ты сама глупая! — так девочка рассердилась на дорогу после ее речей, что даже слезы на щеках высохли. — Ну, подумаешь, ты меня обманула! Я как-нибудь переживу и все равно домой попаду. На самом деле никого ты, кроме себя, не обманываешь.

И стала девочка ведра с водой на гору носить. Полночи носила и весь день, совсем из сил выбилась, но лишь две с половиной бочки набрала... Присела она передохнуть, пригорюнилась, а тут как раз и Яшар появился.

— Ну, — спрашивает, — как твои дела?

— Плохи мои дела, — отвечает девочка. — Полночи я таскала ведра и целый день, но только две с половиной бочки набрала...

— Ну, тогда твои дела вовсе не плохи, а хороши, — улыбнулся Яшар, засмеялся, обернулся снова каракусом и отнес девочку домой.

КАРЛЫГАШ — ЛАСТОЧКА

Карлыгаш — ногайское название ласточки. Так ласточка называется у многих тюркских народов. Этимология названия карлыгаш восходит к *кара-ала-каш* (чернопестрая птица). В ногайской мифологии она считается птицей божества Умай.

В быту ногайцев карлыгаш одна из любимых птиц. В ногайских эпических песнях часто встречается женское имя Карлыгаш. Так зовут супругу известного ногайского

богатыря Копланлы. Карлыгаш помогает богатырю освободиться из плена. В ногайском фольклоре очень много песен о ласточке. Припев: «*Карлыгашым кардашым, карлыгашым йолдасым*» («Ласточка сестра моя, ласточка спутница моя») стал хрестоматийным клише в песенном фольклоре. Если случайно кто-то из детей убивал ласточку, то взрослые просили Всевышнего простить, в честь бога Тангри заставляли мыть молоком руки, велели ребенку похоронить тело птицы в недоступном месте и могилку тоже поливали молоком. Если ласточка вила гнездо под крышей дома или в самом доме, это всегда считалось хорошей приметой. Если ласточка часто летала перед человеком, то считали, что она принесла добрую весть. Герои сказок в самые трудные минуты жизни обращались к ласточке, и она выручала их. По народным поверьям считается, что ласточка посещает Байтерек и оттуда приносит добрые знамения. Легенду «Ласточка, змея и комар» перевел автор.

Ласточка, змея и комар

Давным-давно люди, птицы и животные на одном языке разговаривали. В это время на краю болота в камышах жила черная змея, тонконогий комар и блестящая белогрудая ласточка. Жилье их было близко друг от друга. Змея устроила себе дом под большим камнем, комар в стеблях камыша, а ласточка на макушке дерева, которое росло возле берега. Когда солнце сильно нагревало землю, они сидели в своих жилищах и могли между собой разговаривать.

Однажды свернувшаяся в клубок на камне черная змея произнесла:

— Я вот что думаю... Я у первого попавшегося не хочу кровь пить. Мне надо знать, у кого она самая вкусная. Друг мой, комар, ты во многих местах летаешь, многих там встречаешь. Узнай, пожалуйста, у кого кровь самая вкусная.

— Конечно, узнаю, змея моя, подруга закадычная. Сосед соседу должен помочь, — сказал комар и полетел исполнять свое обещание.

Комар долго летал и много разной крови пере-пробовал. И больше всего ему понравилась человеческая. Чтобы сказать об этом, он вечером полетел домой. Возле болота его первой встретила ласточка.

— Эй, комар-подхалим, чего так торопишься? Исполнил поручение змеи? — спросила она.

— Конечно, исполнил, только это было не поручение, а просьба моей подруги, — ответил комар.

— Ну, и чья же кровь самая вкусная?

— Самая вкусная кровь у человека, — ответил комар.

— Да что ты такое говоришь?! Не может быть, чтобы у человека была самая сладкая кровь! Ты не любишь человека, поэтому наговариваешь! Если ты кровь его пробовал, то язычок твой красненьким должен быть!

— На, смотри! — возмущенно крикнул комар и высунул язычок.

Ласточка, не раздумывая, взяла да и вырвала его у комара.

Когда они долетели до места, где была змея, комар весь в слезах что-то пытался сказать, но вместо этого жужжал и невозможно было разобрать его слов. Черная змея смотрела то на комара, то на ласточку и никак не могла понять, в чем дело. Ласточка, подлетев к голове змеи, сказала:

— Подруга наша, только сейчас комар летал и напевал, что самая вкусная кровь у лягушки. Так громко пел, что голос потерял!

Комар, услышав это, со страхом посмотрел на ласточку и еще пуще жужжал. Змея почувствовала, что ласточка в чем-то виновата, и хотела ее ужалить, ласточка еле успела отлететь в сторону. Но змея успела вырвать из хвоста ласточки три пера.

С тех пор у ласточки хвост раздвоенный и живет она там, где человек. Змея же ловит лягушек и высасывает их кровь. А комар до сих пор жужжит, чтобы сказать змее, что самая вкусная кровь — у человека.

КАРАТОН

Каратон (букв. перевод «черная дубленая шуба») — это мифологическое существо, разновидность албаслы, не имеющая детей. Каратон выкрадывает грудных и малолетних детей для воспитания. Она очень боится, когда ее бьют веревкой от штанов или хлопком. Тогда она плачет. Люди иногда слышат ее плач со стороны реки или леса и при этом произносят: «*Каратон бала куьсейди*» («Каратон ребенка желает»). Женщину, которая никогда не рожала, называют Каратон.

КЕТ-БУГА

Кет-Буга — имя прославленного полководца войска Чингиз-хана, оно мифологизировано и широко используется в ногайских героических, колыбельных и поминальных песнях. Кет-Буга был родом из найманского племени.

До завоеваний Чингиз-хана найманы имели собственное государство. После покорения многие представители найманов преданно служили великому завоевателю и передали немало своих государственных навыков новой империи. Найманы заняли ключевые места в управлении, а наймано-уйгурский алфавит был взят за основу государственной письменности. Совсем молодым человеком стал служить в войске Чингиз-хана и найман Кет-Буга. Но он сразу стал известным. В главе «Домбра» была приведена легенда о том, как не нашлось смельчаков сообщить Чингизхану о гибели его старшего сына Джучи, Кет-Буга под страхом смерти с домброй пришел в ставку грозного завоевателя и своей искусной игрой на музыкальном инструменте, без слов сообщил черную весть. Мелодия «Мунглы кюй» до недавнего времени была одной из популярных среди ногайских домбристов. Имя Кет-Буги неоднократно упоминается в арабских, армянских и персидских хрониках. Рашид-ад-дин в «Сборнике летописей» подробно описывает завоевание чингизидом Хулагой Ближнего Востока и уделяет достаточно внимания командиру авангардного войска найману Кет-Буге. Талант полководца легендарный найман показал при покорении Багдадского халифата. Падение Багдада в 1258 году было восторженно встречено в Европе. Хана Хулагу и его жену Докуз-хатун

в Европе сравнили с Константином и Еленой, утвердившими в Римской империи в 313 году христианство в качестве государственной религии. Хотя сам Хулага был приверженцем буддизма, его жена и командующий лучшим войском Кет-Буга были христианами-несторианцами. В союзе с Хулагой состояли христианские правители Антиохии и Армении. Поэтому в исторической науке завоевания Хулаги некоторые историки (Л. Н. Гумилев) стали называть «желтым крестовым походом». Но после падения мощного Багдадского халифата случилось непредвиденное. На подступах к Сидону европейские крестоносцы, долгое время проживавшие в палестинских землях, неожиданно предали продвигающегося на битву с мусульманами Кет-Бугу. Даже Л. Н. Гумилев, подробно описавший эти события, затрудняется объяснить повод этого предательства (26, с.134). Вместо того, чтобы поддержать единоверцев, крестоносцы оказали помощь мусульманским войскам, возглавляемым султаном Египта Кутузом. Египетское мамлюкское войско (войско воинов-рабов) возглавляли Кутуз и Бейбарс, кипчаки по происхождению. Оба они из рабов сначала стали мамлюками, затем продвинулись по службе и стали военачальниками. До выступления против чингизидов Кутуз убил прежнего султана и захватил власть в стране, а его ближайший сподвижник Бейбарс стал атабеком – командующим мамлюкского войска. Битва при Айн-Джалуде, состоявшаяся 3 сентября 1260 года, стала своего рода продолжением войны 1236 года в Дешт-и-Кипчаке. Тогда чингизиды под командованием верховного кагана Менгу разгромили половцев, разорили их земли и многих кипчакских детей продали в рабство (о трагедии кипчаков будет рассказано и в главе «Котен-батыр»). А теперь, в 1260 году, люди, выросшие из проданных в рабство детей, как Кутуз и Бейбарс, и жаждущие отмщения, сражались в мамлюкском войске против воинов Кет-Буги. Благодаря предательству крестоносцев, которые своевременно предоставили свои базы для отдыха и обеспечили мамлюкское войско провиантом и фуражом, мамлюки на свежих конях разгромили утомленное переходами через пустыню войско чингизидов. Кет-Буга, поняв, что его воинство разгромлено, в одиночестве пытался спасти знамя, но мамлюки выстрелами из луков

подбили его коня, а затем навалились на него и, связав, привели к султану. Кет-Буга не просил пощады, а напротив, глядя на Кутуза с ненавистью, сыпал ему угрозы. Он сказал, что был верным защитником своего хана и никогда не предавал повелителя, как Кутуз, вероломством захвативший султанский трон. Султан за эти уничижительные слова казнил гордого наймана... Так завершилась почти полувековая борьба кипчаков с чингизидами. В дальнейшем представители этих племен будут сотрудничать, живя в одном государстве Золотая Орда, и примут активное участие в этногенезе ногайского народа. Кипчаки и найманы одни из крупных родов у ногайцев, да и у казахов. Например, среди кубанских ногайцев, у которых названия родов взяты за основу современных фамилий, Наймановы являются самой многочисленной фамилией. Как уже писалось в главе «Йырау», ногайский ученый А. Сикалиев приводил факт о том, что в ауле Икон-халк (бывший Тохтамышевский аул) найманы во время столкновений с другими племенами кричали уран: «Кет-Буга!». Фольклорист Т. Акманбетов также пишет, что в Караногае, где найманы представляют один из четырех крупных купов (объединений), выходя сражаться, тоже кричали: «Кет-Буга!». О том, что исторический Кет-Буга был другой веры и противостоял единокровникам, ногайский фольклор не вспоминает. И кипчаки, и керейты, и конграты, и найманы, и другие роды одинаково славят его. По данным Т. Акманбетова, когда эбия (повитуха) приходила принимать роды в любой ногайский дом, то она говорила:

*Минсиз аруак эс этсин
Элдинг тилегине,
Кет-Бугадай ул тувсын
Халктынг наьсбине!
(Пусть аруак прислушается
К просьбам людей,
Пусть как Кет-Буга сын родится
Для благополучия народа!)*

Цитаты, свидетельствующие о том, что имя Кет-Буги приводится в ногайских поминальных плачах, были приведены в главе «Бозлау». Тахир Акманбетов записал и родовую песню одного из подразделений найманов теке. Будет интересно процитировать ее:

Мен теке найманман,
 Япанда ялгыз ыскен терекпен.
 Ногай ерине яв келгенде,
 Ерди коршаламага керекпен.
 Ер юзи коьринмейди,
 Кызыл кан шашыраган.
 «Кет-Буга, Кет-Буга!» — деп,
 Кажымай явга бараман.
 (Я из рода теке-найман,
 Я в степи одиноко выросшее дерево.
 Когда на ногайцев враг придет,
 Я должен нашу землю защитить.
 Лица земли не видать —
 Всюду кровью забрызгано.
 «Кет-Буга, Кет-Буга!» — кричу,
 Не жалея себя, иду на врага.

Подстрочный перевод — И.К.)

КИЕ

Кие — божество, святыня, охраняющая захоронение в земле. Когда кто-то раскапывает могилу, курган, люди говорят: *кие согар* («кие ударит»).

Часто в ногайском языке *Кие* означает просто святыню, святое место. Название это состоит из двух слов: *ки* и *ие*. *Ки* — святыня, божество, владеющее мощами человека и принадлежавшими ему вещами, захороненными в земле. *Ие* — хозяин, владыка.

Однако название *Кие* имеет более широкое значение. Его этимология лингвистически связана со словами *кый* — помет овцы, останки, *кизьяк* — топливо в виде лепешек из навоза. На территории, где некогда проживали предки ногайцев, есть топонимы, которые начинаются с названия божества Ки. Вот наиболее известные: Киев (Дом с мощами, Святой город), речка Киян возле Киева, название села Киян-киз в Ставропольском крае, Хива и Кият — в Узбекистане и т. д. Такие ногайские и тюркские этнонимы, как *кипчак*, *киян*, *кимак*, *кият*, *китан*, *китай*, связаны с именем божества. Самое главное общетюркское название человека *киши* (по-ногайски *киси*) имеет корень *ки* и окончание *ши*, *си*, характеризующее принадлежность.

В свете изучения сходства древнетюркского и шумерского языков любопытно обратить внимание на исследование известного шумеролога С. Н. Крамера (15), который приходит к выводу, что шумеры словом Ки называли Землю. Надо сказать и о том, что один из главных богов шумеров носил имя Энки (ног.: эн — внедряющий, ки — название божества).

Некоторое сходство мы находим и в других исчезнувших языках. Например, древние египтяне духа-хранителя умершего называли Ку. Имя духа-хранителя и лингвистически, и по смыслу близко к тюркскому божеству Ки. По приведенной в главе «Ер-иеси» легенде, тело человека создано из земли и после смерти уходит в землю.

Все тюрки чтили могилы предков и больше всего боялись святотатства над могилами. В почитании могил ключевым моментом являлась боязнь божества Кие. В связи с этим существует много документальных свидетельств того, что древние тюрки, кипчаки, ногаи делали тайные захоронения своих предков. Ведь не секрет, что до сих пор не найдены могилы Атиллы, Чингиз-хана, Эдиге и других знаменитых тюрков.

Древнегреческий историк Геродот писал о скифах (7), что когда они отступали под натиском персидского войска, царь Дарий не выдержал и отправил предводителю скифов послание. «Чудак! Зачем ты все время убегаешь, хотя тебе предоставлен выбор?» — писал он (царь имел в виду вступление в сражение или сдачу на милость победителя). Тогда царь скифов Иданфирс прислал ответ: «У нас ведь нет ни городов, ни обработанной земли. Мы не боимся их разорения и опустошения и поэтому не вступили в бой с вами немедленно. Если вы желаете во что бы то ни стало сражаться с нами, то у нас есть отеческие могилы. Найдите их и попробуйте разрушить, и тогда узнаете, станем мы сражаться за эти могилы или нет».

Предки ногайцев очень беспокоились о сохранности праха предков. Во-первых, из-за боязни Кие. Во-вторых, из-за того, что призрак *сульдер*, позднее *аруак* — дух умершего предка — часто навещает свою могилу и проверяет сохранность своих останков и вещей, положенных в могилу. Если могила была разграблена, то сульдер в худшем случае мстил оставшимся родственникам, в лучшем — покидал их навсегда (т. е., больше не оказывал поддержки). Мы располагаем сведениями о том, что кости, череп умер-

шего использовались врагами для усиления своей харизмы и ослабления потомков погребенного. Поэтому *Кие* играл большую роль в духовной жизни предков. Преданное земле должно оставаться нетронутым — это была главная заповедь божества.

У ногайцев сохранилось немало преданий, согласно которым люди, попытавшиеся раскопать курган, погибали от укуса змеи, живущей в могиле погребенного. «Это наказало *Кие*», — говорили в таких случаях. Остров Бахрейн в древности почитался шумерами. На острове сохранилось более восьмидесяти тысяч курганов. Археологи во время раскопок в каждом кургане обнаруживали мумифицированную змею. Не змеи ли были стражами захоронений?

КИР-КОЙЛЕК

Кир койлек — букв. перевод «грязная рубаха». Кир-койлек — мифологическое существо, схожее с албаслы, но отличающееся от него повадками. Внешне он похож на одичалого человека крупных размеров. Возможно, что кир-койлек является человеком, представителем первобытного общества. Он живет в горах, пустыне, труднодоступных местах. Кир-койлек обладает разумом и провидческими способностями. Сохранилось предание, которое записал ногайский фольклорист Тахир Акманбетов. Предание обработал автор книги.

Предание о Кир-койлеке

В давние времена, когда коза от сытости пухла, когда мешки из войлока делали, когда у воробья клюв был как рог быка, у людей были такие длинные носы, что они их подпорками поддерживали... Как-то люди одного хана вышли на охоту. В поисках дичи они дошли до высокой горы и тут увидели убегающего голого человека — ростом с верблюда и могучего, как медведь. Когда вернулись домой, рассказали об увиденном хану. Хан приказал им обмазать смолой чулок и седло, после, когда они выполнили приказ, сказал:

— Если это албаслы, то обязательно постарается надеть чулок, а если это Кир-койлек, то обязательно сядет в седло.

Охотники вернулись к тому месту, где встретили голого великана. Они разложили на земле вещи, а сами спрятались. Ночь прошла, а наутро охотники обнаружили волосатого, лупоглазого Кир-койлека, прилипшего к обмазанному смолой седлу. Они связали его и привели к хану. Хан велел почистить его от смолы, хорошенько помыть и подобрать одежду. Две недели хан продержал Кир-койлека на цепи дома, а после, решив позабавить и его, и свой народ, посадил связанного пленника в арбу и поехал на базар.

На базаре они остановились возле торговца сапогами. Один покупатель долго выбирал сапоги, а найдя подходящие, все-таки с неудовольствием произнес:

— Сапоги хорошие, но вот на три года их не хватит, сносятся...

Сидящий в арбе Кир-койлек от этих слов рассмеялся.

После они остановились возле одной арбы, в которой женщина лежала; работник распрягал лошадей, а муж женщины возле с ребенком играл – то на руки возьмет, то на землю посадит. Увидев их, Кир-койлек рассмеялся.

Поехали дальше. В толпе кто-то в воздух из ружья выстрелил, люди шарахнулись от него и по сторонам разбежались, а после стали смеяться. Кир-койлек, опустив голову, сильно опечалился.

Когда вернулись с базара, Хан спросил Кир-койлека:

— Ты почему два раза рассмеялся, а один раз опечалился?

— Покупатель сапог трех дней не проживет, а сапоги рассчитывает три года носить, поэтому я первый раз рассмеялся. Во втором случае отец, играющий с ребенком, вовсе не отец; ребенок – сын работника, распрягавшего лошадей. Поэтому я второй раз рассмеялся. А когда выстрелило ружье, люди напрас-

но смеялись. Из этого ружья еще много будут стрелять, и эти люди потеряют многих своих родных. Поэтому я и опечалился.

Хан удивился пронизательности Кир-койлека и отпустил его на свободу, не причинив зла.

КИСИ — ЧЕЛОВЕК

Киси, киши — ногайское название человека. Такое название бытует почти у всех тюркских народов. Еще ногайцы человека называют по имени библейского (из Корана) первого человека *адам, аьдем*. Легенду о сотворении человека мы приводили в главе «Ер-иеси». Сначала богом Тангри была сотворена душа-муха (шыбын-ян), а затем из земли было сотворено тело (ден). Ногайцы любят говорить «*Яным шокырактан, кеудем топырактан*» («Душа — из ручья, тело — из земли»). После смерти тело человека уходит в землю, а душа-муха вечная.

По данным древней тюркской мифологии, когда человек был только создан, он понравился и Эрлику — владыке нижнего мира. Он хотел сделать человека послушным себе и, облизав его тело, изрядно запачкал. Тангри это не понравилось. Он вместе с человеком создал и собаку, чтобы она его охраняла. Собака чувствовала злых духов и отгоняла их лаем. А человек до сих пор очищается от следов Эрлика, из-за этого бреется.

Легенда «О сроке жизни человека» была опубликована в дореволюционных изданиях, один из вариантов легенды использован в повести «Гармонистка» (1) автора данной книги.

О сроке жизни

Когда Тангри создал людей и животных, то всем назначил жить на земле по тридцать лет. Человек возмутился, ему этого показалось мало, и он начал просить, чтобы ему увеличили жизненный срок. Тогда на земле был посланник Всевышнего Яраш-шешен, мудро разрешавший все земные споры. Он задумался над этим. Нарушать установленный порядок всегда плохо. Поэтому он решил, что если кто-нибудь

из других тварей откажется от части своего срока жизни, он отдаст эту часть человеку. Он позвал льва и спросил:

— Устраивает ли тебя данный тебе срок в тридцать лет?

— В нашем роду после десяти лет становится много соперников, и от них все равно не бывает житья. Достаточно мне и пятнадцати лет, — ответил лев.

Яраш-шешен согласился и отдал пятнадцать львиных лет человеку. Затем он позвал осла и спросил:

— Срок жизни в тридцать лет тебя устраивает?

Осел расстроился:

— Зачем мне такая жизнь? Не хочу столько лет мучений: побои без конца получать, тяжести носить. Оставь мне половину.

Яраш-шешен согласился и пятнадцать ослиных лет отдал человеку.

Затем он позвал собаку и спросил:

— Устраивают ли данные тебе тридцать лет жизни?

Собака запротестовала:

— Не хочу, — сказала она, — тридцать лет быть на привязи, караулить чье-то добро, тридцать лет лаять, скулить, мерзнуть, голодать. Мне бы и половины хватило.

Яраш-шешен согласился и отдал пятнадцать лет собачьей жизни человеку.

— Мало тебе семьдесят пять лет жизни? — спросил Яраш-шешен у человека.

Человек молчит. Ни да не говорит, ни нет. Тогда божественный мудрец позвал обезьяну и у нее спросил:

— Хватит ли тебе тридцать лет жизни?

Обезьяна ответила:

— Зачем я тридцать лет буду кривляться, повторять одно и то же, маяться от скуки и безделья? Хватит и пятнадцати лет.

И отдал Яраш-шешен половину ее жизни человеку.

До тридцати лет человек живет свою человеческую жизнь, от тридцати до сорока пяти лет — львиною,

от сорока пяти лет до шестидесяти — ослиную, от шестидесяти до семидесяти пяти — собачью, от семидесяти пяти лет до девяноста — обезьянью.

КОБЫЗ

Кобыз — один из известных и широко распространенных в древности смычковых музыкальных инструментов ногайцев. Еще его называли *кыл-кобыз*. После Второй мировой войны кобыз ногайцами практически не использовался. Сохранилась дореволюционная фотография ногайцев из Алакай-аула на Кубани, где запечатлен музыкант с кобызом в руках. Кобыз изготовлялся из соснового дерева, полая часть, напоминая широкую чашу, делалась из груши, а струны кобыза и смычка — из конского волоса. У современных ногайцев название кобыз было перенесено на обыкновенную гармонь.

В недалеком прошлом на кобызе играли бакши и йырау. Йырау на этом инструменте исполнял эпические песни. Бакши игрой на кобызе вызывал духов и переносился в иные миры. Музыкант сидел на кошме, нижнюю часть инструмента ставил между ног, верхнюю часть с уклоном влево держал в левой руке, в правой руке держал смычок. Особенно сильные бакши в полый части инструмента устанавливали маленькое зеркало, которое при ночной игре в юрте разбрасывало блики от огня и оказывало огромное эмоциональное воздействие. Считалось, что кобыз у бакши был ездовым животным, во время игры на нем он в мгновение преодолевал огромные пространства, посещал Байтерек, оказывался на небе и под землей.

Человеком, смастерившим кобыз, был легендарный Коркут-Ата. Предание об этом, записанное ногайским писателем Суюном Капаевым, публикуется в обработке автора.

Предание о кобызе

Это предание передается из поколения в поколение. Почти всем тюркским народам известно имя Коркут-Ата. Особенно популярен он был среди турок и азербайджанцев. У них сохранилась священная кни-

га «Китап деде Коркут» («Книга деда Коркута»). Но и у ногайцев этот легендарный человек был очень известным. Среди етисанских ногайцев (жителей нынешнего Нефтекумского района Ставропольского края) был аул с названием Коркут-аул. Говорят, что коркут был из рода Баята; этот род здравствует у нас и сегодня.

Коркут с детства был очень способный, он знал и рассказывал много старинных преданий, хорошо пел. Люди любили его слушать, особенно его песни. Сам Коркут понимал языки зверей и птиц, любил слушать птичье пение. Как-то он надумал изобрести такой инструмент, в котором могли бы звучать все голоса: и человеческие, и птичьи. С этой мыслью он исходил всю землю. Как-то заснул на берегу озера, и приснился ему такой сон. Как будто явился ему святой и спросил: «Почему ты мыкаешься по белу свету? Что тебе надо, Коркут?» Коркут сказал: «Хочу иметь небывалый музыкальный инструмент, которым все люди восхищались бы. Помоги мне!» Тогда святой сказал: «Ты, Коркут, из сосны основу смастери, из шкуры верблюдицы, на которой ты объездил весь мир, сделай шанак (это полая часть, буквально значит ракушка), из рога козла деку выточи, из волос хвоста пятигодовалого жеребца струны натяни».

Коркут сделал основу из соснового дерева, из шкуры верблюдицы шанак, из рога козла деку, а из волос хвоста жеребца натянул струны. Изготовил и смычок. Когда он первый раз заиграл на кобызе, птицы в полете замирали, люди, олени вместе со львами и волками вместе собирались послушать. В это время даже ветер стихал.

С тех пор Коркут не расставался со своим инструментом. Говорят, что даже Азраил — ангел смерти, приходя за душой, не мог устоять перед его игрой. Послушав песню, он забывал, зачем пришел, и уходил, оставляя Коркута в покое. У ногайцев известны такие его кюи (мелодии), как «Аюпбай», «Конгыр», «Элим меним — халкым меним», «Белая лебедь».

КОЙ-КОЛЬ — ОВЕЧЬЕ ОЗЕРО

Кой-коль — мифологическое озеро, название которого переводится как Овечье озеро. Гидронимы с такими названиями часто встречаются в местах проживания ногайцев. По преданию, в озере Кой-коль утонули овцы. На основе предания известный ногайский писатель Суюн Капаев написал замечательную поэму «Кой-коль».

У ногайцев нельзя было весь домашний скот: верблюдов, коз, коров, лошадей, овец — беспричинно бить и наносить увечья. У кочевников это считалось непростительным грехом. Скот, получивший увечья от хозяина, даже если это произошло из-за неосторожности, не годился для жертвоприношения.

«Легенду о Кой-коль» в прозе изложил автор данной книги.

Легенда о Кой-коль

Давным-давно жил бедный парень по имени Тампик. Однажды он в безлюдном месте, на берегу озера нашел черного ягненка. Парень очень обрадовался. Принес домой и стал за ягненком ухаживать. Очень скоро выросла хорошая овца. В первое ягнение она принесла сразу трех детенышей. И после она ягнлась тремя ягнятами. У парня за короткий срок выросла целая отара. Дела его поправились. У него появились коровы и лошади. Вскоре Тампик стал известным баем в округе. Он построил себе большой дом, слуг завел, добра накопил. Стал гордым и заносчивым, дружбу водил только с богатыми людьми и именитыми мурзами.

Как-то к Тампику приехали в гости богатые скотоводы. Он с гордостью стал им показывать дом и свои богатства. Повез их в степь, похвастался стадами коров, табунами лошадей и бесчисленным множеством овец. Когда он возвращался с гостями домой, на пути он увидел лежащую на берегу озера облепленную репейником, беспомощную от старости овцу. Это была та овца, которая выросла из найден-

ного им в этом месте ягненка. Тампик не узнал свою благодетельницу, да и перед гостями было стыдно, что в его владениях оказалось такое никудышное здание. Он разгневался:

— Откуда эта дрянь взялась?! Не хватало, чтобы она позорила меня перед моими именитыми друзьями! — и, спрыгнув с коня, он с размаху ударил овцу ногой.

Бедная овца отлетела в озеро и утонула.

В это время поднялся ветер и на глазах всех обернулся ураганом. Ураган погнал отары овец к озеру, и они исчезли в поднявшихся волнах. Затем ветер пригнал табуны лошадей, а затем стада коров — и все они сгнули в воде. Тампик с гостями еле спаслись, уцепившись за деревья.

На следующее утро Тампик узнал, что весь его скот утонул в озеро, дом рухнул от натиска урагана, а все добро ветром разметало по степи. У Тампика осталась только дорогая одежда, которая была на нем в тот злополучный день. Он целый день бродил по степи, а в конце концов пришел к озеру и утопился.

Это озеро стали называть Кой-коль, в честь овцы, принесшей богатство Тампику и в один миг забравшей его обратно.

КОКЕК-БАТЫР

Коккек-батыр — название буквально переводится как Кукушка-богатырь. У многих тюркских народов пение кукушки считается первым признаком весны. Образ Коккек-батыра символизирует «крылатого творца», пробуждающего природу. У ногайцев есть песня, посвященная этой птице, которая исполнялась детьми на весеннем празднике прилета птиц. У ногайцев существовало несколько весенних праздников, среди них наиболее известные Науруз-байрам, Тепреш, Сабантой. Празднование Коккек-батыра связано с началом апреля, этот месяц так и называется кокек-ай (месяц кукушки). По описанию известного

ногайского ученого, этнографа Рамазана Керейтова обряд празднования происходит таким образом: «Здесь также присутствует хождение юношей с колядовыми песнями – «Кокек-баьтир». В этом обряде есть все атрибуты колядования: шуба, вывернутая наизнанку; представляемый конь, на котором ездит богатырь; песни, которые складывались экспромтом; яйцо как символ плодородия, выпрашиваемое колядующими. Текст песен, исполняемых при колядовании, позволяет судить, что обряд сам по себе уходит корнями в домусульманскую эпоху» (19, с.193). Текст песни опубликован в сборнике детских песен «Ай, Айданак».

*Кокек-баьтир уьйдеме экен?
Иер турманы шуьйдеме экен?
Ак шал аты бавдама экен?
Бавда болса кисинесин,
Куйырыгын-ялын тислесин.
Куйырыгын-ялын яппага
Кызыл ширги ярасар.
Кызыл ширги уьстине
Куьмис иер ярасар.
Кокек-баьтир колына
Алтын камышы ярасар.
Как-как этейим,
Яркай берсенг кетейим,
Аласамды токтатпа,
Эсигинг алдын коклатпа.
(Кокек-батыр дома ли?
Седло его на гвозде висит ли?
Белый конь его на привязи ли?
Если на привязи – пусть заржет,
Хвост и гриву пусть покусает.
Хвост и гриву чтобы покрыть,
Красный потник подойдет.
Сверху красный потник
Серебряное седло украсит.
Руки Кокек-батыра
Золотая камча украсит.
Стучусь-стучусь я без конца,
Дашь крашеное яйцо – уйду,
Лошадь мою не задерживай,
Двор свой навозом не загаживай.*

Подстрочный перевод – И.К.)

КОНАЯК

Слово *кобнаяк* буквально означает «кожаная нога», оно происходит от слов *кобн* — шкура, кожа и *аяк* — нога и обозначает злое демоническое существо. Этот персонаж сохранился и в казахской мифологии. У ногайцев его еще называли *кайис-аяк* (букв. ременная нога). Кайис-аяк внезапно нападает на человека, садится на него верхом и, обвив ремнями, душит.

КОНГЫР-КАЗ, АК-КАЗ

Конгыр-каз, ак-каз — священные птицы. Гуси являлись одними из птиц божества Умай. *Конгыр каз* буквально означает коричневый гусь, ак-каз — белый гусь. В ногайском фольклоре больше упоминается *конгыр-каз*. Его еще называют *конгыр анз* (коричневая дичь). Конгыр-каз помогает охотникам найти дорогу домой, казакам (бродячим рыцарям), оставшимся без помощи в степи, донести весточку до родных.

В песнях раненые, умирающие джигиты обращаются к этой птице. Конгыр-каз всегда оказывает помощь, заливает рану, находит разумный ответ.

В фольклорных публикациях Тахира Акманбетова есть исторический бозлау от имени Конгырказ, дочери Кейкувата (одного из сыновей Эдиге, полководца). Это песня-плач об утрате *Сарайшыка* и могущества ногайского государства. Имя Конгырказ не встречается в ногайской антропонимике. Поэтому девушка с таким именем в песне олицетворяет древнее святое существо ногайцев.

КОРКУТ

Коркут — имя мифического патриарха, легендарного певца, изобретателя ногайского смычкового музыкального инструмента кобыза (кыл-кобыза). В ногайском фольклоре его имя сохранилось и как имя бессмертного человека, который сам запросил смерти. Он был бессмертным благодаря своему музыкальному инструменту и необыкновенному музыкальному дару (см. главу «Кобыз»). Но-

гайские бакши отдавали Коркуту пальму первенства в музыкальном искусстве.

Известный казахский исследователь Серикбол Кондыбай полагает, что имя Коркут до принятия ислама носило бессмертное божество, а миф о его смерти возник с утверждением ислама. Одним из первых среди евразийских ученых внимание на имя Коркута обратил поэт, исследователь Олжас Сулейменов. Он нашел сходство казахского Коркута с древнеегипетским мифологическим персонажем Гор-хт (Старое солнце). По преданию, Гор-хт, спустившись в подземное царство, где течет черная река — пристанище змея, погибает в схватке с ним. Олжас Сулейменов видит этимологию имени Коркут в двух словах: *коьр* (могила) и *куьт* (жди) и переводит как «Жди могилу», т. е. «Ожидай смерти». Но Серикбол Кондыбай не исключает «сакско-сарматское происхождение имени Коркуд, состоящее из слов «кур» — солнце и кут (худ, гуд) — бог, т. е., означающее «солнечный бог». Казахская легенда о Коркуте действительно близка к мифу о древнеегипетском Гор-хт. С. Кондыбай цитирует пересказ, сделанный О. Сулейменовым.

«По наиболее распространенному варианту мифа, Коркут увидел во сне людей, рывших ему могилу. Желая спастись от смерти, он отправился странствовать, но сон преследовал его. Наконец, решив, что смерть ждет только на земле, Коркут разостлал на поверхности Сыр-дарьи одеяло и стал день и ночь сидеть на нем, играя на кобызе. Когда усталость вконец сморила Коркута, он заснул. И тогда смерть в образе ядовитой змеи ужалила его».

В ногойских преданиях образ бессмертного Коркута несколько иной, он привязан к определенному роду, изобрел кобыз и сам запросил смерти. Легенду записал автор данной книги из уст жителя Нефтекумского района Агали Канаева.

Легенда о Коркуте

Коркут-Ата никак не хотел умирать. Когда к нему являлся Азраил, он играл на кобызе такие кюйи, что ангел смерти забывал, зачем пришел. Коркут садился на верблюдицу и убегал от него и, скрываясь, побывал во всех четырех частях света. Ангел

смерти Азраил, устав от бесконечного преследования, сказал ему: «Живи на свете до тех пор, пока сам не попросишь смерти». Коркут жил долго, играл на своем кобызе, песни пел.

Однажды у него со двора убежал двухгодовалый бычок. Коркут долго его искал, а увидев, никак не мог поймать. Так и гонялся за бычком по степи до изнеможения. Тогда он сел на землю и произнес:

— Что за старость: ни живой, ни мертвый! Чем так жить, лучше бы я умер! — и заснул.

Во время сна его укусила змея, и он умер.

Так Коркут сам попросил смерти, а не то жил бы вечно. Название аула Коркут от его имени осталось, а его род баята к нашим етишкульцам отошел... На месте, где раньше стоял аул, только кладбище сохранилось.

КОТЕН-БАТЫР

Котен-батыр — мифологизированное имя известного истории кипчакского (половецкого) хана. Имя хана упоминается в эпических песнях и прозаических преданиях. Имя титульное, данное из-за принадлежности кипчакскому роду *котен-кипчак*. *Котен* означает: зад, задняя кишка животного. Род назывался так из-за того, что на тризнах и пирах его представителям доставалась задняя (почетная, лакомая) часть жертвенного животного.

Котен-хан хорошо был известен в истории Древней Руси, Болгарии, Венгрии и Византии. Он более тридцати лет провел в седле, воюя в различных странах. Будучи молодым, еще в 1204 году, Котен-хан возглавлял болгаро-половецкое войско и при Андрианополе остановил крестоносцев, до этого захвативших Константинополь. Благодаря его военному таланту европейское рыцарство было разгромлено, а сам Котен-хан взял в плен латинского императора Балдуина (Гумилев Л. Н., Древняя Русь и Великая степь, Москва, 1993 г.). Воины Котен-хана «особо неистовствовали перед латинянами и греками». Пленный Балдуин был заключен в болгарскую крепость Тырново и там скончался.

В 1223 году Котен-хан стоял во главе кипчаков и совместно с русскими князьями сражался на Калке против чингизхановых полководцев Субатая, Джебе и редко упоминаемого в истории конграта Тогучара. Как известно, та битва из-за несогласованных действий была проиграна. Но Котен-хан, уйдя на Волгу и объединившись там с войском болгар, дал отпор чингизидам. Тогда прославленные полководцы Чингиз-хана потерпели одно из первых поражений. Позже, в 1232 году, они хотели взять реванш, но опять были побеждены объединенным войском кипчаков и болгар. Котен-хан отличился и в том сражении.

В 1236 году чингизиды на курултае (съезде) приняли решение окончательно завоевать кипчаков и пленить их самых знатных людей. Войска возглавлял сам каган Менгу-хан. Во главе передового корпуса был хорошо известный русской истории Бату-хан (Батый). В этот раз чингизиды напали с разных сторон, из-за чего правители болгар и кипчаков не смогли объединиться и противостояли врагу разрозненными силами. Эта тактика принесла чингизидам успех, они за короткое время покорили много областей на Северном Кавказе, в междуречье Волги и Дона, завоевали Булгарское государство на Волге и ряд русских княжеств. Котен-хан, собрав кипчакскую конницу, готовился встретить врага за Доном. Бату-хан пошел в обход и, захватив Чернигов и Киев, лишил Котен-хана основных союзников. Надо сказать, что дочь Котен-хана была замужем за известным в русской истории Мстиславом Удалым, и хан очень надеялся на поддержку русских князей. Отступая на запад, Котен-хан самолично посетил Венгрию и вошел в сговор с тамошним королем Беллой 4. Король Венгрии согласился принять кипчаков, но поставил условие, что степняки примут веру и вступят в лоно католической церкви. Котен-хану было ясно, что без поддержки извне война будет проиграна, но он надеялся на то, что в союзе с венгерским королем сможет опрокинуть завоевателей. Поэтому, пойдя на крайнюю меру, он привел в Венгрию 40 тысяч кипчаков – на условиях венгерского короля. Кочевники были расселены в окрестностях Пешта. К ним сразу прибыли проповедники. Степняки, хотя и беспрекословно подчинялись своему хану, смену

веры восприняли неоднозначно. Да и в Венгрии союз с Котен-ханом вызвал недовольство среди магнатов. Даже когда Белла 4 женил своего сына на дочери хана, венгерские и немецкие рыцари вынудили короля посадить Котен-хана со всем его семейством в тюрьму. Котен-хан хотел объясниться с королем Беллой 4, но рыцари, решив предупредить такую возможность, ворвались в тюрьму, обезглавили все семейство, а головы повывбрасывали через окна замка. Кипчаки, узнав о происшедшем, пришли в ярость, стали резать население, разрушать села и города. Убивая венгров и немцев, разъяренные всадники приговаривали: «Это тебе за Котен-хана!» Погубив множество людей, степняки вырвались из Венгрии в Болгарию, с правителями которой издавна находились в родстве их ханы. Оттуда устремились на Балканы и стали подданными Никейской империи. Имя кипчакского хана часто упоминается в русских летописях того времени, его уважительно называют по имени и отчеству: Котен Сутоевич (11, с.320–321).

Образ Котен-хана отражен в ногайском фольклоре двояко. Так, в эпической песне «Эдиге» легендарный певец Сыбра-йырау, перечисляя ханов, правивших предками ногайцев, осуждает Котен-хана за смену веры и называет его «гяуром». Но в прозаических преданиях, которые сохранила народная память, он остался легендарным воином, эталоном героизма и храбрости. Имя его часто употреблялось и в устной речи. Человеку, совершившему бесстрашный поступок, часто говорили: «*Сен Кьотен-батыр экенсинъ!*» («Ты, оказывается, Котен-батыр!»). Известный ногайский ученый Джелалдин Шихмурзаев в 70-е годы прошлого столетия записал в ауле Каясула Нефтекумского района Ставропольского края сказание «Кобек-батыр и Котен-батыр», которое является отголоском раннего предания, записанного арабскими хронистами Нувейры и ибн-Халдуном из уст проданных в рабство египетских мамлюков-кипчаков. Сказание в записи Джелалдина Шихмурзаева опубликовано в сборнике «Ногайские сказки» (1). Оно представляет собой образец оригинального песенного фольклора. Фрагмент из сказания «Песня Котен-батыра» обработан автором данной книги.

Песня Котен-батыра

Когда кипчакского хана Асбия загнали в горы, вражеское войско, возглавляемое Кара-батыром, пошло на Котен-батыра. Враги, сжигая города и села, захватывая в плен женщин и детей, угоняя скот, вышли к Тену (Дону). Котен-батыр с войском ожидал неприятеля на берегу величавой реки. Дозорные всадники донесли ему о приближении несметного войска. Котен-батыр не торопясь надел на себя синюю кольчугу, взял свой закаленный в битвах клинок и, подойдя к своему аргамаку Алаяку (Пестроному), протяжно запел песню:

*Алаягым, арысанъ,
Тенди бойлап токташы.
Сувсынъа сув берейим,
Емеге ем берейим,
Карсыласкан явды биз
Куыш салысын коьрейим.
Алаягым, Алаяк,
Дуньяда не калааяк?
Баьтирлик иси болмаса,
Данъкым элге толмаса.
Каьрим болган баьтирлик,
Яным болган кара халк.
Баьтир эки тувмайды
Айтаягым актан ак!
(Мой Алаяк, устанешь –
На берегу Дона остановись.
Водою тебя напою,
Кормом тебя накормлю.
С наступающим на нас врагом
Надо мне силою померяться.
Алаяк мой, Алаяк,
Что от нас на этом свете останется,
Если не богатырским подвигом
Добытая слава нашей родины?
Ратному делу всего себя посвятил,
Душу народу я отдавал.
Разве герой дважды рождается?
Сказанное мной – святая истина.)*

Батыр вскочил на коня и помчался на врага впереди своего войска. Копыта Алаяка земли не каса-

ются. Ноздри раздув, грызет удила скакун и врезается во вражескую гущу. Котен-батыр с правой и левой стороны валит саблей с плеч по сорок голов. И сквозь ряды пробивается к вражескому предводителю. Кара-батыр тоже не из трусливых, не прячется за своими охранниками, вынув саблю, выезжает на встречу. Котен-батыр, усмехнувшись, встречает его песней:

*Кара-батыр сен болсанъ,
Котен-батыр мандирмен.
Сондай болган батырдинъ
Басын алар эрдирмен.*
(Если ты могучий, Кара-батыр,
Я перед тобой – Котен-батыр.
Запомни, что на тебя смотревший,
Голову тебе снесший, – это я, мужчина.

Подстрочный перевод – И.К.)

После этих слов он как вихрь налетел на врага. Воины не успели моргнуть глазом, как голова предводителя полетела на землю. Не успели голову на земле разглядеть, как Котен-батыр наколол ее на копьё и, подняв над собой, помчался сквозь ряды сражающихся воинов. И свои, и враги остановили сечу:

— Вот он какой, Котен-батыр! — произносили уста воинов с обеих сторон.

КУВ, АК-КУ — ЛЕБЕДЬ

Ногайское слово *кув* означает птицу лебедь. Как мифологическое существо в фольклоре часто встречается наименование *ак-кув* (белая лебедь). В мифологии Ак-ку является птицей божества Умай. Сначала космическая Ак-ку снесла яйцо, которое сплошь состояло из воды. По этой воде плавала другая птица божества Умай Кара-бапий (Черная утка), которая три раза ныряла в воду и в клюве выносила ил, из этого ила соорудила себе гнездо. Это гнездо разрослось и образовалась земная твердь (см. главу «Кара-

бапий»). В этом основополагающем предании ногайской мифологии обращает на себя внимание то обстоятельство, что обе птицы божества Умай были водоплавающими, а цветовое обозначение птиц указывает на дуализм мироздания.

Как уже говорилось в главе «Ажи-йол», Млечный путь ногайцы называли не только этим словосочетанием, означающим Путь паломников, Путь прародительницы, но еще и «Ак-кув йолы» — Путь, проложенный белой лебедью. Скопления звезд на этом пути считались лебединым путем. Так что в одном из этих названий Белая лебедь выступает в роли прародительницы мироздания.

Мифологический персонаж Ак-ку характерен для всех тюркских народов. Среди горных алтайцев род куманды (*куман* — я лебедь) ведет происхождение от этой священной птицы. У ногайского рода *ускуби* тотемом была лебедь, об этом существует предание (см. главы «Умай» и «Ускуби»).

Известный ногайский исследователь и собиратель фольклора Ашим Сикалиев приводит такой вариант легенды о происхождении родоначальника ногайских правителей Эдиге: «Еще в более чудесных обстоятельствах рождается Эдиге: один чабан находит в степи череп с надписью. Принеся домой, чабан превращает его в муку и

прячет в сундук. Дочь чабана во врем отсутствия отца, развернув сверток, пробует языком муку, отчего делается беременной и рождает мальчика, названного Бар-кая. Мальчик рос чрезвычайно быстро и скоро стал умнее и сильнее своих сверстников. Живя вдаль от людей и занимаясь охотой, Бар-кая, прозванный Баба Туклес Шашлы Азиз, женится на лебединой деве, которая рождает ему сына Кутлы-кая (отца Эдиге — И. К.), уходит навсегда...» (1, Герног.эпос, с. 99). В другом известном варианте песни эта роль отводится отцу Эдиге. На берег озера прилетели три лебедя. Сняв лебединые одеяния и превратившись в девушек, они стали купаться в озере. Отец Эдиге Кутлы-кая скрыл лебединую одежду младшей и женился на ней. Некоторые исследователи полагают, что в лебедином облике представлялась сама Умай. А использование лебединого образа в эпических песнях понадобилась древним сказителям для того, чтобы доказать божественное происхождение основателя монаршего рода.

Предки ногайцев связывали свои представления о красоте с лебедью. Эта птица считалась священной, самой красивой и самой чистой. На лебедя нельзя было охотиться. Если охотник убивал лебедя, его за это сурово наказывали. Но исключение из правила было. Божество Умай превратила в лебедя мальчика, влюбленного в лебединую деву. Он был из рода ускуби. Люди этого рода считали лебедя священной птицей. Однако раз в году им позволялось убить птицу. Это было ритуальное убийство возле одинокого дерева; совершалось оно ночью, когда бывает виден Млечный путь. Перед тем как убить, птицу купали в молоке. Мясом птицы кормили больного, который потерял память (см. главу «Ускуби»).

В ногайском фольклоре лучшей похвалой красоте девушки является сравнение ее с лебедем. Там, где проживают кубанские ногайцы, недалеко от современного города Невинномысска сохранились такие ногайские названия русских селений, как Янкуль, Курсавка, Султан, Киян кыз (Кианкиз) и др. Ногайцы покинули эти места в 19 веке, но топонимы остались. В Киян кыз (девушка Киян) некогда проживали ногайцы из известного истории рода Киян. К этому роду принадлежал сам знаменитый Покоритель Вселенной Чингиз-хан. Ногайцы сохранили предание о том, откуда произошло название аула. Предание записал автор (12, с. 137).

Предание о Киян кыз

В глубокой древности в ауле жила красивая девушка. Очень чистая и опрятная она была. В отличие от других аульских девушек, которые вместе ходили по воду, она ходила одна. А это у ногайцев никогда не одобрялось. Нельзя девушке одной ходить к реке.

Как-то раз, когда она в очередной раз пошла туда, влюбленный в нее парень проследил за ней и, когда девушка разделась и вошла в воду, взял и спрятал ее одежду. Увидев парня и не обнаружив на берегу своей одежды, девушка от стыда бросилась обратно в реку. Течение унесло ее. Говорят, что с тех пор она не выходила из воды и, превратившись в белую лебедь, жила в речных заводях. Когда поднималась буря или ураган, аульчане видели в небе белую птицу, которая пронзительно кричала: «Кикан! Кикан!» (Кикан — звукоподражание крику лебедя, но это еще и возглас «Оденься в кровь!» — проклятие в адрес парня, разлучившего девушку с родными). Потому этот аул был назван Киян кыз, в честь девушки из рода Киян.

Русские, которые сейчас живут в этом селе, сохранили старинное ногайское название, а речку называют Невинкой, т. е. Невинной, в честь невинной девушки.

КУБАЙ

Кубай — так ногайцы называют орла. Хотя более распространенное название этой птицы — *каракус*.

Когда орел кружит над аулом, женщины поднимают головы и пронзительно кричат: «*Ку - у - у - бай!*!». Они делают так, чтобы отпугнуть хищную птицу, но кажется, что они хотят привлечь к себе ее внимание. Ногайская кубай в мифологии — это то же самое, что казахская птица *кумай*. Кумай в казахском фольклоре — мифическая птица, которая одним крылом может заслонить солнце,

из яиц этой птицы выводятся щенки. В киргизском фольклоре кумайык — сказочная собака, рожденная от грифа. Название кубай в ногайском языке осталось, а преданий, подобных казахским, в фольклоре не сохранилось.

Казахский исследователь Серикбол Кондыбай дает такие характеристики: «Кумай — это гриф (грифон, собака-гриф, казахское тазкара), а о «грифах, стерегущих золото», сохранились сведения античных авторов. Среди мифических обитателей «севера» — исседонов, аримаспов, гипербореев — Геродот упоминает и грифонов. В трагедии Эсхила «Прометей» грифы, стерегущие золото, зовутся «собаками Зевса»... «Птицу Кумай представляли иногда в виде гигантской птицы Шынырау (Шынгырау), которая высидывает птенцов на ветвях огромного (мирового) дерева или на вершине высокой (мировой) скалы» (14, с.167).

С. Кондыбай также говорит о возможном сходстве казахского кумай с персидским фольклорным образом «хумаюн». По преданию, на кого упадет тень от крыла хумаюн, тот обретет счастье или станет царем. Возможно, что ногайские женщины, принимая орла за «хумаюн», пытались привлечь внимание к себе и кричали: «Кубай!»

Казахский ученый, рассматривая казахское название кумай, киргизское кумайык, туркменское — хумай, приходит к мысли, что «генетический образ восходит к образу древнетюркской богини Умай — прародительницы всего живого, олицетворения плодоносящего начала в мире».

Этимология названия *кубай* состоит из двух слов: *кув* (лебедь, птица) и *бай* (богатая). Судя по этимологии, в которой прямо указывается на птицу божества Умай, возможно, мы имеем дело с оригинальным мифологическим персонажем, более соответствующим ногайскому мифологическому существу *самыр, самырай* (крылатой собаке).

КУДИРБАЙ

Кудир, Кудирбай — имя божества кута, небесной жизненной энергии, страсти. Подробно о куте смотрите в главе «Кут».

У ногайцев сохранилась поговорка: «*Курсагыма Кудир кирди*» («В мой живот Кудир вошел»). Божество, которое дает кут, называется Кудир, Кудирбай. Оно считалось небесным огненным божеством. В ногайском фольк-

лоре сохранилась детская песня в честь этого божества. В ней прямо говорится о том, что Кудирбаю приносились жертвы.

Кудирбай йыры

*Кудир, Кудирбай,
Кудирбайга терен бой.
Терен бойды ягалап,
Аргымак аягын тагалап,
Бойды кезип бараман.
Сосы уйдинг агашын
Шынарма экен деймен?
Шынар болса шыныксын
Ший тубиннен бегисин.
Йылтыр-йылтыр отынгыз
Йылтырай-ау бетингиз,
Казанда кайнай этингиз.
Мага пай этингиз,
Мага пай этпесенгиз,
Уйден шыгып кетингиз!*

Песня Кудирбая

Кудир, Кудирбай,
Кудирбаю положена глубокая сторона,
По берегу глубокой стороны
На аргамаке, стуча подковами,
Одолеваю я пространства.
Этого дома дрова
Не из чинары ли приготовлены?
Если из чинары, то закалит,
Пусть основу укрепит.
Сверкает-сверкает огонь,
В казане мясо варится.
Дайте долю мне.
Если не дадите долю –
Без дома сами останетесь!

Подстрочный перевод – И.К.)

КУЙЫН

Куйын — название смерча. Ногайцы, когда проходит смерч, говорят: «*Шайтан кыз акашады*» («Шайтан похи-

щает невесту»). У древних тюрков смерч считался злым демоном, он олицетворял злые силы природы. Люди, унесенные смерчем, считались связанными с потусторонними силами. Они часто становились камами, бакши. Считалось, что демон унес их для передачи шаманской силы.

КУН — СОЛНЦЕ

Куьн — название солнца. Небесное светило ногайцы еще называют ласкательно *Куьнеш* и *Куьн коьзи* (Солнца глаз). У солнца имелось божество *Куьн-иеси*, но и само название солнца считалось священным. Возможно, что в самом названии солнца подразумевался и *Куьн-иеси*. В древнетюркской мифологии говорилось о том, что Солнце являлось сыном Тангри и Земли, т. к. оно постоянно вращается между отцом и матерью; но в ногайской мифологии светила создал Всевышний. Ногайцы, зная жизненную силу светила, клялись именем Солнца, говоря: «*Куьн акына!*» («Во имя Солнца!»). Тюрки издревле поклонялись восходу солнца. Самым благодатным временем у ногайцев считался предрассветный час, наши предки называли это время «*Танг манги*» («Рассвет вечности»), да и весь световой день назывался именем светила *куьн*.

Почитание ногайцами солнца как божества зафиксировано в обрядности и фольклоре. У ногайцев существовал массовый танец «*Куьн-тоьгерек*» («Солнечный круг»). Во многих песнях есть обращения к солнцу как к источнику благодати. В прикладном искусстве, в частности, на ковровых орнаментах центральное место всегда занимали солярные знаки.

Ногайский собиратель фольклора Тахир Акманбетов записал оригинальную легенду о происхождении светил. Легенда приводится в обработке автора данной книги.

Легенда о возникновении солнца и луны

Когда утка достала из-под воды ил и создала земную твердь, Земля быстро разрослась. Сперва на земле жили небесные птицы, затем из земли и воды вылезли твари. Тварей было очень много. Богине Умай они очень не нравились. Тангри тоже стало скучно

видеть тварей, и он создал человека. Сперва были созданы Отец человека (Адам атасы) и Мать человека (Адам анасы).

На земле было темно. От Отца человека и Матери человека родились дети. Эти дети выросли и создали семьи. Последними у Отца человека и Матери человека родились близнецы: мальчик и девочка. Мальчика назвали Манги-ай (Вечная луна), девочку — Кункози (Солнца глаз). Близнецы были очень красивыми. Их любили и родители, и небесная богиня Умай. Отец человека не мог нарадоваться близнецам, но его мучило одно обстоятельство, и он часто при детях говорил жене:

— Где мы найдем невесту для Манги-ай, а жениха для Кункози? Они же вышли одновременно из одного чрева, они же одно целое. Мы не можем допустить, чтобы они сблизились. Нельзя жить человеку с самим собой.

А детям он часто приказывал быть врозь.

Близнецы же были очень привязаны друг к другу. Манги-ай понимал смысл слов отца и поэтому сдерживал свои чувства. Кункози же очень расстраивалась от его слов и не хотела понимать их смысл. И во сне, и наяву она думала только о брате.

Как-то Манги-ай уснул, тогда Кункози подкралась к брату и поцеловала его в лицо. Это увидел внезапно появившийся в этом месте отец и очень рассердился.

— Я же запретил приближаться друг к другу! — закричал он и плетью огрел дочь.

— Я вся горю, я умру без него. Не хочу я так жить! — зарыдала дочь.

— Гори ярким пламенем! — проклял ее Отец человека.

Это проклятие донеслось до Тангри. Всевышний понял, что людям нельзя жить в темноте. Он превратил сестру в Глаз солнца (*Куьнкоьзи*), а брата в Вечную Луну (*Манги-ай*). И сказал:

— Живите, как знаете. Я теперь в вашу жизнь вмешиваться не буду!

С тех пор на небе появился Глаз Солнца, который ночью сменяла Вечная Луна.

Люди и твари радовались Глазу Солнца. От любви стали расти трава и деревья, появились цветы. Это Кункози отдавала любовь Земле.

Глаз Солнца хотел догнать на небе Вечную луну. Когда Манги-ай вспоминал про свою любовь, на диске луны появлялся белый отпечаток губ Кункози. Эти ночи всегда нравились людям...

КУРКАЛДАЙ

Куркалдай — птица ремез из семейства синиц. По ногойским поверьям куркалдай приносит людям несчастье, часто предвещает смерть близких в доме. Название птицы куркалдай двухсоставное и состоит из слов *кур* (без всего) и *калдай* (оставляющий), что можно перевести как «птица, оставляющая ни с чем». Как установил фольклорист Тахир Акманбетов, при прилете куркалдай ее нельзя выгонять, а надо произнести:

*Ийги кус, аьруьв кус,
Казады эрек эткен кус,
Куркалдай, куркалдай,
Касуьветти эт кылдай.*
(Хорошая птичка, красивая птичка,
Отводящая горе птичка,
Куркалдай, куркалдай,
Печаль нашу тоньше волоска делай.

Подстрочный перевод — И.К.)

Содержимое гнезда куркалдай используют для лечения, при проблемах с мочеиспусканием прикладывают к месту, где находится мочевой пузырь.

Любопытно, что в алтайской мифологии один из персонажей верхнего мира носит имя Куралдай. Этот мифологический персонаж пытался выманить у шамана жертвоприношение, а когда жрец для посещения иных миров

превращался в летающий объект, Куралдай старался поймать его.

Ногайцы птичку ремез часто называют просто *шымшык торгай* — это общее название маленьких птах. Чаще всего так называют воробья. Но с ремезом они похожи своими малыми размерами. По русским поверьям, если в дом залетает маленькая птичка и чирикает, она накликает беду. Возможно, что и в русском поверье имеется в виду ремез.

КУРТКАШИК – РАДУГА

Словом *курткашык* ногайцы называют радугу. Слово это двухсоставное: *куртка* (старуха) и *шык* (роса). Буквальный перевод означает «старухи роса».

Когда у небесной старухи разрываются два бурдюка с росой — гремит гром и льется теплый дождь. Ее *кусак* (кушак — пояс), к которому привязаны бурдюки, расстилается с неба до самой земли. Небесная старуха, привязав к концам пояса овец, доит их. Образ небесной старухи связан с богиней Умай. Первый весенний дождь ногайцы считали божественной благодатью и называли *Умай ковзясы*, т. е. слезами Умай. Родственные ногайцам казахи радугу называют *Кемпир косак* (Старухи спутница). Сопоставляя эти два названия, можно выявить изначальное название, которое изменилось у обоих народов. Связывает их два слова: *кемпир* (старуха) у казахов и *куртка* (старуха) у ногайцев. Видимо, второе слово и у казахов, и у ногайцев было *кусак* (кушак, или пояс). Согласно преданию, радуга у ногайцев изначальна называлась *куртка-кусак* (пояс старухи).

КУТ

Кут — небесная жизненная энергия, страсть, божественная сила, помогающая обрести удачу. Это слово у ногайцев имеет много значений: *кутлайман* — поздравляю, *кутлы бол* — счастлив будь, *кутсыз* — бессильный, *кутылу* — избавление, *куткар* — спасай. В древних источниках прозрачно говорится, что древнетюркские ханы

властвовали до тех пор, пока у них был *кут*. В «Сокровенном сказании» написано, что ханом может быть тот, кто обладает силой, которую умножает Небо (Тангри). Название *кут* в Орхоно-енисейских надписях используется как «олицетворение души и жизненной силы». В монгольских источниках это качество чаще передается словом *суу* (харизма, гений). У ногайцев сохранилось и это слово, порой, характеризуя кого-либо, они говорят: *суулы адам* (способный человек).

Кут непосредственно связан с высшими силами, в фольклоре с Небом, с Тангри. Для получения от Тангри кута необходимы положительные человеческие качества. Если правитель или другой человек ведет себя не соответственно обычаям, трусливо, распутно, не почитает предков и т. д. – он лишается кута. И, наоборот, человек, почитающий обычаи предков, справедливый в отношениях с людьми, честный, храбрый, нравственно безукоризненный может пополнить кут. Победа ханов над врагами усиливает их кут, а поражения, наоборот, приводят к ослаблению кута.

По поверьям ногайцев, когда человек спит, его кут может блуждать по небу. Потому спящего человека надо будить медленно, чтобы кут успел вернуться на место. И не случайно в фольклорных произведениях враги убивают тюркских богатырей именно во время сна. Тюркское название мужского полового органа, в буквальном переводе означающее «любящий кут», говорит о том, что кут связан и с половой потенцией. Кут может передаваться и по наследству. Не случайно отцу Эдиге в фольклоре дано имя Кутлы-кая (Удачливый прорицатель). Из имени следует, что ногайскому предводителю передана потомственная небесная жизненная энергия.

Некоторые тюркские ученые идентифицируют кут с душой. Но это неправильно. Кут может покинуть человека и до смерти. Об инертном, вялом человеке часто говорят: «*Кутсыз адам*» («Лишенный кута»).

С названием кут непосредственно связано синонимическое название единого мусульманского бога Кудай (Кутайы – Кута-божество). Почти все тюркские народы единого бога часто называют Кудай или Кудай-Алла. Хотя это-му названию приписывается персидское происхождение,

существование названия Кудай среди изолированных от мусульманского мира хакасов, алтайских тюрков дает повод говорить о бытовании этого названия у тюрков в домусульманский период. Возможно, что с утверждением названия Кудай как синонима единого мусульманского бога некоторые тюркские народы, в том числе и ногайцы, божество кута стали называть Кудир (см. главу «Кудир, Кудирбай»).

КЫЗГЫШ-КУС — ЧИБИС

Кызгыш-кус — птица чибис. В ногайской мифологии птица, предвещающая несчастье, гибель героя. В ногайском эпосе «Эдиге» есть эпизод, когда Нурадин с войском близ реки Кара-Иртыш настигает убегающего от преследования Токтамыс-хана. Токтамыс прячется в зарослях камыша. Нурадин с воинами ищет хана по всему берегу, но никак не может найти. И вот, когда Нурадин решает, что искать бесполезно, и готов покинуть эти места, он видит, как из зарослей камыша с характерным криком вылетает птица чибис. Спрятавшийся Токтамыс-хан понимает, что птица его выдала, и обращается к ней с такими словами:

*Кыт-кыт эткен кызгыш кус,
Канатынъ кат, мойнынъ бос,
Аузынъ-бурнынъ муыйиз кус,
Бу языда заър кылып,
Копъ кышкырма кызгыш кус,
Юмыртканъды алмага,
Майтагым болса, мунда йок.
(Пронзительно кричащая птица чибис,
Крылья у тебя крепкие, зато шея тонкая,
Клюв твой роговой,
Зато язык очень плохой,
В это лето беду созывая,
Часто не кричи, птица чибис,
Чтобы яйца забрать,
Моих подвластных здесь нет.*

Подстрочный перевод – И.К.)

КЫДЫРЛЫ-ЯС

Кыдырлы-яс — мифологический персонаж, приносящий удачу путникам. Отправляющемуся в дорогу ногайцы желают: «*Кыдырлы-яс дос болсын*» («Кыдырлы-яс пусть спутником станет»).

Этимология имени Кыдырлы-яс трактуется по-разному. Некоторые исследователи видят в нем образ святого Хизра, Хызыра, Хыдыра. У казахов звучание имени этого персонажа близко к ногайскому. Казахи называют его Кыдыр-Ата (Путник-Отец). У ногайцев же Кыдырлы-яс переводится как Путник-юноша. Ногайское название иначе можно прочесть и как Кыдыр-Ильяс, т. е. Хызыр Ильяс. Исходя из значения слова *кыдыр* — ходящий, странствующий, можно предположить, что подобный персонаж существовал до принятия мусульманства.

По преданиям, Кыдырлы-яс может не только встретиться в пути, но и прийти домой и принести счастье. Он может появиться в образе дряхлого старика, одетого в лохмотья, но чаще представляется добрым человеком в белом одеянии.

Ночь на 27 день месяца рамадана ногайцы называют *Кадыр-кеше* (ночь Кадыра) или *Кыдыр-кеше* (ночь Кыдыра). В мусульманской обрядности она известна как ночь предопределения. В это время люди старались не засыпать и просить у Всевышнего самого лучшего в жизни. Считалось, что в эту ночь ходит Кыдыр, и кто с ним встретится, тот может попросить исполнить заветную мечту. Кыдыр-кеше особенно любили дети. Родители оставляли на ночь подарки и говорили, что их принес святой Кыдыр.

КЫДЫРНИАЗ

Кыдырнияз — так в Караногае назывался первый весенний дождь. У этого названия две составляющие: Кыдыр — имя божественного персонажа и нияз — пожертвование, милостыня. Как свидетельствует Тахир Акманбетов, этот дождь еще именовался *Умай кобзясы* (слезы Умай). Фольклорист приводит такую поговорку про Кыдырнияз:

*Кыдырнияз кырк тамсынъ,
Кырк таммаса бир тамсынъ.
(Пусть Кыдырнияз сорок раз капает,
Если не сорок раз —
пусть один раз хорошо капнет.)*

(См. главу «Умай».)

КЫЛЫШ — САБЛЯ, МЕЧ

Кылыш — сабля, оружие, имевшее сакральную сущность. Изначально это название принадлежало мечу. В фольклоре за мечом закреплены и другие названия: *семсер*, *алдаспан*, *саф-алдаспан*. У сказочных богатырей оружием был *букпели кылыш* — складной меч, тщательно сохраняемый в кованых сундуках.

Среди евразийских тюрков сабля распространилась в раннем средневековье. Одну из разновидностей сабли ногайцы, как и русские казаки, называли шашкой (*шашке* — разрушающее). Но до сабли главным оружием был меч. У ногайцев, как и у других тюркских народов, в древности существовал культ меча; это подтверждает название *кылыш*, происходящее от глагола *кылды* (молиться), *кыл* (молись), а само слово означает предмет, на который молятся. Сакральную сущность за собой сохраняет и ногайское название кинжала *кама* (оружие кама, шамана).

В ногайских сказках душа богатыря часто хранилась в мече. Друзья менялись мечами и по состоянию меча друга — если он покрывался ржавчиной или на нем появлялась кровь — узнавали о случившейся беде и торопились на помощь. Часто меч служил оружием, охраняющим целомудрие. В одной из песен брат ушедшего в набег, чтобы скрыть отсутствие брата, выдавая себя за него, ложился в постель с его невестой, кладя между собой и девушкой меч. Часто подаренный девушке меч служил ей защитой от притязаний других мужчин. Если в доме была беременная женщина, то на порог клали меч, чтобы преградить путь злым духам.

По сообщению древнегреческого историка Геродота, скифы поклонялись богу войны Аресу (в имени бога просматривается тюркское слово *арис*, *эрис* — спор, склока, вражда). Они водружали на кургане с хворостом меч и в

честь него приносили в жертву животных и каждого сотого пленника. По сообщениям римских историков, сарматы-аланы поклонялись старому железному мечу, воткнутому в землю. Ногайские воины в походах, совершая намаз, вытаскивали саблю из ножен и втыкали рядом с собой в землю. По ногайским обычаям было строго запрещено без повода обнажать оружие, но в данном случае считалось, что сабля оберегает молящегося от демонов.

В фольклоре часто подчеркивается сакральная сущность меча. По представлениям тюркских народов, если меч попадал в огонь, то он становился еще закаленней, а если в воду — его хозяин мог умереть. Как уже говорилось, наши предки считали, что душа богатыря хранится в мече. Поэтому враги, чтобы лишить богатыря жизни, выкрадывали меч и бросали его в воду. Сам меч символизировал огненную сущность, а вода умерщвляла огонь, гасила его.

В связи со сказанным ранее мы приведем концовку одного из вариантов песни «Шора-батыр». В ней ногайский богатырь вместе с конем тонет в водах Эдиль-реки. После его смерти люди в лунные ночи видят над водой светящийся кылыш Шора-батыра и сквозь плеск воды слышат его голос:

*Каирга биткен терекпен,
Мен де бир куьн керекпен.
(На речном песке выросшее дерево я,
Однажды вам и я пригожусь.)*

В данном контексте меч, кылыш символизирует бессмертие героизма великого ногайского батыра.

КЫРК — СОРОК

Кырк — число сорок. У ногайцев, как и у многих других народов мира, это число имеет сакральное значение.

Ногайцы считали, что в сорок дней новорожденный становится нормальным созданием. По ногайским обычаям с новорожденного снимали *ийт коьйлек* (собачью рубашку) и надевали на него *кырк коьйлек* (сорок рубашек), рубашку, сшитую из сорока разных лоскутков (Р. Керей-

тов, Ногайцы). Мужчина, достигший сорока лет, считался зрелым человеком. Также есть поверье, что мужчина после сорока лет идет на убыль, поэтому говорят: «*Кырк болды — тырк болды*» («Сорок стало — дело на убыль пошло»). Определяемая расположением звезд календарная пора *кыс шилле* (разгар зимы) длится сорок дней, летняя пора *яз шилле* (разгар лета) также длится сорок дней. Сентябрь, лучшее время для охоты, ногайцы называют *кырк кийик* (сорок животных, или сорок сайгаков). Аул Канглы в Минераловодском районе Ставропольского края ногайцы по-другому называют *Кырк аул* (Сорок аулов). Это название подразумевает, что в селении собрались люди, ушедшие в Турцию из сорока аулов, а потом вернувшиеся. Однако документально это подтвердить трудно. Думается, топоним существовал издревле. Район Пятигорья ногайцы называли *Кырк-су* (Сорок вод), видимо и второе название *Канглы* Сорок аулов собирательное обозначение, символизирующее множественность. Ногайцы широко отмечают сороковины. По поверьям, через сорок дней после смерти у покойника ткани отделяются от костей. Для того, чтобы облегчить страдания покойника, полагается в этот день делать пожертвования. В ногайском песенном творчестве сохранилась эпическая песня «Сорок ногайских богатырей», хотя количество героев, упомянутых в произведении, не соответствует этому количеству.

Число сорок нередко фигурирует и в фольклоре родственных тюркских народов. Известный русский ученый, замечательный исследователь мировоззрения тюркских народов В. Н. Басилов в книге «Шаманство у народов Средней Азии и Казахстана» собрал ценный материал по этому вопросу и приводит любопытные факты. Он говорит о том, что в Средней Азии широко распространены представления о сорока святых, связанных происхождением с мифологией ираноязычных народов и называемых по-персидски «чилтаном» («сорок человек»). Сведения о чилтанах или шилтерах, помогающих людям святых, есть и у родственных ногайцам казахов и каракалпаков. В Турции местные жители почитали могилу сорока воинов из Хорасана «Кырклар». В Крыму широко известно кладбище святых «Кырк азизлер» («Сорок любимых»). В Дербенте есть могилы сорока воинов, называемых «кырклар», которые по сей день почитаются мусульманским населением. В огузском эпосе «Гёр-оглы» дружина отца героя со-

стояла из сорока чилтанов. Среднеазиатские шаманки во время камлания зажигали сорок один светильник или сорок одну свечу, посвящая их сорока чилтанам и их начальнику.

В связи с приведенными фактами из книги В. Н. Басилова хочется сказать о том, что ногайские балши для гадания использовали сорок одно зерно кукурузы или плоды бобовых растений, среди которых одно было обгорелым и символизировало начальника. У родственных ногайцам каракалпаков широко известен эпос «Кырк кыз» («Сорок девушек»). Надо отметить, что в первых изданиях эпической песни речь шла о ногайском народе и о сорока ногайских девушках. Но затем в связи с полным игнорированием ногайцев в исторической науке тогдашней страны каракалпакские издатели порекомендовали талантливому поэту-переводчику Арсению Тарковскому исключить из текста перевода название народа ногай («Сорок девушек», Нукус, 1983 г.).

Выдающийся собиратель казахского фольклора Чокан Валиханов в своих трудах привел не менее интересную легенду о прародителе черных киргизов — красной собаке, которая жила с сорока девушками. Рожденные от этой связи люди создали народ кырк-кыз (сорок девушек), т. е. киргизы. На наш взгляд, легенда о происхождении киргизов от сорока девушек и красной собаки опять-таки связана с какими-то астрономическими событиями, с астрономическим мифом. На это наталкивает не только предполагаемая этимология этнонима *киргиз* и присутствие в предании небесной собаки, но и ногайское поверье о том, что новорожденный сорок дней пребывает в собачьей рубашке, и обычай надевания на него другой рубашки из сорока разных лоскутков.

По-видимому, древние жрецы наблюдали на небе какое-то астрономическое событие, происходившее в течение сорока дней. К сожалению, наши предки, передавая это через художественные образы, не прояснили истинную суть события. Возможно, что жрецы, используя символику, намеренно утаивали свои знания.

МАНАС-КОЛЬ

Манас-коль — название мифологического озера, означает Манас-озеро. Буквальный перевод названия *Манас* — Пища человека. По легенде, неиссякаемое озеро находится у подножия Байтерека (см. главу «Байтерек»). В ногайском фольклоре это озеро еще называют *Тогас* (*Токас* — Сытная пища). По некоторым данным, в озере очищались души людей после смерти, из-за этого к озеру обращаются в поминальных песнях.

По ногайским поверьям, озеро Манас питает водой все человечество на земле, от него отходят все реки и ручьи. Вода Манаса холодная как лед, вкусная и густая, как кобылье молоко, старых людей она молодит, молодым дает богатырскую силу. В Индии, где в древности были государства тюркских султанов, сохранилась река с подобным названием, земля, по которой течет эта река, считается заповедной.

В ногайском фольклоре рассказывается о близнецах по имени Манас и Танас, они представляют поколение первых людей на земле, великанов. Имя героя ногайского эпоса Алпамыс часто употребляется в произношении Алп-Манас, Алп-Манашы. Ногайский ученый Ашим Сикалиев переводит имя Манашы как великан-людоед. Грандиозный эпос киргизского народа называется «Манас», по имени главного героя. Говоря о родословной Манаса, киргизские сказители указывают на его ногайское происхождение.

МУИЗ — РОГ

Слово *муиз* в переводе на русский означает рог. В ногайской мифопоэтике рог является сакральной вещью.

«*Ол абдем халкымызга муьиз!*» («Этот человек для нашего народа рог!»), — говорят ногайцы о человеке, воплотившем лучшие черты народа и ставшем его достоянием, достигшем почета, славы. Подобное отношение к рогу существует у многих народов. У литовцев скальса — рог изобилия, воплощение счастья, процветания. Ногайцы в этом предмете тоже видели воплощение благополучия, изобилия и счастья.

Среди ногайских родов особенно почитались бараньи рога *кошкар муиз*. При переезде семьи бараньи рога закапывались в пол жилища, считалось, что они принесут счастье на новом месте. Рога оленя, тура часто шли на изготовление сосудов для питья, ими же украшали стены дома. Орнамент с изображением бараньих рогов широко применялся в прикладном искусстве, он особо выделялся на войлочных коврах, на одежде. Когда-то орнамент *кошкар муиз* символизировал солнечное божество.

МУШЕЛЬ

Мушел — это название 12-летнего ногайского народного календаря. Он бытует у ногайцев с незапамятных времен. У древних тюрков календарь был зафиксирован еще в Орхоно-енисейских надписях. По нему ногайцы разделяли время на 12 лунных лет. В свою очередь, каждый год делили на 12 лунных месяцев, месяц делился на недели, а недели — на дни. В изданном в 1963 году «Ногайско-русском словаре» дана таблица с наименованиями годов, о ногайском календаре мушель писали ногайский писатель Суюн Капаев и доктор исторических наук Рамазан Керейтов.

Первым годом 12-летнего календаря считается год мыши — *шышкан йылы*. Затем следуют: год коровы — *сыйыр йылы*, год барса — *барс йылы*, год зайца — *коян йылы*, год рыбы — *балык йылы*, год змеи — *йылан йылы*, год лошади — *йылкы йылы*, год овцы — *кой йылы*, год обезьяны — *мешин йылы*, год курицы — *тауык йылы*, год собаки — *ийт йылы*, год свиньи — *донгыз йылы*. В течение многих веков у ногайцев сложились характеристики каждого года. Так, год мыши считался урожайным,

плодовитым. Год коровы и год барса тоже считались хорошими. Исследовавший эти характеристики Рамазан Керейтов приводит такую поговорку: «*Барс йылында баъри битер, баъри битнесе де тары битер*» («В год барса все вырастет, если не все, то просо обязательно вырастет». 19, с. 186).

Существовала народная характеристика и в стихотворной форме:

*Барс йылы – байлык,
Йылкы йылы – тойлык,
Сыйыр йылы – токлык,
Кой йылы – кытлык,
Коян йылы – йотлык.
(Год барса – богатство,
Год лошади – пиршество,
Год коровы – сытость,
Год овцы – недостаток,
Год зайца – бедствия).*

Год зайца и год рыбы считались нехорошими годами. К году змеи было двойное отношение: в этом году могли быть войны и стихийные бедствия, и хотя год считался теплым, но уверенности в урожае не было. Год лошади предвещал холодную зиму, однако ногайцы этот год любили. Писатель Суюн Капаев приводит любимое выражение ногайцев: «*Йылкы йылым алдыда*» («Мой год лошади впереди»), означающее «Мой счастливый год впереди». Считалось, что в год лошади могут произойти знаменательные события. Год овцы и год курицы, хотя и были неплохими, но могли стать кровавыми. Коварным и переменчивым считался год обезьяны. Год собаки считался трудным и нудным, он призывал людей быть терпеливыми. Год свиньи считался плохим, в этот год могли произойти стихийные бедствия и кровопролитные войны.

По тенгрианскому летоисчислению, пять мушелей считается одним годом. Такая шестидесятиричная система была еще в древнем Вавилоне. По данным казахских исследователей (Т. Асемкулов), нормальный срок жизни 120 лет, т. е. два года. По тенгрианскому календарю сейчас идет 270 год, это более 16 тысячелетий.

Легенда «Как верблюда обманули» взята из сборника «Алал косак» (1), составитель Тахир Акманбетов. Легенду обработал автор данной книги.

Как верблюда обманули

Было это давно, когда у животных, птиц и насекомых был один язык и они меж собой разговаривать умели. Как-то собрались вместе птицы, животные и насекомые. Они хотели поговорить о делах насущных. Но дул ветер, и никто из собравшихся не мог расслышать, что говорит их собеседник. Стоял сплошной гвалт. Тогда сова-обыркус, знавшая многие тайны и самая мудрая, одним дуновением оставила ветер. Собравшиеся сразу притихли и признали ее старшинство.

— Нам необходимо время различать, а для этого нужно придумать названия годов. Самое трудное — это именем кого назовем первый год. Все хотят, чтобы его имя стояло впереди. Я думаю, будет справедливо, если мы первому году дадим имя того, кто первым увидит восход солнца.

Больше всех обрадовался верблюд. Он был самый высокий среди собравшихся. Танцуя от удовольствия, он взобрался на курган из золы и стал ждать восхода солнца. Но надо же было случиться такому, что мышь, жившая в норе кургана, которая толком не разобрала поставленную совой задачу, взобралась на верблюда и, сидя возле его уха, пронзительно закричала:

— Солнце восходит! Ура! Какой прекрасный мир!

Верблюд замотал головой. Мышь спрыгнула с него и юркнула в свою нору. Верблюд затопал ногами, затем повалился на спину и стал кататься по золе, чтобы раздавить мышь.

Так первый год календаря стал называться именем мыши, а имя верблюда даже в двенадцатилетний цикл не попало. Поэтому верблюд, увидев бугор из золы, сгибает колени и начинает кататься по золе, чтобы задавить мышь, желая отомстить за давний случай.

Люди, видя, что кто-то совершает глупость, говорят: «Рост как у верблюда, а ума с пуговичку нет».

Но верблюд не самое глупое животное, просто однажды он поступил опрометчиво.

МЫС

Мыс — в мифологии дух человеческой ауры, аурака. Ногайцы в быту словом *мыс* называют благовоние. Когда пахнет благовониями, обычно говорят: «*Мыс кокыйды*». В мифах словосочетание *ас-мыс* означает человеческая пища – человеческий дух (см. главу «Аса-Муса»). Каракус, елмауыз, топекоз, чуя спрятавшегося человека, непременно произносят: «*Ас-мыс ийис — адам ийис!*» («Дух пищи, дух благовония – человеческий дух!»).

НАРТ

Нарт — богатырь, представитель первопредков в ногайской мифологии. Нарты широко представлены у кавказских народов: осетин, карачаево-балкарцев, адыгов, абхазов, кумыков и др.

Т. М. Хаджиева в предисловии к академическому изданию книги «Нарты. Героический эпос карачаевцев и балкарцев» отмечает: «Если кавказские традиции объясняются кавказским субстратом и типологическим единством, то тюрко-монгольские параллели помимо типологического сходства обусловлены генетической общностью, этническим и языковым родством, общей эпической архаикой. При этом, если с эпическими памятниками народов Средней Азии исследуемый эпос роднят в основном языковые, стилистические особенности, ритмическая организация стиха, то с эпосом якутов, алтае-саянских народов, бурят, монголов — совпадения тем и сюжетов, сходство целого ряда мотивов, ситуаций, мифологических и религиозных образов и представлений» (24, с.12).

Один из главных нартоведов у осетин В. И. Абаев указывает, что слово нарт заимствовано осетино-аланами у монголов. Монголы солнце называют *нара*. И по мнению ученого, нарты считались «детьми солнца». К этому хочется добавить, что слово *нар* широко распространено у ногайцев, казахов, каракалпаков и других тюркских народов. Солнечное животное одногорбого верблюда ногайцы называют *нар*, казахи словом *нарттай* обозначают ярко-красный цвет, а слово *нар* у них еще означает большой, крепкий, сильный. Ногайцы тростник называют *нар-камыс* (солнечный камыш), карачаевцы и ногайцы словом *нарат* обозначают горную ель. Мифологический образ нарт нередко встречается и в эпических песнях ногайцев. Нартом у ногайцев называется безупречный богатырь,

воин с исключительными качествами. В эпической песне «Эдиге» Нурадин, сын Эдиге, говорит о себе так:

*Яныма алпыс явлар иертип,
Нарт сайлаган мырза ман,
Кыйыны тийген баьтирге,
Кыйын коьрген пакырга,
Алапасын артык берген мырза ман,
(Шестьдесят врагов преследовали меня,
Нарты выбрали меня мурзой,
Трудность испытавшим батырам,
В нужде жившим беднякам
Я щедро добычу раздававший мурза.)*

У ногайцев сохранились мифопредания, похожие на нартские сказания. Это предание об Акбилек (Белорукой), которая идентична распространенной среди черкесов легенде об Адиух. Надо отметить, что в исторической литературе, военных русских ведомостях крепость, которую черкесы называют в честь Адиух, постоянно именуется по-ногайски Акбилек. Ногайская легенда об основателе рода Ашамай полностью совпадает с нартским сказанием о мальчике Ачемезе, отомстившем за отца. Об этом сходстве было написано в историческом эссе «Бессмертная смерть» (11, с. 474) автора данной книги. К сожалению, «Легенда об Ашамае» содержит немалое количество песенного текста, а также из-за большого объема она не может быть включена в данную книгу.

НАУРУЗ

Наурыз — название новогоднего праздника, проходящего с 21 на 22 марта, в день весеннего равноденствия (*куьнделим*). Празднику приписывается иранское происхождение. Само слово состоит из двух иранских: *нов* — новый и *руз* — день. Праздник был широко распространен среди тюркских и ираноязычных народов, корнями он уходит в домусульманское время.

Доктор исторических наук, известный ногайский этнограф Рамазан Керейтов в книге «Ногайцы. Особенности этнической истории и бытовой культуры» довольно подробно описывает традиционные праздники ногайского народа. Центральное место уделяется празднованию кубанс-

кими ногайцами Науруз-байрама. «В этот день группа юношей ходила по аулу с ветками облепихи или терна (с голыми, даже без почек, ветками, порода дерева не имела значения — И. К.), на которые прикреплены (нитками — И. К.) подснежники. Юноши заходили в дома, предлагали подснежники, пели песни, получали подарки. В этот день пекли различные сладости, резали жертвенных животных, устраивали игрища. Люди ходили в гости друг к другу (поздравлять с праздником — И. К.). В преддверии этого дня женщины убрали дома, выносили вещи (проветривать — И. К.), чистили двор, вытряхивали пыль, белили стены, пол обмазывали глиной, а в юртах со всех сторон приподнимали войлок, проветривали, в иных случаях вообще ставили юрту на новом месте. Ненужные старые вещи предавали огню. Если погода позволяла, молодежь за окoliцей устраивала качели, вокруг них плясали» (19, с. 189).

Когда мальчики, подростки ходили по дворам с веткой, к которой были привязаны подснежники, обязательно пелись песни о Науруз-байраме. Эти песни сохранились, они поются по сей день. В текстах этих песен через яркие эпитеты выражается радость по поводу прихода весны, некоторые строки песен несут глубокую информацию о мифологических представлениях ногайцев. Например:

*Яз келди яппан,
Тигилди кара шапан!
Энди келди яз заман,
Шабьден, шабьден!
Азан! Азан!
Наврыз келди мубаьрек!
(Весна пришла, расстилая
Пошитый черный халат!
Теперь приходит обновление
С подснежником, с подснежником!
Призывая все хорошее,
Нуруз пришел с поздравлением!)*

В следующей песне демонстрируются мифологические персонажи, символизирующие благополучие:

*Кетти кыстынъ токсаны,
Келди яздынъ бостаны,
Юз болды, яз келди,
Уьйрек пен каз келди.
Азан! Азан!*

*Навруз куьни мубаьрек!
Яз келди деп суйингиз,
Яз опырак кийингиз.
Ай, Айбийке, турып бак,
Ак сандыкка колынъ как.
Азан! Азан!*

*Наврыз куьни мубаьрек!
Ай, Куьнбийке, эсик аш,
Наврыз келди, шашув шаш.
Явлык берсенъ – йылтырат,
Акша берсенъ – сылтырат.
Азан! Азан!*

*Наврыз куьни мубаьрек!
Наврыз йырлай келдик биз,
Ишилдердинъ эсигине.
Нарик улы Шорадай
Баьтир берсин бесигине.
Азан! Азан!*

*Наврыз куьни мубаьрек!
(Девяносто дней зимы канули,
Пришел весны цветник.
Сто прошло, весна пришла,
Утки и гуси прилетели.
Призывая благополучие,
Науруза праздник настал!
Радуйтесь весне,
Летние одеяния накиньте.
Ай, Госпожа Луны, пригляди за всем,
В белый сундук с руки стряхни.
Призывая благополучие,
Науруза праздник настал!
Ай, Госпожа Солнца, двери отворяй,
Науруз пришел, благодатью осыпай.
Если платок даришь – пусть блестит,
Если деньги даришь – пусть звенит.
Призывая благополучие,
Науруза праздник настал!
Мы с песней Науруза пришли
К дверям тружеников.
Как Шора Нарика сын
Пусть вырастут батыры в колыбели.
Призывая благополучие,
Науруза праздник настал!*

Подстрочный перевод – И.К.)

Текст песни цитируется по книге «Ай, Айданак» (1).
В Дешт-и-Кипчаке издавна бытовали легенды о ми-

фологическом персонаже Наурузе. Их приводит в своем исследовании казахский ученый Серикбол Кондыбай. «По одной из версий этой легенды Наурыз был плохой, злой человек, отъявленный вор. Он каждый год умирал, и в честь этого радостного события люди устраивали праздник (жертвенную трапезу). Но вскоре после этого Наурыз снова оживал. По другой версии, Наурыз был одним из старших братьев (других звали Казак и Созак). Наурыз был бездетный и перед смертью он позвал своих братьев к себе и передал им свое завещание: «После меня не останется потомства, значит, мое имя исчезнет. Если вы хотите, чтобы мое имя сохранилось, каждый год в день моей смерти устраивайте по мне поминки». Братья исполнили его просьбу и ввели в традицию ежегодно справлять по нему поминки» (14, с.183). Приведя эти легенды, Серикбол Кондыбай делает вывод, что «образ «человека Наурыза» восходит к древнейшим мифологическим представлениям об умирающем и вновь возрождающемся божестве».

Любопытно, что кое-какие предания о мифологическом Наурузе сохранились и у ногайцев. Самое поразительное то, что ногайский Науруз имеет сходство с реальным историческим лицом. Одного из сыновей основателя Ногайской Орды Эдиге звали Наурузом. И он был бездетным. Легендарный полководец Эдиге, будучи также фактическим правителем Золотой Орды, неоднократно бывал на Северном Кавказе. В устье Кубани он основал город, который в исторических документах называется его именем (Атике). В середине 16 века дети внука Эдиге Орака, Казый и Карасай, образовали на Северном Кавказе Малую Ногайскую Орду, у которой поначалу был самостоятельный статус, но после Малые Ногаи находились в вассальной зависимости от крымских ханов. В исторических документах с 16 по 19 век очень много сообщений о ногайцах Малой Ногайской Орды. В конце 17 века появляются сообщения о наурузовских ногайцах, живущих на Лабе и верховьях Урупа. Так они были названы по имени сына Касая (бий — глава известной в истории Касаевской Орды на Кубани) Науруза. Они тоже являлись потомками Эдиге. В 18 веке большая часть наурузовских ногайцев была истреблена калмыцкими тайши и царскими генералами. Часть этих ногайцев отошла к группе султан-ульских ногайцев (солтан-ул — племя ногайцев, у которых правили

отпрыски ханов; солтан, султан — значит царевич), а какая-то часть ушла в горы Чечни. Судьба ушедших в Чечню наурузовцев не совсем ясна. Есть сведения о том, что какие-то ногайцы давно были ассимилированы горцами. Та же часть, которая отошла к султан-ульцам, по велению Потемкина была переселена в оренбургские степи и расселена среди казахов и татар. Князья Наурузовы какое-то время оставались на Северном Кавказе на Кубани, но после массового переселения ногайцев в Турцию в середине 19 века эта фамилия в русских документах не встречается.

По устным преданиям, когда Науруз переселялся в горы, он унес ханские сокровища. Определенными данными историческая наука не располагает, но известно, что это были сокровища золотоордынских ханов, которые до того находились в руках хана Ахмата (убит в 1480 году, после «стояния на Угре»). Устные легенды как наиболее ценные сокровища называют золотую статую человека, золотую голову коня Тохтамыша, усыпанный драгоценностями венценосный головной убор — корону или, точнее, шапку хана, украшенную драгоценностями, золотую чашу сакрального предназначения и множество украшений. Пропали и золотые кони, стоявшие у ворот Сарая. Среди ногайцев наурузовцы были известны как «стерегущие золото хана» («хан алтыннынъ саклаушылары»), в ранних русских документах говорится о «ногайцах, стерегущих наурузовские высоты».

Сохранились записи предания о наурузовских ногайцах и отрывок из песни, которую автор этой книги записал у жителя аула Кызыл-Юрт (бывший Балта-аул) Магомета Есенева.

*Басым бар деп куванма,
Бассыз калган куьн болган,
Юлдыздай быдыраган
Токтамыстынъ таьж боьрки,
Кайтпаска иесин йойган.
Халкым коьп деп куванма,
Давлет бар деп мактанма
Куьмис саплы камышы
Баскага олжа болган.
Балды куйып ким ишпес,
Аьп-ме аьзир толмага
Ханнынъ саьар аягы,*

Бар болганнан не пайда,
Алмага кол болмаса.
Аты эрек йолларда,
Энди де киснеп юреди.
Ога карап ясалган,
Саф-алтын ман куйылган
Кара йоргадынъ басы
Ерге терен казылган.
Тапкыр болсанъ, тап тавдан
Навруз койган тобесин.
Таппасанъ да излерсин,
Айтканымга карарсын,
Мени эске аларсын.
Наврыз куьнде кутларсын!
(Не радуйся, что есть голова,
Без головы тоже человек остается,
Звездами украшенная
Токтамыса венценосная шапка
Безвозвратно потеряла хозяина.
Не радуйся, что много подвластных,
Не хвались своей мощью,
Если с серебряной рукоятью камча
Для других добычей стала.
Наполнения просит
Чудесная ханская чаша,
Только что с того,
Если нет руки ее поднять.
Скакун в дальних краях
Еще ржет на дорогах.
На него глядя,
Из красного золота вылили
Черного иноходца голову,
Она теперь глубоко в землю зарыта.
Если находчивый – ищи в горах,
Где Науруз воздвиг курган.
Если не найдешь –
все равно будешь искать,
Над моими словами будешь
размышлять,
Меня будешь вспоминать,
На праздник Науруза
будешь поздравлять!

Подстрочный перевод – И.К.)

По легенде, князь Науруз был бездетным. Перед своей смертью он где-то высоко в горах воздвиг курган, в котором закопал сокровища хана Тохтамыша. Приведенная песня удивительна тем, что в ней упоминается праздник Науруза.

Что касается сокровищ хана Тохтамыша, то их ищут более шести веков. Не знают, куда делись вместе с уникальными золотыми изделиями и золотые кони, стоявшие у ворот столицы Золотой Орды Сарая. В исторических документах потомки Эдиге Муса, Ямгурчи вместе с сибирским ханом Ибаком внезапно захватили лагерь хана Большой Орды Ахмата («стоявшего» в 1480 году на Угре). Ахмат был потомком Тохтамыша. Хан Ибак, который в летописях себя называет ногаем, найдя хана в шатре, задушил его собственными руками. По другой летописной версии, хана Ахмата убил внук Эдиге Ямгурчи. Ханский обоз вместе с ханской казной был захвачен ногайскими предводителями. В таком случае сокровища должны были попасть в столицу Ногайской Орды Сарайчик или в столицу Сибирского ханства. Но выясняется другое. В это время в Большой Орде беклербеем (вторым лицом в ханстве, главнокомандующим войск) был Темир, сын другого сына Эдиге, Мансура. Незадолго до нападения родственников на Орду Ахмата Темир вывез детей хана и все самое ценное. Детей он передал Крымскому хану, а о том, что стало с сокровищами, не говорится ни слова. Видимо, сокровища в это время изменили направление движения, для того, чтобы они не попали в руки Крымского хана, их увезли на Северный Кавказ.

В исторической литературе есть и косвенные доказательства того, что золотоордынские ценности попали к ногайцам. Академик В. М. Жирмунский, ссылаясь на книгу В. П. Семенова (Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Т.6. Среднее и Нижнее Поволжье, Заволжье. СПб., 1901 г.), дает такое описание: «Около р. Ахтубы, в 8 км от Царева, расположенного близ развалин древнего Сарая, находятся так называемые Мамаевские курганы. Один из них имеет 15 сажен вышины, 100 сажен в окружности и обнесен валом.» «При раскопках открыт был склеп, заключавший в себе три гроба: мужской и два женских остова, лежавшие в них, были обернуты в парчу и шелковые ткани... Сохранилась легенда, что в этом кургане и теперь спит Мамай, живой, и

сторожит зарытого там золотого коня» (25, с. 513). В данном случае речь идет не о Мамае, потерпевшем поражение в Куликовской битве, а о легендарном полководце Ших-Мамае, сыне Муса-бия, правнучке Эдиге. Ших-Мамай в 1523 году совершил дерзкий поход из Астрахани на Крымское ханство. Захватив огромные богатства, он вернулся в Ногайскую Орду. Крымские ханы долго не могли забыть поход Ших-Мамаея. Однако прямых указаний на то, что в захваченной добыче были золотоордынские ценности, нет.

Все это гипотезы, версии. Попали сокровища на Северный Кавказ или не попали, до сих пор остается тайной. Предания путают имя бездетного Науруза, жившего в 15 веке, и Науруза, жившего на два столетия позже. Но о ханском золоте упоминается в тексте приведенной песни. И вот еще что непонятно: причем тут праздник Науруза?..

О ханских сокровищах сохранилось еще одно любопытное предание. Когда калмыки совместно с царскими войсками устроили резню ногайцев (речь идет о походе калмыцкого тайши Дондук-омбо в 1736 году), окруженные калмыками солтан-ульские ногайцы должны были подвергнуться полному истреблению. Калмыки в этом походе, захватывая ногайские аулы, уничтожали все мужское население. Тогда ногайские князья послали разведчиков к царским офицерам с просьбой, чтобы солтан-ульцев пленили царские войска. За это царским офицерам было обещано ханское золото величиною с голову коня. Руководство царских войск исполнило просьбу ногайцев. Несмотря на крайнее недовольство калмыков, солтан-ульцы без значительных потерь были переведены в российские пределы, за что царские офицеры получили вознаграждение. События, связанные с кровопролитнейшим для ногайцев исходом, описаны в исторической науке (В. Виноградов, Потери возмещать сторицей, ж-л «Половецкая луна», № 3, 1993 г.). Однако о золоте в них нет никаких упоминаний.

ОБЫР

Обыр — мифологический персонаж в облике злой старухи. По ногайским поверьям обыр — это кровожадное демоническое существо, в которое вселился дух умершего самоубийцы. Самоубийц не хоронили на кладбищах, и считалось, что их дух не принимается в обитель аруаков.

Ногайцы сову называют *обыр-кус* (птица обыр). Эта птица вбирает в себя дух умершего человека, по какой-либо причине обиженного на родственников: либо из-за того, что он должным образом не был похоронен и помянут, либо из-за того, что он и вовсе не был предан земле. Обыр-кус ищет жертву среди живых людей. Часто он находит красивую женщину и ей передает злой дух.

Этимология слова *обыр* восходит к слову *об*, *обты* — глотай, проглотил. В прозаическом фольклоре часто встречается *обыр-куртка* (старуха обыр), обычно она привлекает к себе детей, чтобы пить их кровь. Она также пьет кровь у слабых и у спящих людей. В данном случае имеет место полное фонетическое и смысловое соответствие *обыра* и русского мифологического персонажа *упыря*.

Считалось, что обыр оборачивается кошкой и по ночам выдаивает молоко у коровы, ворует куриные яйца. Ногайцы в день похорон запирали где-нибудь в помещении кошек из дома покойного. Это делалось для того, чтобы обыр в облике кошки не смог навредить умершему. Потому и мертвое тело до самого погребения не оставляли без присмотра. Ногайцы по обычаю хоронят умершего в первую половину дня, а если смерть случилась под вечер, то до самого утра возле тела покойного сидят близкие.

В мифопреданиях у обыра имеются враги. Это аздага, елмауыз и другие крупные мифологические персонажи. Обыр часто помогает героям сказок победить их. Обыр

обладает провидческими способностями. Человека, который предвидит события, называют обыром.

Образ обыра широко известен среди поволжских татар, башкир, казахов, крымских татар, турок, славянских и угроязычных народов. Предки тюркских и угроязычных народов и в Европе распространили образ *обыра*, который трансформировался там в вампира.

ОБЫРКУС, МАНКА-КУС, ЯПАЛАК

Обыр-кус, манка-кус — это названия птицы совы. Филина ногайцы называют *япалак*. Эти птицы в фольклоре несут мифологическую нагрузку. В ногайских песнях совы и филин постоянные спутники идущих на испытание батыров. Они зловещие, навевают батырам тревогу. В некоторых преданиях сова олицетворяет мудрое существо, обладающее качествами прорицателя. В главе «Мушель» мы приводили легенду о распределении названий в двенадцатилетнем цикле ногайского календаря. В ней сове отдается первенство, и она ставит задачу перед собравшимися животными и птицами.

В книге «Алал косак» (составитель Тахир Акманбетов) опубликована еще одна легенда о мудрой сове. Легенду обработал автор данной книги.

Ответы мудрой манка-кус

Давным-давно, когда коза пухла от сытости, когда на льду пшеница росла, когда и на камнях просо прорастало, когда вода закипала и в сметану превращалась, когда муравьи, как овцы, крупные были, жил один птичий хан. Когда у этого хана родился сын, он решил в честь этого события пир устроить. У хана жена была очень коварная, и она сказала:

— Собери птиц на пир, а затем им головы поотрезай, из костей колыбель сооруди, из пуха подстилку сделай.

Хан во всем слушал жену и решил исполнить то, что она посоветовала. Он созвал всех птиц, но только манка-кус отсутствовала среди пришедших.

Хан рассерчал и велел своим стражникам найти и привести сову.

— Почему мое требование не исполняешь? Почему не пришла по первому зову? — гневно спросил он, когда стражники привели птицу.

— Я прилетела вовремя, но был такой гвалт, никто никого не слышал и не видел, поэтому покинула это собрание, — ответила та.

— Ты слынешь мудрым существом. А потому задам я тебе три вопроса. Если не ответишь на них — мой меч снесет твою голову, и она достанется мне!

— Хорошо! — согласилась манка-кус.

— Чего больше в году: ночей или дней? — задал первый вопрос хан.

— Если те дни, когда небо тучами затянуто, прибавить к ночам, то ночей больше, — ответила манка-кус.

— Кого больше: мертвых или живых?

— Если никогда не испытывших радость несчастных к мертвым прибавить, то мертвых больше, — ответила манка-кус.

— Кого больше: женщин или мужчин? — спросил хан.

— Женщин больше, потому что многие мужчины своих женщин слушают, — ответила манка-кус.

Хан понял намек мудрой птицы и не стал слушаться коварного совета жены.

ОГУЗ-ХАН

Огуз-хан — первоцарь древних тюрков. Отголоски его мифологизированного образа имеются в ногайской мифологии. В современном ногайском языке слово *обгиз* означает вол, но в древнетюркском языке оно означало бык. Бык являлся одним из тотемов тюркских племен. Казахский поэт, исследователь Олжас Сулейменов говорит о фонетическом и смысловом сходстве тюркского слова *огиз* и английского слова *окс* (бык) (Оксфорд).

Принято считать, что от Огуз-хана произошли турки, азербайджанцы, гагаузы и туркмены, а такие огузс-

кие племена, как келечи (каладж), канглы, сельджеут и другие принимали непосредственное участие в этногенезе ногайского народа. Даже кипчаки входили в огузские государственные образования. Огузы как древнетюркское племя упоминаются в Орхоно-енисейских литературных памятниках. «История Огуза и его потомков, а также упоминание о султанах и владыках тюрков», написанная на основе устных преданий, у Рашид-ад-дина является вступительной частью его знаменитого сочинения «Джами аттаварих» («Сборник летописей»). Эта часть часто переиздается под названием «Огуз-наме».

Сам Огуз-хан — реальное историческое лицо. Он жил во втором веке до нашей эры и возглавлял гуннское государство. Известный ученый Н. Я. Бичурин пишет, что в китайских источниках он именуется Мо-Тун, Моде. В главе «Ер-иеси» приводилась древняя легенда о Мо-Туне.

Об Огуз-хане сохранилось немало замечательных преданий, которые ярко подчеркивали образ древнетюркского правителя. В историческом памятнике «Родословная тюрков» Абулгази и в литературном изложении тюркского эпоса Рашид-ад-дина «Огуз-наме» в числе дальних предков Огуза указывается даже пророк Нух (библейский Ной). В карлукско-уйгурской версии мифа говорится о том, что Огуз-хан был зачат матерью от лучей света, что свидетельствовало о его небесном происхождении. В книге Рашид-ад-дина «Огуз-наме» рассказывается, что он родился мусульманским богатырем и с самой молодости совершил множество подвигов. По карлукско-уйгурской легенде, Огуз-хан был женат на небесной деве. От нее у него родились сыновья: Кюн (Солнце), Ай (Луна), Юлдуз (Звезда), от второй, земной жены родились младшие сыновья: Кок (Небо), Таг (Гора), Тенгиз (Море). Огуз-хан, завоевав много стран, устроил пир, и на пиру разделил завоеванное между сыновьями. Но сначала он устроил порядок внутри своего рода. Старшим сыновьям вручил разломанный лук и велел называться *бузук* (разломленный на части), а младшим сыновьям дал три стрелы и велел называться *учок* (три стрелы). Потомки Огуз-хана стали делиться на два крыла: бузуки и учки.

Одно из самых ранних сообщений о поэтических дестанах (поэмах) об Огуз-хане сделано мамлюкским (мамлюк — «белый раб», по тюркской этимологии «волчонок») историком Абу Бакра ибн Абдаллах ибн Айбек ад-Давада-

ри (ум. в 1332 г.) в сочинении «Дурар ат-тиджан ва гуарар таварих аз-заман». Приведем один замечательный фрагмент из этого труда: «Я хочу изложить здесь рассказ о появлении и выступлении этого племени (тюрки) и рассказать об их делах. Это — краткое изложение того, что встретилось мне в книге, написанной на их родном (уйгурском) языке и называемой «Улу-хан ата Битикчи», смысл и значение которой «Книга о великом владыке отце». С этой книгой не расставались тюрки-моголы, кыпчаги и они относились к ней с таким же большим почтением, как другие тюрки относились к книге, которую они называли «Огуз-наме». Они передают эту книгу от поколения к поколению. В этой книге повествуется о начале их (огузов) истории, их появлении, а также излагается жизнеописание их первого и самого великого владыки Огуза» (Ф. Рашид ад-дин, Огуз-наме, изд-во «Элм», Баку, 1987 г.). В ногайском эпическом фольклоре, хотя имя Огуза прямо не указывалось, в одних случаях он назывался Баслык-ханом (Начальным ханом), в других, как и в приведенной цитате, Уллы-ханом. В знаменитом монологе, где Сыбра-йырау излагает родословную ногайских ханов, есть такие строки:

*Алак ханнан тогыз хан,
Уллы ханнан отыз хан,
Оны коьрген картынъман.
(После Алак хана девять ханов,
После Уллы хана тридцать ханов –
Их видевший я – твой старец.)*

Имя Огуз-хана сохранилось в прозаическом фольклоре. У ногайцев до сих пор бытует одна поговорка; самонадеянному ребенку старые люди часто говорят: «*Оьзим, оьзим деп, Огиз болгасынъма?*» («Все на себя беря, ты Огуз что ли?»). Некоторые ногайцы в этом случае слово *огиз* понимают в значении «вол». Но нам думается, что поговорка сохранила воспоминание о легендарном правителе.

Сам этноним *огуз* в названии ногайских родов и племен отсутствует, но даже в средние века предки ногайцев этноним так не называли. У ногайцев, как и в русских летописях, этноним произносился, как *уз*, *уыз*. По-ногайски это слово означало родственник. Слово проникло и в русский язык, что мы видим в словосочетании: «родствен-

ные узы». Не ногайское ли слово легло в основу этого выражения?

Один из родов в Караногае носит название *ускуьби* (этот род был и среди азовских ногаев), этимология данного этнонима связана с двумя словами: *уз* (огуз) и *куьп* (объединение). Этноним означает объединение узов. Вероятно, этноним ускуб лежит в основе этнонима скиф. Олжас Сулейменов тоже склонен в этимологии этнонима *скиф* и *сколот* видеть связь с тюркским этнонимом огуз (5) (см. в главе «Умай» предание о происхождении рода *уськуп*).

ОЙСЫЛ-КАРА

Ойсыл-Кара — покровитель верблюдоводов, хозяин верблюдов. Ногайцы давно не разводят этих животных. В 70-е годы прошлого столетия в Караногае в одном хозяйстве было десять верблюдов. Нерадивый директор совхоза сдал их всех на мясокомбинат. Так оборвалась в ногайском народе тысячелетняя традиция верблюдоводства. Это животное неприхотливое, ухаживать за ним просто. Верблюдов никогда не пасли, они сами себе находили корм в степи. И при этом приносили много пользы. Из их шерсти изготовляли теплую одежду, кошмы, одеяла. Верблюжье молоко очень питательно. Верблюда использовали при далеких переездах, на нем степняки перевозили свои жилища и тяжелые грузы. У таких известных мифологических персонажей, как Асан Кайгылы, Коркут, Сеитбаба главным ездовым животным были верблюды. В главе «Ата» мы приводили песню о патронах животноводства. Там есть такие строки:

*Туье атасы – Ойсыл-Кара,
Туье берсенъ бойлысын бер.
(В верблюдоводстве – Ойсыл-Кара,
Если даешь верблюда – дай рослого.)*

Ойсыл-Кара — покровитель верблюдоводства. Этот персонаж известен и у казахов. Учитывая наличие в его имени слова *Кара* (черный, могучий), некоторые исследователи считают, что покровитель верблюдов был негром. Хорезмийские узбеки именовали его Султан Ваисом, а туркмены считали зятем пророка Мухаммеда (14, с.187).

ОЛИК-ЕР – МЕСТО МЕРТВЫХ

Олик-ер — место мертвых. Оно находилось в Нижнем мире. Обычно живые люди не могли туда добраться, а если добирались, то не могли выбраться. Поэтому это место еще называли так: «*Барса-келмес*» («Пойдешь — не вернешься»). Это место в Нижнем мире отделяла река Тоймадык (Ненасытная), наполненная слезами людей. Четких представлений об Олик-ер не сохранилось. Понятно, что в нем царит полное равнодушие и обитатели его обречены пребывать там вечно.

Картина загробного мира в ногайских мифопреданиях претерпела значительную трансформацию в связи с влиянием мусульманского мировоззрения. Это видно на примере сказки «*Прекрасный юноша в змеиной шкуре*» (1). В этой сказке герой попадает в царство мертвых. Сюда его посылает отец по наущению старших сыновей и их жен. Отец велит сыну принести кольцо умершей матери. Сначала джигит, попав в загробный мир, встречает юношу с двумя свиньями. Свиньями оказываются родители юноши. Так они наказаны за то, что всю жизнь ругались и не могли терпеть гостей. Затем он встречает женщину с большим лбом, который закрывает ей даже глаза. Она наказана за то, что ссорила всех людей между собой. Затем ему встречается корчащийся от боли старик. Старик мучается из-за того, что в жизни был плохой и его не вспоминали родные дети. После джигит видит женщину, у которой вместо живота ручная мельница. Это наказание ей за то, что она была ненасытная и обманывала аульчан, недодавая муку после молотбы. Затем он видит сплетницу, повешенную за язык, затем — греховодницу, горящую в огне. После ему встречается озеро, к которому подлетают воробьи. Часть воробьев пьет воду, а другая часть, не напившись, улетает с озера. Оказывается, что напившиеся озерной воды воробьи — это дети от законного брака, а те, что не напившись — незаконнорожденные. В конце концов джигит находит умершую мать. Женщина отдает сыну кольцо, и джигит в змеиной шкуре покидает место мертвых.

Все показанные в сказке наказания характерны для тех, кто попадает в мусульманский ад, но любопытно то, что обитатели загробного мира не имеют желания выбраться оттуда и свои мучения воспринимают как долж-

ное. Последнее характерно для древнего мифологического мира предков ногайцев.

ОМИРЗАЯ – ГОРИЦВЕТ

Омирзая — так ногайцы называют растение горицвет. Он еще известен под названием адонис весенний. Свою этимологию название ведет от слов *омир* (век, жизнь) и *зая* (во вред, зря, напрасно); название можно перевести как жизнь напрасно, зря прожитая жизнь. Так ногайцы прозвали горицвет из-за того, что это лекарственное растение, употребляемое людьми при сердечных заболеваниях, может нанести ощутимый вред. Недаром его не поедают животные.

Согласно греческой легенде, Адонис родился от кипрского царя Кимира и его дочери Мирры. Венера, которая изначально была замешана в интриге рождения мальчика, внушила Мирре страсть к родному отцу, чтобы отомстить жене царя. Боги превратили несчастную царевну в дерево мирру. А из сока дерева родился мальчик. Мальчик был очень красив. Венера отдала Адониса на воспитание Персефоне, жене царя подземного Аида, с условием, что когда ребенок вырастет, он вернется к ней. Но когда подошло это время, Персефона не захотела выполнить свое обещание. В их спор вступил Зевс, который решил, что юноша в летнее время будет жить на земле с Венерой, а зимой вместе с Персефой под землей. Адонис погиб во время охоты от клыков кабана. Венера оплакивала возлюбленного, а затем превратила его в цветок.

У родственных ногайцам казахов это название носит звезда, иногда, говоря «омирзая», подразумевают Венеру. Последнее очень странно. Казахи, как и ногайцы, Венеру называют *Шолпан*, иногда — *Танг Шолпан*. Талантливый казахский исследователь Серикбол Кондыбай, имея в виду астрономическое предназначение термина, считает, что омирзая — это звезда, дух судьбы индивида (14, с.187). На эту мысль ученого наталкивает существование у монголов и калмыков название духа, божества заячи, которое ведает судьбой человека.

Вполне вероятно, что название омирзая связано с греческой легендой об Адонисе, но преданий, свидетельствующих об этом, у ногайцев не сохранилось.

Мы полагаем, что значение слово омирзая – это дух напрасно прожитой жизни.

ОРАЙДА

Орайда — традиционный припев в древних ногайских песнях. Там он использовался в честь мифологического существа Ормегана. Другие названия мирового змея: Оран-Телегей, Юрун — долго бытовали у предков ногайцев (см. главу «Йылан»). Со временем припев орайда перешел в лирические песни. До сих пор этот припев – один из любимых среди ногайского народа, он исполняется даже в частушках.

Орайда широко бытует у соседствующих с ногайцами народов: карачаевцев, балкарцев, адыгов, осетин, абхазов и грузин. Такое распространение объясняется влиянием мощных государственных образований древних предков ногайцев: хазар, болгар, кипчаков (половцев). В этих государственных образованиях проживало и кочевое, и оседлое население.

Например, такие золотоордынские города, как Тартуп, Джулат, Мажар были известны далеко за пределами Северного Кавказа. Они прекратили свое существование только после опустошительных походов Хромого Тимура. В 12 веке для противостояния сельджукам по совету византийских правителей грузинский царь Давид 4 привлек к себе кипчаков: выделил владения в Грузии, заключил династийный брак, женившись на дочери кипчакского хана Артыка (см. главу «Ювсан»). Кипчаки, осевшие в районе Тбилиси, не теряли самобытности вплоть до 20 столетия. Хотя конечно же, проживание в непосредственной близости с другим народом в течение длительного времени способствовало культурному обмену. Старшее поколение хорошо помнит выступления в 70-е годы прошлого столетия замечательного грузинского ансамбля «Орера». Нам, жителям Северного Кавказа, импонировало знакомое название.

До написания статей о ногайских терминах бытовало объяснение припева орайда, состоящего из двух слов:

оур (высь, высота) и *айда* (гони), означающее гони выше, бери выше. Теперь же мы думаем, что архетипом слова послужило название древнетюркского мирового змея Ормегана, уменьшительно-ласкательно называемого *Орай* (Окружай).

Примечательно то, что ногайцы изначально исполняли этот припев во время массовых круговых танцев. В книге «Ногайцы» (8) и в других изданиях приводится фотоснимок массового ногайского танца «Кун-тогерек» («Солнечный круг») в Нижне-Мансуровском ауле (ныне Эркин-Халк). На фотоснимке изображена группа ногайских мужчин, одетых в черкески и папахи. Они, собравшись в круг, держа друг друга за руки, ритмично двигаются по направлению солнца. Танец «Кун-тогерек» обязательно сопровождался хоровым исполнением припева орайда.

Слова орайда, орай, связанные с именем прародительницы *Оран-Телегей*, были распространены среди народов, живущих на Востоке и Западе Великой степи. В главе «Йылан» приводились данные из исследования казахского ученого Серикбола Кондыбая; в них говорилось, что слова *уран*, *урай* имеют общие корни с монгольским словом *оронхо* (знак, знамя), калмыцким *урах*, *уракх*, якутским *урай*. К этому списку можно добавить и песенный припев *орайда*.

ОРЕЙ

Оурей — дух, охраняющий мужскую силу. Местопребывание этого духа — завиток волос на макушке. В этом месте предки ногайцев оставляли чуб — айдар, хохолок. Сам завиток, из которого прорастает айдар, называется *оурей*. Ногайцы при испуге часто говорят: «*Оурейим ушты*» («Орей улетел»). Конечно, не завиток улетает, улетает дух, охраняющий благополучие человеческой ауры. Человек, у которого были два завитка на макушке, считался счастливым.

Это слово и выражение «*оурей ушты*» сохранились и у родственных ногайцам казахов. По мнению часто цитируемого Серикбола Кондыбая (14, с. 233), *оурей* — это

древние духи, создатели Вселенной, имевшие свойства воинов.

В связи с лингвистической схожестью добавим, что орей — это дух, связанный с древней прародительницей Ормеган, Оран-Телегей, Орай. Оставляя чубы на макушке, предки ногайцев оставляли своеобразное место для бытия духа. Поэтому у ногайцев в древности был развит культ ношения айдара, хохолка. Отсюда и почитание головных уборов (см. «Тук, шаш, кыл, юн»). Украшение воинского шлема пучком волос также является воплощением этого культа.

ОТ, ОТ-ИЕСИ, ОТАБАЙ, ОТ-АНА

От по-ногайски означает огонь. У многих народов, в том числе и у древних тюрков, огонь имел сакральные свойства. В ногайской мифологии огонь имел владычицу От-иеси. Эта владычица еще называлась От-абай (Огня родительница) или От-ана (Мать огня). Считается, что огонь породило небо, поэтому владычица является небесным персонажем. По одним ногайским преданиям, душа-муха сама была огненным созданием Тангри, и велика вероятность, что огонь возник вместе с появлением человека. Родственные ногайцам карачаево-балкарцы считают, что огонь появился в результате труда небесного кузнеца Дебета. Когда он бил молотом по небесной наковальне, летели огненные искры, эти искры в виде молнии долетали до земли. Имя кузнеца Дебет имеет лингвистическое сходство с крылатым существом ногайской мифологии Тобетом (в быту тобет — пес). В мифологии Тобет — синоним крылатого Самыра. В преданиях некоторых народов, в том числе и тюркских, огонь доставили на землю такие крылатые мифологические существа, как каракуш — орел, симург. По другим преданиям, огненного сазагана в небесах изрыгал прикованный железными цепями к Аскартау Топекоз (одноглазый дау, циклоп). Но в ногайских преданиях не говорится о том, в какой форме существовал огонь на небе. Хотя предание о Топекозе очень напоминает античный миф о Прометее, подарившем людям огонь. Возможно, что и в ногайском предании Топекоз понес наказание за кражу огня у Всевышнего.

У огня есть одна владычица, ее имена мы перечислили.

В связи с огнем у ногайцев сохранилось немало преданий. Ногайцы бережно относились к огню и считали священным домашний очаг. Одна из распространенных просьб домашних хозяек к высшим силам сохранилась до сегодняшнего времени. Каждое утро, разводя огонь в очаге, ногайская женщина машинально произносила: «*Отана, Умай-ана ярылка эт!*» («Мать огня, Мать Умай, благослови нас!»). Женщины также часто ублажали огонь кусочком жира, масла или ложкой молока. При больших торжествах, свадьбах, пирах ногайцы изготавливали кумыс или бузу, небольшое количество готового напитка обязательно выплескивали в огонь и просили о благословении. Огонь в семейном очаге нельзя было заливать водой. Категорически запрещалось плевать в огонь, а тем более мочиться. Это считалось кощунством. Есть примета о том, что если ребенок по незнанию плюнет в огонь, то у него на губах появятся нарывы, а у того, кто помочится – покраснеют глаза. Ногайский ученый Рамазан Керейтов приводит ногайскую поговорку: «*Отка туькирге ярамас, суйтти баспага ярамас*» («На огонь нельзя плевать, на молоко нельзя наступать»).

Огонь символизировал благополучие семьи. Самыми страшными проклятиями у ногайцев считались: «*Уьйинг-де отынг соьнсин!*» («Пусть потухнет огонь в доме!») или «*Ошагынг соьнсин!*» («Пусть потухнет твой очаг!»). Эти слова означали, что семье, всему роду желают краха. В 19 веке во время переселения с Северного Кавказа в Турцию ногайцы вместе со скарбом увозили в казанах горящие угли, т. е., огонь семейного очага. Ногайская поэтесса Кельдихан Кумратова в Румынии от эмигрантов ногайцев услышала предание о старце Дунакае, который в казане перевез огонь родного очага через Дунай, и добруджские ногайцы бережно хранили этот огонь. На основе этого предания К. Кумратова написала поэму «Тамыз». Тамыз на ногайском языке означает искра, лучина, от которой зажигается огонь в очаге. Интересно, что у древних шумер существовали боги огня: Уд (сравните общетюркское От) и Думузи (сравните с ногайским Тамыз).

Ногайцы считали, что огонь очищает человека от злых духов. Поэтому в ногайском доме очаг всегда содержался в чистоте. Если девушка рано выросла и становилась

соблазнительной, то старшая в роду женщина заставляла ее прыгать через костер, разведенный во дворе или в огороде, и таким образом очищала девушку от блудливых повадок и защищала от похотливых глаз. Рассказ европейского путешественника о том, что в ставке Батыя иностранцев заставляли проходить меж двух огней, стал хрестоматийным. В главе «Баба» мы приводили легенду о том, как покровитель ногайских богатырей Баба Тукли-Шашлы-ас выдержал испытание огнем, чтобы показать превосходство мусульманской религии над языческой. Хотя поклонение огню больше подходило к домусульманским верованиям.

Ногайцы свято относились и к золе родного очага. Ногайский писатель, фольклорист Тахир Акманбетов в книге «Тепло камня» привел любопытные сведения. Вот некоторые из них. В ногайских аулах на холм из золы запрещали выливать нечистоты. Пепел и золу использовали для лечения домашней скотины. Если на деревья выпадала черная роса, то листья деревьев посыпали пеплом. Золой из очага ногайцы клялись. В древности, если человек собирался мстить, для того, чтобы получить поддержку, он чистил саблю золой из родного очага. Возле очага запрещалось ругаться, нельзя было стрелять в золу из лука. Если кто-то приносил ведро чистой воды и поливал холм из золы, считалось, что с него снимались грехи. Когда женщина высыпала на бугор очередную порцию золы, то произносила такие слова:

*Тангридинъ онъ ели урсын,
Тил бирлик элде болсын,
Тангри берсин куьдирет,
Берсе куьдирет – болар давлет.*
(Пусть от Тангри благодатный ветер исходит,
Пусть единение на родной земле будет,
Пусть Тангри могущество даст,
Будет могущество – будет благодать.)

О значении холмов из золы подробно написал известный ногайский писатель Суюн Капаев в книге «Ногайский дом». Он привел и такие факты, связанные с семейным очагом: «Если кто-то когда-то кому-нибудь навредил, нанес обиду и стал врагом, но со временем осознал свою вину, то он приходил к обиженному в дом и, низко склонив голову, держался рукой за очажную цепь, этим он давал понять, что просит прощения... Красивым де-

тям, чтобы они не подвергались сглазу, наносили пеплом пятно на лбу... Если сын женился и отделился от отцовского дома и стал самостоятельным хозяином, то огонь в новом доме зажигали обычно отец или мать. Это означало, что традиция зажигания огня передается их преемнику в новой семье.»

Как уже рассказывалось в главе «Бет ашар, бет йылыту», огонь использовался во время традиционной свадьбы. Во время обряда «Бет йылыту» («Согревание лица») мать жениха водила невесту вокруг горящего очага во дворе, затем она согревала ладони над огнем и три раза проводила ладонями вокруг лица невесты, тем самым передавала тепло очага и роднила невесту с домашним огнем.

ОТЮКЕН

В Орхоно-енисейских древнетюркских надписях отюкеном называется родина тюрков. Этимология названия отюкен восходит к словам *оты* (огненное) и *кенг* (простор, пространство), что означает огненное пространство, т. е., горячее, родное, теплое место, обетованная земля. Наиболее близкое к нему в современном ногайском языке слово *отан* — отечество, которое часто употребляется в значении места рождения, места обитания рода и племени.

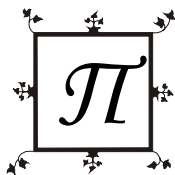
В известной легенде, записанной китайцами о кок-тюрках, пещера или долина, окруженная горами, называется *эргенекон*. Примечательно, что в ногайском языке *эргенек* означает плетень, изгородь. По легенде волчица, забеременевшая от безрукого и безногого мальчика, спаслась от преследователей в месте, называемом эргенекон, там она родила десятерых сыновей. От этих сыновей пошло тюркское племя он-ок (десять стрел, десять сыновей), одним из них оказался легендарный хан Ашина, который основал древнее тюркское государство и отомстил кровным врагам. Отюкен и эргенекон являются синонимами и олицетворяют древнюю родину тюрков.

Казахский исследователь Серикбол Кондыбай пишет: «...Отюкен — священное пространство или огненное пространство, в мифологии означающее изначальное состояние космоса, протокомос. В космогонической мифе отю-

кен действительно может восприниматься как состояние космоса до творения, а в вертикальном моделировании мира Отюкен — средний мир, мир людей, мир тюрков. Собственно коктюркская идеология воспринимала Отюкен как центр мира, как начало отсчета географических координат, как космос избранного народа» (14, с.193).

ПАРИ, ПЕРИСТЕ

Пари, пери — слово иранского происхождения, означающее дух, являющийся разновидностью йина. В некоторых мифах пери бывает благосклонен к людям, особенно к камам. Камы могли использовать их в ритуалах в свою пользу. Пери в облике красивой девушки вступает в любовную связь с людьми, что вызывает у последних психические расстройства. Знахари, муллы лечат таких людей от домогательств пери.

В ногайской мифопоэтике наибольшую известность имеет дух перисте (периште). Так ногайцы называют невидимого хранителя человеческой силы. Перисте окружает человека с рождения. Об этом духе упоминается во многих фольклорных произведениях. В колыбельных песнях ему приписывается формирование лучших человеческих качеств в ребенке.

*Перисте йыйылып,
Бетин аьруьв ясаган,
Ййги, яхшы йыйылып,
Аьруьв атын атаган.
(Перисте, собравшись,
Красивый лик создали,
Лучшие, добрые, собравшись,
Красивое имя дали.)*

В ногайском фольклоре перисте встречается в разных обликах. У некоторых героев он предстает в виде волка, а у такого известного истории эпического богатыря, как Шора-батыр, представлен в виде змеи. Широкая распространенность образа от колыбельной песни до героического эпоса наводит на мысль, что он у ногайцев существовал в домусульманский период. И вполне возможно,

что свое происхождение слово периста (перипта) ведет не от слова пери, а восходит к древнетюркскому слову барыш – служитель. В ногайской эпической песне «Шора-батыр» (1) отстранение перисте от Шоры приводит к гибели богатыря. Предание обработал автор этой книги.

Перисте Шора-батыра

Таких богатырей, как Шора, мало было в мире. Когда он отомстил за обиду, нанесенную отцу Нарыку, и убил Актажи, сына Али-бия, ему нельзя было оставаться в ногайских степях. Он скрылся в знаменитой Казани и жил у старца Сали. Но появление Шора-батыра в городе вызвало зависть казанских богатырей. Они неприветливо его встретили и не стали звать на свои сходки.

Так бы богатырь неприметно и жил в городе, если бы не напало на Казань вражеское войско. Сама правительница Сапи-ханум (так в эпосе по имени мужа Сафа-гирея называли Сююмбийке) призывала ногайского богатыря встать на защиту ханства. Из-за обиды на казанских богатырей Шора-батыр дважды отказался от призыва ханши, но на третий раз, когда город вот-вот должен был пасть, богатырь надел доспехи и сел на своего Ел-етпеса. Он сражался не зная усталости и служил достойным примером для казанцев. Враг был отогнан от городских стен. Жители города сразу признали в нем своего защитника.

Но вот беда! Казанские батыры по-прежнему игнорировали его и старались, чтобы никто ничего о нем не знал. Особенно огорчало присутствие Шоры-батыра среди защитников одного из главных казанских батыров по имени Кулыншак. Кулыншак даже к колдуну (сыхыршы) пошел, чтобы узнать о Шоре-батыре. Колдун рассказал, что вся сила ногайского богатыря в перисте, которая всюду его сопровождает, а когда Шора ложится спать, то она ложится с ним вместе. По совету колдуна Кулыншак после одного из боев попросил Шору поменяться постелями. Шора-батыр, не чувствуя подвоха, согласился и лег

в постель казанского богатыря, а Кулыншак — на место Шоры. Постель Шоры была большая, чтобы могла в ней уместиться и его периста, которая была в облике большой и добронравной змеи. У Кулыншака же периста была в виде маленькой и изворотливой змейки. Мелким и изворотливым был и ее хозяин.

Ночью, когда усталый Шора-батыр заснул крепким сном, пришла отдохнуть рядом с ним и его периста. Однако Кулыншак не спал. Взяв в руки меч Шора-батыра, он погнался приблизившуюся к постели змею. Периста очень обиделась на хозяина и ушла в степь.

Утром Шора-батыр, оставшийся без перисты, был ранен и загнан в реку Эдиль, где и утонул вместе с конем.

САБАНТОЙ – ПРАЗДНИК ПЛУГА

Сабантой — так называется всенародный праздник первой борозды. Раньше он проводился во время первой весенней вспашки, впоследствии, сообразно с готовностью, его могли провести и после сева, имитируя обряд первой вспашки. Сабантой, наряду с мусульманскими Ораза-байрамом и Курман-байрамом, представляет собой один из самых массовых праздников. Слово *сабан* означает плуг, и сабантой часто называют праздником плуга, считают торжественным днем земледельцев. Однако в древности он проводился в честь божества Шопана. Как известно, в ногайской мифологии Шопан-ата является покровителем овцеводства. Поскольку название плуга *сабан* и имя покровителя овцеводства *Шопан* имеют несомненное сходство, вполне вероятно, что древний праздник проводился в честь прорастания шопы — растения, соломинки, травинки. Подобные празднества были у всех тюркских народов.

Приведем подробное описание Сабантоя из книги известного ногайского ученого Рамазана Керейтова «Ногайцы. Особенности этнической истории и бытовой культуры» (19, с. 190 — 193). «Организацией праздника занимался совет старейшин аула, здесь могли обойтись без представителя духовенства. На заседании совета избирался хан — глава всего праздника и его распорядитель. Его могли избрать буквально накануне праздника. Ханом избирали мудрого и уважаемого, с хорошей в округе репутацией старика. Не избирали в ханы старика с редкой бородой, с редкими волосами на голове, ибо из-за таких «недостатков» мог быть неурожай. Хороший урожай считался заслугой хана. В помощь хану выделяли молодых телохранителей (саклавшылар).

Для хана на определенном холме ставили шалаш (шалтер — И. К.), считавшийся его резиденцией. Холм опахивали, и черту никто не имел права перейти, кроме самого хана и его телохранителей. Над шалашом поднимали флаг. В шалаше собирали пожертвования для Сабантоя. Это были главным образом овцы, козы, предметы кустарного производства.

Помимо телохранителей, в помощь хану выбирали судью (тоьреши), заместителя, помощников со своими подводами. Особая роль отводилась теке — ряженому в маске козла, веселому и находчивому мужчине.

По женской линии в помощницы хану избирали ханий. Это была многодетная женщина, уважаемая в ауле, умевшая хорошо готовить пищу, искусно рукодельничать. Она ведала женской частью праздника — приготовлением пищи, угощением людей и т. д. При приезде на Сабантой гостей из соседних аулов и станиц встречал хан и его свита, а ханий обязана была заняться их досугом и угощением.

Кроме того, избиралась и дочь хана — тотай. Это была статная, красивая девушка из добропорядочной семьи. Ее и ханий охраняли телохранители. Если в шутку выкрадывали тотай, то хан за нее выплачивал выкуп. Наличие девушки в Сабантое в таком ранге — это знак плодородия. Хан одновременно с приготовлением к празднику строго следил за ходом весенних полевых работ. Он присматривал, чтобы и бедняки смогли вовремя вспахать и засеять. Хан, пользуясь данным ему правом, организовывал помощь отстающим.

Окончивших весеннюю пахоту мужчин встречали женщины. Они обливали пахарей, плуги водой с пожеланиями, чтобы на мягкую землю легли добрые семена и они дали хороший урожай.

В назначенный час к холму стекался народ. На холме восседал хан со своими телохранителями. Ниже них сидели судья, заместитель, ханий с тотай. Хан провозглашал начало праздника и предоставлял слово старейшему и уважаемому жителю аула. Он объявлял решение совета старейшин о лучших пахарях и сеяльщиках, которые тут же удостоивались чести сесть рядом с ханом. Им преподносили подарки в виде баранов, бычков и т. д.

На Сабантое проводилась обрядовая вспашка. Ее выполнял хан, а ханий бросала на пахоту семена, потом они вдвоем поливали землю и имитировали жатву урожая.

В честь Сабантоя приносили жертву — корову, быка, овец, купленных в складчину. Помимо этого заранее покупали и откармливали лошадей. Жертвенный скот резали и разделяли избранные мужчины. Женщины занимались раздачей пищи. Здесь каждая хозяйка могла выставить на всеобщее обозрение, а затем и на потребление приготовленные дома национальные блюда.

На празднике особую роль играл ряженный в маску козла — теке (букв. козел). Он имел право высмеять жадных баев, многоженцев, лжецов, лентяев. Все это делалось, несмотря на занимаемое в обществе социальное и материальное положение высмеиваемых.

Сабантой — праздник показа стариками своей мудрости, молодежью — силы, удали, мастерства в исполнении песен, танцев. Юноши состязались в джигитовке, в стрельбе из ружья и лука, соревновались силачи и борцы, наездники. Устраивался конно-спортивный праздник».

Рамазан Керейтов, описав церемонию проведения ногайского праздника, находит любопытные аналогии в земледельческих праздниках многих народов мира. Так, «ритуал царской пахоты» имел место в древнем Китае, Египте и Индии. Описание праздника известным ногайским ученым еще раз подчеркивает то обстоятельство, что ногайцы, являясь в основном скотоводческим народом, имели очень древние земледельческие традиции. И во времена Золотой Орды, и во времена Ногайской Орды наши предки занимались земледелием. Не везде можно было пахать и сеять злаковые культуры, но и на Волге, и в Крыму, и на Кубани, и в Прикаспийской низменности были земли, на которых выращивались просо и пшеница. Сохранив праздник Сабантой и самобытнейшую церемонию его проведения, ногайцы выразили свое трепетное отношение к земледельческой традиции. В древнейших мифах ногайские батыры едят хлеб из пшеницы и обязательно в дорогу берут талкан (молотое жареное просо), употребляют продукты сельскохозяйственного производства. Поэтому совершенно не случайно сходство корней таких слов, как сабан (плуг), Шопан (покровитель овецводства) и Андир-Шопай (божество плодородия).

САЗ

Слово *саз* буквально означает мелодия. Однако оно довольно многозначно. Ногайские сазы, как и кюи, исполнялись ритуальными музыкантами бакши на домбре или кыл-кобызе. Поэтому в мифологическом плане саз — это магическая музыка, с помощью которой призываются духи-помощники. Бакши, исполняя саз, воздействовали на собравшуюся публику, вводили ее, а также и себя, в экстаз. Под музыку бакши выкрикивал имена давно умерших людей, святых или покровителей и начинал с ними общаться. В некоторых случаях он по предназначению исполнял только лечебные сазы. Весь ритуал состоял из исполнения какого-то одного определенного саза. К сожалению, сазы, исполнявшиеся на кобызе, не сохранились, так как этот инструмент в начале 20 века вышел из употребления. Остались лишь фотографии ногайцев с кобызами в руках. К счастью, сейчас он стал возрождаться, появились музыканты, играющие на кобызе. А вот ритуальные сазы, исполнявшиеся на домбре, дошли до наших дней. Известный ногайский домбрист Каирбек Межитов исполнял многие мелодии. По его словам, многие сазы имели свое назначение. Так, исполняемый им саз «Аманакай» применялся при лечении больных детей; «Бота-саз» исполнялся, когда верблюжонка надо было подпустить к верблюдице, чтобы она покормила его молоком; «Йылкы-саз» был посвящен благополучию табуна лошадей.

В недалеком прошлом музыкальные инструменты были постоянными помощниками ногайских бакши. Они с помощью музыки встречались с духами предков, божественными покровителями, просили у них помощи и силы. По некоторым свидетельствам, музыка нередко помогала нормализовать какие-то жизненные ситуации. У ногайцев известны такие героические сазы, как «Елли-кая» («Скала ветров»), и «Акыйкат саз» («Саз истины»).

Слово саз применяется и в другом понимании. Вязкую глину ногайцы называют саз-балшык, болотистое место — сазлык. Первый человек на земле создан из вязкой глины. Легенда о происхождении человека приведена в главе «Ер-иеси»

САЗАГАН

Сазаган — мифологическое небесное существо. Ногайцы, видя на небе частое сверкание молнии, обычно говорят: «*Сазаган ойнайды*» («Сазаган играет, пляшет»). Его представляли в виде огромной огненной змеи с головой, напоминающей оленя с рогами. Когда в небе беснуется сазаган, он может вырывать с корнем деревья и сносить крыши домов. Сазаган наносит удар по земле, после него там остается яма. Иногда среди грозowych туч происходит пляска сазагана, и кто в это время увидит голову сазагана, тот может заразиться беспричинным смехом. Фольклорист Тахир Акманбетов записал слова, которые следует говорить при виде головы небесного существа для отвращения беды:

*Сазаган, сазаган,
Куйрыгы ман ерди казаган.
Сазаган, сазаган,
Япан юртты аявсыз бузаган.
Сазаган, сазаган,
Ерди сувга алдырма,
Юртты бузба, ерди казба
Юртты сувда калктырма!
(Сазаган, сазаган,
Хвостом землю копающий.
Сазаган, сазаган,
Степное жилище безжалостно рушащий.
Сазаган, сазаган,
Землю не затапливай,
Жилища не разрушай, землю не копай.
Жилища не затапливай!)*

Согласно поверьям кубанских ногайцев, сазаган — персонифицированное существо, появляющееся весной и приносящее урожайность земле. По поверьям караногайцев, записанным Т. Акманбетовым, сазаган выходит из рта великана Топекоза (см. «Предание о степном Прометее» в главе «Топекоз»). Он может изрядно навредить живущим на земле людям. Поэтому, когда из рта Топекоза выходил сазаган, караногайцы резали черную овцу, кровью жертвы мыли лицо, на расстеленной только что освежеванной шкуре разводили огонь из веток *йылгына* (гребенчука). Затем мыли руки молоком, молились и произносили следующие слова:

*Аскар таудагы даудынъ,
Шынжыры зынгырады,
Ахыры ийги болгай эди,
Тангри овзи онглагай эди.
(У дау на Аскар-тау
Загremела цепь,
Конец бы был благополучным,
Пусть сам Тангри поправит это.)*

Эти слова смягчали гнев сазагана. Если долго шел дождь и гремел гром, то даже дети просили:

*Сазаган, сазаган,
Дуньяды бузаган.
Калктырма, калктырма,
Ерди сувга алдырма!
(Сазаган, сазаган,
Мир разбивающий.
Не затапливай, не затапливай,
Землю водой не заливай!)*

Из этого текста видно, что сазаган мог принести стихийное бедствие. Хотя ногойцы в засуху дождя просили у божества *Андир-Шопай*, мы видим, что сазаган тоже имел отношение к ливню, дождю. Стихийное бедствие, связанное с наводнением, наносило и другое мифологическое существо — *ала-топан* (см. главу «Топана»), но оно в отличие от сазагана обитало на земле.

Древнее изображение оленьих голов на камнях и на предметах искусства, найденных в курганах Великой степи, вполне вероятно, было связано с сазаганом. Все же древние предки ногойцев боготворили сильных небесных существ. Боготворить оленя могли в холодной тундре, горах, где было мало дичи, а в Евразии на него охотились.

Этимология названия сазаган до конца не ясна. Первая часть названия *саз* — это мелодия, музыка. По древнему ногойскому мифу, сазаган ударом молнии сделал вязкую глину саз-балшык (поющую глину), из которой затем был создан человек. Опять-таки, по легенде, форму человека играючи создавал сазаган, а Тангри вдохнул в него душу-муху. Вторая часть слова, *аган*, может происходить от слов *яган*, *ягады* (зажженный, зажигающий). Название сазаган может означать «зажигающий землю» или же «зажигающая мелодия». В простонародье, намекая на темперамент в любовных утехах, часто говорят *сазаганды ой-*

натты (сазагана отплясал). Возможно, что сазаган был темпераментным небесным существом, посредством которого оплодотворялась земля.

САМЫР

Самыр — мифологическое существо в облике крылатой собаки. В жизни ногайцы так называют и гончих собак. Название самыр имеет распространение среди таких тюркских народов, как башкиры, казахи, карачаево-балкарцы. В башкирском фольклоре крылатые существа называются самрау, так же точно — Самрау — называется страна предков, в которой не бывает горя и зла. У казахов в фольклоре есть мифологические существа самырук и шынгырау, отдаленно напоминающие ногайского самыра.

Лингвистические и функциональные корни названия самыр восходят к вещи птице симург. В иранской мифологии симург буквально означает «вершинник»: ее считают птицей, живущей на вершине дерева. В знаменитой книге Фирдоуси «Шах-наме» симург выступает защитником правящего рода. Изображение симурга красовалось на гербе такой известной династии, как сасаниды.

Многие функциональные свойства симурга соответствуют свойствам каракуса в ногайской мифологии. Каракус тоже живет на дереве и является династийным символом правителей. Каракус изображался на гербах древних тюркских правителей и на знаменах чингизидов.

В ногайских мифах крылатое существо самыр более известно как космогоническое. И только в приводимой ниже сказке оно помогает шаманскому созданию изгнать зло. Ногайские бакши, камы, проводя ритуалы, в своем воображении превращаются в крылатого самыра и долетают до Байтерека, чтобы узнать будущее и прошлое человека. Видимо, образ самыра долгие века сохранялся в ритуалах, проводимых ногайскими жрецами. А с искоренением этой касты до нас дошли лишь далекие отголоски сведений об этом космогоническом существе.

По известному ногайскому преданию, небесные светила, солнце и луну, охраняют пять самыров. Когда случаются затмения, самыры засыпают, и в это время небесный елмауыз может проглотить светило, поэтому люди на

земле бьют по тазам, барабанам, стреляют из ружей, чтобы разбудить сторожей. Это предание связано с астрономическими событиями. Ногайцы звезду Сириус называют Ак-Айгыр (Белый жеребец) и Сумбле, а по некоторым данным, эта звезда имеет также название Самыр-юлдыз. Но нам думается, что так называется все созвездие Большого Пса, в котором расположена звезда Сириус (11). Указание на звезду Сириус далеко не случайно, многие народы мира связывали с этой звездой возникновение жизни на земле. Реконструкция ногайского астрономического мифа приводит к выводу, что пять самыров, указанные в приведенном предании, это звезды созвездия Большого Пса. Там находилась и страна Самырау, рай предков человека.

В основополагающих древних легендах тюрков о возникновении царских династий непременно упоминаются волк или собака, проникающие в юрту посредством небесного луча, которые после оплодотворения царевны возвращаются обратно на небо. Эти легенды тоже говорят о каких-то астрономических событиях, суть которых еще не разгадана. В древнерусских летописях сохранилось любопытное название Ногай-птица (некоторые переводят как Собака-птица). Это название явно имеет сходство с мифологическим образом самыра, самурыка, шынгырау-куса.

В ногайских и казахских сказках есть еще один общий образ, на который следует обратить внимание. Очень часто на помощь человеку, попавшему в трудное положение, приходят пять псов (*бес тобет*). Этимология названия *тобет* связана со словами *тоббе* (курган, наверхие) и *ит* (собака), что означает небесная собака. Тобет — синоним названия самыра, но как бы оно не оказалось одним из первых названий мифологического существа.

Ногайская сказка «Пять самыров» представляет собой один из вариантов шаманской легенды. В архетипе этой сказки рассказывается о борьбе и победе создания шамана над злым демоном. Сказку «Пять самыров» обработал автор книги.

Пять самиров

В стародавние времена жили старик со старухой. Долгое время у них не было детей. Где они только ни были, чтобы выпросить себе сына: в святые места ходили, целебные источники навещали, у одинокого дерева просили. Как-то старухе посоветовали, и она стала носить пояс мужа. Наконец старуха забеременела и родила сына. Очень рады были старик со старухой появлению единственного сына. Большой пир устроили, людей созвали, баранов зарезали, медом угощали. Они все были готовы сделать для любимого чада.

Но никакая радость вечной не бывает. Всегда может настичь беда. И она пришла. Как-то старик пошел в степь, чтобы пригнать своих овец, и увидел сидящую у пригорка старуху. Удивился он этому и пошел к ней узнать, что незнакомка в их краях делает. Как только подошел, старуха закружилась как вихрь и превратилась в страшного елмауыза. Елмауыз схватил старика когтями и так крепко стал мять, что у того аж кости затрещали.

— Отпусти, что хочешь отдам, только отпусти, пожалей меня! — вскрикнул старик.

— С какой душой попросаешься: с молодой или старой? — спросил елмауыз.

Старик слова не может вымолвить, не знает, что сказать.

— Даю тебе три дня! Если через три дня никто не придет — тебе не жить, старик! — пригрозил елмауыз.

Опечаленный старик пошел домой. Дома места себе не находит. За сына беспокоится, да и самому жить хочется. Заболел от волнений, слег в постель. Старуха стала расспрашивать старика. Тот рассказал о том, как встретился с елмауызом и какое условие поставило ему чудовище. Его рассказ услышал мальчик и сказал:

— Конечно, ты должен молодую душу отдать. Я для того и родился, чтобы вас защищать. Отец, не

бойся, я сумею это сделать. Только дай мне свое оружие и доброго коня.

Старик обрадовался словам сына.

— У нас есть семь лошадей и семь жеребят. Выбери из них того жеребенка, который на тебя будет смотреть, — сказал он сыну.

Тот на рассвете разыскал свой табун в степи. Все лошади необъезженные, от человека в стороны шаркаются, на месте не стоят. Между ними только один жеребенок стоит и на него смотрит. Мальчик медленно подошел к нему, погладил гриву и накиннул уздечку. Затем опять погладил и сел на него. Жеребенок сразу во взрослого тулпара превратился. Сначала конь понес седока туда, где солнце восходит, а после в ту сторону, где солнце садится. В один миг в двух концах мира побывал. Затем мальчик вернулся к отцу. Отец рассказал ему о том месте, куда он должен прибыть. Сын взял саблю и отцовский лук со стрелами и выехал к месту встречи с елмауызом.

Елмауыз, завидев мальчика, рассмеялся:

— Свою старшую душу пожалел! Тебя послал!

— Я появился на свет для защиты своего отца. Если сможешь, забери мою душу! Не для того я родился, чтобы запросто свою душу отдавать! — ответил тот, вытащил саблю из ножен и кинулся на елмауыза. Елмауыз подставил свой меч, сабля мальчика пополам сломалась. Тогда он снял с плеча лук, вставил стрелу и выстрелил прямо в глаз чудовища. Диким криком завопил елмауыз.

— Бежим, я тебя спасу! Держись крепко за меня! — сказал конь своему всаднику человеческим голосом.

Он понес его по степи: копыта земли не касаются, по воздуху летит. Раненый елмауыз следом бежит. Вот-вот нагонит. Елмауыз мечом тулпару одну ногу отсек. Конь на трех ногах несется, не дает чудовищу догнать себя. Тогда елмауыз мечом вторую ногу отсек. Тулпар и на двух ногах быстрее ветра летит. А когда тулпар пролетал возле Байтерека, он крикнул седоку:

— Прыгай на дерево!

Тот прыгнул и за ветки уцепился. Следом елмауыз прибежал. Стал прыгать, чтобы достать мальчика, но никак не может допрыгнуть. Тогда елмауыз стал землю рыть, чтобы дерево свалить. Роеет, роеет, вот-вот свалит дерево.

В это время возле Байтерека вороны пролетали.

— Эй, вороны, вороны! Долетите до пяти самыров, пусть они спасут меня от елмауыза!

Но вороны пролетели мимо.

Елмауыз роеет землю под деревом, вот-вот оно повалится. В это время в воздухе гуси пролетали.

— Эй, гуси, гуси! Долетите до пяти моих самыров, пусть они спасут меня от елмауыза!

Но гуси тоже пролетели мимо.

Елмауыз роеет землю, вот-вот дерево свалится. Плачет мальчик от бессилия, не знает, что делать. И тут ему на голову ласточка села. Раньше, дома, когда ласточка, будучи птенцом, выпала из гнезда, он поднял ее и, чтобы кошка не съела, в гнездо положил. Это была та самая ласточка.

— Ласточка, ласточка! Долеги до пяти самыров, пусть они спасут меня от елмауыза!

— Хорошо! — сказала ласточка и полетела к пяти самырам.

Прилетели крылатые самыры и, как смерч, набросились на чудовище. Ноги, шею обкусали, второй глаз выцарапали и погнали от Байтерека. На земле покоя нет елмауызу, поэтому он на небе спрятался. Самыры вернулись к мальчику, посадив его на спину, полетели обратно в родные края.

У елмауыза была дочь, посильнее родителя. Она решила отомстить обидчику и однажды явилась туда, где он жил со своими родителями. Пять самыров, стерегущих мальчика, накинулись на елмауыза. Долго дрались, но никто не мог победить. Мальчик вышел с отцовским луком и стал стрелять. Сперва пробил один глаз чудовищу, а после — второй. Раненый елмауыз кинулся бежать. Пять самыров погнались за ним. Не дают покоя елмауызу на земле, всюду

преследуют. Тогда и дочь елмауыза спряталась на небе.

Говорят, что старый елмауыз за солнце спрятался, а дочь его — за луну.

САНДРАК-ТАРТУ — БРЕДОВАЯ МЕЛОДИЯ

Сандрак-тарту — бредовая мелодия, мелодия йинов (джиннов). Обычно в народе об очень талантливых певцах, музыкантах говорят, что их посещают йины. Считается, что их талант — подарок потусторонних сил. Легенда о свадьбе йинов легла в основу моей повести «Гармонистка». Религиозные деятели — муллы и другие проповедники неодобрительно смотрели на талантливых певцов, музыкантов и даже художников. Были случаи, когда они ломали музыкальные инструменты, портили картины. Предание «Булкай из Орак-эли» записал из уст жителя аула Эркин-Юрт (бывший аул Орак-эли) Харуна Булкаева и обработал автор книги.

Булкай из Орак-эли

Это случилось до войны. Как-то Булкай поехал на коне в соседний Шабаз-аул. Выехал он, когда наступили сумерки, а на полпути уже стемнело. Расстояние от Орак-эли до Шабаз-аула всего ничего, каких-то десять верст. Булкай ехал-ехал в темноте, и сам не заметил, как у него сомкнулись веки. Открыл глаза, когда его конь в сторону шарахнулся и испуганно зафыркал. Булкай услышал впереди шум, какую-то возню, взгляделся и увидел силуэты людей. «Если доехал до аула, то аульчане должны спать. Откуда тут люди?» — задался он вопросом. Когда ближе подъехал, вообще удивился. Как-то странно были одеты люди. Все в черкесках, каракулевых папахах, с кинжалами на поясах. Таких людей он только в детстве видел. А тогда, в тридцатые годы, была мода на галифе, гимнастерки, картузы. Кинжалов и в помине не было. Еще больше удивился Булкай, когда в

стороне увидел украшенные флагами тачанки, коней с завязанными на шеях платками, как будто чья-то свадьба проходит. Люди увидели Булкая и, как будто его ждали, встретили с почетом. Один из мужчин вышел навстречу, придержал коня, пока он не слез, после сопроводил его к людям, а коня, взяв за повод, отвел к стоящим лошадям. Булкай не был важной птицей, чтобы уделять ему такое внимание. Его и в своем-то ауле мало кто знал, а тут чужие люди — и такое обхождение!

Булкай поздоровался с мужчинами. И он не успел никого разглядеть, как вдруг все засуетились. Музыка гармонии послышалась, начали стрелять в воздух. А вскоре показался свадебный поезд — таукеше. Невесту привезли. От свадебной тачанки до ступенек дома дорожку — табаншал постелили. Странно одетые женщины стали шашу делать, разбрасывать орехи, деньги. После вывели невесту в круг и стали танцевать. Музыка звучала, доселе неизвестная Булкаю. Все хлопали в ладоши, трещотками били. Кто-то «Карс-курс!» кричит, кто-то — «Асса!» Пронзительно свистят. Гармошка пиликает, трещотки трещат, люди кричат. Тут и Булкай не сдержался, стал «Карс» кричать, в ладоши хлопать. Булкая вытолкали в круг, чтобы он танцевал. Тот стал танцевать. А почему бы ему не танцевать?! Музыку и танцы он всегда любил.

Танцевал он долго, пока совсем из сил не выбился. Танцы не кончались, а мужчины подхватили Булкая за руки и повели к столу. Булкай хочет разглядеть лица людей, но никак не может это сделать — одни только затылки перед глазами. А на столе каких только блюд нет, разных яств полным-полно. Булкаю, как почетному гостю, поднос принесли. А на подносе — и мясо, и йорме (колбаса из печени), и кыйма (домашняя колбаса)! Булкай выбрал кусок йорме, но сам все же хотел лица пирующих разглядеть. А все лица отводят. Музыка не останавливается, танцы не прекращаются.

Перед каждой едой Булкай «Бисмилла!» говорил. И тут хотел сказать. Но не помнит, сказал или не сказал, и с этой мыслью заснул прямо за столом.

Проснулся Булкай на рассвете от толчков в плечо.

— Агай, что с вами?! — спрашивает его мальчик, выгнавший спозаранку овец на пастьбу.

В руках у Булкай сухой конский навоз. Сам он на земле лежит, конь неподалеку пасется. Он вспомнил о ночной свадьбе, об йорме, которое хотел съесть...

Произошло это возле Буралкы-йылга. Старожилы рассказывают, что в том месте когда-то было старинное кладбище. Место нехорошее. Сейчас там трасса проходит, и очень много автомобильных аварий случается. Из-за того, что здесь люди погибают, это место стали Смертной Балкой называть.

Булкай после этого случая еще долго жил и всем о происшедшем с ним рассказывал. Он все не мог забыть мелодию, которая звучала на той свадьбе. В нашем Орак-эли жила знаменитая гармонистка по имени Кули. В детстве Кули «йин ударил», часть одной ее руки была парализована. Как она умудрялась играть на гармошке — никому не ведомо. Но она так искусно играла, что ее даже в Ставрополь и Пашинку (Черкесск) на свадьбы возили. Эта Кули играла на гармошке мелодию Булкай. «Булкай тарту» («Мелодию Булкай») часто называли «Сандрак тарту» («Бредовая мелодия»). Кроме Кули, никто не мог играть «Сандрак тарту».

САРАЙЧИК

Сарайшык (по-русски Сарайчик) — столица Ногайской Орды, государства, существовавшего в средние века. По историческим документам, город был основан ханом Берке и служил летней резиденцией для золотоордынских ханов. В Сарайчике хоронили ханов Золотой Орды. В середине 17 века ногайцы под натиском наступавших из

Джунгарии калмыцких войск покинули город и больше туда уже не возвращались. Вплоть до конца 18 столетия в пятидесяти километрах от современного города Атырау сохранялись развалины мавзолеев, затем камни этих сооружений были растащены. К началу 20 столетия на территории Сарайчика не осталось ничего, что напоминало бы о бывшем столичном городе. В середине прошлого столетия на этой территории проводились археологические раскопки. Музеи Республики Казахстан пополнились уникальными предметами утвари, коллекциями золотоордынских монет и прочими разнообразными экспонатами. В конце прошлого столетия в Сарайчике был возведен прекрасный музейный комплекс. Во дворе комплекса построен ханский пантеон, в который вписаны имена первых правителей Ногайского государства.

В мифопоэтике ногайцев Сарайчик стал символом невосполнимой утраты. Часто название столицы упоминается в поминальных песнях. Про умершего человека в песнях говорят: «Сарайшыкка йол алды» («Отправился к Сарайчику»). Иногда город сравнивается с Байтереком — мировым деревом. В книге Тахира Акманбетова «Пусть слезы будут радужными» (1) есть плач о Сарайчике.

*Оълмей киси каларма,
Оългенге оькинмей боларма?
Оълген-кеткен кисилердинг
Баъри бирдей боларма?
Йигитликте юргеннинг
Ямышы арты ямавлы,
Сарайшыктынг мезары
Аыр ногайга аявлы.
Сарайшыктынг юрт алмасы
Ашар болмас писпесе,
Кимнинг аьлин ким билсин,
Оьз басына туьспесе.
Ойлап, ойлап карасам,
Оьгиз колай танадан,
Бизим кимик кайгылы
Тузмай калсын анадан.
(Без смерти нету человека,
Жалеем все мы об утрате,
Покинувшие этот мир
Разве все равны бывают?
По удалым делам ходившего джигита
Бурка всегда в заплатках,*

Могилы Сарайчика
 Каждому ногайцу дороги.
 В Сарайчике выросшее яблоко
 Если не созреет, то не съешь,
 Кто кого поймет,
 Если тяжесть на самого не падет.
 Я размышляю, размышляю,
 Вол бывает лучше юного быка,
 Подобных нам, горемычных,
 Пусть матери никогда не родят.

Подстрочный перевод — И.К.)

САРЫГЫЗ — ЖЕЛТОВОЛОСАЯ

Сарыгыз — древний мифологический персонаж в облике желтоволосой девушки. Само название двухсоставное и состоит из слов *сары* (желтая) и *кыз* (девушка). Этот персонаж у ногайцев представляет йинов (джиннов). В ногайских мифах сарыгыз предстает даже повелительницей этих духов. Живет она на кладбище. Если всю ночь прождать на погосте, то под утро можно ее увидеть. Сарыгыз общается с людьми. Но это опасное существо. В ногайской сказке она выходит замуж за человека и наказывает тех, кто поступает коварно и несправедливо. Чтобы подчинить сарыгыз, впрочем, как и албаслы, надо вырвать у нее клочок волос и ударить веревкой от штанов, этого она боится. Если не опасаться ее, сарыгыз может зацекотать человека до смерти. Прикосновение сарыгыз вызывает некоторые заболевания, но если ее подчинить названным методом, она изгоняет заболевания.

Этот персонаж имеется у казахов и туркмен. В мифологии этих народов сарыгыз является одной из разновидностей албаслы. Она обладает огромной силой и способна физически расправиться с человеком.

СЕИТ-БАБА

Сеит-баба — реально существовавший религиозный деятель, суфий. Его полное имя Сеит бин Кулбай Саит Гали. Ауля — могильный комплекс в ауле Малый Арал Астраханской области — называется именем этого свято-

го. Похоже, что имя Сеит-баба было прозвищем и, вероятно, оно дано было ему еще при жизни. Среди ногайцев «сеитами» (потомками пророка), так же, как и именем «хожа» (почетный титул мусульманина), обычно называли потомков курейшитов из рода пророка Мухаммеда, некогда широко распространившихся в Великой степи. Первые сеиты или хожа появились во времена принятия ислама в Золотой Орде. Они занимались миссионерством. Какая-то часть вернулась обратно в арабские государства, а какая-то часть осталась на новой родине. Сеиты есть во всех регионах проживания ногайцев. Как род сеит они есть на Кубани, в Нефтекумском районе был аул с названием Аксеит, там до сих пор сохранились остатки кладбища. В Астраханской области сохранился аул под названием Сеитовка (на ногайском языке Сеитлер). Любопытно, что другой аул карагашских (астраханских) ногайцев имеет название Хожатаевка. Кстати, святой Сеит-баба родом из этого аула.

Родился он в 1741 году. В молодости покинул родные места, учился в Бухаре, Туркестане, Багдаде, Каире. Среди суфиев он получил звание Мурхис Муршид. Сеит-баба много путешествовал. Был в Афганистане и Индии. Вернувшись в родные места, обучал детей в мектебах (начальных мусульманских школах), передавал свои знания землякам. Обладая экстрасенсорными способностями, лечил людей. Уже при жизни его личность была мифологизирована. Ногайцы запомнили его сидящим на белом верблюде и держащим в руках аса-таяк – посох, привезенный из Аравии. Существует очень много рассказов о его доброте и бескорыстии. Сеит-баба обладал бесценным даром прорицателя, предотвращал зло, исцелял неизлечимые физические и душевные недуги, понимал язык птиц и животных, во время камлания ездил на зайце и посещал другие миры. Неподдалеку от аула Малый Арал Красноярского района Астраханской области, рядом с российско-казахстанской границей, сохранилась могила Сеит-бабы и его дочери. Астраханские ногайцы называют могилу ауля (смотрите главу «Аулие»). Эта могила более двух веков является объектом поклонения мусульманского населения России и Казахстана.

Рядом с могилой Сеит-бабы расположена могила хана Букеевской орды казахов. Сын Нуралы Букей-хан при жизни дружил с Сеит-бабой и поэтому перед смертью завещал, чтобы его похоронили рядом со святым.

Калмыцкие тайши после сокрушения Ногайской Орды в начале 17 века, изгнав ногайцев, заняли территорию между Волгой и Уралом. На этой территории калмыки продержались до 1771 года, а затем в результате притеснения казаков и внутренних разногласий большая часть калмыков решила возвращаться в Джунгарию, где некогда жили их предки. После ухода калмыков между Волгой и Уралом осталось много пустующих территорий. В 1799 году Букей-хан написал письмо Павлу I о предоставлении пустынных земель для его орды. Русский царь за день до своей кончины подписал указ о предоставлении казахскому хану этих земель. Исследователь Кирилл Серебринитский в журнале «Вокруг света» и городских газетах г. Уральска опубликовал интересные подробности о сговоре Павла I и Наполеона Бонапарта. Для обеспечения совместного похода на Индию двум императорам необходима была база поддержки. Планировалось, что Букеевская орда будет обеспечивать солдат лошадьми и фуражом. Незадолго до своей смерти Павел I даже отправил войско из сорока полков донских казаков на Хиву. Поход казаков завершился неудачей. А после насильственного свержения Павла I Россия, как известно, стала враждебно относиться к Наполеону. Но Букеевская орда осталась в междуречье Волги и Урала, подчиняясь военному ведомству в Оренбурге. Кирилл Серебринитский упоминает и о дружбе Букей-хана с Сеит-бабой. По мнению исследователя, ногайский святой понадобился хану благодаря знаниям таких восточных стран, как Афганистан и Индия. На протяжении многих десятилетий наравне с аулей Сеит-бабы почитается и могила Букей-хана и его семьи.

На кладбище в Малый Арал приезжают ногайцы из разных мест России, а также казахи из Казахстана. Люди едут, чтобы получить исцеление от тяжелых недугов, чтобы поправить жизненные обстоятельства. До Великой Отечественной войны местные жители устраивали здесь массовые празднества с жертвоприношениями и раздачей мяса бедным. В настоящее время создан специальный «Фонд Сеит-бабы». Участники фонда при помощи властей Казахстана благоустроили могильный комплекс, отремонтировали надгробные мавзолеи, построили небольшой дом для гостей. Поток приходящих на могилы людей не прекращается по сей день. Больные люди приходят сюда, читают молитвы, просят помощи у могил Сеит-бабы, его

дочери Нур-Джамал, друга Букей-хана. Ночуют в гостинице, делают пожертвования, уносят с могилы горсть земли. Приход на могилы кому-то помогает. Возникают новые предания о чудодейственной силе ауля Сеит-бабы. На страницах Интернета есть сайт «Фонда Сеит-бабы» *супер.ру*, там имеются такие публикации.

Малоаральские чудеса

Врачи руками развели: «Такого быть не может! У онкобольной Флюры Маркабаевой опухоль стала рассасываться сама собой».

Год назад Флюре Забиховне Маркабаевой поставили суровый диагноз — рак, вторая стадия. Нужна была срочная операция, однако от нее пришлось отказаться: женщина когда-то пережила клиническую смерть, и ее слабое сердце могло не выдержать предстоящего хирургического вмешательства.

— Сплю и вижу, когда человеку не помогает медицина традиционная, — рассказывает астраханка, — он обращается к медицине нетрадиционной. Вот и я стала посещать местных целителей и знахарей, но все было напрасно. Лишь один из них дал мне мудрый совет: «Тебе нужно обойти святы места».

Кто-то рассказал женщине о захоронении ногайского врача Сеит-бабы, признанного еще при жизни святым, в селе Малый Арал Красноярского района.

— Когда я приехала в поселок, местные жители — открытые, добрые, — вспоминает Флюра, — улыбались мне и спрашивали: «К дедушке приехали?» Так они называют Сеит-бабу. В поселке практически нет людей, страдающих хроническими заболеваниями, а вот долгожителей очень много.

У захоронений женщина увидела белого верблюда. По легендам, Сеит-баба при жизни окружал себя животными: лошадьми, собаками, верблюдами, понимал их язык. Даже спустя сотни лет после его смер-

ти звери всех мастей часто приходят к могиле цели-теля, зрители захоронений их не прогоняют. Женщина поняла: это добрый знак. Она обратилась с молитвой к святому, пожелала ему добра и процветания. И даже решилась остаться заночевать в гостевом домике.

— Мне приснился странный сон, — вспоминает женщина. — У меня на груди стояли голые мужские ноги, неизвестно кто словно давил мне на грудь. От такого «массажа» становилось очень тепло.

После процедуры незнакомец повязал Флюре белый платок и был таков. Женщина уверена, что во сне к ней приходил сам Сеит-баба. И этот сон перевернул всю ее жизнь.

... Когда через три месяца Флюра Маркабаева пришла в больницу, врачи руками развели: «Не может быть!» Опухоль стала рассасываться сама собой. Первая стадия рака вместо второй без всякого лечения — такого чуда астраханские онкологи объяснить не смогли. Процесс выздоровления продолжается. Сама Флюра Забиховна произошедшее объяснила просто:

— Человеческое тело подобно сосуду. Годами мы копим отрицательную энергию: нам нагрубили в магазине — мы оторвались на ком-то из домашних. Отсюда все болезни. Если женщины способны время от времени выплескивать наболевшее в разговорах с подругами, то мужчины более скрытны, а потому чаще болеют сердечными заболеваниями, да и продолжительность жизни у них меньше. Когда я пришла к Сеит-бабе, у меня были добрые намерения, я искренне просила его о помощи и пожелала блага ему. Я выплеснула всю свою боль, а взамен получила добро, другими словами, залила в свой сосуд положительную энергию. Главное — иметь чистое искреннее намерение и не постесняться обратиться со своей проблемой. Это не так просто, как кажется, поверьте мне.

Чудотворные могилы

Сеит-баба родился в 18 веке, еще при жизни стал знаменитым врачом. По легенде, после смерти целителя на могилу Сеит-бабы стали приходить больные, которых он не успел излечить при жизни. Могильный камень был единственным, кому они могли выплакать свое отчаяние. После посещения захоронения пациентам Сеит-бабы становилось легче, со временем недуги отступали, а сам могильный камень был теплым в любое время года. По соседству с могилой святого похоронен Букей-хан — мудрый правитель, усмиривший воинствующие народы. Два великих человека дружили до конца своих дней и умерли с разницей всего в три года. Приближенные правителя похоронили их рядом. У Букей-хана своя «специализация» — его просят помочь в работе и делах. Супруга великого правителя Букей-хана Гитана-ханум покоится рядом. При жизни девушкой она была чудо как хороша и смогла сохранить свою красоту до глубокой старости. У ее могилы находится столб, расписанный причудливыми иероглифами. Именно к нему приезжают представительницы слабого пола, страдающие кожными заболеваниями, отчаявшиеся забеременеть и выйти замуж. Чтобы кожа лица стала не хуже, чем после посещения дорогого косметического салона, нужно провести три раза руками по иероглифам и прикоснуться к лицу, словно пытаешься умыться.

СУ-АТ

Су-ат — речная лошадь, а точнее, лошадь, живущая под водой. Таких коней выращивал знаменитый коневод Камбар-ата на плавнях Кубани (см. главу «Камбар-ата»). В фольклорных произведениях нередко встречаются кони, живущие в озере, в море, в реке. Их называют еще *коьк-ат* — синий конь, небесный конь. По преданию, су-ат редко выходит из воды, но если кто его увидит, то он при-

носит счастье. Казахи называют водных коней *суын-ат*. Это название, видимо, бытовало и у ногайцев. Предание о происхождении князей Сунжевых подтверждает это, видимо, фамилия происходит от слова *суын*. Предание из уст Якуба Суиндукова, жителя аула Эркин-юрт (бывший Орак-эли) записал и обработал автор книги.

Происхождение князей Сунжевых

Рассказывают такую историю. Какая-то часть ногайцев жила тогда в той стороне, где сейчас осетины и ингуши живут. Был там небольшой аул, а в нем жил парень – сирота. Совсем маленьким ребенком он пришел за арбой курдажи (торговца галантерейными товарами), которые в старые времена разъезжали по всем аулам. Кто он и откуда, никто не знал. Мальчика определили жить при аульской мечети. Нелегкая была у него жизнь. Когда он подросток, ему доверили пасти телят; за это его кормили, одевали и обували.

Как-то юноша пас телят на берегу речки и увидел там пришедшую с подружками княжескую дочь. Увидел и потерял покой. И днем и ночью ему виделась девушка. Юноша знал, что она, как и многие аульские девушки, из-за того, что у него нет калыма, для него недосыгаема. От этого он страдал еще больше.

Парень мечтал, чтобы случилось чудо, и он добился бы руки княжны. Ночевать он оставался на берегу реки. Стелил на траве свою бурку, ложился на нее и, глядя на буруны, мечтал о счастье. Правду говорят, что если человек очень сильно чего-то желает, то его заветная мечта исполняется. Как-то раз он уснул на берегу, а глубокой ночью проснулся от шума. Яркая луна освещала реку, и юноша увидел, как из глубины реки выходит белая лошадь. Лошадь вышла на берег и, остановившись, стала на него смотреть. Как будто безмолвно звала к себе. Юноша никогда в жизни не видел такой красивой лошади. В

его артпаке (переметной суме) был кусок хлеба, оставленный на утро, парень взял его, подошел к лошади и протянул кусок ей. Лошадь взяла хлеб с его руки, а взамен выплюнула ему на ладонь таких же размеров драгоценный камень. Лошадь исчезла, а камень засверкал в руках юноши.

Утром юноша пошел на майдан, где обычно собирались почетные аксакалы аула и сам князь. Он показал им драгоценный камень. Аксакалы и князь очень удивились.

— Откуда у тебя это? — спросил князь.

— Я его в реке нашел, — ответил юноша.

— Это большое богатство! Что бы ты хотел за него?

— Не знаю, — ответил юноша.

— Скажи, что ты хочешь иметь больше всего на свете? Я дам тебе это, — не отставал князь.

— Я хочу вашу дочь! — сказал юноша.

Так князь отдал дочь бедному юноше, а взамен взял драгоценный камень.

Реку, из которой вышла речная лошадь, назвали Су-инжи (Вода жемчужная), т.е. Сунжа. А от того юноши пошел род ногайских князей Сунжевых.

СУ-ИЕСИ – ВЛАДЫКА ВОДЫ

Су-иеси — так ногайцы называют дух владыки воды. Образ этого персонажа в мифопреданиях неоднозначен.

Ногайский ученый этнограф Рамазан Керейтов приводит такие сведения об этом образе: «У Су-иеси под водой имеется свое царство, дворцы, подданные. М. Алейников («Поверья ногайцев Мансуровского отделения Баталпашинского отдела Кубанской области.» Тифлис, 1893 г. стр.10 – И. К.) описывает его следующим образом: «Водяной дух называется Судын-иеси, т. е. хозяин воды. Он живет в больших морях, где во многих местах подводные жилища и дворцы. Под его властью находится бесчисленное множество служащих ему низших водяных духов, которые живут по всем наиболее значительным рекам. Они вылавливают утопленников имеющимся у каждого из них

арканом и доставляют в море к своему повелителю». Дополним эти слова материалами полевых исследований. Су-иеси может выходить из воды, вступать в единоборство с сильными мужчинами. По поверьям, хозяин воды чаще заговаривает с пришедшими за водой понравившимися ему женщинами и старается увести их в свое царство. Это якобы случается ночью. Поэтому ночью или в сумерках старались по воду не ходить. Если Су-иеси заговорил с женщиной и увел ее с собой, то она попадает в его царство. Если же женщина не пойдет с хозяином воды, то будет наказана психическим расстройством. По представлению стариков, Су-иеси особенно любит молодых людей, а поэтому в реках чаще тонут молодые люди...

Поверье о Су-анасы (букв. мать воды) распространено у кубанских ногайцев, которые живут на берегу реки Кубань, Малого и Большого Зеленчуков. Среди степных ногайцев, где нет рек, представление о данном существе смутное» (19, с. 40).

Однако по данным ногайского фольклориста Тахира Акманбетова, у караногайцев сохранились очень любопытные представления о Су-иеси. Это персонифицированная фигура, видимо, из самых ранних мифокомплексов тюркских народов. Владыку воды степные ногайцы называют *Кокк-буга*, т. е. Небесный бык. Тахир Акманбетов пишет:

«Люди и в вечернее время ходили за водой, но при этом нельзя было ходить с пустыми руками, они приносили с собой деньги, соль или же молоко в посуде и оставляли на берегу озера или у колодца. И, чтобы не гневить владыку воды Кок-буга, говорили следующие слова:

*Сув иеси – Кокк-буга,
Мен келдим коьл ягага,
Сув алайым, алайым,
Ягага суьт салайым!
(Владыка воды – Кок-буга,
Я пришел на берег озера,
Воды возьму, возьму,
А на берегу оставлю молоко!)*

Данные о Кок-буга имеются и в фольклоре кубанских ногайцев. Правда, в сказке «Кок-буга» не говорится о том, что бык, живущий в озере, является владыкой воды. Напротив, герой сказки отрубает голову водному чудови-

щу. Вероятно, в общей памяти степных ногайцев остались более древние понятия о владыке воды.

В других записях Т. Акманбетова Кок-буга предстает мифологическим персонажем, на котором держится вся земля. Фольклорист приводит еще одно оригинальное предание. Оно, кажется, противоречит предыдущим представлениям о качествах этого существа.

«Когда начинается землетрясение, люди говорят: «Кок-буга, не дремли!» В это время на землю стелят войлочный ковер и, становясь на него, гремят посудой, чтобы вывести ото сна существо и сопровождают такими выкриками:

*Кок-буга мызгама,
Мызгап ерди козгама!
Кок-буга аш коьзингди,
Коктер муьйизингди!
(Кок-буга, не дремли,
Задремав, землю не тряси!
Кок-буга, открой глаза,
Подыми свои рога!)*

Ногайцы считают, что наша земля находится между рогами Небесного быка. Если Кок-буга поворачивает рогами, то земля трясется. Если у быка сломается рог, то может наступить конец света. Рога Небесного быка находятся в одном положении, они у него не растут. Есть такая поговорка:

*Айбар биткен бугадынг ай муьйизи сынмаса,
Етпеспе эди булытка,
Аьзиз анадан тувган аьдемлер оьлмесе,
Сыймаса эди бу юртка
(Если бы красиво выросшие рога быка росли,
Разве не достали бы они туч,
Если от нежных матерей рожденные люди не
умирали,
Разве поместились бы они во вселенной.)*

Мифологический персонаж Су-анасы имеет облик светловолосой женщины. Ее голову иногда можно увидеть среди больших бурунов. Ее видят и на берегу расчесывающей гребнем свои светлые волосы. Она вступает в контакт с людьми. У кубанских ногайцев есть популярная сказка «Старик и Су-анасы», она была опубликована в учебнике

«Родной язык», а затем вышла в сборнике «Ногайские народные сказки» (изд-во «Наука», Москва, 1979 г.) в переводе ногайского писателя Аждаута Найманова.

Старик и Су-анасы

Однажды некий старик отправился в лес за дровами. На пути к лесу протекала бурная река. Старик ступил на шаткий мостик и нечаянно выронил топор. Перейдя через реку, старик сел у берега и стал плакать. Ведь в его бедном хозяйстве был единственный топор.

Тут из реки вышла Су-анасы и спрашивает:

— Что ты плачешь?

— Да вот, уронил в реку свой единственный топор.

Тут Су-анасы достала со дна реки золотой топор, протянула старику и говорит:

— Твой топор?

— Нет, — отвечает старик.

Она достала другой топор, на этот раз серебряный, и спрашивает:

— Может, это твой топор?

— Да нет, — отвечает старик.

Тогда Су-анасы протянула старику третий топор, совсем простой.

— Твой?

— Вот этот мой! — обрадовался старик.

За его честность Су-анасы отдала старику все три топора: золотой, серебряный и простой.

Старик нарубил дров и вернулся домой. Его богатый сосед увидел у старика золотой и серебряный топоры и спрашивает:

— Откуда у тебя такое богатство?

Старик все ему рассказал. Тогда богач поскорее схватил свой топор и побежал к реке. Он бросил топор в воду, а потом сел на берегу и стал плакать.

Су-анасы вышла из реки и спрашивает:

— Что ты плачешь?

— Уронил свой топор в воду.

Су-анасы нагнулась и достала со дна золотой топор.

— Это твой топор?

— Да-да, мой! — отвечает тот.

Тут Су-анасы и говорит:

— Раз ты обманул меня, не будет тебе ни золотого топора, ни простого. — И с этими словами она скрылась в реке.

СУЙДИМТАЯК

Слово *суйдимтаяк* буквально переводится как палка любви, любовная палка. Это хорошо обработанная палка длиной от 20 до 40 сантиметров, которую часто украшают бантом, ленточками из яркой ткани. Ее используют во время танцев. Более всего она распространена у ногайцев, живущих на берегу Каспийского моря. Эту группу ногайцев называют бабаюртовскими или сулакскими. Живут они рядом с городом Махачкалой и разговаривают на наречии, близком к кумыкскому. Как и кумыки, бабаюртовские и сулакские ногайцы во время национальных танцев используют суйдимтаяк. Его вручает одной из девушек вышедший в круг парень, тем самым приглашая ее на танец. Девушка с этим своеобразным жезлом в руке танцует, когда танец заканчивается, она передает суйдимтаяк другому, не танцевавшему парню и танцует с ним, а танцевавший с нею уходит из круга. Затем парень, получивший любовный жезл, станцевав с девушкой, передает суйдимтаяк другой, не танцевавшей девушке. Танец этот может быть нескончаемым. Обычно молодые люди вручают суйдимтаяк понравившимся им парням или девушкам. Танец продолжается до тех пор, пока распорядители не останавливают музыку.

Хотя суйдимтаяк более популярен среди кумыкского населения, но подобные игровые моменты существовали издревле и среди тюркских народов. У кубанских ногайцев в зимние вечера проводили обряд баслану. Девушки из одного квартала собирались у кого-либо дома, нарядно одевались, приносили с собой кушанья. После со-

вместного застолья девушки играли, танцевали, пели песни. Парней в этот дом не пускали, но те приходили, чтобы как бы невзначай присмотреть себе девушку, заглядывали в окна или, как бы случайно, оказывались неподалеку от дома. У веселившихся девушек была игра с серебряным кольцом «Юзик ойын». Одна из девушек, ведущая игру, брала кольцо и зажимала его между ладонями. Остальные девушки сидели прижавшись друг к другу и выставив прижатые друг к другу ладони на своих коленях. Ведущая обходила всех сидящих и поочередно разжимала их ладони. В ладонях одной из девушек она незаметно оставляла кольцо. Обойдя всех, ведущая отходила от них и говорила: «У кого кольцо — пусть выскочит!» Если девушка успевала вырваться из ряда, то она становилась победительницей. Если же подружки задерживали ее, то она была проигравшей и должна была сесть на место. Почетным считалось вести игру, ведущей отводилась мужская роль. Успевшая выскочить с кольцом девушка танцевала танец с ведущей, а после танца сама становилась ведущей. И игра продолжалась тем же порядком.

Известный ученый В. Н. Басилов, опираясь на сообщения М. С. Андреева, приводит сведения о женском обряде, носящем откровенно эротический характер. «М. С. Андреев писал: «Очень загадочного происхождения является крайне любопытный и тщательно скрываемый обычай, почему-то называемый «чильтан-базм», т. е. «пляска чильтанов» (чильтан — букв. сорок, сорок духов, сорок девиц — И. К.)... Весною, когда становится уже совершенно тепло и местное население переселилось из города на лето в пригородные сады... женщины уславливаются и собираются вечером в саду, где им никто не может помешать, и устраивают нечто вроде игры в жмурки. Одной из них завязывают глаза, и она начинает ловить остальных, держа в руках сделанную из кожи модель мужского детородного органа. Поймав кого-либо из участниц сборища, она имитирует, отнюдь не символически, половой акт...» Видимо, у древних тюрков, как и у многих народов мира, до принятия ислама были какие-то оргиастические сборища в честь божеств или, как в приведенном обряде, в честь духов, в которых совершали радения и мужчины, и женщины, которые завершались соитием участников. Но с приходом ислама эти обряды были признаны безнравственными, а традиция приняла характер сугубо женских игр

и совсем завуалированно перешла на национальные танцы.

В названии суйдимтаяка сохранились основные мифологические свойства применения; этот предмет когда-то являлся важным атрибутом древнего языческого обряда в честь божества любви и плодородия.

СУЛЬДЕР

Слово *суйлдер* буквально означает призрак. Предки современных ногайцев так называли духа человека. Когда человек лежит изможденный от хвори, то говорят: «*Тек суйлдер* калды» («Только призрак остался»).

По древним представлениям, человек полностью не умирал. Когда тело предавалось земле, над землею витал его дух-призрак — *суйлдер*. Позднее этот прозрачный, воздушный облик стали называть *аруаком* (см. главу «Аруак»). Суйлдер до сорока дней навещал домочадцев, дальних родственников, знакомых. Поэтому домочадцы и поныне до сорока дней ежедневно, а до года каждый четверг совершают ритуальные обряды по усопшему, чего не делает ни один народ, живущий по соседству с ногайцами.

Для суйлдера обязательно готовят *кыркламу* (жареные лепешки). Этот обычай еще называют «*Ийис шыгарув*» (букв. «пускание запаха»). Запах масла, пицци привлекал к себе суйлдер. Суйлдеру на поминках (7, 40, 52 дня и один год) приносят жертвы, т. к. сам дух-призрак обескровлен. Кровь лошадей, баранов, быков — это подпитка суйлдера. Есть сведения о том, что в древности кочевники приносили и человеческие жертвы. Перед решающими битвами совершали ритуальные убийства вражеского пленника, этим подпитывали призрака.

Еще совсем недавно ногайцы возле терме (юрты) выставляли курук (шест) с желтым флагом. Ночью в доме усопшего до сорока дней горел свет, раньше жгли свечи, светильники. Это делалось для того, чтобы дух-призрак в темноте нашел свой дом. Метки для суйлдера ставились и на могиле. Ногайцы до последнего времени устанавливали возле надгробья шест с флагом. У ногайцев, как и у многих тюрко-монгольских племен, для поддержания связи с суйлдером сочинялись и исполнялись бозлау (песенные причитания). Если не делались поминки, нарушались обычаи, то суйлдер мог мстить родственникам, близким.

Особое отношение было к смерти воина-богатыря, военачальника, главы племени. По ним не только устраивали поминки: в память о них воздвигали курганы, на которых ставили статуи *баба-тас* (*ата-тас*). В знак особого внимания, для возвеличивания сочинялись оды-мактау. Предки ногайцев считали, что песня обладает большой магической силой, и придавали большое значение искусству исполнения.

Знать, представители рода *ак-суек* (белой кости) проводили обряд *тонау*, на котором состязались известные *йырау* (певцы-сочинители). За лучшую песню родственники усопшего одаривали певца одеждой, оружием, дарили коней.

Сульдер храброго воина, известного полководца становился духом-покровителем всего рода, племени. Героическая песня в первую очередь предназначалась для духа-покровителя, а не для живущих на земле. Для народа она посылалась позднее, когда народ понимал, что дух-покровитель помогает одолевать врагов. Если бы песня первоначально предназначалась для народа, наши предки уже в древние времена построили бы концертные залы и амфитеатры. Ногайские йырау, призывая на помощь духов-призраков, исполняли эти песни и перед большими битвами, выступлениями в поход. Главное было призвать сульдер (позднее аруак) на помощь. Как говорилось, когда народ, род, племя забывали про духа-призрака, сульдер имени того человека мог серьезно им навредить.

По сохранившимся мифопреданиям, у духа-призрака была своя временная обитель. Она так и называлась *Сульдер*, иначе страна призраков, страна теней. У аруаков местом обитания был Аурак, в поминальных песнях место Аурака — у *Байтерека* (Мирового дерева). Место Сульдера точно не указано, но оно было невидимым и находилось не под землей, а на небе. Возможно, что как и Аурак, оно было у кроны Байтерека.

В мифоэпических сказаниях отцы запрещали ходить на Север — в темную сторону, страну мрака. Может быть, потому что в этой стороне было и место Сульдер? Если на земле народ, родственники забывали или плохо поминали усопшего, то сульдер покидал временную обитель на Небе и опускался в Нижний мир, там, в одном из самых нижних слоев в *Олык-ер* (Место мертвых) он находил себе постоянное пристанище. Олык-ер еще называли *Барса-*

Келмес ер (Место, откуда не возвращаются). В одном из ногайских сказаний есть описание Олик-ер. Там находятся равнодушные ко всему призраки, у них все происходит наоборот, они не хотят возвращаться на землю.

В честь Всемогущего Тангри и других божеств предки ногайцев проводили множество различных ритуалов. В этой книге мы подробно касаемся этих обрядов. Конечно, на поминках усопшего в первую очередь упоминались имена божеств, но основополагающей в духовной жизни человека оставалась связь с духами предков. У кочевника, кроме поминания, была еще масса обязанностей перед духами усопших. Среди них одной из неотложных считалась месть, если предок погиб от руки убийцы. Культ мести воспет в грандиозной ногайской эпической песне «Эдиге». Да и в жизни Золотой Орды убийство Тохтамыш-хана сыном Эдиге Нурадином стало эпохальным событием. Совершенно не случайно, что в таких крупных державах, как Крымское ханство и Ногайская Орда, должность главнокомандующего войском была переименована и стала называться «нурадин».

Неотомщенная кровь вызывала гневное осуждение со стороны духа предка. Кочевник, боясь ярости этого духа, стремился вести себя высоконравственно. Такие качества, как подлость, вероломство, гнусность, распутство, жадность и особенно трусость для духов предков были неприемлемы. Свой позор можно было утаить от живущих на земле людей, но от духа предка невозможно было утаить ничего — этот принцип формировал степное общество.

Слово *сульдер* происходит от слова *сулы*, которое означает гениальный, доблестный, харизматичный. В современном ногайском языке *сулы адам* означает способный человек. К корню этого слова имеет отношение и *сус* (производное *суслы*) — грозный. Ногайское слово *сулы* имеет фонетическое и смысловое сходство с монгольским *зуулы*, которое тоже означает гениальный, доблестный, харизматичный.

У древних монгол *сульде* хана являлся духом-хранителем народа, его боготворили, считалось, что боевое знамя хранит Сульде. У Чингиз-хана было два знамени, одно называлось Хара Сульде — Черное Сульде, а другое — Цаган Сульде — Белое Сульде. У ногайцев также считалось, что в духе-призраке *сульдер* остаются только луч-

шие качества. Тело считалось грязной одеждой, и оно оставалось на земле. В небо уходило только очищенное, лучшее.

Синонимом сульдер являлось и название тени — *куьлоьтки* (букв. прошедший через пепел, прах). У древних тюрков был распространен обряд трупосожжения. После сожжения трупа от человека оставалось *куьлоьтки* — тень. О плохом человеке ногайцы говорят: «*Куьлоьткиси де калласын*» («Пусть даже тени от него не останется»).

В современном ногайском языке слово сульдер используется в значении призрака, а *куьлоьтки* — в значении тень.

СУТЛЕС

Сутлес — молочный брат или сестра. Когда родился младенец, звали кормящую ребенка здоровую женщину, и она первой кормила новорожденного. Этот новорожденный и ребенок кормившей его женщины становились сутлесаами, молочными братьями или сестрами. С тех пор женщину, которая кормила ребенка своим молоком, называли *суьт-ана* — молочной матерью. Традиция эта известна во всем мире. Ногайцы для совершения этого обряда выбирали здоровую женщину из хорошего рода. Сутлесаы становились родственниками, два рода тоже вступали в родственные отношения. Для вскормленного ребенка *сут-ана* становилась священной. Обряд сутлес проводили и по необходимости, когда настоящая мать по разным причинам теряла молоко. Часто молочными матерями становились молодые женщины, подруги матери. Если сутлесаами становились разнополые дети, то брак между ними запрещался: он считался кровосмесительным.

В знаменитом ногайском дестане «Ариз и Ханбер» мать Ариз, чтобы не допустить брака дочери с Ханбером, призвала ворожею. Для достижения цели ворожея советует женщине замесить тесто и капнуть в него свое молоко, затем испечь лепешку и угостить ею юношу. Когда женщина делает все это и зовет Ханбера домой, подслушавшая совет ворожеи Ариз песней предупреждает любимого, чтобы тот отказался от угощения. Если бы Ханбер попробовал молоко матери Ариз, то брак между ним и ее дочерью стал невозможным.

У кубанских ногайцев сохранилось старинное предание о сут-ана. Предание записала азербайджанская исследовательница Светлана Алиева. Обработал автор этой книги.

Предание о княгине Шотай

До начала Кавказской войны ногайцы были жестоко подавлены царскими войсками. В той кровопролитной битве на Кубани горцы не принимали участия, напротив, спрятавшись за Кубанью в лесу, они ждали исхода сражения. Мало того, когда ногайцы были разгромлены и спешным образом переправлялись через Кубань, чтобы спасти себя и свои семьи, их настигла другая беда: на них напали спрятавшиеся в лесу горцы. Тогда горские племена постоянно враждовали меж собой, поэтому они ждали удобного момента, чтобы ограбить соседей. Такой случай им представился, и они напали на спасающихся ногайцев, многих пленили, забрали скот и имущество. Такого нападения ногайцы не ожидали, а после случившегося долго не могли забыть об этом коварстве.

А между тем ногайцы, оставшиеся на другом берегу, где проходила решающая битва, уцелели. Они дали присягу верности России и стали сотрудничать с царскими генералами. Одними из таких приверженцев России стали князья Каплановы. Аул Каплановых располагался возле русского укрепления Прочный окоп, это недалеко от современного города Армавира. Сам Капанов, помня о спасении своей семьи и подданных, служил царю верно и преданно. Он с сотней джигитов принимал участие в военных действиях и нес кордонную службу в верховьях Кубани.

Когда князь со своими воинами находился вдали от родного дома, в Каплановский аул вошел отряд русских солдат и попросил помощи. Отряду необходимо было найти в горах аул молодого черкесского князя Кургокова, который недавно злодейски напал

на российские пределы, после чего увел своих людей в верховья реки Уруп. Для поиска нужны были проводники. Хотя князя Кургокова в памятном сражении ногайцев с царскими войсками не участвовали, в Каплановском ауле нашлись горячие головы, готовые отомстить горцам, и многие хотели стать проводниками. Больше всех рвались в горы два сына князя Капланова. Одному из них, оставшемуся в ауле вместо отца, было двадцать пять лет от роду, другому — девятнадцать. Оба сына, взяв с собой желающих идти на поиски, сели на коней и повели солдат по знакомой им дороге.

Они отделились от аула так, что не было видно их домов. Молодые князья, увешанные дорогим оружием, гарцевали вокруг пешего отряда и ехали только с одной мыслью — показать себя в предстоящих сражениях. По пути их обогнала женщина на коне. Она остановила коня на мосту через небольшую речку, спрыгнула с коня и стала посередине моста, вытянув в обе стороны руки. Это была княгиня Тотай, мать ведущих отряд сыновей князя. Когда отряд подошел к мосту, княгиня положила руку на правую грудь и закричала сыновьям:

— Этой грудью я кормила вас обоих! А этой грудью, — она положила руку на левую грудь, — я кормила молодого князя Кургокова! Вы что, хотите гибели своему сутлесу?! Вы хотите разорения ему?! Лучше убейте меня на этом месте, а затем исполните свое намерение!

Сыновья слезли с коней и, склонив головы, подошли к матери. Тотай, когда родила старшего сына, была сут-ана черкесскому князю Кургокову.

Так она вернула своих сыновей домой. Проводники для отряда нашлись в соседнем ауле.

СЫБРА ШОПБАСЛЫ ЙЫРАУ

Сыбра Шопбаслы йырау считается самым главным йырау в ногайском песенном творчестве. Ему приписыва-

ется даже авторство знаменитого эпоса «Эдиге», хотя он сам является одним из персонажей этой великой песни. На пиру у Тохтамыш-хана все известные певцы отказались рассказать родословную Эдиге, и только старый Сыбра-йырау предупредил Эдиге о злых намерениях хана, тем самым дав понять, что ему надо бежать из орды, затем, не боясь наказания, поведал хану правду и предсказал гибель от руки предводителя ногайцев.

В мифопреданиях Сыбра характеризуется как прорицатель, долгожитель и выдающийся исполнитель героических песен. В одних вариантах эпической песни Сыбра прожил сто восемьдесят лет, в других — триста восемьдесят. Он не может садиться на коня, его возят в специальной повозке; чтобы зубы не выпали, их связывают шелковой нитью.

В связи с распространением ногайского эпоса среди родственных народов имя Сыбра-йырау широко известно среди казахов, башкир, каракалпаков, татар, киргизов, узбеков. Вполне вероятно, что имя Сыбра существовало и до возникновения ногайского героического эпоса. Само имя указывает на шаманские данные йырау. *Сыпрой* у ногайцев называют трехножный круглый столик, но в древности так называли круглую кожаную скатерть камов, шаманов. На такой сыпре были вырезаны руны и рисунки, изображающие мироздание.

Шоьлбас — это прозвище йырау или же название рода. Интересна этимология прозвища *Шоьлбас*, оно двухсоставное и состоит из слов *шоьл* — растение, прутик, стебелек, соломинка, соринка и *бас* — голова. Стало быть, прозвище означает «Глава всего живого». Фольклорист Ашим Сикалиев в книге «Ногайский героический эпос» пишет: «У ногайцев до сих пор считается, что в пиале с горячительными напитками (кумысе, водке — И. К.) находится заноза (на ногайском языке слово *шоьл* — И. К.), способная погубить выпившего. Поэтому прежде чем пить, необходимо вынуть занозу. Когда человеку вручают кубок и приказывают «Вынь занозу» («*Шоьл ал*» — «Вынь соринку, остаток от *шоьл*» — И. К.), это означает, что он должен спеть песню. Только песня очищает и обезвреживает напиток».

Думается, что в примечательном наблюдении талантливого ногайского исследователя присутствует более древняя традиция, которая сильно трансформировалась и по-

теряла первоначальный смысл. А изначально, в глубокой древности, человек, беря в руку *аяк* (пиалу) или тостакай (чашу, кубок) с напитком, должен был спеть песню в честь прорастания *шоьпа* (растения). На празднике Сабантой (шопантой), который в древности проводился в честь весеннего прорастания, одними из главных действующих лиц были жрецы, йырау, старейшины родов. Они начинали праздник песней в честь *шоьп* — растения и распитием кумыса из чаши. От этого произошло название праздника и прозвище *Шоьпбаслы* — человека, начинающего всенародный праздник. Есть все основания считать Сыпра Шопбаслы мифическим патроном всех ногайских йырау.

СЫХЫР АЯК – ВОЛШЕБНАЯ ЧАША

Сыхыр аяк — волшебная чаша, наполненная священным напитком и ходящая по кругу. *Сыхыр, саьар* означает волшебная, *аяк* — чаша. В быту словом аяк называют обыкновенную чашу, пиалу. Словом *аяк* называют и ногу человека, эти слова — омонимы. Но слово *аяк* само несет сакральные свойства, этимология его основана на словах *айы* (священное, небесный дух) и *ак* (налить, налитое) и означает: налитое священным духом. Возможно, что и омоним *аяк* (нога) имел отношение к значению ритуальной чаши, ходившей по кругу. Все важнейшие мероприятия, празднества начинались с того, что старейшины рода, племени, народа пускали по кругу чашу, говорили благословения и выпивали напиток из одного сосуда. Таким напитком служил кумыс, а позднее, в советское время, когда прекратили изготавливать кумыс, — *сербет-су* (медовая вода). На каменных изваяниях баба-тас обязательно изображался сыхыр аяк. Этот предмет символизировал солнце, изобилие и совместное распитие напитка из него скрепляло общность рода, племени, народа, обеспечивало людям изобилие. Богиня Умай иногда посещала жилища степняков с золотым сосудом, наполненным молоком из небесного озера Сут-коль, которым исцеляла больных детей.

Казахи священную чашу называют *тостаган*. У ногайцев кубок, сосуд размером со стакан называется *тостакай*. Тостакай — это синоним слова аяк. В ногайских мифах тостакай использовался при обряде антлас, из нее клятвенные друзья пили напиток, обогранный их кровью.

На кипчакских и скифских статуях непременно присутствовала чаша, которая находится или в руках, или на поясе изображаемой фигуры. Археологи при раскопках курганов в руках погребенного также находят своеобразные чаши. В Месопотамии, где в древности располагалось государство Шумер, также находят чаши в могилах и изображения чаши на статуэтках богини Иштар. По мнению ученых (5, т. 1, с. 342), чаша являлась символом буквального воскрешения.

В эпических песнях ритуальная чаша называется сыхыр аяк, см. в главе «Науруз» о чаше Тохтамыс-хана.

ТАВАРЫХ

Таварых — предание, миф. Это название состоит из слов *таб* (отпечаток, след) и *арык* (*ары*, *аргы* — потустороннее), что означает «запечатленные потусторонние сведения, знания». Словом *эртеги* ногайцы называют сказку. Хотя слово эртеги более подошло бы к преданию и мифу.

ТАЖЕЛЬ

Тажел — злое демоническое существо. Когда молодые люди на кладбище роют могилу, старики советуют копать как можно глубже. Они объясняют это тем, что когда придет конец света, то на землю придет демон *Тажель*. По представлениям ногайцев, *Тажель* и его *табыр-аскер* (армия с тяжелым вооружением) живут в подземном мире, и у предводителя, и у его воинов полуметровые железные копыта. Из своего обиталища они непрерывно роют себе лаз, чтобы выбраться наружу, и могут это сделать в любое время; но они обязательно выберутся на поверхность земли в день светопрествления, и тогда начнут бороздить землю своими копытами. Для того, чтобы не были осквернены останки предков, старики и рекомендуют делать ямы поглубже.

Имя демона напоминает имя мусульманского персонажа Даджаля. Однако ногайское предание не имеет аналогий в мифах мусульманских народов. А само имя наводит на мысли о тюркском происхождении. Слово *таж* по-ногайски означает венец, корона, слово *эл* — страна, вместе это можно перевести как Венценосный, Коронованный. Возможно, что *Тажель* представляет собой одно-

го из правителей Нижнего мира, о котором мы имеем смутные представления.

ТАНГРИ

Тангри — главный бог тюркских народов. Божество Дингир запечатлено еще в шумерских клинописных текстах во 2 тысячелетии до н. э. Имя Тангри бытует с древнейших времен, оно упоминается в скифских преданиях, записанных историком Геродотом еще до возникновения буддизма, христианства и ислама. Первоцаря скифов звали Таргитаем, т. е., Подобным Тангри. По сведениям из древних китайских источников, во 2–3 веках до н. э. слово тангри было представлено в языке хунну (древних гуннов). Есть летописные подтверждения данных о главном боге хазар Тенгри-хане (Моисей Каганкатвацци). Часто упоминается имя Тангри в Орхоно-енисейских надписях древних тюрков 7–8 в.в. В науке многих народов изучаются верования древних тюрков, существуют подробные исследования. Есть целое направление в науке, именуемое тенгризмом, тенгрианством.

Слово тэнгри ученые объясняют как «небесное божество», «небесный повелитель», «небесный дух-покровитель». Ногайцы, как и османские турки, называют древнего бога Тангри. У ногайцев это слово стало синонимом слов Кудай и Аллах. Такое совпадение не случайно. До принятия ислама Тангри считался творцом и владыкой всего космоса, мироздания, вселенной. Тангри не имел облика, тем более антропоморфного. Он был небесным духом, безбрежным и бесконечным, он был во всем. Плато Карпини, побывав в империи чингизидов, среди кипчаков, писал: «Они веруют в единого бога, которого признают творцом всего видимого и невидимого, а также признают его творцом как блаженства в этом мире, так и мучений, однако они не чтут его молитвами, или похвалами, или каким-нибудь образом.» (Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. Изд-во «Мысль», 1993 г.). Нашим предкам, кочевникам, в голову не приходило понимать Тангри, их вера была незыблемой, лишеной всякого сомнения и лицемерия, и в этом была сила наших предков. Поэтому на протяжении тысячелетий ни у кого не возникало и мысли о написании трактатов о сущности этого

бога или каких-либо других работ на эту тему. В скудных сообщениях инородцев о боге Тангри говорится, что он — «вечное небо», «тождественен небу». Тюрки свято поклонялись ему, приносили в жертву лошадей. Специальных молитв не было, но любое событие начиналось с обращения к нему. Тангри создал вселенную и устроил в ней порядок. Он ведал обо всем. Но ему было не до каждого человека. И потому каждый должен был держать контакт с ним сам. Кочевники считали, что бог их создал, а к создателю надо относиться как к отцу. Поэтому гнева Тангри боялись. Несоблюдение обычаев, недостойное поведение могли прогневить его.

По велению Небесного бога на земле появлялись каганы, ханы. Тюркские ханы и каганы считались сыновьями неба. Власть и повиновение им подвластного народа даровалась самим Тангри. Правители наказывали своих противников и провинившихся от имени Тангри. Небесный бог давал всем людям жизненную энергию — кут. Это было конкретное проявление его воли. От кута, данного высшим правителям, зависело благополучие всего народа. Если каган вел несправедливый образ жизни — был трусливым, распутным, вероломным, лживым, — власть у него отбиралась. При избрании кагана бийи и мурзы ссылались на то, что на этого правителя указал Тангри. При отстранении от власти правителя также ссылались на волю Небесного бога. Это был один из щепетильных вопросов. При избрании и отстранении от власти кагана главную роль играло коллегиальное решение собрания вождей племен и другой знати. Мудрость, честность, храбрость, справедливость, энергичность кандидатуры были главными качествами, данными Тангри. Это ценили те, от кого зависело решение. Если правитель проявлял слабость, отступал от этических норм, знать приходила к мнению, что он потерял благословение Тангри, отступил от воли Небесного бога, что Всевышний лишил его разума и кута; такого кагана смещали и умерщвляли. Каганы при избрании, а затем и в течение всего правления делали грандиозные жертвоприношения в честь Небесного бога. Эта традиция утвердилась прочно и не прекращалась с принятием ислама. Мусульманские деятели не смогли совладать и с обильными поминальными жертвоприношениями, издревле принятыми среди евразийских народов. На поминки простого ногайца до сих пор собираются по несколько сот человек.

Исторический материал о некоторых тюркских народах (алтайцах, хакасах) доносит до нас сведения о всенародных жертвоприношениях Тангри. Такой обряд существовал и у предков ногайцев, но о том, как он проходил, никаких данных нет. Как говорилось, на всех коллективных обрядах ногайцы обращались к Тангри. «*Тангри ярылка эт!*» — «Тангри, озари (т. е. одобри) это!» — обыденное выражение ногайца во всех значимых делах. Имя Тангри широко употреблялось в колыбельных, героических, лирических, поминальных песнях ногайцев. Они достаточно цитируются в главах этой работы.

ТЕПРЕШ

Тепреш — детский весенний праздник, проводившийся до или после Науруз-байрама. Во время проведения праздника тепреш, как и на Науруз-байраме, ветку облепихи, терна украшали цветами подснежников. Дети ходили с веткой по аулу, распевали песни про весну, танцевали. Аульчане одаряли колядующих крашеными яйцами. Затем дети собирались возле кургана или горки и катали яйца.

Известный ногайский этнограф Р. Керейтов в книге «Ногайцы. Особенности этнической истории и бытовой культуры» (19) дает такую характеристику празднику тепреш: «По-видимому, обычай крашения и игры с яйцами является одним из доисламских земледельческих обычаев ногайцев. «Яйцо, заключающее в себе новую жизнь, представлялось древнему человеку источником мироздания, оно широко применяется до сих пор в земледельческой обрядности как символ плодородия» (Покровская, 1883 г., с. 70). Крашение яиц и употребление их в весенний период как реликта домусульманских обрядов были известны и узбекам (Снесарев, 1969 г., с. 205). Интересно и то, что в былые времена у соседей нынешних ногайцев Северо-Западного Прикаспия — кумыков — мальчикам, ходившим по дворам в день Науруза, вручали крашеные яйца. У кумыков же зафиксирован и другой обычай, когда подростки также в первый день весны (Навруз) ходили по дворам с деревцем, но без подснежников (Гаджиева, 1984 г., с. 316)».

ТОБЕТ

Тобет — название мифической собаки. В быту так называется одна из собачьих пород. Судя по этимологии названия, слово тобет (тобе-ит), означающее Небесная собака, является синонимическим названием самыра (см. главу «Самыр»). Тобет часто встречается в ногайских мифопреданиях.

ТОГАС

Тогас — название мифического озера. Часто встречается в ногайских мифах и легендах. Вероятно, название Тогас является синонимом названия озера Манас. Оно тоже находится возле горы, возле дерева. Функциональные параметры одни и те же. Вода озера Тогас холодная, как лед, вкусная и густая, как кобылье молоко. У этой озерной воды чудесные свойства: если к ней губами прикасался старик, то он молодел; если молодой парень — он обретал богатырскую силу; если больной, то он выздоравливал. Возле озера жила аздага, которая не давала людям пользоваться водой из озера. Этимология названия прозрачная; его составляют два слова: *ток* (сытость) и *ас* (пища), что означает сытная пища.

ТОНАУ

Тонау — обычай после смерти знатного известного человека приглашать лучших певцов-сочинителей для создания песни о покойном. Ранее в главе «Йырау» мы приводили описание этого обряда из книги собирателя ногайского фольклора Ашима Сикалиева «Ногайский героический эпос». Для данного термина мы повторим цитату. «С древнейших времен до начала 20 века у ногайцев существовал обычай, называемый «тонау». Он способствовал росту мастерства певцов, высокому художественному уровню песен. По обычаю «тонау», в день смерти человека его близкие приглашали известных певцов-импровизаторов. Каждый из певцов тут же слагал о покойнике свою песню и исполнял ее. Автор и исполнитель песни, признанной

лучшей и правдивой, получал все личные вещи, включая его оружие и коня» (указ. соч., с. 210). Странно, что обычно этот назывался «тонау», что буквально означает ограбление, грабеж. Возможно, что столь дорогие подарки кое у кого в народе вызывали зависть. Например, оружие могло стоить целое состояние. Да и конь знатного человека мог быть очень дорогим.

Кроме того, на поминки приглашались и профессиональные бозлауши. Чаще это были женщины-исполнительницы, они исполняли плачи-причитания, называемые в народе бозлау. Бозлауши одаривались куском материи, продуктами питания, деньгами.

Оба эти обычая говорят о том, что предки ногайцев высоко ценили значение музыкального и поэтического искусства. Сочиненные во время обычая тонау оды-мактау и особо талантливо исполненные бозлау ложились в основу эпической песни, затем не одно поколение певцов делало свои добавления, использовало существовавшие эпические предания, шлифовало поэтический стиль.

Приглашение певцов для создания песни — очень древний обычай, который связан, в основном, с жреческим ритуалом. Как и соблюдение поминальной процедуры, песня предназначалась духу умершего, сульдеру. А если умерший являлся крупной личностью, то духу-хранителю доблести рода, племени, народа.

ТОПАНА, АЛА-ТОПАН

Топана — мифологическое змееподобное существо у ногайцев. Этимология названия указывает на прародительницу. Оно состоит из двух слов: *тобе* (верх, макушка) и *ана* (мать), что вместе означает Небесная мать. Однако в мифах у этого существа нет связи с небом. У родственных ногайцам балкарцев существовала обрядовая песня «Топана», в которой просили изобилия и плодородия, она исполнялась детьми в начале весны и сопровождалась танцами (21, с. 28).

В ногайской мифологии образ топаны до конца не изучен. По данным ногайского фольклориста Тахира Акманбетова, обитает это существо в норе, которая находится в безлюдном месте у воды. Топана спит, попеременно открывая то один, то другой глаз. Когда же чудовище чув-

ствует голод, оно начинает шипеть, свистеть, подымает ураган. Ногайцы называют этот ураган «*ала-топан ел*» («ветер пестрой топаны»). У нас и взрослым и детям запрещают свистеть в помещениях, говорят, что свист может взбудоражить топану.

Ногайский фольклорист Тахир Акманбетов приводит некоторые фольклорные данные, касающиеся функций этого мифологического персонажа. Ногайцы считают:

*Онгар ногай эл,
Эспесе ала-топан ел.
(Ногайская земля будет процветать,
Если не задует ала-топан).*

Подымаемый топаной ураган начинается у реки, озера или моря, поэтому ногайцы говорят:

*Ала-топан кутырар,
Сув тасып ягадан шыгар.
(Если ала-топан взбесится,
Вода из берегов выходит).*

Ураган, ветер ала-топан приносит огромные бедствия людям, поэтому говорится:

*Эссе эссиз ала-топан ел,
Сув астында калар ер.
(Если неожиданно задует ала-топан,
То под водой окажется вся земля).*

Судя по приведенным Т. Акманбетовым поговоркам, ураган, подымаемый топаной – бедствие, напоминающее торнадо или цунами.

ТОПЕКОЗ

Топекоз — широко распространенный среди тюрков мифологический персонаж в облике одноглазого великана. Этот образ широко известен в мировом фольклоре, например, среди кавказских народов, монголов, греков и других. В мифологии этих народов герой, попав в пещеру топекоза, чтобы не стать пищей великана, вонзает ему в глаз копьё и, накинув на себя овечью шкуру, выби-

рается вместе с овцами Топекоза. Великан-людоед, персонаж огузского эпоса в «Книге моего деда Коркуда», разительно схож с одноглазым циклопом в греческих мифах об Одиссее.

Этот образ ученые толкуют по-разному. Наиболее близкие ногайскому мифологическому образу объяснения мы находим у исследователей казахского фольклора. Известный исследователь казахской мифологии Серикбол Кондыбай пишет следующее. «В генезисе одноглазый Тобекоз — персонифицированное солярное божество, аналог Митры или его земное воплощение. Одноглазость — одна из черт солнца (казахск. постоянное словосочетание кун кози — глаз солнца — С. К., мы бы добавили — и ногайское словосочетание — И. К.). Солнечный глаз всегда один, человеку виден только один глаз Солнца. Тобекоз обитает в пещере, а пещера считается убежищем Солнца (вспом. Митру в иранском мифе, точнее сказать, в среднеазиатском мифе Митра-солнце выходит из камня или пещеры)» (14, с. 216). Далее ученый, анализируя представления о топекозе тюрко-монгольских народов, приходит к следующему выводу: «В таком случае сообщение Аристеея, повторенное Геродотом, о народе одноглазых пастухов, о которых греки узнали из рассказов исседонов и тюрков — «грифов, стерегущих золото», был характерен сюжет дуалистического мифа о борьбе светлого божества с одноглазым повелителем мира мертвых. Можно предполагать из чрезвычайной близости тюркских повествований об ослеплении циклопа человеком к рассказу об Одиссее и Полифеме, что во-первых, этот сюжет рассказывался древнейшими тюрками в форме дуалистического мифа, во-вторых, именно он, попав к грекам через скифов, уже из греческого устного творчества проник в гомеровскую Одиссею. Образ солнечного Тобекоза, вероятно, появился в древнем среднеазиатско-прототюркском мифе в результате слияния образов одноглазого персонажа и среднеазиатского Митры-Солнца» (14, с. 217).

В ногайской мифологии, кроме общеизвестных сюжетов о пещерном одноглазом тобекозе, есть легенда, некоторыми чертами очень напоминающая популярного персонажа в греческой мифологии. Как известно, в греческой мифологии Прометей являлся могучим титаном, похитившим огонь с Олимпа и давшим его людям. Он научил людей земледелию, научил писать и читать, обучил

многим ремеслам. Прометей был наказан всемогущим Зевсом не только за то, что похитил огонь с Олимпа, но и за то, что знал тайну Бога и не хотел ее рассказать ему. Он был прикован к скале в Скифии, в стране одноглазых ари-маспов, и подвергался мучениям. Орел клевал печень титана. Прометей уговаривали многие боги, в том числе и мать Фемиды, но он так и не рассказал тайну, кто свергнет с престола Зевса. И лишь Геракл — герой всех времен узнал эту тайну и освободил Прометей. В греческом мифе исследователей давно смущает то, что для наказания Зевс выбрал Скифию. А имя титана Прометей наводит на мысль: а не имеет ли оно отношение к тюркской антропонимике? Дело в том, что оно похоже на распространенное среди тюркских народов имя Бурантай, Бурамтай.

То, что Зевс помещает Прометей в Скифию, страну одноглазых ари-маспов, не кажется случайностью, когда познакомишься с упомянутой ранее легендой об одноглазом Топекозе в Ногайской степи, в ближайшей для греков Скифии. Некоторые черты сходства с эллинскими мифами очевидны. Вполне вероятно, что это предание существовало и в те времена, когда создавался популярный миф о Прометее. Ногайская легенда о Топекозе записана фольклористом Тахиром Акманбетовым. Дается в обработке автора.

Легенда о степном Прометее

Когда наши предки кочевали, то остановились у моря, называвшегося Большой Водой. Там на берегу им встретились ослабшие, изможденные люди. Они сказали нашим предкам:

— Не останавливайтесь на берегу Большой Воды. Неподалеку живет Топекоз, который постоянно пьет много воды, т. к. у него внутри горит и пар исходит изо рта. А еще больше он любит пить кровь живых существ, и кровь людей особенно его молодит. На его широком лбу один глаз с гусиное яйцо. Во рту, как сабля острая, один зуб. Говорят, что под этим зубом у него спрятана душа. Мы пробовали его убить железными трехгранными стрелами и копьями, но тело

его непробиваемо. Даже стальной меч не берет его. Лучше уходите, а то будете, как мы, полуживыми.

Но наши предки не послушались. Они сказали:

*Садактан ок алып,
Дауга атпай таймаймыз,
Кыннан кылыш алып,
Кан актырмай кайтпаймыз!
(Из колчана стрелы вытащив,
В дауа не выстрелив, не уйдем,
Из ножен меч вытащив,
Кровью дауа не запачкавшись,
не вернемся!)*

Так решили они. Поставили на берегу свои юрты. Развели огонь, поставили казаны с мясом, поели, отдохнули и рано на рассвете, в благословенный час танг-манги, отобрали из народа сорок батыров и отправили их на поиски дауа.

Батыры пошли берегом моря и вскоре наткнулись на жилище дауа. Здесь они разделились на две части и решили подойти к чудовищу с двух сторон. Топекоз, почувствовав человеческий запах, встал на ноги и стал кричать громоподобным голосом. Но джигиты не испугались. Батыры с правой стороны стали стрелять, целясь в единственный глаз, а те, кто был слева, целились в единственный зуб дауа. Джигиты правой стороны выбили ему единственный глаз, а те, кто был слева, выбили его единственный зуб.

Дау зашатался от боли, ничего не видя перед собой, побежал от нападавших. Добежав до моря, он упал на берегу и стал пить соленую воду. Он пил до тех пор, пока не показалось ровное дно. Когда вода закончилась, Топекоз стал кататься по дну, из его рта стало полыхать пламя, и стал он орать зычным голосом. Увидел это Тангри. Очень не понравился ему огнедышащий и беснующийся Топекоз. Он объявил его цепью и приковал к снежной вершине Аскар-тау, куда нога человека никогда не ступала.

Так предки караногайцев остались жить на ровном дне моря. Это дно обросло травой, животные

появились, птиц много стало прилетать. Караногайцы любят эту землю, так как знают, с каким трудом она досталась их предкам, они отсюда никуда не уйдут и никому ее не отдадут.

Говорят, что когда Тангри приковал Топекоза к вершине Аскар-тау, то оставил возле него ялау (плеть). Для того, чтобы если дау придет в себя и умк нему вернется, он бы мог взять плеть зубами и хлестнуть по цепи, тогда цепь должна была рассыпаться. Однако, когда дау пришел в себя и захотел взять плеть, то, будучи лишенным зуба, он проглотил плеть.

До Аскар-тау даже птица не долетает, только каракус может долететь и сделать передышку на голове Топекоза. Поэтому людям не дано видеть этого великана. Говорят, что если его увидит старый человек, то помолодеет, а если молодой человек, то постареет. А если кому дважды удастся увидеть его, то он превратится в черную скалу. Если человеку все же удастся увидеть дау, тот у него спрашивает:

*Бие яркылдайма,
Кылыш кулынлайма,
Кой сувсылдайма,
Камыс мангырайма?
(Кобылица сверкает ли,
Меч жеребится ли,
Овца шелестит ли,
Камыш блеет ли?)*

Когда человек его поправляет и говорит:

*Бие кулынлайды,
Кылыш яркылдайды,
Кой мангырайды,
Камыс сувсылдайды.
(Кобылица жеребится,
Меч сверкает,
Овца блеет,
Камыш шелестит),*

тогда Топекоз гневается, гремит цепью, так что все небо содрогается, из его рта вылетает сазаган в

форме проглоченной плети и начинает плясать среди туч.

Когда раздается гром, ногайцы говорят:

*Аскар-таудагы даудынъ
Шынжыры зангырайды,
Ахыры ийги болгай эди,
Тангир оьзи онълагай эди.
(На Аскар-тау дау
Цепью звенит,
Благополучно кончилось бы,
Пусть Тангри лучшую сторону сделает).*

Если обезумевший Топекоз сорвется с цепи, может конец света наступить, поэтому к Тангри и обращаются.

ТОТЫР, ТУТАР

Тотыр, Тутар — имя мифологического персонажа, покровителя волков. Ногайцы почитали волка. Ранее уже упоминалось, что ногайцы поклонялись Кокбори — Небесному волку. Возможно, так называлось созвездие на небе. В легенде дух-хранитель был в облике волка. Кусочки шкуры волка, зуб, сухожилия зверя служили оберегами от злых духов. Волк часто становился и врагом человека. По ногайским поверьям, когда волки нападали на людей или на стадо, то люди просили спасение у Тотыра. Покровитель овец Шопан-ата недолго любил Тотыра и не подавал ему руки.

Имя покровителя волка произносится по-разному. В Караногае его зовут Тутар, у кумских ногайцев в районе Пятигорья — Тотыр, Тутарык. У казахов есть имя Дудар. Имя Тотыр хорошо известно среди осетин и балкарцев. Вполне вероятно, что через них это имя перешло к ногайцам, некогда жившим в Осетии и в районе Хамидие в Кабардино-Балкарии. По сообщениям путешественников, ногайцы жили и вокруг остатков города Татартупа, а название города напрямую связано с именем Тотыра, правильное название должно звучать как Тотыр-туп, что с ногайского переводится как Основа Тотыра (Основанный Тотыром). Есть предположения, что имя Тотыр происхо-

дит от христианского имени Теодор, Тодор, Федор. Появление этого имени, возможно, связано с распространением христианства в Хазарском каганате.

Предания о Тотыре и само имя были наиболее распространены среди кумских (пятигорских) ногайцев. Одно из преданий о картежнике Тотыре записал автор данной книги из уст жокея Анвара Зекашева из селения Конзавод Минераловодского района. Это предание о реальном человеке, жившем в ауле Канглы до Великой Отечественной войны, в 30-ые годы, но мы считаем, что этот рассказ о картежнике имеет сходство с наиболее древними преданиями. Второе предание о волчице и мальчике Тотыре записал известный ногайский писатель Суюн Капаев, информатор не указан. Оба предания обработал автор книги.

Шапка Тотыра

В 30-е годы наш Канглы жил намного благополучнее других ногайских аулов. Новшества к нам приходили от железной дороги, связывающей Канглы со всей страной. Да и приезжающие отдыхать в города-курорты знакомили нас с жизнью в столичных городах. В ауле в то время было несколько колхозов. Колхозники выращивали пшеницу, разводили птицу, скот, лошадей. На реках Куме и Суркуле стояло пять водяных мельниц. Наши аульчане делали кумыс для лечебных целей и продавали в Пятигорске, Кисловодске и на других курортах. Тогда у нас жило много известных людей. Но, пожалуй, для меня, тогда подростка, самым замечательным был Тотыр.

Он нигде не работал, промышлял игрой в карты на курортах. На долгое время пропадал из аула, потом возвращался при выигрыше и кутил в ауле до той поры, пока у него не заканчивались деньги. А после опять исчезал. У него была интересная привычка. Когда он возвращался с выигрышем, то приезжал в аул на двух открытых фаэтонах. На первом ехал один извозчик, а сзади на укрепленном между сиденьями шесте висела шапка Тотыра из волчьей шкуры. Получалось, что извозчик везет его шапку.

Но это означало, что Тотыр едет с выигрышем. При виде первого фаэтона вся аульская детвора высыпала на улицы и бежала встречать. Чуть позже на втором фаэтоне показывался сам Тотыр. Он был в новом картузе, новой одежде, новых сапогах. Детвора, а за ними и взрослые торопились к дому Тотыра, где жила его одинокая мать. Подъехав к дому, извозчики подносили ему мешок. Тотыр стоял и раздавал детям калачи, конфеты, халву. Когда собравшихся было много, он кидал сладости и мелкие деньги в толпу. А после в его доме на несколько дней устраивались гулянья, играла гармошка, трещали трещотки, раздавалась ногайская «Орайда». Гулянья прекращались тогда, когда он проматывал деньги. Случалось, что он пропивал всю одежду, сапоги, часы. Затем, оставшись в старой одежде, нахлобучив на голову шапку из волчьей шкуры, он отправлялся в город. Затем все повторялось. Говорят, что шапка из волчьей шкуры приносила Тотыру удачу, поэтому он демонстративно вез ее в первом фаэтоне.

Тутар и волчица

Давным-давно произошла эта история. В степи стояла кошара с отарой овец, а неподалеку от нее в лощине жила волчица с выводком. Как-то волчица ушла в поисках пищи для волчат, а непослушные детеныши, играя недалеко от норы, увидели заблудившегося ягненка и ненароком загрызли его. Когда вернулась мать, то от ягненка одни клочья белой шерсти остались. Обеспокоенная волчица загнала детенышей в нору, а сама кинулась в степь и через некоторое время в зубах принесла белого ягненка и выпустила его живым возле изгороди кошары.

Все это видел сидящий на пригорке мальчик по имени Тутар. Когда чабан обходил кошару, то нашел клочок шерсти, испачканный кровью. Поняв, что это дело волков, он позвал друзей. Они, взяв топоры и вилы, начали искать волчье логово. Тутар был сы-

ном одного из чабанов, и он остановил их, сказав, что отара их цела и все ягнята на месте. Чабаны пересчитали ягнят, затем овец. Оказалось, что все ягнята и овцы целы.

Так Тутар подружился с волчицей и волчатами. Он стал понимать их язык и, когда было необходимо, призывал волков на помощь. Волки умные звери, они никогда не приносят вред тому скоту, с которым рядом находится их логово.

ТУВ, БАЙРАК — ЗНАМЯ, ФЛАГ

Слово *тув* означает боевое знамя, оно имелось при крупных войсковых соединениях. Знамя у тюрков считалось священным. Оно сохраняло боевой дух, помогало одолеть врага. При военных действиях знамя служило знаком сотни, полка, группировки, по нему ориентировались полководцы и делали распоряжения для маневров. Потеря знамени приравнивалась к поражению, поэтому оно тщательно охранялось и в военное, и в мирное время. В древности знаменем считался и девятихвостый бунчук, девять хвостов которого подчеркивали могущество страны. Для изготовления бунчука применялась шерсть яков — крупных и сильных животных. Долгое время у кочевых народов бунчук сохранялся одновременно со знаменем. У тюрков сохранилось устойчивое выражение: «*Тогыз туглак хан*» («Хан с девятью знаменами»). В эпической песне «Эдиге» указывается, что у ногайского хана Тохтамыша было девяносто уделов и девяносто знамен. В исторической литературе название знамени тюрков звучит как *туг* (шерсть), это слово означает шерсть и в современном ногайском языке. Шерсть имела сакральные свойства. Как ранее говорилось в главе «Баба», ворсистость и волосатость характеризовала солнечное божество. В шерсти, в волосах сохранялись добрые духи-хранители. В знамени сохранялся дух предков, сульдер правителя. По монгольским преданиям, у Чингиз-хана было два знамени: Хара Сульде и Цаган Сульде (Черное Знамя и Белое знамя). В ногайских эпических песнях часто говорится: «*Шын-гыздынъ кара тувы*» («Черное знамя Чингиз-хана»). Речь шла о военном, боевом знамени, которое приносило побе-

ду. Белое знамя — *Ак тув* являлось парадным, мирным знаменем, говорящем о могуществе, благородстве, знатности. В честь духа правителя, хранившегося в знамени, приносились и человеческие жертвы. Батыр убивал человека из стана противника и демонстративно выпивал его кровь. Калмыки перед битвой демонстративно убивали пленника и мазали его кровью лицо. Ногайцы их называли *каниш-кир*, т. е. кровопийцами. Затем этот обычай обрел форму поединка.

В мирной жизни у ногайцев были популярны тув белого и желтого цвета. Часто на тув ставилась символика. Половцы изображали пасть волка, правители огузов рисовали три скрещенных стрелы, отдельные племена ставили свои тамги.

Вторым названием знамени у ногайцев было слово *байрак*. Байрак-флаг применялся не только во время военных действий; ногайцы их вывешивали на торжествах, пирах, свадьбах. У ногайцев на скачках победителем становился тот джигит, который, вырвав байрак у соперников, доносил его до финиша. Этимология этого названия связана с двумя словами: *бай* (богатый, лучший, главный) и *ырак*, *ырк*, *ырым* (судьба, предопределение, святость).

Обычай применения знамени тув еще больше связан с поминальной обрядностью. В поминальных бозлау ногайцев часто упоминается о том, что при смерти близкого над юртой выставлялся *сары-тув* — желтое знамя. О подобном обычае у казахов развернуто пишет Г. Алтынсарин («Очерк обычаев при похоронах, поминках киргизов», Оренбургские ведомости, Казань, 1880, вып.1, с. 119). «После захоронения умершего, если это был мужчина, то брали пику (найза) и конец древка втыкали в землю, а острие его возвышалось над юртой сквозь прорезанное отверстие свода. К наконечнику пики привязывали флаг, для юноши — красный, для мужчины средних лет — черный, для старика — белый. Таким образом найза замещала умершего в течение года. При перекочевках ее также переносили, причем несли ее впереди, перед лошадью умершего (с подстриженным на четверть хвостом), которая возглавляла движение».

Далее в годовщину смерти родственники преломляли эту найзу пополам, затем ее втыкали в изголовье могилы. Караногайцы, как и некоторые народы Дагестана, при похоронах известного верующего человека в изголо-

вые могилы втыкали трехметровый шест с зеленым флагом и держали его там до истлевания. У кубанских ногайцев, когда умирает человек, его рост измеряют деревянной палкой и соразмерно с ее длиной копают могилу, затем палку ломают пополам и оставляют в нише вместе с покойником. В главе «Байтерек» мы говорили о том, что шест, палка символизировала Байтерек. Флаг же являлся вымпелом, меткой для сульдер, чтобы он — дух предка — без труда мог найти своих родственников, не забывающих и поминающих его, и свои останки, бережно захороненные в земле. Плохой приметой считалось скитание духа предка.

ТУК, ШАШ, КЫЛ, ЮН

Тук по-ногайски означает шерстинка. *Шаш* — волос у человека. *Кыл* — волосинка. *Юн* — шерсть у животного. В ногайской мифологии шерсть и волосы имели сакральное значение. Поэтому не случайно главного покровителя ногайских богатырей называли Баба Тукли-Шашлы ас. Тукли-Шашлы означало Ворсисто-волосатый. Это были отличительные черты солнечного божества. Ногайцы волосы на голове старались стричь до захода солнца. Состриженные волосы не раскидывали куда попало.

Мужчину с волосяным покровом на теле ногайцы считали счастливым человеком. Приятное впечатление производил и мужчина с густыми волосами на голове. Похвалу вызывали люди с кучерявыми волосами.

Шерсть животных тоже почиталась. Ногайцы, как и казахи, считали, что золотой век наступит тогда, когда жаворонок будет вить гнезда на шерстяном покрове их овец. Пучки шерсти яка украшали боевые знамена. В ногайских сказках, как и в сказках многих народов, подожженный конский волос используется для приглашения аргамака, тулпара. Известный ногайский писатель Суюн Капаев приводит любопытную примету из народной жизни. Ногайцы всегда отличались гостеприимством, они щедро угощали гостя, обязательно резали барана по этому поводу. Когда гость уходил, то ему старались сделать подарок. Обычно дарили то, что понравилось гостю. Верхнюю одежду, кинжал, доспехи. Особо щедрые и материально обеспеченные могли подарить и коня. Если хозяин

дарил любимого коня, то для того, чтобы подобный конь появился у него снова, он вырывал волос из гривы, смазывал его слюной коня и хранил этот волос дома в укромном месте.

В честь первой стрижки головы мальчика ногойцы устраивали праздник. Обычно первую стрижку проводил дядя по материнской линии. Ключок детских волос старались сохранять до конца жизни.

Вот что по этому поводу пишет исследовательница ногойской этнографии С. Г. Гаджиева в книге «Материальная культура ногойцев в XIX — начале XX в.» (Москва, 1976 г.): «Детям брили головы, начиная с одного-двух лет, но до 7 лет на макушке оставляли пучок волос — айдар, кекел. Его не заплетали. Чтобы первый раз побрить голову мальчика, мать приносила его своему близкому родственнику (дяде), который совершал этот обряд (если сам не умел, то поручал бритью другому) и одаривал чем-нибудь, чаще всего скотом. Обряд первого бритья сопровождался угощением... Оставление волос на макушке, видимо, является древней традицией ногойцев, распространявшейся на мужчин всех возрастов. Рубрук, в частности, отмечал этот обычай у предков ногойцев — кипчаков. Он писал, что они бреют «лоб до макушки, на которой оставляют пучок волос, спускающихся до бровей». — Возможно, — заключает исследовательница, — этот сохранившийся в детских прическах пережиток прошлого уходит своими корнями в обычай кочевников носить косы, на что также указывает Рубрук. Косы, спущенные на спину, изображены и на половецких памятниках — каменных изваяниях» (стр. 115).

По ногойским преданиям, в завитке волос на макушке обитал дух — хранитель мужской силы, благополучия *орей* (см. главу «Орей»). Из-за этого ногойцы почитали головные уборы. Дети, подростки, мужчины, старики носили их постоянно. С непокрытой головой не ходили также и девушки, и женщины. Дети носили *тобтаи* (тюбетейки), мужчины шапки из меха, войлочные шляпы, старики даже дома надевали *ыракшыны* (матерчатые тюбетейки). Дома головной убор вешали высоко, на пол не клали. Не клали шапку и в перевернутом открытом виде. Если в доме умирал глава семьи, то еще долгое время его шапка сохранялась. Часто в ногойском доме можно было

видеть висящую на стене папаху умершего старика. Некоторые хозяйки ставили шапку мужа на белую подушку, которая лежала на видном месте (см. главу «Тул»). Когда у ногайца женился сын, поздравляли такими словами: «Хайырлы болсын янзы боьркинз!» («Пусть принесет достаток новая шапка!»). На свадьбах и сам жених, и его телохранители очень следили, чтобы парни со стороны невесты не украли шапку жениха. Если это случалось, то шапку выкупали за солидное вознаграждение. На похороны, на поминки мужчины по сей день не ходят без головного убора. Свою шапку не давали поносить кому-либо и не дарили. По поверью, человек, отдавший поносить или подаривший свой головной убор, лишается благополучия. У ногайцев сохранилось предание «Синяя шапка Эдиге». Его записала жительница аула Эркин-халк Хаджат Утакаева. Обработал автор этой книги.

Синяя шапка Эдиге

Эдиге был сильный и храбрый правитель. Всегда был находчивый и принимал мудрые решения. О его мудрости рассказывают много. Но однажды он совершил опрометчивый поступок. Как-то на пиру много выпил кумыса. Разгоряченный, вышел из дома и увидел толпу людей, которые всегда собирались там, где был он. И он по своей привычке стал людям раздавать деньги, бросал мелочь в толпу. Люди охотно собирали деньги, а затем с признательностью смотрели на своего правителя. В толпе он увидел одного бедно одетого юношу, который не бросался, как остальные, за деньгами, а стоял, сложив руки на груди, и с раскрытым ртом смотрел на ногайского правителя. Этого юношу звали Эмире, и он впервые в жизни видел Эдиге. Эдиге подошел к нему и спросил:

— Ты почему не собираешь деньги? Или тебе ничего не надо?

Эмире молча продолжал умиленно смотреть на своего правителя.

— Тебе ничего не надо? Почему ты на меня так смотришь? Проси, что хочешь, я тебе дам. Или ты говорить не умеешь?

— Я умею говорить. А смотрю я на вашу шапку, — сказал стеснительно Эмире.

На голове Эдиге была бухарская шапка из синего каракуля.

— А какое тебе дело до моей шапки? Скажи, что тебе надо? — удивленно спросил Эдиге.

— Мне нравится ваша синяя шапка.

— Но я не могу тебе ее отдать. Не могу же я остаться перед людьми с непокрытой головой?

— Мне очень нравится ваша шапка!

— Ну, приходи как-нибудь ко мне, дам я тебе шапку, — сказал Эдиге, похлопав юношу по плечу.

С тех пор Эмире не отставал от Эдиге и спрашивал обещанную шапку. Эдиге говорил те же слова: он не может остаться перед людьми без головного убора, и чтобы юноша пришел к нему домой. Эмире ходил и к дому, но его туда не пропускали телохранители. И опять он искал встречи с правителем на улице и напоминал о своей просьбе. Так продолжалось несколько лет. Как-то в степи нагрянули такие морозы, что люди носа не высовывали из своих домов. В такую студеную ночь Эмире отправился к дому Эдиге. Всю ночь он простоял у окна, глядя на висящую в доме шапку Эдиге. А под утро замерз и умер.

После этого люди в случаях, когда ожидают обещанного, а им этого не дают, говорят: «Вот тебе синяя шапка Эдиге!»

У ногайцев есть обычай: никому не давать свою шапку. Если это случается, то человек может потерять свое счастье.

ТУЛ

Слово *тул* в современном ногайском языке означает траур женщины по хозяину дома. Вдову ногайцы называют *тул хатын*. Но в древности словом *тул* называли своеобразно сделанную куклу, представляющую ушедшего из жизни хозяина дома.

Ногайский ученый Рамазан Керейтов первый обратил внимание на подобный термин у родственных ногай-

цам тюркских народов. «Но вместе с тем у некоторых народов, — пишет он, — в частности у киргизов, был обычай делать в доме умершего мужчины подобие куклы (тул), которая должна представлять покойного. На поставленную вертикально подушку надевают халат покойного, сверху кладут чалму. Изображение ставят в углу и отгораживают занавеской, и оно сохраняется в доме до устройства тризны, т. е. в течение года» (19, с. 382). Ученый считает, что среди ногайцев «понятие кукла забылось» и название перешло в понятие траур.

Еще совсем недавно, в 50-60-е годы прошлого столетия, у кубанских ногайцев в гостиных комнатах на подушке возвышалась каракулевая папаха умершего главы семейства. Так она простаивала в течение года, затем папаху вешали на стену. Все ногайцы в течение года соблюдали траур по умершему. Траур женщины, потерявшей мужа, был особый. Вдова после смерти мужа расплетала косы, надевала вывернутую наизнанку одежду, не носила украшений. Как говорилось в главе «Сульдер», до года дух-призрак навещал дом, для этого ему указывали путь к дому и к могиле: выставляли флаг, зажигали огонь, делали жертвоприношения, ставили надгробный камень. Запах жареного масла завлекал дух-призрак. Выставление куклы-тул тоже показывало духу-призраку, что он не забыт родными.

Ногайцы, как и все евразийские тюрки, проводили поминки на седьмой, сороковой, пятьдесят второй дни и в годовщину кончины. Эти дни мало связаны с мусульманской религией, скорее они характерны для более древних представлений тюрков. По этим представлениям, на седьмой день у покойника начиналось разложение тела, от чего дух-призрак находился в смятении. После поминок благодаря жертвоприношениям дух-призрак успокаивался. В течение сорока дней дух-призрак обходил все места, где умерший бывал при жизни, а к сороковому дню возвращался к телу. К этому времени рекомендовалось поставить надгробие. На сорокой день после смерти ткани покойника отделялись от костей. Видя, что тело его окончательно разлагается, дух-призрак начинал беспокоиться пуще прежнего. Поэтому в этот день проводили пышные поминки с приглашением всех тех, кто при жизни знал умершего. На пятьдесят второй день труп окончательно разлагался, разрывались суставы, поэтому на ночь (во вто-

рой половине дня) устраивали поминки, читались молитвы, это были своего рода проводы духа-призрака. В годовщину смерти дух-призрак последний раз посещал останки своего тела. Поэтому в годовщину делались обильные жертвоприношения. Резали заранее откормленную лошадь, иногда верблюда, и провожали дух-призрак в дальний путь. После годовщины смерти, если дух-призрак был доволен обрядом похорон и поминками, он становился духом покровителем — аруаком, в древности сульдером. Он помогал роду, аулу, народу. В древности в честь духа предков делалось массовое жертвоприношение. В современном ногайском народе эта функция перешла на известные мусульманские праздники Ораза-байрам и Курман-байрам, они сопровождаются обязательным посещением кладбища.

Если после годовщины со дня смерти покойник снился родным, это считалось плохим признаком. Тогда явившемуся духу говорили: «Уходи, мы с тобой, мы тебя помним!» Чтобы покойник не являлся, рекомендовалось подавать милостыню нуждающимся.

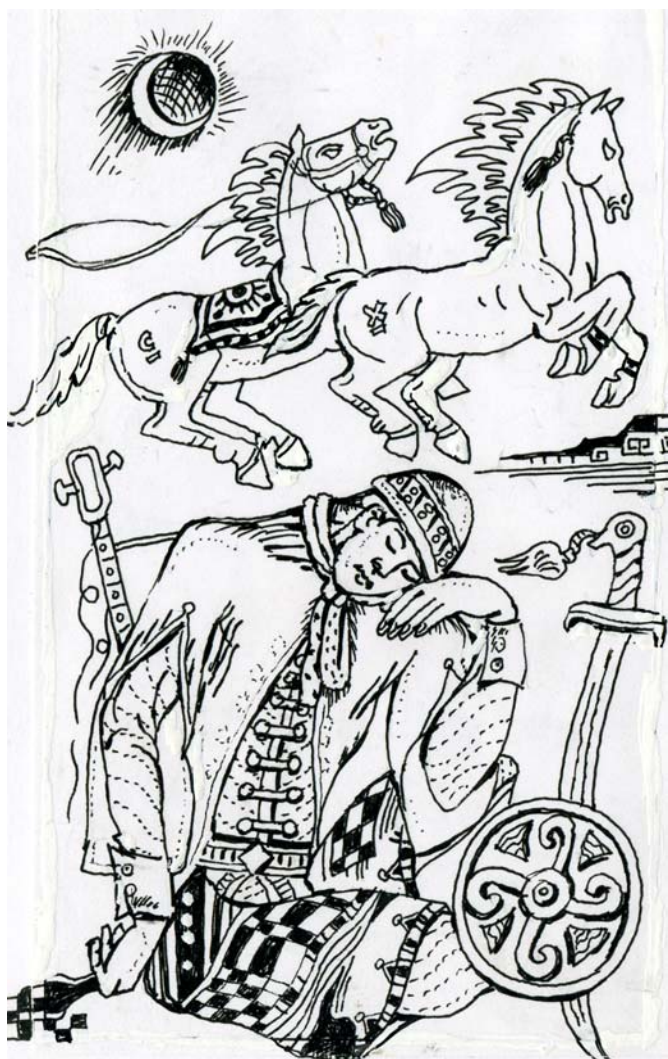
Этимологию слова *тул* выяснить трудно. Плотный, ничего не пропускающий кожаный мешок ногайцы называют *тулык*. Будучи наполненным, он чем-то напоминает туловище человека. Наверное, слово *тул* означает оболочку, облачение. Если это так, то вполне понятно, почему так же называли и траурную куклу.

ТУЛПАР

Тулпар — мифический конь, имеющий крылья. В ногайских эпических песнях коней богатырей тоже называют тулпарами.

Известный ногайский фольклорист Ашим Сикалиев в книге «Ногайский героический эпос» дает такую характеристику мифическому коню: «В героическом эпосе тулпар не летает, но и здесь его узнают по следам крыльев, которые будто остаются на боках скакуна. Айсыл, отец Ахмета, узнавал тулпара по следующим приметам:

1. Истинный тулпар, когда пьет воду, окунает морду в воду до глаз;
2. Задними ногами ступает на следы передних ног не только тогда, когда идет шагом, но и во время быстрой скачки;

3. На каждой ноздре имеется по три приметы;
4. Не имеет коренных зубов;
5. По бокам вырисовываются следы крыльев;
6. Под мышками волосы не растут;
7. Грудная кость не очень широкая» (1).

В ногайских мифах коню уделяется одно из главных мест. Об этом мы рассказывали в главе «Аргамак, ат, юйрик, йылкы». Шестиногие и восьминогие аргмаки летают, как и тулпар. Ногайский аргмак считался лучше арабского скакуна. А. Сикалиев приводит такую поговорку богатырей: «*Ногай атлар коьп миндик сувдан шыккан араптай*» («Много ездили на ногайских конях, которые были подобны арабским скакунам, выходящим из воды»). Но лучшим и непревзойденным скакуном считался тулпар. Тулпар не только летал в критический момент, но и давал полезные советы хозяину, а когда это требовалось, жертвовал своей жизнью ради спасения хозяина. Жизнь кочевников во многом зависела от коня, поэтому образ коня в древности был доведен до обожествления. У тюрков конь считался солнечным божеством. В ногайских мифопреданиях некоторые звезды носят клички лошадей. Так, две звезды Малой Медведицы называются: Ак-ат (Белый конь) и Коьк-ат (Синий конь), одно из названий звезды Сириус Ак айгыр (Белый жеребец). Реконструируя тюркские мифы о коне, приходишь к мысли, что и в ногайской мифологии были божества в облике коня, но в связи с приходом ислама эти мифопредания трансформировались, фольклор сохранил образ коня с волшебными свойствами, спасающего от гибели человеческий род. Сказка «*Казадан куткарган Коьк-туяклы*» («От беды спасающий Небесное копыто») опубликована в сборнике «Алал косак». В образе тулпара видятся отголоски божества в облике коня, некогда спасавшего людей. Пересказал мифосказание автор книги.

От беды спасающее Небесное копыто

Давным-давно, когда коза от сытости пухла, когда скворец стал кадием, когда дочь хана колдуном была, когда жаворонок в воде обитал... жил Великий ногайский хан. Его красавицу дочь сосватал один

красивый юноша. Когда хан в виде приданого нагрузил караван верблюдов золотом и серебром, чтобы отправить свое чадо к жениху, дочь хана вспомнила слова предков: «Конный — герой, пеший несчастный», «Крылья путника конь» и попросила у отца тулпара по кличке Небесное копыто, которого она сама вырастила, кормила из рук медом и поила вместо воды молоком. Отец исполнил просьбу и отдал ей тулпара Небесное копыто.

Караван направился в степь. Когда добрались до подошвы одной горы, люди устали и решили отдохнуть. Они остановились на привал. Вдруг красивый джигит стал кататься по земле и обернулся волком. Волк кинулся на верблюдов, стал валить их и раздирать им шкуры.

Тулпар Небесное копыто заговорил человеческим голосом:

— Быстро залезай на меня! — приказал он девушке.

Девушка быстро взобралась на коня, и тулпар понесся прочь от беды. Волк кинулся следом. Тулпар помчался по степи, а волк стал его догонять.

— Бросай свой гребешок назад и скажи, чтобы впереди солнечный свет разливался, а позади пусть туман расстелется! — сказал тулпар всаднице.

Девушка бросила гребешок и сказала:

— Пусть впереди солнечный свет разливается, а позади пусть туман стелется!

Так оно и случилось. Впереди яркий свет стал разливаться, а позади стало темно. Но через некоторое время донесся волчий вой. Волк стал опять догонять, вот-вот настигнет тулпара с девушкой.

— Бросай свое зеркало назад и скажи, чтобы впереди солнечный свет разливался, а позади бездонное море разлилось! — приказал тулпар девушке.

Девушка сделала, как приказал тулпар. Впереди яркий свет разлился, а позади море появилось. Однако волк большими прыжками стал прыгать по волнам. И вскоре перепрыгнул через море. Опять он

стал нагонять беглецов. Опять стало слышаться рычание волка рядом.

— Бросай свои ножницы назад и скажи, чтобы впереди светло было, а позади непроходимый колючий кустарник вырос!

Девушка сделала, как сказал тулпар. Волк застрял в кустарнике и отстал от тулпара.

По пути беглецам встретилась черная юрта. Когда подъехали к юрте, тулпар очень опечалился и сказал:

— Слезай с коня. Мы с тобою в потусторонний мир попали, но ты не бойся. Ты возьми из моей гривы волос и, когда я понадоблюсь, подожги его. Если волос побелеет — я тотчас прибуду, а если волос покраснеет — я чуть опоздаю. Только ты не бойся. Когда хозяин юрты скажет тебе: «Пойдем на вершину кургана», — то ты иди. И не показывай, что ты девушка. Главное — верить в свою силу и не бояться. Когда подниметесь на вершину кургана, ты вали его на землю. Ты справишься, а мне нельзя здесь оставаться!

Девушка слезла с коня и, вырвав волос из гривы, пошла к юрте. А тулпар закружился на месте, как смерч, и исчез. Оставшись одна, девушка очень испугалась, но вспомнила слова тулпара и, взяв себя в руки, скрыв волнение, вошла в юрту. Она поздоровалась с хозяином. Хозяин тоже поздоровался, а через некоторое время сказал:

— Давай взберемся на большой курган, гость мой, посмотрим, что в мире творится?

Они поднялись на курган. Девушка помнила слова тулпара и старалась не бояться. На вершине кургана хозяин юрты бросился на девушку, но она была готова к борьбе, поэтому сумела увернуться, схватила его сама, подняла и бросила об землю. Хозяин юрты тотчас провалился сквозь землю. Девушка осталась одна, и ей стало страшно. Однако она вспомнила наставления тулпара. Она вытащила из кармана его волос и подожгла огнивом. Волос побелел. А вскоре и тулпар появился, сильно хромя. Он подошел к девушке:

— Здесь и люди бывают редко, а мне нельзя было тут появляться, но что поделаешь, раз уж так случилось. Я же отвечаю за твою жизнь. Теперь ты отрежь мою правую ногу, разрежь мой живот и забирайся внутрь.

— Как же моя рука поднимется резать тебя? Ты жизнь мою спас, — заплакала девушка.

— Если не сделаешь, как я сказал, то не исполнится твоя мечта. А для того, чтобы свою мечту исполнить, делай так, как я сказал. Я тебя доставлю в твою будущую жизнь, — сказав так, тулпар совсем обессилел и упал на землю.

Девушка, как сказал тулпар, отрезала ему ногу, затем разрешила живот и забралась внутрь, и там заснула. Когда она утром проснулась, то увидела себя в светлой юрте, а рядом с ней два мальчика бегали. Так девушка стала жить в юрте с мальчиками. Прошло некоторое время. Однажды вечером возле юрты появились вооруженные люди.

— Дедушка, дедушка к нам приехал! — радостно закричали мальчики.

Девушка вышла из юрты. И в самом деле, это хан со своими людьми был. Он давно искал пропавшую дочь. Отец обрадовался дочери, и дочь обрадовалась отцу. Дочь рассказала обо всех своих приключениях.

— Да, правду говорят, что иноходец равен ста коням, а тулпар — тысяче. Не зря в народе считают, что настоящий тулпар опора души человека, — сказал хан, а затем добавил: — На поступках тулпара мир держится. Делай добро и в воду брось. Про добро рыба узнает, если рыба не узнает — весь мир узнает. За это ногайцы тулпара всегда любят!

ТУРНА — ЖУРАВЛЬ

Турна — название журавля. В ногайской мифологии журавль является одной из любимых птиц. Журавли считались посланцами божества Умай.

Как свидетельствует фольклорист Тахир Акманбетов, если в степи видели танцующих журавлей, то обязательно надо было спеть песенку:

*Бийи турна, бийи турна,
Бийик коькке уш турна,
Шав-шув болсын ерде,
Сарнау болсын оьрде.*
(Танцуй, журавль, танцуй, журавль,
В высокое небо лети, журавль,
Пусть на земле оживление будет,
Пусть в вышине песня звучит.)

Если же этих слов не произнести, то у журавля может не быть птенцов. А это считалось плохим знаком. В мифопоэтике журавль олицетворял красоту жизни. Люди всегда радовались полету этих птиц, считалось, что птицам надо поведать свои самые сокровенные мечты, и тогда они должны исполниться. Поэтому ногайцы желали журавлям благополучного полета и с нетерпением ждали их возвращения.

Большим кощунством считалось убийство журавля. Это вызывало гнев самого Тангри. Поэтому в народе говорили: «*Турнады урма, талма авырувды алма*» («Не бей журавля, не призывай на себя падучую болезнь»).

УВ-АУЫЗ

Ув-ауыз — известный в ногайской мифологии персонаж. Он был патроном степных знахарей, лечивших домашний скот. В ногайском предании, записанном фольклористом Тахиром Акманбетовым, это старец небольшого роста, носивший шапочку наподобие гнезда ласточки. Во рту Ув-ауыза всегда была вода, поэтому он ходил с надутыми щеками. Если ему встречалась больная корова или овца, он быстро подбегал к хворому животному и брызгал изо рта водой. От этого животные сразу выздоравливали. В степи животные страдают от укуса клещей, часто погибают от этого. Ув-ауыз брызгал свое лекарство и на клещей, которые тотчас умирали, после чего животное шло на поправку.

Название Ув-ауыз означает Ядовитый рот, имеется в виду яд для болезни.

В ногайской степи людей, занимающихся лечением домашней скотины, в честь мифологического персонажа называли Ув-ауыз.

УЙ-ИЕСИ — ВЛАДЫКА ДОМА

Уй-иеси — довольно известное мифическое существо. Имя его означает Владыка дома. Этот персонаж бытует у многих тюркских народов. По мнению казахского исследователя, в казахской мифологии это «добрый персонаж в облике (белого) змея — саруйек». В ногайской есть *уьй йылан* (домашняя змея), см. главу «Йылан», но она не позиционируется как владыка дома. По всему видно, что в ногайской мифологии это два разных образа.

Ногайский исследователь Рамазан Керейтов дает самобытную оценку этому демоническому существу. «Уьй

иеси — злой дух, обитающий как в пустующих строениях, так и в жилых домах. Он изображается в облике злой костлявой старухи, которая старается напакостить всем домочадцам. Днем она сидит где-то в темном месте, а с наступлением сумерек может переставить некоторые предметы во дворе, испугать человека неожиданным криком. Считалось, что встреча с этим духом приводила к психическому расстройству. Исцелители (кагымшы) в данном случае предлагали хозяевам оставить дом и переехать на новое место. Существовало поверье, что хозяева могут вернуться в дом, если, оставив его, проживут несколько лет в другом ауле, расположенном на противоположном берегу реки. Верили, что Уъй иеси, привыкшая к своим домочадцам, уходит за ними, но, не сумев перейти реку, сбивается с пути и не возвращается в прежний дом» (19, с. 403).

УЛЬКЕР — ПЛЕЯДЫ

Улькер — название созвездия Плеяд. Это скопление звезд издревле привлекало внимание многих народов мира. Предки ногайцев не исключение. Когда Улькер появляется в восточной части небосвода, то созвездие Большой Медведицы находится на западном небосклоне. Зимой Улькер появляется вверху, над головой, весной на западной стороне небосвода, а в летний период исчезает и появляется ближе к осени. Летом, когда Улькер находится у западного горизонта, ногайцы говорят: «*Улькер ауыл болып ерге конды*» («Улькер аулом на землю пристал»). По ногайской легенде, табунщик Камбар, увидев опустившийся на землю Плеяды, побежал на запад к ним и сам стал звездой (см. главу «Камбар-ата...»). Ногайцы, наблюдая за Улькером, вели счет времени, определяли время года, месяц, ночные часы и использовали созвездие в качестве ориентира в дороге.

Этимология названия созвездия прочитывается по-разному. Некоторые исследователи (С. Кондыбай) считают, что оно должно было называться *Оулик-ер* (Смерти место). По ногайским поверьям, в этом созвездии решается, какой звезде светиться, а какой — нет. Любая звезда на небосводе олицетворяла жизнь человека. Рождение звезды означало рождение человека, а падение звезды — смерть кого-то на земле. По другому ногайскому преданию, от

решения звезд Улькера зависело благополучие людей. Ногайцы боготворили это созвездие. Поэтому мы думаем, что название Улькер имеет отношение и к смерти. Название звезды *юлдыз, йылдыз* происходит от слова *йылт* (блестеть), возможно, что корень названия *уыл, юл, йыл* означает звезда, этот корень присутствует и в семитских языках. Вторая часть названия Улькер — *кер, гер* — в значении осведомленный, сохранилась в таких ногайских словах, как *кайраткер* (деятель), *айлегер* (хитрец), *билгир* (мудрец). Само название означало Ведающий звездами, что соответствует и ногайским преданиям, приведенным выше.

По астрономическим данным, Плеяды имеют большое скопление звезд, которые находятся в созвездии Тельца. В тюркских преданиях количество звезд в Улькере колеблется от 6 до 15. Предки ногайцев видели там семь звезд, они означали семь сестер, но одна из них, по имени *Ульпилдек-Кульпилдек*, то появлялась, то исчезала. Звезда Камбар на небе хочет узнать, куда исчезает Ульпилдек-Кульпилдек, и поэтому приближается к Улькеру. Когда Камбар ближе всего подступает к Плеядам, возникает звездопад. Не только звезда Камбар интересовалась сестрами-звездами, и звездный великан Ушаркар преследовал их на небосводе (см. главы «Камбар-ата» и «Ушаркар»).

УМАЙ – БОГИНЯ ПЛОДОРОДИЯ

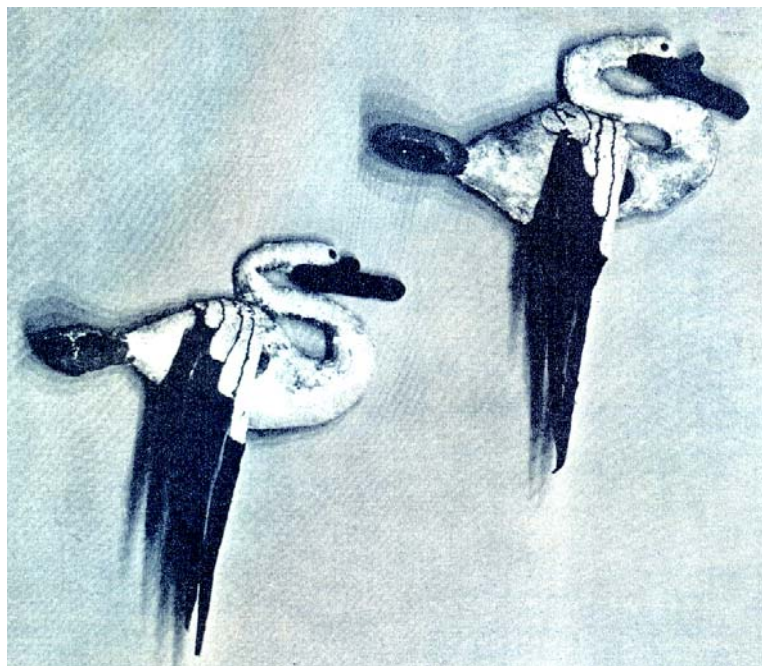
Умай — одно из главных божеств у тюркских народов. Ногайцы произносят имя богини по разному: *Умай, Ыммай, Май*. Имя богини во всех этих произношениях запечатлено в поговорках, обрядовых и колыбельных песнях.

Некоторые тюркские исследователи полагают, что её имя означало лебедь, хотя во многих тюркских языках название лебеди *ку*. Даже утверждают, что Умай — это та самая лебедь, которая участвовала в сотворении мира. Другие считают, что имя богини восходит к мифологическому персонажу Кумай. «Родиной мифической птицы Кумай является прототюркская этнокультурная среда, генетически образ ее восходит к образу древнетюркской

богини Умай — прародительницы всего живого, олицетворения плодоносящего начала в мире», — пишет казахский исследователь Серикбол Кондыбай (14, с. 166). У алтайских тюрков богиня была супругой главного небесного божества Йайчи. В древнетюркских Орхоно-енисейских литературных памятниках Умай называется божеством, а супруга кагана подобна ей, но о том, что она супруга Тангри, можно только догадываться.

В ногайских преданиях Умай персонифицированное небесное божество. Лебедь была одной из любимых птиц этой богини. Есть предания, где богиня в каких-то ситуациях превращалась в лебедя, в этом облике летала по небу

и плавала по воде. По некоторым ногайским преданиям, богиня могла появиться в доме с золотой чашей в руке, а в чаше было молоко для детей, этим молоко она кормила больных детей и исцеляла. Кстати, чаши на баба-гасах, половецких каменных статуях, являются атрибутом богини Умай. В многочисленных преданиях богиня Умай спасала девушек и превращала их в водоплавающих птиц. В ногайском фольклоре богиня часто называется Умай-ана, т. е., Мать Умай. Божественный свет, исходящий от Умай, проникал в людей и жил в них до самой смерти. Свет этот поддерживал жизнь.

У многих тюркских народов в знак почитания Умай при рождении ребенка изготавливали маленький лук и стрелы, их как оберег прикрепляли к колыбели. Символами Умай у тюрков являлись луна, звезды, треугольник, гребень, веретено, ножницы и стрелы. Есть сведения и о том, что в честь Умай делали куклу и, одев ее в синюю одежду, ставили в передней части юрты. Некоторые тюрки даже кормили куклу кашицей. Интересно, что куклу вообще ногайцы называли *курушак*, *кувыршак*. Этимология этого слова связана с двумя словами: *кув* (лебедь) и *уршык* (веретено). Часто для основы куклы вырезалась веретенообразная палка или она делалась из дерева бывшего в употреблении веретена. Название куклы означало веретено для лебедя, оно предназначалась для посещения богини в облике этой птицы. В честь Умай ногайцы нашивали на одежду девочек бусинки и пришивали мониста. Бусинки символизировали звезды. Нагрудные украшения девочек мониста состояли из предметов, представляющих символику богини. Это треугольные серебряные амулеты, напоминающие звезды, серебряные монеты, изображавшие очертания луны, маленькие полоски из серебра, похожие на стрелы.

Как пишет известный ногайский писатель Суюн Капаев, первым благословлением у ногаек было: «*От-ана, Май-ана ярылка эт!*» («Мать огня, мать Умай, благослови нас!»).

Умай-ана покровительствовала над детьми, поэтому ее имя часто звучит в детских и колыбельных песнях. Если ребенок рождался с родинками, это считалось отметиной Умай-ана, такому ребенку предвещали счастье в жизни. Лепетание младенца ногайцы называют «*ымлау*», это означало, что ребенок знает язык Умай и объясняется толь-

ко с ней. В народе находились люди, которые понимали язык Умай. Умай бережно охраняла детей до тех пор, пока они не начинали говорить на языке взрослых. Слово *ым* означает буквально бессловесное объяснение, подача знака. Это слово заключено в имени богини. Словом *айы*, как говорилось ранее (глава «Айы»), назывались небесные божества. Поэтому имя богини Умай, видимо, означало Божество, объясняющее без слов; Божество, подающее знак.

Кубанские ногойцы так называемый «слепой дождь» называли *Май ямгыры*, т. е. дождем Умай. Первый весенний дождь называли *Кыдырнияз явын* (см. главу «Кыдырнияз»), но могли назвать и *Умай козьасы*, т. е. Слезами Умай. Этот дождь считался благодатным, полезным. Люди, набрав в ведро воду, пили ее и заставляли детей мыть ею лицо и руки. Фольклорист Тахир Акманбетов приводит поговорку, которую следовало говорить при таком дожде:

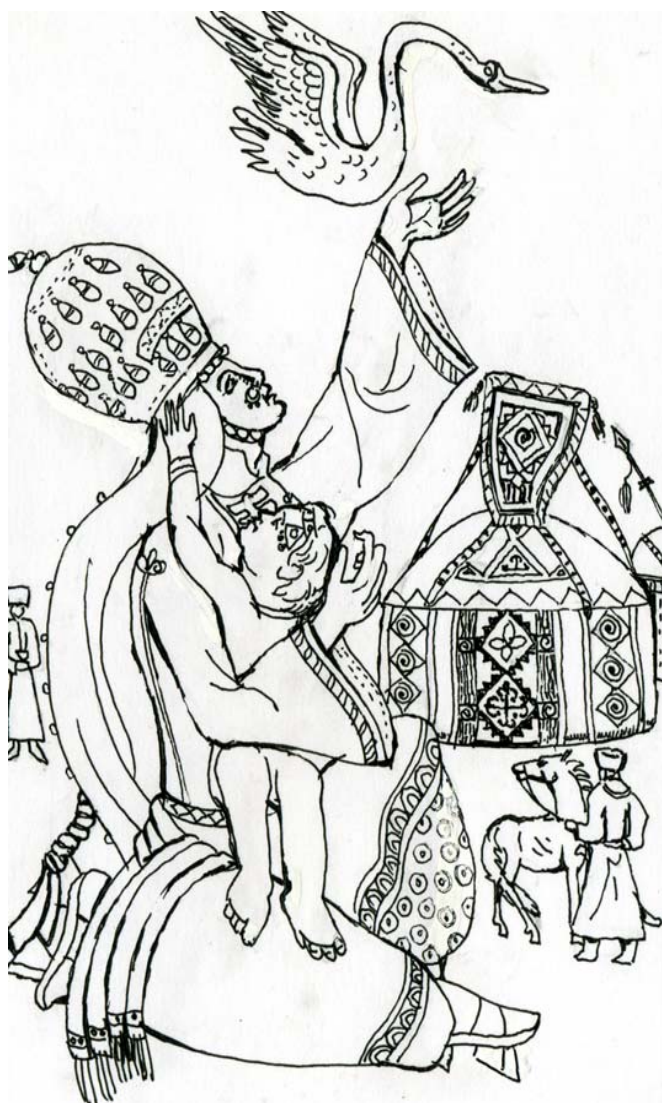
*Умайдынз козь асы –
Кайгы, кастадынз касы.
(Слезы Умай –
Против печали и беды.)*

То, что Умай-ана была богиней плодородия, подтверждает еще одна обрядовая песня, в которой во время засухи обращались к Тангри, обязательно произнося ее имя:

*Яу, яу, ямгыр, яу, яу!
Берейим сага майлы калакай,
Яу, яу, ямгыр, яу, яу!
Онз козьли болсын Умай.
(Лей, лей, дождь, лей, лей!
Дам тебе масляный калакай (лепешку).
Лей, лей, дождь, лей, лей!
Пусть будет благодатный взгляд Умай.)*

Имя Умай часто употребляется в колыбельных песнях. Когда ребенок плачет, мать произносит такие слова:

*Умай, Умай, Умайым!
Ымлап сени англайым,
Юмсын козьин, юлдызым,
Рахат тапсын, ялгызым.*

(Умай, Умай, Умай моя!
Через твои знаки я пойму дитя,
Пусть сомкнет веки, моя звездочка,
Пусть найдет покой, моя единственная.)

Кормящая мать часто обращалась к богине с просьбой: «Умай-анай, суьт бер аямай!» («Мать Умай, не жалея молоко давай!»).

В ногайских преданиях Умай-ана владела озером Сутколь (Молочным озером) и молоком из озера исцеляла детей. Об этом озере говорится и в преданиях других тюркских народов, в них омываются родовые духи камов и очищаются души людей.

В следующей главе «Ускуби» приводится легенда о возникновении рода *ускуби* с участием богини Умай. А в этой главе — легенда «Девочка с гармошкой», записанная автором книги.

Девочка с гармошкой

Давным-давно жила маленькая девочка-сирота. У нее была гармошка, и она очень любила на ней играть. Как-то она пошла на окраину аула и, взобравшись на вершину высокого дерева, стала играть на своей гармошке. Услышав музыку, прибежали к дереву собака и кошка.

— Слезай с дерева! — замыкала кошка. Девочка не слезла, даже не посмотрела на кошку.

— Слезай с дерева! — залаяла собака. Девочка не слезла и еще сильнее заиграла на своей гармошке. Собака и кошка хотели взобраться на дерево, чтобы согнать девочку, но не смогли. Бегали, лаяли, мяукали, а девочка играет себе.

Тогда собака побежала по дороге и привела двух бродяг. Бродяги пришли, подняли головы и смотрят на девочку.

— Слезай с дерева! — сказал первый бродяга, но девочка не слезла.

— Слезай с дерева! — сказал второй бродяга.

Девочка не слезла и еще веселее заиграла на гармошке. Бродяги попытались взобраться на дерево,

но не смогли. И так, и сяк смотрели на девочку, сидящую на макушке дерева, и сильно разозлились. Тогда они пошли в аул. Один нашел топор, другой — пилу. Вернулись бродяги к дереву. Один стал рубить, другой — пилить. Собака и кошка вокруг дома бегают — радуются.

Когда дерево заскрипело, гармошка у девочки остановилась.

Она сама испугалась и заплакала. Дерево зашаталось, вот-вот рухнет на землю... И тогда с неба спустилась серебряная нить и окутала девочку. Дерево рухнуло на землю, а девочка, окутанная нитью, полетела по небу. Бродяги, собака и кошка задрали головы к небу и диву даются, а летящая по небу маленькая девочка играет на гармошке свою любимую песню...

Это покровительница детей Умай спасла девочку, она любит способных детей.

УСКУБИ

Уьскуьби — название одного из древнейших родов среди ногайского народа. Происхождение рода имеет сакральное происхождение. Род этот сохранился среди карагайцев, он имелся также среди азовских ногайцев, которые полностью переселились в Турцию. Этимология этнонима основана на двух словах: *уз* (огуз), означающее родственник, и *куьп* (объединение, группа). Этноним означает объединение родственников. Название рода имеет прямое отношение к скифам. Этот древний народ греки называли *скуф*, что звучит очень близко к этнониму. Среди ногайцев есть еще один скифский род *сирак*, *карасираки* (черные сираки), этот род сохранился среди кубанских и степных ногайцев Нефтекумского района Ставропольского края.

Легенду о происхождении рода ускуби записал фольклорист Тахир Акманбетов. Одним из главных персонажей легенды является Умай-ана. Легенду обработал автор книги.

Легенда о происхождении рода ускуби

В давние времена были жестокие войны. Один большой народ был почти полностью истреблен. В одном ауле волчица обнаружила на пепелище оставшегося в живых мальчика. Она выкормила его своим молоком и вырастила вместе со своими детенышами. Когда он стал юношей, начал болеть и понял, что ему надо идти к людям.

Он пристал к одному аулу. Живший в этом ауле старик Эмши-атай (Отец лекарей) излечил его и научил человеческой речи, обычаям и нормам поведения. Затем старик женил юношу. У него родился сын.

Когда сын вырос, как-то во время охоты он вышел к Сут-коль (Молочному озеру). На берегу он увидел прилетевшую белую лебедь. Птица сбросила с себя лебединое одеяние и, превратившись в красивую девушку, стала купаться в озере. Юноша как увидел девушку, сразу ее полюбил. Только вот беда. Девушка, выйдя из воды, надела свою одежду, превратилась в лебедь и улетела.

Юноша был потрясен и готов был жизнь отдать, чтобы снова увидеть девушку. Когда он стоял пораженный случившимся, с неба спустилась одетая в темные одеяния Умай. Богиня, поняв, как сильно юноша полюбил девушку, превратила и парня в лебедя, чтобы он был неразлучным с нею.

— Вы оба красивые, помыслы ваши чистые, любовь великая у вас, летайте вместе в небе, людей на земле радуйте своей красотой и любовью! — сказала Умай-ана и сама улетела.

Люди из рода ускуби, из которого был тот юноша, с тех пор никогда не стреляли лебедей. Они знали, что приходится этим птицам родственниками.

Но было одно исключение из правила. Если среди ускуби человек болел потерей памяти, раз в году вылавливали одинокого лебедя. Ночью, когда был виден Млечный путь, возле одинокого дерева в степи разводили костер. Лебедя купали в молоке и резали под деревом. Варили мясо в казане и кормили этим

мясом больного. Говорят, что тогда память возвращалась к этому человеку.

УШАРКАР — ОРИОН

Ушаркар — это одно из названий созвездия Ориона. Доктор Эдвин Крапп, астроном и директор Гриффитской обсерватории в Лос-Анджелесе, написал «уникальный труд, в котором реальность астрономии тесно переплелась с древними мифами о небосводе». Он привел массу распространенных по всему миру легенд и преданий о звездах, планетах, светилах. Немало места в книге уделяется мифам об Орионе, приводятся разные названия этого созвездия, которые будут использованы в данной статье. Ученый дает такое описание Ориона: «На картах небосвода можно видеть, что в него (созвездие Орион – И. К.) входят две особенно яркие звезды. Красная Бетельгейзе указывает на правое плечо Ориона, а его левое колено представлено Ригелем, имеющим отчетливый голубоватый оттенок. Две другие звезды, Беллатрикс и Сайиф, образуют четырехугольник с двумя первыми, но самым заметным атрибутом Ориона считается пояс из трех близко расположенных звезд в центре четырехугольника. Это так называемый Пояс Ориона, придающий его фигуре сходство с песочными часами. Три более тусклых звезды, отходящие под углом от пояса Ориона, известны под названием Меч Ориона» (22, с. 407)

Множество ногайских преданий напоминают нам мифопредания других народов об этом легендарном астрономическом объекте.

Даже изначальная легенда о происхождении тюрков от мальчика с отрубленными руками и ногами и волчицы (см. главу «Бори») в своей основе содержит миф об Орионе. В результате вычленения из лексического фонда ногайского языка и анализа некоторых мифопреданий можно сделать вывод, что предки ногайцев, древние тюрки, называли созвездие *Сака* (с ударением на последний слог). Так, именем Саха, называли Орион и древние египтяне, они считали его воплощением главного бога Осириса на небе. Слово *сакаман* на ногайском языке означает главный старейшина, оно является синонимом известного русскоязычному читателю слова *тамада* (там — стены, ата

— отец). Кроме того, слово сака на ногайском, каракалпакском, казахском языках означает битую астрагалов, альчику. Если европейцы сравнивали очертания созвездия Ориона с песочными часами, то кочевники, из-за незнания таких часов, в созвездии видели очертания астрагала или тело человека с обрубленными руками и ногами. Кстати, об ущербности звездного воплощения говорится и в древнеегипетском предании. Астрономический миф усматривается и в рождении великого завоевателя Чингизхана. В древних источниках сообщается следующее: «Говорят, что когда он родился, то в правой руке сжимал сгусток запекшейся крови, похожий на бабку» (27, с. 66). На монгольском языке бабка, таранная кость, главный астрагал называется «шагай», что в ином произношении сходится и с ногайским названием. Ногайцы для того, чтобы легко метать битую, утяжеляли сака и заливали свинцом. Совсем не случайно, что в евразийских курганах во время археологических раскопок находили отлитые из бронзы альчики. Их укладывали рядом с покойником. Альчики и в жизни тюрков, и после смерти обладали сакральными качествами (см. главу «Асык»). По-видимому, астрагалы играли такую же роль и у других народов. Например, в царских гробницах Древнего Шумера были обнаружены астрагалы из горного хрусталя. Многие исследователи биографии Чингизхана, не поняв сути древнего текста, рождение «со сгустком запекшейся крови, похожим на бабку» в руке объяснили как предзнаменование появления на свет кровожадной личности. Конечно, это не так. Такое предзнаменование, сопровождавшее появление на свет Темуджина (имя, данное при рождении Чингизхану), символизировало первенство его в человеческой жизни, его родство с небесным знаком.

Астрономический миф об Орионе угадывается и в других легендах о происхождении каганов. Например, о рождении ханов от небесного луча, попадающего в ночное время через дымовое отверстие юрты. Прародительница монгольских ханов Алан-гуа родила основателя династии тоже от небесного луча, который в «час, когда выходило, разливая свет, солнце, оборачивался желтой собакой и, царапаясь, уходил» (11, с. 201). Ночью свет от созвездия Ориона входил через дымовое отверстие, а ближе к рассвету показывалось созвездие Большого Пса (по-ногайски Самыр-юлдыз) с яркой звездой Сириус. Это та же легенда, неоднократно повторяющая астрономические события при

рождении египетских фараонов. Это также и греческий миф об Орионе-охотнике, держащем на привязи Большого Пса и Малого Пса. В главе «Агаш ангалак» приводилось мифопредание о рождении Эдиге – основателя династии ногайских правителей. В нем рассказывается о том, что отец Эдиге Кутлы-кая, оставшись с брошенным матерью младенцем сыном и раздумывая, где найти кормилицу, вдруг увидел, что к лежащему на земле ребенку подошла собака и стала кормить его своим молоком. В этом мифопредании Кутлы-кая представляет Ориона-охотника, а собака довольно неординарно символизирует созвездие Большого Пса.

Любопытное мифопредание связано с названием Ушаркар. Этим названием именуют Орион многие восточные тюрки и монголы, в том числе киргизы и казахи. Эти народы переводят Ушаркар (Уш архар) как Три архара и считают этих животных добычей охотника лучника. Название указывает на три звезды, находящиеся на Поясе Ориона. Между прочим, на звезды Пояса Ориона указывают мифы и других народов. Например, индейцы Калифорнии чимехо называли их Три черных барана. В старых германских названиях Орион представлен как Грабли, Три жнеца и Плуг. Предки ногайцев за свою долгую жизнь общались со многими народами и, конечно, перенимали мифопредания от них. Большую роль в этом играли жрецы и камы, порою, чтобы скрыть от людей старые мифопредания, они охотно заменяли их и придумывали новые названия. Поэтому у некоторых народов сохранилось несколько названий и созвездия Орион. Арабы в свое время называли его Аль-Джауза, наделяя женскими чертами. Позднее они стали его называть Аль-Джаббаром, что означало «Великан».

Видимо, что-то подобное произошло и с названием Ушаркар. У ногайцев это название не переводится как Три архара. В ногайском мифе Ушаркар — имя хана, и оно, скорее, состоит из слов *ушар* — летающий и *каар* — могучий. Аналогию ногайскому мифу можно найти и в казахском фольклоре. Предки казахов, кажется, созвездие называли Ушар-хан, Летающим ханом. На такое предположение подталкивает казахская сказка «Ушар-хан-нын баласы» («Сын Ушар-хана»), в которой рассказывается о летавшем на небе хане и о его земном сыне Жанлыбатыре. Несмотря на отвлекающее от мифа подробное

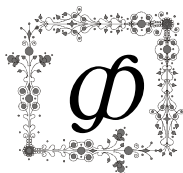
изложение приключений Жанлыбатыра, в казахской сказке просматривается знакомый миф об Орионе. Ногайский миф об Ушаркаре записал и реконструировал автор этой книги.

Легенда о Летящем хане

В стародавние времена жил один хан. Как-то он увидел лунолицую красавицу. Она так поразила его красотой, что он потерял сознание и упал. Когда очнулся, девушка уже исчезла. Хан стал искать ее. В поисках весь свет обошел, но ее не встретил.

Хан пошел к Сыхыршы-Атаю (Колдуну Атаю), который жил в его владениях, и поведал ему о своей печали. Сыхыршы-Атай выслушал его и сказал, что девушку надо на небе искать, а потом научил хана летать. Хан долго летал по небу, и только через тридцать лет он увидел летающих девушек-сестер Улькер (Плеяды). Сестры то приближались, то удалялись от него, а затем исчезали там, где заходит солнце. Так он до сих пор не может догнать Улькер. Говорят, что той девушкой на земле была Ульпилдек-Кульпилдек, которая и на небе часто исчезает.

Ногайцы прозвали летающего хана Ушаркармом. **ФАКЕЛЬНОЕ ШЕСТВИЕ**

Этот свадебный обряд существовал еще в 70-ые годы прошлого столетия. После согласия на замужество или после похищения, иногда похищения по согласию, девушка не сразу попадала в дом жениха. Невесту помещали к родственникам парня, где она находилась десять дней, а то и месяц. Этот дом называли «тускен уй». На протяжении этих дней в доме пребывания невесты проводились танцы для молодежи, угощали друзей жениха. Сам жених появлялся здесь тайком, стеснялся показаться старшим родственникам. Затем, когда невесту в сопровождении молодых людей и свах отводили в дом жениха и проводили обряд «бет ашар» (см. главу «Бет ашар, бет йылыту»), вечером, с наступлением темноты, жениха выводили из «тускен уй» и торжественно в сопровождении молодежи вели домой. Порой количество молодых людей доходило до ста человек, они шли с факелами в руках и пели песни, сопровождавшиеся припевом «Орайда».

Исследовательница ногайской обрядности Сакинат Гаджиева так описывает этот самобытный обычай: «Молодые люди шли с факелами в руках, с песнями, в которых говорилось, что они нашли и ведут домой «пропавшего сына». Недаром это шествие и весь церемониал, связанный с водворением новобрачного в дом его родителей, кубанские и минераловодские ногайцы называют «куев шыккан той» – «свадьбой выхода новобрачного». Новобрачного приводили к дверям комнаты, где сидели те же женщины и где утром открывали лицо его жены. По обычаю, принимала юношу самая старшая из патронимической группы семьи с шербетом (сербет-су, медовым напитком – И.К.), бузой и мясом. Она ласково называла его

бродягой, заблудившимся, говорила, что все соскучились без него, напоминала, что ему пора начинать работать по хозяйству. Переступая порог дома с опущенной головой и низко надел на лоб папаху, новобрачный принимал от старой женщины дары и, пригубив шербет или бузу, тут же передавал все своему шаферу или тамаде. Затем он пытался, как можно быстрее, убежать в помещение жены. Но его хватили и начинали инсценировать «избиение палками» (20, с. 99).

Факельное шествие, наверное, можно было назвать обрядом «возвращения блудного сына». Факельное шествие символизировало путь из тьмы, хаоса к порядку. Инсценировка «избиения палками» была своего рода наказанием за шалости, за то, что в свое отсутствие сын предавал-

ся любовным утехам.

ШАБДЕН — ПОДСНЕЖНИК

Шабден — вестник весны подснежник. В фольклоре ногайцев это мифологизированный цветок. Этимология слова *шабден* не совсем ясная, название состоит из двух частей: *шаб*, *шап* (беги, бегущий) и *ден* (тело), на русский язык это можно перевести как торопящийся цветок. В мифопреданиях *шабден* — любимое растение ногайцев. Многие поэты посвятили ему стихи и песни. На весеннем празднике Науруз ногайские дети носили ветки деревьев с привязанными к ним подснежниками и распевали песню о *шабдене*. В ногайском фольклоре сохранилась легенда о девушке по имени *Шабден*. Ее записал и обработал автор этой книги.

Легенда о Шабден

У одного хана была красивая дочь по имени *Шабден*. Хан искал для своей дочери достойного жениха. Как-то в ауле появился никому не известный юноша по имени *Шабтай*. У юноши, кроме белой овчинной шубы, ничего ценного не было. Он работал у хана. Дочь хана, увидев парня, сразу влюбилась в него, и он влюбился в нее. Но молодые люди знали, что их счастьем не суждено сбыться, знали, что хан ни за что не согласится на их брак. Поэтому однажды они решили убежать из этих мест. Юноша украл ханских белых коней, они сели на них и отправились прочь из аула. Сорока-доносчица, увидев убега-

ющих молодых людей, быстро долетела до хана и рассказала о случившемся.

Хан очень разгневался, быстро созвал своих людей и бросился в погоню. Он догнал беглецов возле Карт-кешу (Старый брод на реке Малый Зеленчук), где они переправлялись через реку. Хан понял, что если влюбленные переберутся через реку, то ему будет трудно их поймать, поэтому он приказал своим нукерам (телохранителям) стрелять в Шабтая из лука. И сам выстрелил. Его меткая стрела попала в спину парню. Тот упал в реку, и течение понесло его тело. Шабден уже была на противоположном берегу; она стала бежать за телом парня, но быстрое течение унесло его далеко. От горя девушка упала на землю и стала стонать:

— Забери меня, земля, я не хочу больше жить!

После этих слов она превратилась в цветок Шабден. Шабтай же вознесся на небо и превратился в звезду. Так ногайцы называют планету Сатурн. Цветок шабден появляется в конце зимы, когда белая шуба на белых конях покидает землю и уносится по реке. А рядом с последним снегом на пригорках появляются подснежники.

ШАБТАЙ – САТУРН

Шабтай — название планеты Сатурн. Упоминается в легенде о Шабдене, фигурирует в некоторых астрономических приметах. В семитских астрономических преданиях планету также называли Шабтай, господином шабата, субботы. Этимологии названия трудно придавать тюркское происхождение. В переводе с ногайского языка это слово означает Подобный бегущему, в ногайской мифопоэтике Шабтай олицетворяет уходящую зиму. По астрономическим преданиям других народов, если Сатурн был в хорошем расположении, это обещало плодотворную, полную трудов жизнь. Если же планета была в плохом расположении, то предвещалась трудная жизнь, продолжительная холодная зима. Считалось, что планета Сатурн спо-

собствует благополучной жизни. Этруски относили Сатре (Сатурн) к богам «небесной долины», полагали, что этот бог, как и главное божество Тин (аналог греческого Зевса и тюркского Тангри) может вызывать молнии. С богом Сатре у этрусков были связаны представления о золотом веке — грядущей эпохе изобилия и равенства.

ШЕКСЕК-АТА

Шексек-ата — покровитель коз и их пастухов. Данных об этом мифологическом персонаже сохранилось мало. Он упоминается в песне, где перечисляются покровители животноводства (см. главу «Ата»). О нем говорится в следующих строках:

*Эшки атасы – Шексек-ата,
Эшки берсенъ этлисин бер.
(Коз отец – Шексек-ата,
Если даешь козу – дай мясистую.)*

В мифологических преданиях часто говорится о том, что в честь Тангри надо принести черную козу. Ногайские кагымши для исцеления больных тоже рекомендуют принести в жертву черную козу. Во время празднования Сабантоя одним из главных персонажей является шут-теке в облике козла. Теке надевает на лицо маску козла с рогами, его одежда сшита из шкуры этого животного, сзади прикреплен хвост, в руках у него цветная камча, которой он играючи задевает аульчан, развлекает народ, остро словит, осмеивает власть имущих. По преданию, известный мудрец Йийренши-шешен разъезжал на козле.

ШОЛПАН — ВЕНЕРА

Шолпан — название планеты Венера. Как и все тюркские народы, ногайцы боготворили ее. В фольклоре это поэтизированный яркий образ красивой девушки. Шолпан считалась звездой влюбленных. Этимология названия до конца не ясна. На наш взгляд, название происходит от слова *шолпы* — шумовка. У ногайцев существует часто употребляемое женское выражение: *шолпы туйсемен*

(букв. опускаюсь как шумовка), оно означает: «Стараюсь, будто отдаюсь». Шолпан у тюркских народов одно из любимых женских имен, оно является олицетворением красоты и вообще прекрасного. Образ планеты Венеры известен многим народам мира. Венера — имя римской богини, греки называли ее Афродитой, у древних шумеров богиня именовалась Инанна, аккадское название было Иштар.

Ногайцы, как и древние греки, называли Венеру Танг Шолпан, Утренней звездой. Однако Шолпан появляется на небосводе и вечером, во время заката. В Месопотамии Иштар являлась богиней войны и часто изображалась путешествовавшей на спине льва, а на одном из изображений она держит льва на поводке. Ее функция воительницы была связана с началом плодородия. В древнем Шумере богиня Инанна появлялась в сумерках в облике вечерней звезды. Ее считали эротичной, составляющей компанию «другим проституткам по дороге к тавернам и постоялым дворам, где она занималась своим делом» (22, с. 373). По представлениям шумеров, Инанна охотно передавала свою чувственность землянам.

В ногайской мифологии Шолпан гордая, красивая девушка, обреченная вечно блистать на небесах. Возможно, что в связи с изменениями религиозных представлений, приходом мусульманства, ее прежние функции стали более скромными. Ее второе название Танг Шолпан — Утренняя Шолпан имеет и второй смысл. Слово *танг* в ногайском языке означает еще и щедрая, а приведенная выше этимология названия звезды явно эротического характера.

Легенду о Шолпан из уст жительницы аула Эркин-Юрт (бывший аул Орак-эли) Ажитотай Абишевой записал автор этой книги.

Легенда о Шолпан

Давным-давно жила очень красивая девушка по имени Шолпан. Когда она выходила на улицу, все люди затаили и с удивлением смотрели на ее красоту. Юноши влюблялись в нее, но никто не осмеливался молвить с ней словечко, так как чувствовали, что она недосыгаема для них.

Ее отец и мать были людьми кроткими и добры-

ми, они ждали, когда у дочери появится суженый. У них язык не поворачивался указать ей на избранника или, как это делали другие, употребить свою родительскую власть. Они только вздыхали и просили Всевышнего сделать их дитя счастливым.

Когда Шолпан стала совсем взрослой, то и подруги стали бояться подходить к ней, так как меркли с нею рядом, а потому избегали встреч. Причина была не в ее характере и не в зависти сверстниц, а в несравненной красоте девушки.

Как-то она с кувшином пошла к реке, чтобы принести домой воды. На окраине аула встретилась ей старуха обыр. Старуха посмотрела на девушку и в силу своего несносного характера хотела сказать что-то недоброе, но у нее это не получилось. От обыр никогда не услышишь хорошего слова. Старуха запнулась и невольно произнесла:

— Идешь, как звездочка светишься! Место тебе, милая, на небе!

Сказала и сама удивилась, что в словах не оказалось ничего плохого.

Девушка пошла дальше и остановилась возле одинокого дерева. Она задумалась, попыталась осмыслить сказанное старухой обыр.

— О чем задумалась? — раздался голос.

Шолпан не поняла, кто с ней заговорил, и оглянулась по сторонам.

— Это я, дерево, с тобою говорю. Нет тебе места на земле. Тебе надо вместе с солнцем на небе светиться! — сказало дерево.

Девушка очень удивилась этим словам.

— Мои родители будут беспокоиться обо мне, — произнесла она.

— Не бойся. Тебя создал Всевышний, чтобы все видели тебя и наслаждались. Родители будут только рады тому, что ты нашла себе место.

— Если это так, то я согласна, — сказала Шолпан.

— Тогда залезай на меня.

Наступили сумерки. Шолпан взобралась на де-

рево и вскоре оказалась на небе.

Отец и мать всю ночь не спали, а на рассвете увидели Шолпан рядом с восходящим солнцем и очень обрадовались:

— Вот и наша Шолпан нашла себе место, — сказали отец и мать в один голос.

ШОПАН-АТА

Шопан-ата — мифологический персонаж, покровительствовавший пастухам овец. В главе «Ата», где приводились имена покровителей основных видов животноводства у ногайцев, говорится:

Кой атасы – Шопан-ата

Кой берсенъ, юнлисин бер.

(В овцеводстве – Шопан отец,

Если даешь овцу, то дай с длинной шерстью.)

Приставка *ата* означает отец, покровитель. Имя Шопан, Шабан широко распространено среди ногайского народа. Среди джочающих ногайцев оно звучало как Чобан. Возле Анапы, на берегу Черного моря жило целое подразделение родов Чобан-эли, названное так по имени князя Чобан-гирея.

Вот уже на протяжении многих тысячелетий ногайцы занимаются овцеводством. Это было для них одним из основных средств существования. Продуктивность этого занятия в основном зависела от обилия травы на пастбищах и умения разводить овец. Свою этимологию имя Шопан ведет от слов *шоьп* (растение, трава) и *ан* (окончание, определяющее пространство), в переводе оно звучит как Пространство с травой, Пастбище. Небесное божество Андир-Шопай насылало на землю дожди, благодаря чему было изобилие корма. Андир-Шопай и Шопан-ата – это не один мифологический персонаж. Их связывает название, связанное с плодородием. Произношение небесного божества в звучании Шопай, особенно окончание *ай*, говорит о том, что оно связано с названием небесного духа *айы*. В честь Шопана, в честь прорастания травы проводился праздник Шопантой, со временем получивший название Са-

бантой. Плуг *сабан* — орудие труда, способствующее прорастанию, тоже связано с корнем *шоьп* — растение. Шопан-ата — это персонифицированный мифологический персонаж, дух, обитавший на земле. Судя по приставке *ата*, он имел человеческое обличие. Имя покровителя можно перевести и как Отец пастбища. Он следил за благосостоянием пастбищ и за овцами.

У ногайцев сохранились скудные сведения о Шопан-ата. Шопан-ата раздал ногайским родам метки (*эн*) для овец. Как отмечалось в главе «Кой-коль», овец, как и скот в целом, нельзя бить, калечить, проклинать. Это навлекло гнев Шопан-ата. Покровитель непременно присутство-

вал при окоте. Окотившегося первенца — *товл басы* надо было обязательно принести в жертву покровителю. Нельзя, чтобы во время окота дети, а тем более взрослые играли в альчики — это сильно раздражало Шопан-ата.

ЭБИЯ — ПОВИТУХА

Эбия — первоначально так называлась небесная повитуха. Иногда ее называют эбия-ана (эбия-мать). Этимология названия связана со словами *эл* (удобство, пригодность, искусность) и *ие* (хозяйка, владыка), в целом слово буквально означает хозяйка, создающая пригодность. Ногайцы обычную повитуху тоже называют эбия.

Возможно, что эбия, эбия-ана — это персонафицированный мифологический персонаж. А может быть, это синонимическое название небесной прародительницы (см. главы «Ае», «Йылан», «Топана»). Когда не было медицинских учреждений, ногайские повитухи на роды приносили шкурку змеи и во время тяжелых родов прикладывали ее к животу роженицы.

По данным фольклориста Тахира Акманбетова, эбия, отрезав пуповину, брала ребенка с пола на руки и, приподнимая его, произносила:

*Эти атама усаман,
Ерден коьтерип алганга усарман.
(На семь предков буду похожим,
На того, кто с земли поднял, буду похожим.)*

Когда эбия говорила эти обязательные слова, люди думали, будто ребенок говорит, что будет похожим на повитуху. На самом деле это были слова аульской эбия, обращенные к небесной повитухе.

По обычаю, эбия первыми купали новорожденного.

ЭМИРЕ

Эмире, емире — мифологическое существо. Этимология этого названия неясна. Существует две формы написания, во втором случае слово *емире* можно считать производным от слова *ем* (корм).

Ногайский писатель Суюн Капаев при жизни подготовил к изданию поэтический сборник под названием «Емире». В архиве писателя есть запись о том, что «емире — это небесное явление». По мнению писателя, ногайцы считали, что в небе есть нечто раскаленное, как железо, которое с наступлением весны падает с неба на землю. Когда от земли начинает исходить пар, старики говорят: «*Емире туйсти, яз келди*» («Емире упало, весна началась»). Падения емире ногайцы ждут с нетерпением. Когда наступает лето, емире снова поднимается в небо.

Исследователь ногайской этнографии Рамазан Керейтов в книге «Ногайцы. Особенности этнической истории и бытовой культуры» дает такую характеристику этому явлению: «К демонам можно отнести и мифическое существо Эмире. Оно никогда не попадает на глаза людям, оживая и появляясь ранней весной в земле. Эмире, поднимаясь на небо, способствует нагреванию воздуха, падая вниз — таянию льда, и вновь уходит в землю. После этого можно начинать весенние земледельческие работы, выгонять скот на летние пастбища» (18, с. 402). В этой же книге ученый приводит высказывание другого ногайского ученого: «А. А. Ярлыкапов считает, что «Эмире — уникальный образ ногайской мифологии, которому пока не найдены аналогии ни у одного народа Северного Кавказа и Средней Азии. В нем обнаруживаются некоторые черты божества плодородия, умирающего и воскрешающего бога» (А. А. Ярлыкапов. Ислам у степных ногайцев в 20 веке. Москва, 1999).

Разногласия в характеристиках очевидны: в одной это небесное существо, в другой — подземное. Некоторые информаторы характеризуют эмире как неодушевленный предмет. Очень часто говорят, что эмире — это большая раскаленная железная болванка, падающая весной в землю и растапливающая лед и снег. Зимой же эмире опять появляется в небе.

ЭМ-СУ – ЦЕЛЕБНЫЙ ИСТОЧНИК

Эм-су — целебный источник. Название состоит из слов: *эм* (лечение) и *су* (вода). Ногайцы считали, что целебные источники возникли там, где прошелся конь пайхамбара (пророка) Дуль-дуль. Этот конь бил копытом землю и открывал целебные источники. Особенно это связывали с районом Минеральных Вод. В старину это место называли Кырк-су (Сорок источников). Ранее, в главе «Аулия», мы приводили «Предание об Уйрек-аже», в котором рассказано об озере, находящемся недалеко от аула Янго-Аскер в Астраханской области. Там тоже конь пророка копытом открыл источник. Вода этого озера помогает людям обрести зрение, исцеляет от неизлечимых психических заболеваний. Целебные воды есть и в других местах Астраханской области, их возникновение тоже увязывают с конем пророка. Ногайская легенда «Эссендуки» записана из уст жителя аула Канглы Минераловодского района Заура Муратова. Легенду обработал автор книги.

Эссендуки

Богат и знатен был ногайский князь Иштереке. Бесчисленные стада и табуны его паслись по раздольным ногайским степям. Синий дворец князя был полон злата и серебра. Народ Иштереке жил в довольстве и прославлял его, желая долгих лет здоровья и благополучия. Самые именитые князья отдавали ему своих дочерей в жены, но ни одна жена не родила ему сына.

В одном из походов князь Иштереке захватил в плен золотоволосую красавицу. Князь полюбил её, и она через год родила ему сына. Наследника! Но вот беда!.. Сын родился очень хилым, без ногтей и волос, и даже ресницы у него не росли. Большую награду обещал князь тому, кто вылечит сына. Со всех концов ханства съезжались к нему в синий дворец знаменитые лекари, но ничего не могли поделать с хворью.

Тогда, совсем исстрадавшись, Иштерек отправился с сыном кочевать: вдруг Аллах проникнется сочувствием к его горю и пошлёт средство спасти наследника. Много рек, много гор объездил князь, но не нашел исцелителя.

По дороге домой его кочевье сделало привал в окрестностях Пятигорья. Один из местных жителей сказал хану, что неподалеку живет затворнической жизнью эмши-лекарь и что он иногда занимается исцелением людей.

Князь взял сына и поехал к лекарю. Подъехал он к юрте, а вокруг нее пар клубится, старика нигде не видно. Заглянул князь внутрь и увидел посреди юрты родник, испускающий пар, разглядел сквозь пар и эмши-лекаря, молящегося Аллаху. Завершив намаз, старик вышел к князю.

Иштерек рассказал о своем горе. Старик взял ребенка и велел князю прийти за ним через семь дней. В указанный срок эмши вернул Иштереку наследника с черными пушистыми ресницами, густыми волосами и ногтями на ногах и руках.

Говорят, что старик лечил ребенка водой из родника. И с тех пор люди стали называть то место, где жил эмши, «есен-тук», — благополучный волос. Сейчас там вырос знаменитый на весь мир курорт, ведь эссентукская вода обладает такими свойствами, что все хвори снимает.

ЭМШИ-АТАЙ

Эмши-атай — мифологический патрон всех лекарей. Перевод имени означает Отец лекарей. В мифопреданиях Эмши-атай оживлял мертвых, сделал снадобье из жира паука ормекшина. Мастерил искусственные зубы для стариков из меди и серебра, связывая их шелковой нитью. В начале 20 столетия на Кубани знаменитого лекаря Ажбекир-апенди Джемакулова тоже называли Эмши-атаем. Рассказывают, что в ауле Тохтамышевский как-то появил-

ся прокаженный, которого отказывались лечить другие целители. Ажбекир-апенди поймал змею, потер ею раны больного, а затем, отпустив змею в траву, проследил, о какие растения трется пресмыкающееся. Собрав отмеченные змеей травы, лекарь сделал снадобье и вылечил прокаженного.

ЭРГЕЖЕЙЛИ

Эргежейли — карлик. Этимология названия восходит к словам *эр* (мужчина) и *кенже* (маленький), *ли* — окончание, характеризующее принадлежность, все это вместе означает карлик, гном. В ногайских мифах говорится, что царь подземной страны эргежейли «*бойы бир карыс, сакалы кырк карыс*», т.е., ростом с карыс (пядь, расстояние между большим пальцем и мизинцем), а борода у него длиною сорок карысов. Владения царя карликов находятся под землею. В мифосказании «Камыр-батыр» (гл. «Камыр») вход в царство эргежейли находится в долине на дне колодца. В одних преданиях царство карликов отделяет озеро, в других — река Тоймадык (Ненасытная), наполненная человеческими слезами. Царь в своем царстве ездит на зайце, иногда выбирается на землю. На земле он ездит на коне, похищает девушек, сокровища и увозит к себе, под землю. Он очень сильный, легко может убить великана дауа.

В родственной казахской мифологии тоже есть персонаж эргежейли. Любопытную характеристику дает ему известный ученый Серикбол Кондыбай: «Эргежейли — мифологический образ, прошедший много этапов смысловой трансформации. Первоначальный образ (или до трансформации) — это Аргы-аже (ерг-аже) — праматерь человечес-

кого рода, богиня-мать и хозяйка страны мертвых. Второй образ (или образ после трансформации) — это «сыновья (или дочери, или слуги) Арг-аже», т. е. ергежейли (аргы аже улы) — дети (позднее — слуги) хозяйки страны мертвых.» (14, с. 109).

ЮВСАН — ПОЛЫНЬ

Ювсан — полынь, трава, символизирующая родину, степь. Полынь — одно из самых распространенных растений в евразийских степях. Она была кормом для овец, она обладала многими целительными свойствами. Ногайцы держали ее в доме, чтобы предотвратить появление злых духов. В древности при переезде на новое место ногайцы вокруг юрты разбрасывали семена ювсана.

Древнерусские летописи донесли до нас замечательную легенду о ювсане, бытовавшую в Дешт-и-Кипчаке у половцев. Интересно то, что в древности название травы писалось как *евшан*, что близко современному звучанию на ногайском языке. Однако русский поэт начала 19 столетия Аполлон Майков полынь почему-то назвал «емшан» и по мотивам летописного произведения написал известную поэму, которую так и назвал: «Емшан». Это же название позже использовал живший в Алма-Ате писатель Морис Симашко и по совету казахского поэта Олжаса Сулейменова написал историческую повесть о знаменитом кипчаком мамлюке Бейбарсе. Свою повесть писатель тоже назвал «Емшан». Подобная легенда о полынь-траве в нескольких вариантах бытует и у ногайцев. Известный ногайский писатель Суюн Капаев использовал эти ногайские предания в повести «Ювсан» и очерке «Червленые буруны». В данной главе мы приведем легенду, в основе которой лежит запись из древнерусской летописи и в которую внесены мотивы ногайских преданий и кое-какие исторические

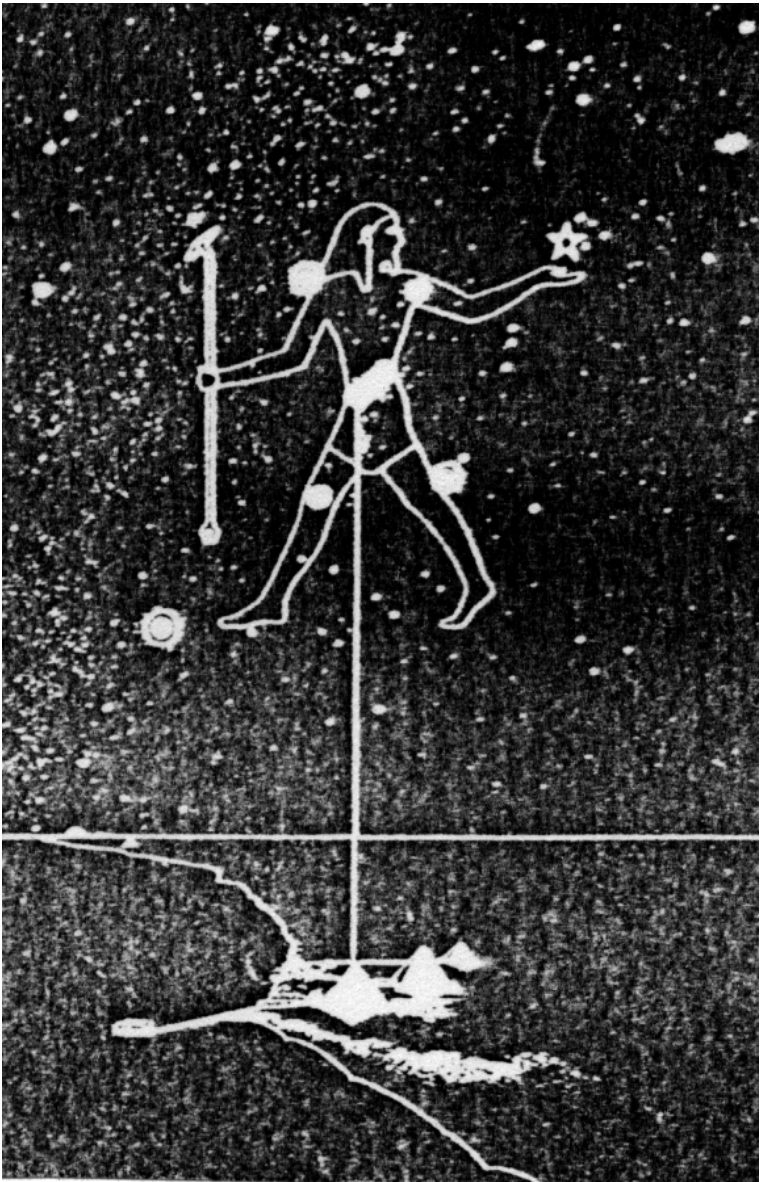
объяснения. Легенду пересказал автор этой книги.

Легенда о ювсане

Когда царь Давид 4 был разбит сельджуками и потерял престол Грузии, то он по совету византийского правителя обратился за помощью к кипчакским (половецким) ханам. Кипчаки охотно помогали соседям, по приглашению византийского императора они участвовали в совместной битве против печенегов, неоднократно участвовали в междоусобицах русских князей. Тем более, что такая помощь никогда не была бескорыстной.

Артык, брат половецкого хана, с сорокопятитысячной конницей перебрался через горные кавказские перевалы. У Давида 4 всего-то в войске было пятнадцать тысяч воинов из грузин, армян и осетин. На подступах к Тбилиси «грузинское» войско, состоящее в основном из кипчакских всадников, разгромило трехсоттысячное арабо-сельджукское войско. Но угроза от сельджуков осталась, и потому грузинский царь не хотел, чтобы степняки покидали его страну. Он одарил кипчаков землей, заключил с Артыком династичный брак, женившись на его дочери Турандохт. Имеющие жен кипчаки привезли из Дешт-и-Кипчака свои семьи, неженатая молодежь женилась на местных женщинах. И тогда, и потом кипчакская речь не была редким явлением в столице Грузии, тем более, что владения, подаренные кипчакам Давидом 4, были рядом с Тбилиси, эта область стала называться Буршалы (Борчалы) по названию рода Бурше, к которому принадлежал военачальник.

Прошло много времени. В Дешт-и-Кипчаке заимог кипчакский хан Сырчан. По обычаю степняков, он должен был передать ханский жезл своему брату. И он послал своих людей к Артыку. Однако послы Сырчана никак не могли уговорить брата вернуться в степи. Вольготно жилось Артыку на чужбине: и богатство было, и войско. Да и воинам нравилось в горной стране. Тогда посол, как предписал

Сырчан, бросил переданный пучок травы ювсан в сидящего Артыка. Артык оторопел. Он поднял с колен пучок травы, понюхал его, и весь преобразившись, восхищенно посмотрел на прибывших земляков. И как бы ни нравилась ему красивая жизнь в Грузии, Артык велел нукерам седлать коней. Как пишет русский летописец, он сказал:

— Да лучше есть на своей земле костью лечи, нели на чуже славно быти!

На родном языке Артыка это звучало: *«Баска ерде солтан болганнан, тувган ерде ултан бол!»* (букв. «Чем возвышаться султаном в чужой стране, лучше «подстилкой» быть на своей родине!»)

Какая-то часть кипчаков осталась с дочерью Артыка Турандохт, а сам Артык с другими единокровниками вернулся в степи. Здесь на родине кипчаки провозгласили его ханом над собой. Сейчас каждому в нашей стране известен сын Артыка Кончак, сват Новгород-Северского князя Игоря — главного героя литературного памятника Древней Руси «Слово о полку Игореве».

ЮЛДЫЗ — ЗВЕЗДА

Юлдыз, йылдыз на многих тюркских языках означает звезда. Для всех народов мира звезды являлись сакральными объектами. До сих пор наука не может до конца объяснить их происхождение. Оригинальные астрономические мифы возникают и в наш прогрессивный век.

У ногайцев сохранилось немало самобытных преданий о возникновении и предназначении астрономических объектов. И, конечно, как многие народы мира, предки ногайцев связывали происхождение звезд с людьми. Они считали, что с рождением человека на небе появляется его звезда, а когда он умирает, эта звезда падает. Если на небосводе падала звезда, то ногаец обязательно произносил: *«Меним юлдызым йогар»* («Моя звезда выше»), т. е., она еще не упала. На человека, одаренного талантом, отличительными способностями, говорили: *«Онынъ тоьбе-*

сине юлдыз тийген» («Его макушки звезда коснулась»), то есть, подразумевали, что талант, способности ему дали небесные силы, звезда, находящаяся на небосводе. Каким-то образом звезды управляли человеческой жизнью. В предыдущих главах мы говорили о мифологических значениях таких звезд и созвездий, как Бабай-юлдыз, Етеген, Самыр-юлдыз, Камбар-юлдыз, Улькер и других.

Живущие в ногайских аулах прорицатели (йорауши) часто предвещали будущие события по расположению звезд. При проведении мероприятий, в ожидании важных событий люди обращались к ним. По этому поводу исследовательница С. Гаджиева пишет следующее: «Прежде чем назначить день свадьбы, ногайцы, как правило, обращались к своим астрологам, которые по расположению планеты Сафарюлдыз («звезда путешествия», очевидно Меркурий) «определяли» наиболее благополучные дни брако-

сочетания. Считалось, что свадебную поездку невесты нельзя совершать в сторону, где виднелась звезда Сафарюлдыз, она должна была находиться позади или сбоку. Существовала также примета, что если звезда окажется впереди арбы невесты, направляющейся в аул жениха, счастья в семье не будет. В таких случаях свадьбу обычно откладывали до «благоприятного» расположения звезды» (20, с. 80).

ЯДЫ

Яды — так называется камень, вызывающий дождь. Но такое имя носил и жрец, умевший управлять погодой. Эти жрецы для проявления своих сил имели специальные камни *яды тас*. Как свидетельствуют китайские летописи, у древних тюрков был храм под названием «Разгоняющий тучи», построенный в честь силы тюркских камов. Перед военным походом тюрки приходили в храм, приносили жертвы и молились о победе.

У кубанских ногайцев сакральным местом считалась местность Ушкур (по-русски Учкурка). По ногайским преданиям в этом месте когда-то были святые могилы, а также был один особый камень, о котором досих пор говорят: «Ушкурда тас бар, авдарсанъ, ямгыр явар» («На Ушкуре камень есть, если его перевернешь, то дождь пойдет»). Ногайский исследователь Рамазан Керейтов пишет: «В верованиях ногайцев есть преклонение перед камнем, вызывающим дождь. Использование камня в магических целях известно многим народам. Раннее письменное известие о магическом камне сата — дабада — яда приводится в 7 веке, в 11 веке о вере в яда сообщал Махмуд кашгарский, в 14 веке — Рашид-ад-дин (С. Б. Малов, 1941, с. 153). По мнению Малова, термин «яда» (с фонетическими изменениями) считается заимствованным с авестийского

«дъата» (волшебство), новоперсидского «дъата» (ворожей), что свидетельствует о раннем влиянии культуры Ирана на древних тюрков (Малов, 1941, с. 154). Путешествуя в 1856 г. недалеко от Семипалатинска, Ч. Ч. Валиханов встретил у казахов заклинателей дождя (джайчи) и записал поверье о камне. Это поверье имеет общие корни с древними представлениями тюрков, «восточные истории говорят о каком-то камне — джуде, имеющем силу призывать дождь, и говорят, что он был дан богом Яфесу, отцу тюрков, в знак особого своего благоволения его потомству» (Ч. Валиханов, 1961, с. 251). В ногайском языке слова «яда», «яды» означают «шустрый», «завлекающий», возможно, корень слова указывал на лицо, которому доверялось перевертывание магического камня. У ногайцев и в настоящее время в некоторых семьях хранятся камни, якобы обладающие мифической силой» (19, с. 385).

На Кубани в ногайском поселке Эркин-шахар возле кургана находились два больших камня (о них писал и Р. Керейтов). Во время обряда вызывания дождя старики обмывали эти камни водой и просили дождя.

В Караногое тоже существовал обряд вызывания дождя в засуху. Но был и другой: когда долго шел дождь, люди просили о его прекращении. Тогда человек, проводивший обряд, клал в куржун (сумку) специальный камешек и кидал его в колодец. Этот камешек назывался яды. Записавший этот обряд фольклорист Т. Акманбетов приводит такие слова, которые обязательно произносились при кидании камня:

*Явын явдырма яды тас,
Терис-турыска кулак ас.
(Останови дождь, яды камень,
Не испорть наше существование,
прислушайся к этому.)*

ЯЛГЫЗ-ТЕРЕК — ОДИНОКОЕ ДЕРЕВО

Ялгыз-терек — одинокое дерево. Ногайцы поклонялись особенным деревьям, которых называли *ырымлы терек*. Их навещали, приносили с собой кусочки тканей и завязывали их на ветках, при этом произносили свои

просьбы к духу дерева. Но почитание распространялось и на растущее в степи одинокое дерево. Его не рубили, старались не ломать ветки. Если путнику встречалось одинокое дерево, то он останавливался возле него и читал дуа (молитву), просил об исполнении заветной мечты. Ногайцы приходили к одинокому дереву и для проведения некоторых обрядов. Приводили тяжелобольных людей для исцеления, собирались при новолунии и совершали танец. Возле одинокого дерева разводили костер и заставляли прыгать через огонь страдающую недугом девушку. Когда исполнялась мечта, загаданное желание, просивший об этом человек возвращался к дереву и вешал на ветках сорок лоскутков материи. Фольклорист Тахир Акманбетов приводит такие слова из песни, которую исполняли под одиноким деревом:

*Ялгыз терек, ялгыз терек,
Яйда берер салкынлык.
Ялгыз терек, ялгыз терек,
Ясынок урса болар отын.
Ялгыз терек, ялгыз терек,
Яралыга эмге керек.
Ялгыз терек, ялгыз терек,
Кар куьреген куьрек.
(Одинокое дерево, одинокое дерево,
В жару дающее прохладу.
Одинокое дерево, одинокое дерево,
Если молния ударит – будет топливо.
Одинокое дерево, одинокое дерево,
Ты для исцеления раненого создано.
Одинокое дерево, одинокое дерево,
Ты собирающая снег лопата.*

Подстрочный перевод – И.К.)

ЯМБАЙ

Ямбай, Джамбай — имя мифического персонажа. В эпических песнях «Эдиге», «Амет, сын Айсыла» Ямбай — один из заметных героев, отличающийся коварством и вероломством. В эпической песне «Эдиге» Ямбай или, как его еще называют, *Кенг-Ямбай* (Широкий Ямбай), является визирем Тохтамыс-хана. Сначала он привлекает ко

двору юного Эдиге, затем устраивает козни, чтобы рассорить его с ханом. Добившись этого, он опять ищет дружбы с Эдиге, стараясь вернуть его в ханскую ставку, но Эдиге не возвращается. Когда Эдиге с сыном Нурадином идут войной на Тохтамыс-хана, Ямбай предает Тохтамыс-хана, а после смерти хана становится приближенным Нурадина. Подговорив дочерей Тохтамыс-хана, посоветовав им прикинуться беременными и указать на Эдиге как на виновника их беременности, Ямбай добивается ссоры Нурадина с отцом (одна из дочерей была предназначена Нурадину). Нурадин изгоняет Эдиге из резиденции. Предварительно сговорившись с пришедшим мстить за отца сыном Тохтамыса Кадыр-берди, Ямбай предает и Нурадина. Нурадин попадает в руки Кадыр-берди и героически погибает в плену, но предварительно успевает покончить с Ямбаем, снеся ему голову саблей.

Образ Ямбая, Джамбая в народном песенном творчестве ногайцев имеет изначальную традицию в той части, которая касается истории выдвижения Чингиз-хана в каганы. В исторической литературе довольно заметную фигуру представляет сподвижник будущего завоевателя мира Джамуха (см. главу «Антлас»). Джамуха и Чингиз-хан, будучи детьми, выпив из одного сосуда напиток со своей кровью, поклялись в дружбе и стали антами. По традиции кочевников, антами становились на всю жизнь. Но Джамуха явно завидовал выдвижению анта и всячески старался воспрепятствовать тому, чтобы он стал каганом. Чингиз-хан не мог переступить через нерушимый для всех степняков обычай и неоднократно прощал измены кровного друга. Но когда вероломство переполнило чашу терпения, Чингиз-хан казнил Джамуху. Очевидно, что ногайское песенное творчество сохраняет преемственность и в имени героя-интригана. Джамуха и Джамбай — это имя одного и того же мифологического персонажа.

ЯМГЫР, ЯМГЫРШЫ — ДОЖДЬ, ДОЖДЕВИК

Ямгыр — название дождя. Сохранилось и другое название — *яуын*, которое в такой же мере используется в современном ногайском языке. Второе название происходит от глагола *яу* (поливать, лить). Название *ямгыр* про-

исходит от имени индоиранского божества Яма. Отец Яма Вивасати — солнечное божество. Яма был первым из людей, кто умер и, открыв путь в иной мир, стал владыкой царства мертвых. Яма сын Солнца и брат Ману, единственного человека, пережившего потоп.

От ногайского названия ямгыр происходит имя Ямгыршы (Дождевик), оно было широко распространено среди ногайского народа и часто давалось знатым людям. Возможно, что это было синонимическим именем божества Андир-Шопай (см. главу «Андир-Шопай»).

С натяжкой можно предположить, что название ямгыр происходит от слов *ян* (душа) и *кир* (входи) и означает Вводящий душу.

В главах «Андир-Шопай» и «Яды» приводились данные об обряде вызывания дождя. Фольклорист Тахир Акманбетов приводит еще одно любопытное предание. В древности, когда бушевала стихия и несколько дней безостановочно шел дождь, чтобы прекратить ливень, тунгыша (первенца) семьи вели на курган. Взобравшись на него, тунгыш поднимал руки к небу и взывал:

*Мен анамнынъ тунгышыман,
Ата юртымнынъ куванышыман,
Ямгыр явма, ямгыр явма,
Кудай тилегимди бувма.
(Я матери первенец,
Я отцовского дома радость,
Дождь, не лей, дождь, не лей,
Моему обращению к богу не препятствуй.)*

ЯСЫНОК — МОЛНИЯ

Ясынок — молния. Молнию распространяло небесное божество Андир-Шопай, а также Топекоз, прикованный к Аскар-тау в облике сазагана (см. главы «Андир-Шопай», «Сазаган», «Топекоз»). В названии ясынок прослеживается ведическое происхождение. Это двухсоставное название состоит из слов *Ясын* (Ясун) и *ок* (стрела) и означает стрела Ясуна.

У ногайцев есть и другое название молнии *айындырык*, происходящее от слов *айы* (добрый дух) и *дуррык*

(плеть), оно означает Священная плеть. Это название свидетельствует о том, что наши предки обожествляли молнию. Если человек, пораженный молнией, умирал, то такую смерть считали «священной», а умерший представлял избранником высших сил. Почиталось и место, куда падала молния. Считалось, что его отметил Тангри. Любопытные факты на эту тему приводит собиратель фольклора Тахир Акманбетов. Люди приходили к месту происшествия и произносили:

*Ясынок – ярык от,
Ерге туьскен Тангри ок!
(Молния – яркое пламя,
Вонзившаяся в землю стрела Тангри!)*

Затем на это место лили ведро молока. В этом месте резали овец и, садясь за трапезу, творили дуа.

Человек, оставшийся в живых после того, как его поразила молния, тоже вызывал к себе особое отношение. Нередко такие люди становились бакши, камами. В исторической литературе немало сведений об этом. Древние турки почитали деревья, пораженные молнией, а лучинки из такого дерева использовали для лекарств. В Астраханской области есть аул с названием «Ясын соккан» («Пораженный молнией»).

В то же время молнии боялись. По этому поводу Тахир Акманбетов приводит такие сведения. Когда на небе сверкала молния, а в доме женщина была одна, она надевала на голову белый платок и, закладывая руки подмышки, произносила:

*Ясынок, ясынок,
Юрттан, малдан эрек бол,
Ясынок, ясынок,
Куьлтобеге ал йол.
(Молния, молния,
От жилища, от скота подальше будь,
Молния, молния,
В золяной бугор цель меть!)*

Когда очень сильно громыало в небе и продолжительное время сверкала молния, аульчане собирались в доме аульского бакши. Бакши исполнял на домбре специальную мелодию и произносил такие слова:

*Ясынок ерди куйдирме,
Басыма ойлар уйдирме,
Ясынок эрек сок, эрек сок,
Яр басына барып сок!*
(Молния, землю не обжигай,
В голову тяжелые мысли не загоняй,
Молния, в даль бей, в даль бей,
В дальнюю кручу целься!)

Говорят, что после этого тучи расходились, и молния обходила аул стороной.

ЯЯ

Яя — известное имя в ногайской антропонимике, несущее в себе мифологическую нагрузку. Хотя это имя часто связывают с именем мусульманского пророка Яхьи, оно более созвучно с именем главного божества алтайских тюрков Яйячи, Яячи. Имя Яя означает Разливающий, Распространяющий свет. В низовьях Кубани сохранилось название речки Ея, по-ногайски произносимое как Яя. В половодье эта река широко разливается.

У ногайцев существовали предания об Яя-батыре (Яя-богатыре), но они не дошли до наших дней.

УКАЗАТЕЛЬ ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. В основу анализа положены фольклорные материалы, содержащиеся в сборниках: Ногай халк йырлары, «Наука», Москва, 1969 г; «Ногайдынъ кырк баътири», Ногай халк баътир йырлар, Махачкала, 1991 г; «Ногай халк эртегилер, Черкесск», 1967 г; «Алал косак», Ногай халк эртегилер, Черкесск, 1985 г; «Домбыра», Ногай халк дестанлары, т.1, Черкесск, 1993 г; Ногайские народные сказки, Наука, Москва, 1979 г; «Къоз ясым нур болсын», Возлавлар, Махачкала, 2009 г; *Сикалиев А. И.-М.* Ногайский героический эпос, Черкесск, 1994 г; Рукописные архивы *Суюна Капаева, Исы Капаева и Тахира Акманбетова.*

2. *Суюнова Н. Х.* Ногайская поэзия 20 века в национальном и общетюркском историко-культурном контексте, ИМЛИ РАН, 2006 г.

3. *Турсунов Е. Д.* Древнетюркский фольклор: истоки и становление, «Дайк-Пресс», Алматы, 2001 г.

4. *Басилов В. Н.* Шаманство у народов Средней Азии и Казахстана, «Наука», Москва, 1992 г.

5. *Сулейменов О.* Собрание сочинений в семи томах, т. 4, кн. 2, «Атамура», Алматы, 2004 г.

6. Мифы народов мира. Электронная энциклопедия. Этруская мифология.

7. Геродот. История, Москва, 2006 г.

8. *Капаев И. С.* Уплывающие тени, раздел «Мародеры Великой степи», Ставрополь, 1999 г.

9. *Капаев И. С.* Гармонистка. Москва, 1985 г.

10. *Капаев И. С.* Мониста. Москва, 2007 г.

11. *Капаев И. С.* Бессмертная смерть. Ставрополь, 2004 г.

12. *Айтмуратов Д.* Тюркские этнонимы. Нукус, 1986 г.
13. *Круг земной.* «Наука», Москва, 1980 г.
14. *Кондыбай С.* Казахская мифология. Алматы, 2005 г.
15. *Крамер С.* История начинается в Шумере. (??????)
16. *Калмыков И., Керейтов Р., Сикалиев А.,* Ногайцы. Черкесск, 1988 г.
17. *Отемиш-хажы.* Чингиз-наме. Алматы, 2005 г.
18. *Эвлия Челеби.* Книга путешествий, т. 2, Москва, 1979 г.
19. *Керейтов Р.* Ногайцы. Особенности этнической истории и бытовой культуры. Ставрополь, 2009 г.
20. *Гаджиева С.* Очерки истории семьи и брака у ногайцев 19 – начала 20 века. Москва, 1979 г.
21. *Календарь и календарная обрядность народов Карачаево-Черкесии.* Черкесск. 1989 г.
22. *Эдвин К.* Крапш. Легенды и предания. Москва, 2000 г.
23. *Гумилев Л. Н.* Древняя Русь и Великая степь. Москва, изд-во «Мысль», 1993 г.
24. *Нарты.* Героический эпос балкарцев и карачаевцев. Изд-во «Восточная литература», Москва, 1994 г.
25. *Акманбетов Т.* Сынтастынъ йылувы. Махачкала, 2008 г.
26. *Гумилев Л. Н.* Черная легенда. Из-во «Экопресс», Москва, 1994 г.
27. *Лубсан Данзан.* Алтан Тобчи. Из-во «Наука», Москва, 1973 г.
28. *Жирмунский В. М.* Тюркский героический эпос.ю Москва, 1974 г.

ИСТОЧНИКИ ПРЕДАНИЙ И ЛЕГЕНД:

1. Рождение Эдиге (Отрывок из эпической песни Эдиге). Опуб.: г-та «Ленин йолы».

2. Агаш киси. Опуб.: Уплывающие тени, с.206. Перевел автор.

3. Легенда об Ак-топырак. Р.А. И.Капаева, записал автор в 1973 году от Аланы Стамбуловой из аула Мангыт-Артезиан Нефтекумского района Ставропольского края. Пересказал автор.

4. Встреча с албаслы. Опуб.: Уплывающие тени, записала в 1969 году Кельдихан Кумратова от Ахмеджана Кумукова из аула Икон-Халк КЧР.

5. Рассказ райкомовского работника. Опуб.: Уплывающие тени с.204, записала Кельдихан Кумратова в 1969 году от Катай Кубекова в ауле Икон-Халк КЧР.

6. Батыр-кади с волчьей душой. Опуб.: Сынтастынъ йылувы, с.150. Пересказал автор.

7. Его назвали Алдар-косе. Опуб.: Алал косак, записал Т.Акманбетов от Тамев Сабутовой из аула Кунбатар Республики Дагестан. Перевел автор.

8. Алдар-косе и шайтан. Опуб.: Шихмурзаев, с.58-59. Перевел автор.

9. Шерстяной младенец. Опуб.: Козьясым, с.88-89. Пересказал автор.

10. Легенда о Буланбае. Опуб.: Сынтастынъ йылувы, с.14. Перевел автор.

11. Шестиногий аргамак и Кенжебай. Опуб.: Шихмурзаев, с.3. Перевел автор.

12. Встреча с арнаутом. Опуб.: Домбра, с.104. Перевел автор.

13. Добром на добро. Опуб.: Алал косак, с.24. Перевел автор.

14. Эсен-бий (Отрывок из эпической песни «Эдиге»). Опуб.: г-та «Ленин йолы». Перевел автор.

15. Легенда об Уйрек-аже. Р.А. И.Капаева, записал автор в 1973 году от Рива Галиева в г.Астрахани. Пересказал автор.

16. Как Озбек-хан принял ислам. Оpub.: Отемиш-хажы. Чингиз-наме. Алматы, 2005 г. с.176-180. Перевел автор.
17. Легенда о Бабае. Оpub.: В.Казаков, Звезда Бабай, повесть, из-во «Молодая гвардия», 1985 г. Записал Валерий Казаков от Сепера Казакова из аула Эркин-Халк.
18. Жадная старуха. Оpub.: Алал косак, с.27. Перевел автор.
19. Гадальщик Кузнечик. Оpub.: Шихмурзаев, с.50. Перевел автор.
20. Легенда о Балыш. Оpub.: Уплывающие тени, с.38. Пересказал автор.
21. Голова Тохтамыс-хана (Отрывок из эпической песни «Эдиге»). Оpub.: г-та «Ленин йолы».
22. Подвиг пастуха. Оpub.: Алал косак, с.19. Перевел автор.
23. Алты арык. Оpub.: И.Капаев, рассказ «Бердази», журнал «Дружба народов» №5, 1975 г.
24. Бес кыз. Р.архив С.Капаева, записал в 1962 году от Абдуллы Сатемирова из аула Икон-Халк. Пересказал автор.
25. Происхождение Ашины. Бессмертная смерть. Реконструкция автора.
26. Атаман Карагул. Р.архив И.Капаева, записал в 1974 году Темиржана Керейтова из аула Эркин-Халк. Пересказал автор.
27. Завещание отца. Оpub.: Алал косак, с.61. Перевел автор.
28. Легенда о домбре. Оpub.: Бессмертная смерть, с.237-238.
29. Легенда о Зухре. Оpub.: г-та «Ногай давысы», №27, 1992 г.
30. Легенда о Елли-кая. Оpub.: Ногай халк йырлары, составитель С.Калмыкова, записал А-Х. Джанибеков в 1923 году от Макой Етекулова в ауле Орак-эли, с.100. Пересказал автор.
31. Три девушки и елмауызы. Оpub.: Калмыкова, с.20. Перевел автор.
32. О сотворении человека. Оpub.: Уплывающие тени, с. 142-143, пересказал автор.
33. Предание о Мо-туне. Оpub.: Мониста, с.176.
34. Легенда об Етегене Оpub.: С.Капаев, Ногайдынъ уйи, Черкесск, 1994 г. Перевел автор.
35. Об Йийренши-шешене. Оpub.: Шихмурзаев, записал А-Х. Джанибеков, с.44.
36. Рассказ Юмау-агая из Кумлы. Р.архив С.Капаева, пересказал автор.
37. Рассказ Эдиль-бая. Р.архив С.Капаева, пересказал автор.

38. Коту – мышшь, змее – нора. Оpub.: Алал косак, записала Кельдихан Кумратова от Янсарай Кумуковой из аула Икон-халк, с.10. Перевел автор.

39. Легенда об Арукыз. Оpub.: С.Капаев, Саьвле, стихи и поэма, 1987 г., прозаическое изложение автора.

40. Легенда о Камбаре. Оpub.: электронный сайт Отукен, записал автор в 1973 году от Азамата Лайшукова из аула Эркин-Юрт. Реконструкция автора.

41. Камыр-батыр. Оpub.: Шихмурзаев, записал А-Х.Джанибеков, с.14.

42. Легенда о ногайской камче. Оpub.: Сынтастынь йылувы, с.14. Перевел автор.

43. Легенда о Доспамбет-ага. Оpub.: Уплывающие тени, с.251-252, Реконструкция автора.

44. Предание о Кара-бапий. Оpub.: Сынтастынь йылувы, с. 143.

45. Сказка о лгунье. Оpub.: Мониста, 2007 г. с.162. Записал Иса Капаев от Ажи-Тотай Абишевой из аула Эркин-Юрт. Реконструкция автора.

46. Ласточка, змея и комар. Оpub.: Калмыкова, с.61. Перевел автор.

47. Предание о Кир-койлеке. Оpub.: Алал косак, с.14. Перевел автор.

48. О сроке жизни. Оpub.: Гармонистка, с.142-143. Реконструкция автора.

49. Предание о кобузе. Оpub.: С.Капаев, Ногайский дом. Реконструкция автора.

50. Легенда о Кой-коле. Оpub.: С.Капаев, Юрек сырларым, Черкесск, 1967 г. Прозаическое изложение автора.

51. Легенда о Коркуте. Оpub.: Уплывающие тени, с.232.

52. Песня о Котен-батыре. Оpub.: Шихмурзаев, с.78. Пересказал автор.

53. Предание о Киян-кыз. Оpub.: Уплывающие тени, с.275-276. Записал автор от Заура Муратова из аула Канглы.

54. Легенда о возникновении светил. Оpub.: Сынтастынь йылувы, с.144-145, пересказал автор.

55. Как верблюда обманули. Оpub.: Алал косак, с.6. Перевел автор.

56. Ответы манка-кус. Оpub.: Алал косак, с.10. Перевел автор.

57. Перисте Шора-батыра. Оpub.: Бессмертная смерть, с. Пересказал автор.

58. Пять самыров. Р.архив И.Капаева, записал автор от Заура Муратова из аула Канглы. Пересказал автор.

59. Булкай из Орак-эли. Оpub.: Гармонистка, записал автор 1980 году от Харуна Булкаева из аула Эркин-юрт. Пересказал автор.

60. Малоаральские чудеса. Оpub.: электронный сайт «Сеит-Баба».

61. Происхождение князей Сунжевых. Р.архив, записал автор от Якуба Суиндикова из аула Эркин-Юрт. Пересказал автор.

62. Старик и Су-анасы. Оpub.: учебник ногайского языка «Тувган тил», Черкесск, с.53, 1976 г. Перевел Аж.Ногай (Найманов)

63. Предание о княгине Тотай. Р.архив И.Капаева, записала азербайджанская исследовательница Светлана Алиева от жителя аула Карамурзинский. Реконструкция составителя.

64. Легенда о степном Прометее. Оpub.: Сынтастынь йлыуы, под названием Топекоз. Пересказал автор.

65. Шапка Тотыра. Оpub.: Бессмертная смерть, с. , обработал и пересказал автор.

66. Тутар и волчица. Р.архив С.Капаева. Пересказал автор.

67. Синяя шапка Эдиге. Оpub.: Бессмертная смерть, с. Записала Хаджат Утакаева из аула Эркин-халк, обработал и пересказал автор.

68. От беды спасающее Небесное копыто. Оpub.: Алал косак, с.21. Перевел автор.

69. Девочка с гармошкой. Оpub.: Мониста, с.151, записал автор от Ажи-Тотай Абишевой из аула Эркин-Юрт. Пересказал автор.

70. Легенда о происхождении рода ускуби. Р.архив Т.Акманбетова. Пересказал автор.

71. Легенда о Летающем хане. Р.архив И.Капаева, записал от Ажи-Тотай Абишевой из аула Эркин-Юрт автор. Пересказал автор.

72. Легенда о Шолпан. Р.архив И.Капаева. Записал И.Капаев от Аши-Тотай Абишевой из аула Эркин-Юрт. Пересказал автор.

73. Легенда Эссентуки. Оpub.: Мониста, с.152. Записал автор от Заура Муратова из аула Канглы. Пересказал автор.

74. Легенда о ювсане. Оpub.: Повесть временных лет, Москва, 1950 г. Реконструкция автора.

Сокращения:

Г-та «Ленин йолы» — Газета «Ленин йолы» №44-45, от 27 апреля 1991 года, Эпическая песня «Эдиге», сводный текст составил Иса Капаев на основании записей А.-Х. Джанибекова и записи составителя от Курая Лукманова из аула Калинин Ногайского района республики Дагестан.

Шихмурзаев – Ногай эртегилер. Тузуювши Д. М. Шихмурзаев. Махачкала, 1993 йыл.

Калмыкова – Ногай халк эртегилер. Тузуювши С. А. Калмыкова. Черкесск, 1967 йыл.

Алал косак – Алал косак, ногай халк эртегилер. Тузуювши Т. Акманбетов. Черкесск, 1985 йыл.

Сынтастынъ йылувы – Т. Акманбетов. Сынтастынъ йылувы, повесть эм хабарлар, Махачкала, 2007 йыл.

Гармонистка – И. Капаев. Гармонистка, повести и рассказы, Москва, 1985 год.

Уплывающие тени – И. Капаев. Уплывающие тени, повесть и историческое эссе, Ставрополь, 1998 год.

Бессмертная смерть – И. Капаев. Бессмертная смерть, историческое эссе, Ставрополь, 2004 год.

Мониста – И. Капаев. Мониста, повесть, рассказы, миниатюры, стихи, сказки, Москва, 2008 год.

Козясым – Козясым нур болсын, бозлавлар. Тузуювши Т. Акманбетов. Махачкала, 2009 йыл.

Р. архив С. Капаева – Рукописный архив С.И.Капаева.

Р. архив И. Капаева – рукописный архив И.С.Капаева.

Р. архив Т. Акманбетова – рукописный архив Т.А.Акманбетова.

Список иллюстрации:

1. На 1и 4 стороне обложки рисунки художника А. Капнинова.
2. На стр.: 8, 55, 99, 137, 143, 154, 159, 246, 255, 257, 299, 365, 377, 382 графические рисунки художника К. Зарманбетова.
3. На стр. 194 графический рисунок художника С. Утемисова.
4. На стр. 48 изображение на скифской бляшке, на ней два скифа дают обет братства-антлас.
5. На 177 и 402 страницах иллюстрации из книги Р. Бьювела, Э. Джилберта «Секреты пирамид» (из-во «Вече», 1997 г.). Художник Робин Кук.
6. На стр. 374 изображения птиц Умай на археологических находках. Журнал «Курьер Юнеско» (январь 1977 г.)

СОДЕРЖАНИЕ

От автора 3

А

Аба – прародительница	5
Агаш ангалак – лесная охотница	6
Агаш-киси – лесной человек	10
Ажи йол – Млечный путь	10
Азазил	11
Ази – знак неба	12
Аздага – дракон	12
Ае – бабушка	14
Ай – луна	15
Айдар	17
Айы – священный дух	18
Ак	19
Ак-топырак – земля обетованная	19
Албаслы	22
Алдар-косе	26
Алем дунья – мироздание	29
Алп	39
Алтыншаш – Золотоволосая	39
Аман-бийке – Злая госпожа	40
Ана – мать	41
Андир-Шопай – Божество плодородия	45
Антлас – побратимство	47
Ангишбай – Охотник	49
Аргамак, ат	51
Арнаут	64
Аруак – дух предков	65
Аса-Муса	67
Асан Кайгылы	73
Аса-таяк	77
Аскар-тау – Мировая гора	77
Аспанбет	80
Асык – альчик	81
Ата – отец	82
Аталык – воспитатель	84
Ауа – Ева, воздух	86
Аулие – святой	86
Ахмет-кая	90

Б

Баба – предок	93
Баба-гас – предков камень	101
Байтерек – Мировое дерево	103
Бакши	110
Балшы	112
Балыш	117
Баркая	119

Бас, кубас, така	119
Бас кетеру той – праздник первой стрижки головы	123
Бастырык	123
Вердази	124
Бес кыз – Пять девушек	126
Бет ашар, бет йылыту	128
Бий	130
Бияла – зеркало	130
Бозлау – причитания	131
Бори – волк	133
Босага – порог	138

Г

Геракл	139
------------------	-----

Д

Дау	146
Дию	151
Дивана	151
Домбра	151

З

Заяц	156
Зухра	157
Зенгир-ата	158

Е

Езтырнак	160
Ек	160
Ел – ветер	161
Елли-кая	161
Елмауыз	164
Елмая	168
Ер-неси – Владыка земли	169
Ер-су	171
Етеген – Большая медведица	171
Ети – семь	173

И

Ие – владыка	174
Иесими – имя	174
Ийт – собака	176

Й

Йиренши-шешен	179
Йин	182

Йылан, ормеган, Оран-телегей	185
Йылгын	191
Йырау	192

Ж

Казан – котел	196
Кам, камлаушы, кагымшы	198
Камбак – перекасти-поле	202
Камбар, Камбар-ата, Йылкышы-ата	205
Камыр-батыр	208
Камшы – плеть	218
Кантулык	226
Кара-бапий	226
Каракус	227
Карлыгаш – ласточка	231
Каратон	234
Кет-Буга	234
Кие	237
Кир-койлек	239
Киси – человек	241
Кобыз	243
Кой-коль – Овечьё озеро	245
Кокек-батыр – Кукушка-богатырь	247
Конаяк	249
Конгыр каз, ак каз	249
Коркут	249
Котен-батыр	251
Кув, ак-кув – лебедь	256
Кубай	259
Кудирбай	260
Куйын	261
Кун – солнце	262
Куркалдай	264
Курткашык – радуга	265
Кут	265
Кызгыш-кус – чибис	267
Кыдырлы-яс	268
Кыдыр-нияз	268
Кылыш – сабля, меч	269
Кырк – сорок	270

М

Манас-коль	273
Муиз – рог	273
Мушель	274
Мыс	277

Н

Нарт	278
Науруз	279

О

Обыр	287
Обыр-кус, манка кус, япалак	288
Огуз-хан	289
Ойсыл-кара	292
Олик-ер — место мертвых	293
Омирзая — горицвет	294
Орайда	295
Орей	296
От, от-иеси, от-абай, от-ана	297
Отюкен	301

П

Пари, перисте	303
-------------------------	-----

С

Сабантой — Праздник плуга	306
Саз	309
Сазаган	310
Самыр	312
Сандрак-тарту — Бредовая мелодия	317
Сарайчик	319
Сарыгыз — Желтоволося	321
Сеит-баба	321
Су-ат	326
Су-иеси — Владыка воды	328
Суйдимтаяк	332
Сульдер	334
Сутлес	337
Сыбра Шопбаслы йырау	339
Сыхыр аяк — волшебная чаша	341

Т

Таварых	343
Тажель	343
Тангри	344
Тепреш	346
Тобет	347
Тогас	347
Тонау	347
Топана, Ала-топан	348
Топекос	348
Тотыр, Тутар	354
Тув, байрак — знамя, флаг	357
Тук, шаш, кыл, юн	359
Тул	363
Тулпар	364

Турна – журавль	369
---------------------------	-----

У

Ув-ауыз	371
Уй-иеси – Владыка дома	371
Улькер – Плеяды	372
Умай – Богиня плодородия	373
Ускуби	379
Ушаркар – Орион	381

Ф

Факельное шествие	386
-----------------------------	-----

Ш

Шабден – подснежник	388
Шабтай - Сатурн	389
Шексек-ата	390
Шолпан - Венера	390
Шопан-ата	393

Э

Эбия – повитуха	395
Эмире	395
Эм-су – целебный источник	396
Эмши-атай	398
Эргежейли – гном	399

Ю

Ювсан – полынь	400
Юлдыз – звезда	403

Я

Яды	405
Ялгыз-терек – одинокое дерево	406
Ямбай	407
Ямгыр, Ямгыршы – дождь, Дождевик	408
Ясынок – молния	409
Яя	410

УКАЗАТЕЛЬ ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	412
ИСТОЧСТОЧНИКИ ПРЕДАНИЙ И ЛЕГЕНД	414
Сокращения	418
Список иллюстрации	418

Иса Суюнович Капаев

НОГАЙСКИЕ МИФЫ ЛЕГЕНДЫ И ПОВЕРЬЯ

Опыт мифологического словаря

На русском языке

Редактор-корректор

И. С. Капаев

Художественное редактирование и верстка

А. Я. Унежова

Технический редактор

А. Я. Алимова

Подписано к печати 06.06.12.

Формат 84x108^{1/32}. Бумага офсетная.

Гарнитура «SchoolBookСТТ». Печать офсетная.

Усл. печ. л. 21,8. Усл. кр.-отт. 22,2. Уч.-изд. л. 26,3.

Тираж 700 экз. Заказ №

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ОАО «Издательско-полиграфическая фирма
«Ставрополье». 355035, г. Ставрополь,
ул. Спартака, 8.

К 298

Капаев И. С. Ногайские мифы легенды и поверья.
г. Москва. 2012 — 424 с.

ISBN 978—5—7117—0678—6

84 (2Рос-Ног)6